ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 11

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 11

Москва
Академия исторических наук
2008

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4
О80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 11. — М.: Академия исторических наук, 2008.- 457 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-13-0 (т.11)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских воинов-интернационалистов Афганской кампании 1979-1989 годов, подготовленные в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 42-х ветеранов г. Москвы, участвовавших в этой войне.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются ветераны-авторы статей и их студенты-помощники, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице www.ainros.ru Академии исторических наук размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства Муниципального образования «Басманное» в городе Москве (Руководитель Мороз Ивисталина Васильевна)

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-13-0 (т.11)
ISBN 5-903076-05-X

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали

появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и

издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,

- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института (государственного технического университета) была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе, а Краснодарского края в 9-м томе настоящего издания.

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор центра - профессор В.С. Порохня), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 года №

ФАО-14868/12-16 рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению преподавателей истории и студентов для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, имеется возможность внедрения новой элективной формы в учебный процесс кафедр истории российских университетов, которая позволит оказать помощь всем российским ветеранам войн в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании.

В конце 2008 года Академия исторических наук совместно с кафедрой истории Московского авиационного института и Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы» провели эксперимент по подготовке ветеранами воспоминаний об их участии в боевых действиях в 1979-1989 годах в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. В результате этого эксперимента создан 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» с воспоминаниями ветеранов и отработана методика взаимодействия ветеранов-интернационалистов со студентами, которая будет предложена для использования в других университетах России в порядке элективной формы учебного процесса кафедр истории.

Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» - «Никто не забыт, ничто не забыто».

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания очередных томов.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук
Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке
Попов Дмитрий Игоревич
Председатель Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы»

Предисловие к 11-му тому

Ветераны Афганской войны, как и других войн, уходят… Время берет свое, стирается из памяти многое из того, что было пережито: отдельные подробности, события, факты, людские судьбы, человеческие взаимоотношения и те чувства, которые испытывал наш солдат, находясь там, «за речкой».

Если ветераны Афганистана не успеют написать свою правду о войне, то за них её напишут другие. Но эта будет уже правда не тех, кто видел войну, и не тех, кто участвовал в ней.

Издание этой книги воспоминаний - попытка рассказать об ощущениях и эмоциях воинов - разных по возрасту и национальности, должности и званию. Это желание увековечить героизм, проявленный ими при выполнении боевых задач на южных рубежах нашей Родины.

Надеюсь, что этот многотомник положит начало общедоступным публикациям воспоминаний ветеранов Афганской войны 1979-1989 годов, которые откроют ее малоизвестные страницы. Уверена, что мемуары «афганцев», от солдата до генерала, будут интересны не только историкам и публицистам, но и молодому поколению, желающему узнать больше об истории своей страны, о жизни и подвигах наших солдат, воспитанных на примере высшей воинской доблести, мужества и отваги своих отцов и дедов.

Мороз Ивисталина Васильевна
Руководитель внутригородского
Муниципального образования
«Басманное» в городе Москве,
Председатель муниципального собрания

Авдеев Геннадий Петрович

В мой кабинет залетела неуправляемая ракета

Я родился 8 июня 1940 года в городе Усть-Джегута Ставропольского края.

После того, как я закончил Архангельское мореходное училище, работал в Центральном конструкторском бюро номер №8 в Ростове-на-Дону. Потом поступил в Институт восточных языков при МГУ (сейчас - Институт стран Азии и Африки МГУ), который закончил в 1969 году, и в 1970 году уехал в Иран в качестве переводчика на строительство Исфаганского металлургического завода.

После возвращения из командировки поступил на работу в Союз советских обществ дружбы (ССОД), который возглавляла Валентина Владимировна Терешкова, работал в центральном аппарате этой организации. Был в зарубежных командировках в качестве представителя ССОД в Иране, Афганистане, Пакистане. Мое пребывание в Афганистане с 1985 по 1987 гг. в должности 1-го секретаря советского посольства в Кабуле совпало с военными действиями Советской армии в Афганистане.

Первым ярким впечатлением для меня стали горы Гиндукуша. Они поразили меня своей громадностью, величественностью и монументальностью. В первый раз я

приехал в Афганистан в 1975 году, когда о будущей гражданской войне и участии нашей армии в боях против противников коммунистического режима - афганских повстанцев, или, как их называли в советской печати, «душманов», не было малейшего намека.

Тогда меня поразила вековое спокойствие этой страны, которая, казалось, уснула среди своих высоких гор. Афганистан прозябал в нищете на обочине мировой цивилизации, замыкая список бедных стран с мизерным доходом на душу населения. Мне казалось, что быстрее горы Гиндукуша сойдут со своих мест, чем общественно-социальные перемены коснутся этой древней страны.

Однако, не прошло и пяти лет после свержения в 1973 году короля Захир Шаха, как в этой стране со скоростью степного пожара пронеслась череда кровавых убийств первых лиц государства, и в стране воцарился политический хаос. Апогеем катастрофы стала революция 27 апреля 1978 года, которая стала постепенно втягивать в свою смертельную круговерть - все больше и больше, местное население, разделившееся на противников и сторонников новой власти.

Как потом выяснилось, противников оказалось гораздо больше, если не сказать, что практически все население Афганистана взбунтовалось против афганских коммунистов. Междоусобица среди афганских политиков и возможность потери Афганистаном статуса нейтрального государства, что создавало угрозу безопасности Советского Союза, вынудили советское руководство сделать роковой шаг, введя в 1979 году в Афганистан Ограниченный контингент советских войск.

Приехав в Кабул в 1985 году в качестве первого секретаря посольства, я попал в обстановку военной жизни и окунулся с головой в работу. На меня была возложена обязанность директора Дома советской науки и культуры (в обиходе его афганцы и советские специалисты называли «Культурным центром»), который располагался на улице Дарольаман, пересекавшей афганскую столицу с юга на север.

Дом располагался в новом, специально построенном для этой цели здании, архитектура которого выпадала из общей картины городского пейзажа своей необычной формой. Никто не мог не обратить на него внимания, проезжая мимо странного комплекса, напоминающего своими резкими

угловатыми формами скорее туристический центр где-нибудь в альпийских горах Швейцарии. Он никак не гармонировал с афганской традицией строительства общественных зданий, в которой функциональность построек сочеталась с мягкостью линий и украшением фасадов восточным орнаментом из изразцовых плиток, подчеркивающих голубое кабульское небо и художественный стиль старых афганских мастеров.

Проектировал этот дом архитектор из Кипра, получивший образование в Московском архитектурном институте, который меньше всего был знаком с традиционным восточным градостроительством и афганским, в частности. Этот маленький пример также подтверждает, что ответственные советские чиновники плохо представляли афганскую действительность, вкладывая миллионные народные деньги в проекты, которые ни по духу, ни по содержанию не отвечали своему назначению, а только вызывали раздражение у местного населения насаждением чуждой им культуры. Сейчас этот дом в результате гражданской войны разрушен и разграблен мародерами, а в уцелевших жилых и служебных помещениях обитают афганские беженцы.

Если придет время нам возвращаться в Афганистан (а я надеюсь, что оно придет – Афганистан был и останется нашим ближайшим соседом, с которым Россия имела длительные дружеские исторические связи), то этот дом не следует восстанавливать в его прежнем виде. Его нужно разрушить до конца, поскольку он не несет ни одной черты, в которой бы отразились элементы русской или афганской самобытной культуры. В памяти он останется как пример неудачного сотрудничества в области культуры, когда в нее вторгаются не специалисты, а чиновники.

Не удивительно, что советский культурный центр был всегда объектом афганского подполья для планирования и свершения терактов, символом присутствия в стране враждебных оккупационных сил, пришедших установить чуждый порядок и сохранить антинародную власть. Заинтересованность в совершении теракта против культурного центра подогревался еще и тем, что он часто использовался афганцами для проведения различного рода совещаний и конференций, на которых присутствовали высокопоставленные партийные, государственные и военные

деятели, дипломаты иностранных посольств. И поэтому взрыв здания или его обстрел реактивными снарядами мог вызвать многочисленные жертвы.

Один из таких обстрелов с противоположного берега речки Кабулки чуть не закончился для персонала центра трагическими последствиями, когда ракета пролетела мимо моего кабинета, разорвавшись во внутреннем дворике, а вторая угодила в угол здания, тяжело контузив нашего солдата из внешней охраны.

Мне часто приходилось выезжать к нашим войскам и видеть, как наши ребята стойко переносили тяготы войны. В частности, я вспоминаю выезд группы советских писателей на север Кабула, на Кундузскую дорогу, где душманы (повстанцы) постоянно обстреливали Кабул. Это место находилось в ложбине между горами. В так называемой «зеленке» - местах посадки деревьев, где прятались повстанцы. Нашим артиллеристам было приказано выдвинуться на передовую позицию и окапаться на каменистой высотке, чтобы взять под обстрел эту зеленую зону. Мы выехали где-то часов в 10 утра. Это была небольшая высота, но даже чтобы на такую высоту доставить орудия, нужно было затратить большое количество физической энергии. Чтобы защитить наши расчеты, было приказано закопать пушки. Мы попали как раз в тот момент, когда ребята под сильнейшим палящим солнцем долбили каменистую почву, оборудуя боевые ячейки и маскируя пушки в зоне обстрела. Ребята все были молодые – по 19-20 лет, еще мальчишки. Я еще тогда подумал, что ребятам выпала такая тяжелая судьба - сразу же после окончания школы, пройдя курс военной подготовки в армии, попасть на фронт, без флангов на самые опасные участки. Приходилось не только воевать с неприятелем, но и испытывать большие неудобства и тяготы армейской жизни. Афганистан – это страна с суровым климатом, где колебания температуры достигают летом до + 50 градусов, а зимой до -20. Жить на высоте 1700 метров над уровнем моря для афганцев считается нормой. В таких условиях не только воевать, но просто жить очень тяжело. Война в Афганистане была суровой школой жизни, и те, кто ее прошел, получили закалку на всю жизнь.

Пожалуй, самыми яркими впечатлениями афганского периода, которые остались в памяти – это посещения наших застав вокруг Кабула. Особенно запомнилось посещение 13-й и 15-й застав в долине Бехсабз, куда мы выехали с группой писателей, в которую входили Ким Селехов, Валерий Поваляев и другие. Эта поездка началась утром и закончилась поздно вечером. Сидя сверху на бронетранспортере, уставшие и запыленные, мы долго не могли прийти в себя от оглушительных выстрелов самоходки, обстреливавшей прилегающую высоту в течение всего времени нашего пребывания на 15-й заставе. Это был превентивный обстрел, чтобы помешать передвижению по горным тропам подвижных диверсионных групп душманов.

Наш бронетранспортер шел, плавно ныряя по пересеченной местности, которая была залита светом огромной луны, висевшей как будто прямо над нашими головами. При свете яркой луны долина и сама походила на лунный пейзаж. Вокруг не были видно ни одного огонька, вокруг, насколько видел глаз, была безжизненная пустыня.

Представлялось, что Бог заново создавал мир из первозданного хаоса. А ведь до войны эта долина была самая плодородная, славившаяся сочным сладким виноградом, который привозили не только в афганскую столицу, но и в другие районы Афганистана и Пакистана. Однако, за годы войны весь виноградник долины погиб, и его засохшие лозы, скрученные жгучими ветрами, в лунном свете казались кладбищем давно вымерших животных, останки которых были занесены песком. Некому было ухаживать за виноградником – все подались в горы воевать против «шурави» - советских солдат.

Не только по причине нехватки людей погибли виноградники бехсабзской долины. Даже если бы все крестьяне побросали бы оружие и вернулись бы в свои деревни, они все равно не смогли бы оживить виноградные лозы, потому что исчезла вода – она ушла под землю. Дело в том, что из-за нехватки воды, которая в Афганистане ценится на вес золота, крестьяне веками строили подземные колодцы, из которых вода использовалась для орошения земли. Эти колодцы (на местном наречии кяризы) представляют разветвленную подземную сеть ходов разного уровня,

которыми стали пользоваться душманы, спасаясь от преследований или для укрытия при подготовке диверсионных вылазок против нашей армии. Часто, загнанные под землю, афганские боевики оставались в этих кяризах навечно, погребенные толщами земли после того, как их забрасывали гранатами.

Я и мои коллеги из советского культурного центра много работали в афганской армии. Работа носила пропагандистский характер. Приходилось видеть и смерть, и увечья, и ранения. В Кабуле находился Центральный кабульский военный госпиталь, в который привозили тяжелораненых солдат. Их там лечили какое-то время, чтобы дать организму время окрепнуть, а потом переправляли на нашу территорию. Когда мы приходили в палаты и видели наших раненых ребят, их было по-человечески жалко. Какая же тяжелая судьба им выпала – им, молодым, находиться за пределами родной страны и воевать с врагом чужого государства. Афганская война рассматривалась советским руководством не только как поддержка афганских коммунистов, пришедших к власти в результате Апрельской революции 1978 года, но и как защита южных границ Советского Союза. Солдатский долг наши ребята выполнили полностью. Проявляя героизм и лояльность к мирному населению.

Было огромным счастьем для нас остаться в живых. Как я уже говорил, однажды в мой кабинет залетела неуправляемая ракета, запущенная с противоположного берега Кабулки. Она проломила стену и вышибла дверь. Сам снаряд разорвался во дворе. В здании как раз накануне был афганский партийный актив. Повстанцы, через своих агентов, следили за работой нашего культурного центра. Днем они, конечно, боялись устанавливать свои ракеты, а под покровом ночи они в тот день успели сделать три запуска ракет. Но мероприятие закончилось, и, в общем-то, почти обошлось без жертв. Пострадал часовой из охраны. Конечно, эти неожиданные обстрелы создавали нервозность.

Другой случай произошел, когда мы с женой сопровождали делегацию из Азербайджана, которая приехала в Кабул в 1985 году на праздник 7 ноября. Душманы выследили делегацию и совершили террористический акт. К партийному гостиничному комплексу, в котором находилась

делегация, подогнали легковой автомобиль, начиненный взрывчаткой. Делегация в тот день посетила школу и детский сад. Вернувшись в гостиницу мы отправились на ужин. После ужина нам по восточной традиции предложили душистый афганский чай. В этот момент раздался мощный взрыв, в результате которого погибло почти половина охраны этого комплекса. Члены делегации не пострадали, и наши афганские коллеги быстро и оперативно вывезли их с места происшествия.

Нам часто приходилось выезжать на объекты советско-афганского сотрудничества: Кабульский политехнический институт, завод по ремонту автомашин, хлебозавод и другие объекты. На каждом из этих объектов были комнаты советско-афганской дружбы, где проводились совместные собрания, отмечались национальные праздники, и афганские, и советские. Среди афганцев было много таких, кто очень дружелюбно относился к нам. Революция дала им возможность и учиться, и получать высшее образование в СССР, и в этом отношении Советский Союз оказал огромную помощь Афганистану в развитии страны.

В культурном центре проводилось много концертов. На нашу площадку приезжали выступать настоящие звезды советской эстрады: Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Александр Розенбаум. Публика очень тепло принимала гостей. На одном из таких концертов Александр Розенбаум исполнял песню «Черный тюльпан». Слова этой песни до сих пор остались в моей памяти:

В Афганистане
В «чёрном тюльпане»,
С водкой в стакане
Мы молча плывём над землёй.
Скорбная птица
Через границу,
К русским зарницам
Несёт ребятишек домой.

Также к нам приезжали писатели и поэты из Москвы. Часто проводились дни культуры среднеазиатских стран: Узбекистана, Таджикистана, Туркмении. Организовывались

выставки прикладного искусства. Приезжали музыкальные и танцевальные коллективы Средней Азии. Для нас было очень важно то, что мы можем людям, на долю которых выпала тяжелая судьба, дарить праздник и положительные эмоции.

Необъявленная война, которая велась в Афганистане десять лет, была безжалостная с обеих сторон. Смертельной опасности подвергались люди не только на передовой, хотя это понятие едва ли применимо для той войны, поскольку ее контуры были настолько изменчивы, что определить их было очень трудно. Она останется в памяти еще и тем, что в ней, как и в любой необъявленной войне, враг не гнушался никакими методами ее ведения, даже варварскими. Нельзя иначе назвать, как зверской расправой над безоружными солдатами стройбатовцами, заготавливавшими песок на привычном месте на берегу Кабулки, которые были порублены душманами саперными лопатками. Смерть подстерегала не только наших военных в бою, но и гражданских в самых, казалось бы, мирных местах: на улице, в местном магазинчике-дукане, кинотеатре.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Зайцева Екатерина Александровна,*** *студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Авдеева Людмила Евгеньевна

Раненая книга

Я родилась в Москве 2 октября в 1943 года и по настоящее время живу на Новой Басманной улице.

Мой отец, Шмигельский Евгений Осипович, имел две профессии – педагога и экономиста, а также был еще и внештатным корреспондентом газеты «Гудок». Он умер, когда мне было 11 лет, успев «заразить» меня любовью к книгам, литературе, «писательству».

Мама моя, Нина Михайловна, всю свою жизнь, как и бабушка, проработала в поликлинике Министерства путей сообщения, и обе мечтали, что я стану врачом. Я закончила с золотой медалью среднюю школу № 349, находившуюся тогда в 1-м Басманном переулке и поступила на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, который закончила с отличием, с красным дипломом. Почти одновременно получила дипломы об окончании факультетов эстетики и истории театрального искусства Всероссийского театрального общества (ВТО).

В студенческие годы познакомилась со своим будущим мужем, Геннадием Авдеевым, учившимся на отделении персидского языка Института восточных языков (теперь Институт стран Азии и Африки). По распределению мужа

поехали в свою первую длительную командировку в Иран, где он работал переводчиком с фарси на металлургическом заводе в Исфагане, а я преподавала русский язык. Когда вернулись в Москву в 1973 г., то уже не только муж, специалист по мусульманским странам Востока, но и я была увлечена восточной культурой, искусством, литературой. Муж стал работать в Союзе советских обществ дружбы ответственным секретарем обществ дружбы с Ираном и с Афганистаном, писал кандидатскую диссертацию. А я, работая редактором, была членом этих обществ и сотрудничала с Агентством печати «Новости» (АПН), с Гостелерадио и с рядом крупных журналов.

Когда в Афганистане в 1978 году произошла Апрельская (Саурская) революция, мы с огромным интересом следили за революционными преобразованиями, сообщениями печати, работали с делегациями, приезжавшими из Афганистана. А так как разговор уже шел о новой загранкомандировке, мы не сомневались, что нас отправят в Афганистан.

Хочу помочь Афганистану

Готовясь к поездке в Афганистан, я перечитала много литературы, начиная с обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятого в 1917 году Советом Народных Комиссаров РСФСР, все договоры о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Как было не стремиться на помощь афганскому народу, если именно эта нищая и голодная страна, страна высоких гор и безводных пустынь направила в 1921 году в качестве дара народа Афганистана голодающему населению Поволжья сотни тысяч пудов пшеницы.

Мне хотелось поближе познакомиться с жизнью и культурой афганского народа. Наступил 1979 год, и положение в Афганистане стало меняться. Контрреволюция подняла голову, над древней афганской землей сгущались тучи войны. С мая 1979 года правительство Афганистана 14 раз обращалось за помощью к Советскому Союзу. Зрело решение о направлении в Афганистан ограниченного контингента советских войск. Среди наших известнейших востоковедов - ученых, входивших в правление советско-

афганского общества дружбы и разбирающихся, как никто, в «восточных вопросах» не было единодушного одобрения этого решения.

Никогда не забуду переживаний нашего старшего доброго друга и учителя моего мужа, профессора, доктора исторических наук Николая Александровича Дворянкова, которого в Афганистане почитали и знали даже простые люди. Он воспринял решение о вводе войск, как личную трагедию, ссылаясь на вековую историю этой древней страны, населенной свободолюбивым народом, дух и природу которого он хорошо знал и понимал. Он предвидел, какой длительной, кровопролитной будет эта война и сколько жертв будет с нашей стороны. Его сердце не выдержало переживаний. Мой муж успел застать умирающего Николая Александровича. Последние его мысли были о судьбе Афганистана, изучению которого он посвятил свою жизнь. Ученому не было и шестидесяти.

Но положение в Афганистане усугублялось, и, так как создавалась определенная опасность нашим южным границам, в соответствии с уставом Организации объединенных наций и Договором о дружбе 1972 года решение о вводе советские войск было принято. Сколько тогда людей, особенно молодых, горели искренним желанием конкретным делом оказать интернациональную помощь афганскому народу, добровольно отправиться в неизвестную далекую страну.

Муж в составе делегации ССОД за несколько месяцев до ввода войск съездил в Кабул, встречался в Президентском дворце с главой государства - Нур Мухаммедом Тараки и, вернувшись, рассказывал какой это интеллигентный, интересный собеседник, улыбчивый, но очень уставший человек. Присутствовал на их встрече молодой и физически сильный Амин, вероятно, уже тогда замышлявший захватить власть и готовивший расправы с интеллигенцией, партийными и военными кадрами и священнослужителями. Тараки был еще и профессиональным писателем, и я уже представляла себе, как познакомлюсь с его творчеством сама и смогу рассказать о нем советским читателям.

Но человек предполагает, а судьба располагает.

Мы едем на восток, но в Иран

Внутренне мы уже были настроены на командировку в Афганистан. Но нас командировали снова в Иран: мужа первым секретарем посольства и директором Дома советской науки и культуры (ДСНК), а меня - заведовать библиотекой и преподавать русский язык. В феврале 1979 года в Иране тоже произошла революция, но она носила антимонархический исламский характер. Конечно, это было незабываемое время, когда мы стали очевидцами грандиозных исторических событий, полных трагических страниц. Эйфория революции с демонстрациями и митингами, многочисленные жертвы, среди которых были и мои студенты, возвращение в страну лидера, основателя нового государства имама Хомейни, длительная изнурительная ирано-иракская война. Все эти события легли в основу сотен моих статей и очерков, вылились в четыре поэтические книги, изданные издательством «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований. («Душа подарена Ирану», «Весенние сады Ирана», «Вновь о любви запели соловьи», «Путь к Свободе» - изданы на русском и фарси). Стала я и одним из авторов коллективных академических изданий Института востоковедения: «Уроки иранской революции 1979 года» и справочника «Современный Иран».

Четыре года в Иране были по-своему незабываемы, интересны, трагичны и постоянно связаны с событиями в Афганистане. Здесь мы узнали о трагической гибели Нур Мухаммеда Тараки, о вводе 27 декабря 1979 года Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, о свержении режима Амина, участвовавшего в злодейском убийстве Тараки и уничтожении сторонников демократических преобразований в стране. Приходилось неоднократно иметь дело и с беженцами из Афганистана, а в ночь на Новый 1980 год вместо праздничного застолья пройти через их провокационные действия по захвату советского посольства в Тегеране. Здесь есть что вспомнить, но это уже другая история.

Наконец, Кабул

Вернувшись из Исламской республики Иран на наши прежние рабочие места, соскучившиеся по родным, близким, друзьям, шумным московским улицам, подмосковной природе, мы намеревались уже оставаться в Москве. Муж защитил кандидатскую диссертацию и начал работать над докторской диссертацией. Я вступила в несколько творческих союзов, стала членом правления Московского фонда культуры, начала сотрудничать с крупными отечественными и зарубежными изданиями. Да и здоровье наших мам не становилось крепче от ожиданий и переживаний. Незаметно прошли почти два года. И тут пришло назначение в Кабул.

Помню, как самолет, оставив позади горные массивы Гиндукуша, сбрасывает высоту и приближается к залитой солнцем долине, в которой расположен Кабул. Сразу же с аэропорта едем в Дом советской науки и культуры (ДСНК), где предстоит и жить, и работать. Красивое, даже экстравагантное, необычной формы здание, построенное по проекту архитектора-киприота Маркуса, окончившего Московский архитектурный институт. Здесь же живут еще несколько семей сотрудников и преподаватели курсов русского языка. На территории хорошая библиотека, есть баня, сауна с маленьким бассейном, большой современный актовый зал, где отмечаются советские и афганские национальные праздники, показывают советские фильмы, здесь собирается на свои собрания партийно-хозяйственный актив Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

ДСНК охраняется постоянно афганским царандой (милицией) и нашими советскими ребятами-солдатами, когда идут большие мероприятия. Оказалось, что охрана необходима, потому что с наступлением темноты душманы просачиваются в город, в окрестностях часто слышатся выстрелы, иногда взрывы. И хотя жизнь в Кабуле кипит, бойко торгуют дуканы, основной безошибочный барометр покоя все-таки газетные репортажи из Афганистана, сообщавшие, что душманское движение уже уничтожено и остались отдельные бандиты, скорее желаемое, чем реальность. Бои

продолжаются, гибнут и партийцы афганцы и наши военнослужащие, и мирное население.

Почти каждую неделю в афганских газетах появлялись сообщения о зверствах душманов. Нам предстояло привыкать и к ночной стрельбе, и к оглушительной тишине после выстрелов, и к жутковатому, тоскливому и протяжному завыванию кабульских собак, чувствовавших кровь, и к ранним крикам петухов. К звукам войны человек привыкает быстро и на третьи- четвертые сутки спит, не обращая внимания на отдаленную стрельбу. В этом я убедилась на собственном опыте еще в Иране. Стрельба воспринимается как обычное, повседневное и больше тревожит затишье. К звукам тишины, мира привыкать сложнее. Разница во времени с Москвой в Кабуле только полчаса. Темнеет рано, но рассвет тоже наступает рано, и просыпались мы часто от громкой молитвы муллы. Утро и день почти всегда были тихими, мирными. Гудели базары, шумели улицы, толпился народ в дуканах. Стрельба начиналась ближе к ночи.

Попав в Афганистан, мы, как бы попали и в иную эпоху. В Афганистане по лунному мусульманскому календарю был 1364 год, соответствующий нашему 1985 году. Ходила шутка, что здесь еще и Куликовская битва впереди. И действительно, казалось, что далекая феодальная эпоха на афганской земле не кончалась. 90 % населения к началу апрельской революции оставалось неграмотным, лечилось в основном у знахарей, детская смертность ужасающая, женщины лишены самых элементарных человеческих прав, недаром с далеких времен сохранилась пословица: «Лучше родить камень, чем дочь».

К нашему приезду общенациональная компания по борьбе с неграмотностью шла полным ходом, было запрещено насильно отдавать девушек замуж, упразднены ранние браки, создана Демократическая организация женщин Афганистана, которую возглавляла пламенная революционерка, яркая красивая женщина Анахита, смелая, рискованная, пользовавшаяся большим уважением в стране, с которой было необычайно интересно общаться, как и с другими неординарными женщинами, с которыми я легко, по-настоящему, подружилась.

Уже в первые дни я ушла в работу с головой. В библиотеку с утра толпами шли студенты, школьники,

служащие за журналами и книгами, а новых поступлений различной тематики на русском, английском, дари было так много, что обработать и зарегистрировать сотни изданий не хватало рабочего времени и приходилось задерживаться допоздна. Обязательно кто-то приходил поработать с научной или учебной литературой и в читальный зал. Желающих изучать русский язык было сверх нормы, и занимались в две смены. Учащихся интересовало все, связанное с Советским Союзом – и историческое прошлое и современные достижения. Они с удовольствием рассказывали и о своих обычаях, традициях, передающихся из поколения в поколение. Причем среди учащихся были не только молодые, мечтавшие учиться в Советском Союзе, но и отцы больших семейств, планирующие заняться бизнесом. Был среди моих учеников служащий банка, пожилой человек с совсем седой бородкой, который поучал молодых, что учиться никогда не поздно, что у необразованного человека нет будущего.

Приходили афганцы, часто целыми семьями, и в кинозал посмотреть советские фильмы, из которых особенный интерес вызывали картины исторической тематики и о Великой Отечественной войне. Принимали участие, особенно афганская молодежь, и в торжественных мероприятиях, литературных вечерах, вечерах вопросов и ответов, которые устраивали при библиотеке. Правда, иногда в городе отключали электричество, и дом погружался в темноту, но через какое-то время начинал работать движок, и снова продолжалась наша работа.

Ежедневно, общаясь с молодежью, деятелями культуры и науки, служащими, рабочими, я не только находила среди них друзей, но и черпала из их судеб материалы для будущих книг. Но чаще всего приходили учители школ и лицеев и преподаватели вузов. Беседы шли обо всем, но тема дружбы наших народов всегда была в центре. Разве могли забыть наши афганские друзья, что с помощью Советского Союза была возведена гидроэлектростанция в Наглу, построен завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе, Политехнический институт, авторемонтный завод, элеватор в Кабуле, ирригационная система под Джелалабадом, газовые промыслы в Шабиргане. Да разве все перечислишь. А теперь в стране шла земельная реформа, создавались кооперативы,

работали тысячи курсов по ликвидации неграмотности, строились больницы.

Народный учитель – профессия мужества

Еще до отъезда в Кабул я вела афганскую страницу в разделе «Весь мир» в «Учительской газете», и в Афганистан я поехала не только как зав. библиотекой и преподаватель русского, но и как собственный корреспондент газеты. Еженедельно я должна была отправлять в редакцию материалы, посвященные вопросам образования и просвещения в стране. Я много встречалась со школьными учителями, приезжавшими за литературой из разных точек страны, даже из глубинки и из кишлаков.

Быть народным учителем в это грозное время в Афганистане значило находиться на самой передовой позиции. Нужны были не только педагогические знания, но смелость, владение оружием. А ведь среди учителей было немало женщин и совсем юных девушек. Каким мужеством обладали эти люди, знавшие, как жестоко расправлялись душманы с их коллегами, как не щадили и детей, посмевших сесть за парты. Сколько школ и лицеев было разрушено и сожжено, сколько преподавателей и школьников было зверски убито и искалечено.

Страшные рассказы об отрубленных у детей пальцах, руках, выколотых глазах, пробитых кольями животах, холодили сердце. А как расправлялись с учителями, сдирая с живых кожу, четвертуя и садистки издеваясь, описывать не берусь.

Часто бывала и в афганских школах, рассказывала о жизни школьников в нашей стране. Частыми были встречи в лицее Хабибия, который сами афганцы сравнивали с французской Сорбонной и английским Кембриджем. И действительно там учились многие будущие известные люди страны, ученые и писатели. За два с лишним года пребывания в Афганистане написала сотни статей, очерков, интервью не только для «Учительской газеты», АПН, но и для журналов «Советская женщина», «Наука и религия», «Детская литература», «Театр», «Культура и Жизнь», «Советская культура», «На боевом посту», «Искусство кино» и др.

Публиковалась и на страницах афганской печати в журналах «Джаван», «Жвандун», «Занани Афганистан», «Аваз», «Урду», «Мирман».

Афганских читателей я знакомила с советской действительностью, а героями моих очерков для советского читателя становились учители, врачи, партийные работники, члены Демократического союза афганской молодежи. Со всеми этими людьми складывались теплые отношения взаимного доверия. За чашкой чая и нехитрой закуской шли откровенные беседы, в которых была вера, что все недоброе скоро кончится и останется только в воспоминаниях.

«Афганец» – ветер коварный

Погода в Кабуле может меняться стремительно. Тихую зимнюю звездную ночь нарушает грохот снежного обвала. А тоскливое серое утро может сохранить свой сумрак до вечера. Весь день падает густой сырой снег, а на следующее утро выйдет необычайно яркое солнце, небо будет бездонным, снег сверкающим, слепящим.

Иногда декабрьское солнце припекает сильно, и асфальт покрывается пылью, а земля начинает липнуть к ногам. Но особенно коварен ветер, названный «афганцем». Он, как и душманы, налетает внезапно, с завыванием, неся мелкую пыль, забивающую ноздри и глаза. Правда, «афганец» налетает ненадолго и, ослабевая, вновь открывает вершины Гиндукуша, отчетливо видимые на фоне голубого неба в хорошую погоду.

Но если «афганец» застает на улице, приятного мало, даже в машинах закрывают окна, несмотря на духоту. А что испытывают те, кто ожидает боя или находится в засаде?

А вообще афганская земля хоть от солнца и может превратиться в камень, но в пору дождей оживает и родит зерно, из которого получается пышный хлеб (нан), похожий на лаваш. Интересно смотреть, как их выпекают, прилепляя сырые лепешки к бокам печи, и тут же продают. Растут здесь и сладкие, как сахар, рыжие дыни и толстые арбузы. А какие тюльпаны расцветают весной в горах. Глаз не оторвать. На алые, как кровь тюльпаны, я насмотрелась и в Иране, где они стали символом памяти погибших шахидов.

Как хочется дождаться мира и на этой многострадальной земле. Тогда наши ребята, молодые солдаты и офицеры, будут возвращаться на Родину с букетами этих алых тюльпанов для своих матерей, жен, любимых, а пока…

В госпитальных палатах

В Кабульском госпитале и в Главном Кабульском медицинском центре мне приходилось бывать часто. При советском посольстве работал женсовет из жен специалистов и преподавателей курсов русского языка. И святой обязанностью каждой женщины было посещение наших раненых, которым несли сладости, домашние пирожки, фрукты, читали книги, помогали писать письма домой. Находясь в госпитале старались поддержать совсем юных искалеченных ребят, а, возвращаясь, давали волю эмоциям и слезам, и вопрос: «Сколько же это еще продлиться?» - мучил всех. В палатах пахло химией, слышались стоны оперированных. О чем думали эти ребята в одиночестве долгих ночей, сдерживая свою боль. Здесь в Афгане они оставляли самое дорогое – свое здоровье, годы юности, часто жизнь.

Помню, как навещали тогда мало кому известного Руслана Аушева, мужественного, веселого парня из Ингушетии. Никому и в голову тогда не могло прийти, что пройдут годы, и Герой Советского Союза Аушев станет президентом в своей неспокойной республике. А тогда кто-то из пациентов сказал: «Пройдут годы, и журналисты будут искать нас, просить откликнуться и все вспомнить».

Многие из них не дожили до этих дней воспоминаний. Это им, павшим – Александру Карявину, солдату из подмосковного Загорска, ныне Сергиева Посада, закрывшему своим телом командира; лейтенанту Лобачевскому, связисту, смертельно раненому в сердце у кишлака Малям-Гулям под Ханабадом в 1987 году; тем 18-ти ребятам из строительной роты, зверски убитым душманами осенью 1986 года в 10 километрах от Кабула возле речки Кабулки; Владимиру Селиванову из города Брянска, погибшему под Гератом, с матерью которого Марией Николаевной я долго переписывалась, уже вернувшись в Москву, шести павшим

солдатам из города Воскресенска и многим другим отдала я долг памяти в своем поэтическом сборнике «У памяти в плену».

Посещала я и Главный медицинский центр в Кабуле, построенный при помощи СССР, оснащенный современной медицинской техникой. Здесь работали наши и афганские врачи. А возглавлял центр полковник, доктор Валаят, закончивший с отличием Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Помню, как он, хорошо знавший советскую литературу, рассказывал сам и просил рассказывать бойцам, которым пришлось ампутировать ноги, о подвиге Маресьева и сожалел, что книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» не переведена на дари.

Советские врачи вели здесь и прием населения. Среди пациентов было немало тех, кто никогда ранее не видел людей в белых халатах, поэтому и свирепствовали эпидемии холеры, дизентерии, оспы, особенно среди детей. Сюда в больничные палаты мы приносили журналы, брошюры, присланные в библиотеку ДСНК из Москвы, интересные книги. О том, какую одна из присланных книг сыграла роль в моей жизни, я расскажу ниже.

Новый 1365 год и комендантский час

Новый год - Новруз наступает на Востоке 21 марта. Исторически это крестьянский праздник, когда начиналась работа в поле, высаживались молодые деревья.

1986 год был нашим первым годом в Кабуле. По мусульманскому календарю наступал 1365 год. До Куликовской битвы, действительно, было далеко. В Афганистане из нашего летоисчисления отнимают 621.

На Новруз в марте нас с мужем пригласил афганский поэт Мир Абдул Кадыр Абхар, выпускник Ленинградского педагогического института, родом из провинции Парван. Семья Абхара встретила радушно. На праздничном столе согласно традиции располагаются семь продуктов на букву «син»: яблоки (сиб), овощи - зелень (сабзи), уксус (серке), ростки пшеницы (самане), блюдо со сладостями. Горят свечи, раскрыт Коран. Абхар с сыновьями приготовил душистый плов, с рассыпчатым рисом, зернами граната. Сидели долго,

слушали рассказы хозяина о проблемах в экономике, образовании, его воспоминания о студенческой жизни в Ленинграде.

Расслабились и забыли о давно наступившем комендантском часе. Оставаться нельзя. Надо ехать. Муж за рулем. Я на заднем сиденье. Темнеет рано. Немного отъехали, вдруг яркий свет фонаря прямо в глаза и крик, требующий остановится: «Дриш!» Вспоминаю, что нас предупреждали: в подобных случаях лучше из машины не выходить, сообщать патрулю, что дипломаты из посольства, документы показывать из окна через стекло. Но крик повторяется. Мы останавливаемся и по требованию трех подошедших вооруженных людей выходим из машины. Они, ничего не спрашивая, обыскивают машину внутри, открывают багажник. «Шурави» («Советский?»), - спрашивает старший.

И тут муж начинает спокойно говорить по фарси и все трое в полном удивлении оттого, что он так свободно владеет их языком. Начинают расспрашивать, лица смягчаются, появляется улыбка. Двое отходят и, пошептавшись, предлагают нам сопровождающим того, что помоложе, ведь впереди не один ночной патруль, да и члены отрядов самообороны не дремлют, выходят на дежурство. Расстаемся по- доброму, отказавшись от помощи. И напрасно. Через несколько метров все повторяется, но теперь в нашу машину садится худой шустрый паренек с винтовкой, замотанный в теплую шаль и мы быстро и благополучно минуем все посты и патрули. Но этот случай служит нам уроком в будущем, и все встречи вне ДСНК мы стараемся закончить во время.

Да и праздники, особенно Новый год, лучше всего отмечать в своем коллективе, где обязательно на столе окажется и черный хлеб, и припрятанная кем-то на случай баночка селедки и русская водка, а женщины покажут свое кулинарное искусство. Елки живой, пушистой, пахнущей морозцем, конечно, не будет. Но будет сделанный из ваты снег.

И поднимали мы тогда наши бокалы за счастье и покой, за возвращение живыми на родину наших мальчишек солдат, которые, возможно, в это самое время, где-то в горах принимали неравный бой с душманами или стонали от боли на операционном столе.

Шел 1986 год, а впереди было еще два долгих года войны.

Раненая книга или «случайное попадание»

На книжной полке в моей квартире стоит толстый большой фотоальбом «Таджикистан», почти насквозь пробитый осколком снаряда. От сквозного ранения книгу уберегла твердая обложка, треснувшая, но задержавшая осколок, а меня спасла эта книга, принявшая на себя удар, как бронежилет.

Был как всегда душный, знойный августовский вечер. В ДСНК закончилось профсоюзное собрание специалистов. Мужчины отправились кто в бассейн, кто в баньку, кто по домам, благо все располагалось рядом на одной территории. А я пошла в библиотеку, так как надо было подготовить стенд новых книжных поступлений. С утра должны были приехать афганские учители из провинций за подборками художественной литературы для детей и взрослых.

Было тихо и работалось спокойно. Но тишина коварна и бывает громче самого сильного грома. И тут в наступающую темноту вечера внезапно ворвался яркий сноп пламени, будто солнце упало на землю и сразу же с гор, окружающих Кабул началась стрельба, усиливающаяся с каждой секундой. С ближайшего горного массива ДСНК был виден, как на ладони. Я стала складывать исписанные листы, приподнялась из-за стола, и тут же раздался звон разбитого оконного стекла. Книжный стенд, стоящий напротив окна около моего стола затрясло, и на стол передо мной свалился огромный фотоальбом, почти насквозь пробитый осколком снаряда. Я взяла его в руки. В центре была внушительная глубокая пробоина, в которой застрял кусок осколка снаряда.

Я не сразу сообразила, что книга стояла прямо на уровне моей груди, и альбом заслонил меня если не от смерти, то от ранения. Когда я выскочила в коридор, там уже полураздетые мужчины, выбежавшие из бани и бассейна, тушили повсеместно, вновь и вновь вспыхивающие фосфорические с неприятным запахом вспышки. Одна из невзорвавшихся ракет, хлопнувшись около офисного помещения ДСНК начала вкручиваться в землю, выплевывая какую-то маслянистую,

клейкую, желтоватую с резким запахом массу, залепившую стены и окна снаружи. Немало потом пришлось повозиться нашим женщинам, оттирая эти неприятные следы. Стекла были выбиты еще в нескольких помещениях. Несколько человек суетились около тяжело раненого, совсем юного солдата из охраны ДСНК, которому нужна была срочная операция (в тот же вечер молодому солдату удалили селезенку).

Обстрел продолжался еще некоторое время. Затем наступила обычная после взрывов и выстрелов оглушительная, гулкая, нереальная тишина. Почти всю ночь убирали помещение, но еще несколько дней вечерний обстрел напоминал о себе долго державшимся запахом гари, выбитыми стеклами и пробитым снарядом альбомом. Раненую книгу, как испорченный экземпляр, пришлось списать из библиотечного фонда. Но уничтожить ее, как полагалось по инструкции, не поднялась рука. И я забрала своего спасителя в Москву. Каждый раз, когда я подхожу к книжным полкам, фотоальбом вновь и вновь напоминает мне о том уже далеком, но навсегда оставшемся в памяти незабываемом времени.

Второе рождение

Второго октября у меня день рождения. В это время, в 1987 году, в Кабуле находилась высокая делегация из Азербайджана, приехавшая на торжества по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской революции и мы с мужем были среди тех, кто должен был сопровождать делегацию. Мой день рождения отметили вместе с живущими поблизости советскими специалистами, нашими афганскими друзьями-журналистами, поэтами и членами делегации.

На следующий день начались многочисленные поездки, интересные встречи с членами НДПА (народно-демократической партии Афганистана), ДОМА (Демократической организации молодежи), в Кабульском политехническом институте, с деятелями культуры и науки. Вечером возвращались в гостиницу, смотрели последние известия, в которых всегда была подробная информация о визите азербайджанской делегации.

Вот и 8 октября вернулись в гостиницу к вечерним «Новостям», расположились в просторном холле, включили телевизор. Все дела были сделаны. Ноги устало гудели. Собрались попить чая и обсудить программу на завтра. И вдруг тревожную тишину комендантского часа буквально располосовал резкий звук очереди, вслед за которым неимоверной силы грохот потряс здание, и зарево огня осветило помещение.

Гостиница мгновенно погрузилась в темноту, и не успели мы осознать происходящее, как взрывной волной буквально вырвало застекленную часть стены, она рухнула, осыпая нас осколками. С высоких тумб вдоль стены посыпались на пол, разлетаясь на куски фарфоровые вазы с цветами. «Ложись!» - крикнул кто-то из присутствующих и, увлекая за собой сидящую рядом Салмаз, я вместе с ней скатилась на ковер, усыпанный осколками стекла.

Не знаю почему, интуитивно взглянула на часы. 19 часов 48 минут. Зачем запоминать свой смертный миг? Едва успела закрыть одной рукой свою голову, другой голову Салмаз, как прогремел еще один взрыв и новые осколки стекол и куски штукатурки буквально засыпали нас, а рот и нос забило пылью и дымом, губы одеревенели. Затем на какие-то мгновенья наступила немая тишина, в которой слышен только стук собственного сердца.

В следующее мгновенье сразу же послышались с улицы крики о помощи, громкий плач. Оглушенные, с кровоточащими порезами на руках, посеченными стекольной крошкой щеками и лбами, мы стали подниматься, какими-то излишне нервными тревожными движениями ощупывать друг друга. Потом выскочили на улицу, где все было буквально охвачено огнем пожара.

То, что мы увидели, не забудется никогда. В небо летело каменное крошево, обломки. Рвалось буквально все. Огонь расцвечивал стены. Пахло порохом и дымом, вкус которых запомнился навсегда. Развороченные машины, на которых мы час назад приехали к зданию НДПР, громоздились грудами металлолома. Около одной, завалившейся на бок, со сдернутой крышкой капота и выбитым ветровым стеклом лежал молодой убитый шофер. Из окна другой свешивалось мертвое тело пожилого шофера. Вдоль стены лежали в неестественных

позах несколько убитых. Из окон соседнего дома вырывались языки пламени. Нечеловеческим хриплым голосом кричала молодая афганка, склонившись над окровавленным стариком, прижимавшим к себе мертвого подростка.

Люди бежали: одни к месту трагедии, другие подальше от нее. От увиденного перехватило горло, холод и жар одновременно ударили в грудь. Казалось, что плачу, а слез не было.

Как потом выяснилось, эти взрывы были заранее подготовленным терактом. Около гостиницы был оставлен «Фольксваген», начиненный динамитом. О многочисленных жертвах среди мирного населения Кабула на следующий день сообщали афганские газеты. Прошла информация и в нашей прессе.

В тот жуткий вечер мы еще долго находились в том шоковом состоянии, когда исчезает страх и чувство самосохранения и концентрируются все силы для действия. Мы помогали раненым, успокаивали рыдающих, безуспешно пытались связаться с ДСНК. Страха не было и следа, а вот мысль, что переход от бытия к небытию так прост и короток, буквально преследовала.

К утру нас и членов делегации вывезли из охваченного огнем района. В ДСНК в эту ночь никто не спал, не надеясь увидеть нас живыми. Измазанных копотью и грязью, с потемневшими, иссеченными стекольной крошкой лицами и усталыми глазами, нас обнимали наши друзья и коллеги, повторяя, что мы родились в рубашке.

Кто-то из женщин плакал, нас поили водкой для снятия стресса, хотя все пережившие эти трагические часы были более спокойны и сдержанны, чем ожидавшие известий. Прорыв чувств произошел на следующий день, когда по ТВ показали запись того огненного ада, в котором мы были. Глядя на телевизионные кадры и лица погибших, среди которых были старики, женщины, дети, я вновь пережила те мгновения встречи со смертью.

Освобождением от внутреннего напряжения стали стихи, которые одно за другим диктовала память, которые приняли на себя весь груз увиденного и пережитого, со временем сложившись в книгу «У памяти в плену», посвященную павшим друзьям, мужеству воинов-интернационалистов,

правде тех далеких лет, когда кровавое 8 октября стало днем моего второго рождения.

Ночь над Кабулом. Тишина. Вдруг страшный взрыв.
И с шумом падает стена и слышен крик.
В ушах все громче, громче гул. Болят виски.
Мне кто-то руку протянул: «Вставай. Иди».
Я поднимаюсь. Я иду. Без слов. Без слез.
Невыносимая жара. В душе – мороз.
А у руин лежит старик и с ним дитя.
И страшно женщина кричит. В огне дома.
И понимаешь в этот миг, что значит жизнь.
Афганистан. Ночной Кабул мне не забыть.

Кабульские Гавроши

Несколько слов о кабульских мальчишках. Сколько боли и слез принесла эта война детям. И нашим, советским, чьи отцы не вернулись домой и афганским.

Часто приходилось бывать в детском доме «Ватан» («Родина»), где жили дети-сироты, чьи отцы пали от рук душманов. Как и все мальчишки они были полны планов и желаний. Никогда не забуду трех друзей, тринадцатилетних пареньков - сирот Захида Гуля, Даулята и Касвара, приходивших на курсы русского языка в ДСНК. Старательные, трудолюбивые, они уже через несколько месяцев не только сносно говорили по-русски, но и читали на литературных вечерах стихи Маяковского и Светлова, пели песни Великой Отечественной войны. Без скидок на юные годы они, будущие сержанты, вставали на ночные вахты и гордились мужеством своих отцов, принявших мученическую смерть от рук душманов.

Были среди кабульских Гаврошей и хитроватые, и доверчивые. Их доверчивостью пользовались душманы, посылая их на минные поля. Отправляли бандиты ребят и торговать мандаринами с тележек, в которые закладывались мины замедленного действия, от которых погибали невинные люди. А сколько ребят осталось калеками, подбирая взрывные устройства, похожие на игрушки.

Бедно одетые, чумазые афганские мальчишки крутились около дуканов, помогали торговцам. На большом овощном

кабульском рынке, Зеленке, пытались за мелкую монетку поднести сумки любой тяжести, поймать такси, всячески угодить. Сколько раз бежали они следом и за нашими солдатами, специалистами, женщинами, хватали цепко за рукав и кричали: «Давай бакшиш». У каждой революции, наверно, были свои Гавроши, которые потом становились настоящими, нужными и полезными стране людьми – учеными, инженерами, писателями, учителями.

Листая старые письма

День, когда приносили письма, становился настоящим праздником. Конечно, больше всего писем приходило от матерей, измученных тревогами ожиданием. Я получала письма от своих школьных и университетских подруг, родственников, приходили письма из института востоковедения, наполненные вопросами о положении в стране. Конечно, больше всего ждала писем из дома. Моя мама писала мне ежедневно, но так письма привозили не чаще раза в неделю, а то и с большими перебоями, то я получала сразу три-четыре письма.

Сколько заботы и волнений было в этих строчках, сколько вопросов, на которые не всегда можно было дать ответ. Женщины-преподаватели находились в Кабуле без семей, и, получив письмо из дома, сначала спешили в свои комнаты читать, а потом все выходили в холл ДСНК или собирались у меня в библиотеке и читали уже вслух, смеялись и плакали, передавали присланные фотографии детей и внуков. Мужчины более сдержанно проявляли свои чувства, получив письма из дома, но скрыть свою грусть, если не было письма, мало кому удавалось, и тогда все начинали успокаивать и придумывать причины задержки. Представляю, как переживали в Союзе, когда задерживалось и не приходило ожидаемое письмо от сына или дочери. Сколько нервов, сколько слез, сколько выпитых сердечных капель. А правду, конечно же, нельзя было всю написать, да и ничего, кроме лишних переживаний, она не принесла бы близким. Поэтому и мы, и особенно, те, кто встречал рассветы на посту, шел в очередной бой, писали «святую» правду о цветущих розах, сладких фруктах и жарком солнце. Это я осознала физически, когда не стало уже моей мамы, и я нашла у нее под кроватью свой старый школьный

портфель, в котором хранились все мои пронумерованные письма и из Ирана, где мы работали в период исламской революции и ирано-иракской войны и все конверты полевой почты из Кабула. Пожелтевшие, аккуратно сложенные, сотни раз перечитанные, со следами слез, с подчеркнутыми местами. Сохранила мама и все мои стихи, которые я писала и посылала ей.

Я понимаю, как мучительно
Ждать писем из горячих точек.
Простите дочерей, родители.
Простите, матери, сыночков.
Вам каждый день хотя бы весточку.
Вам каждый день, хотя бы строчку.
Афганистан. Войной повенчаны
Все пожелтевшие листочки.

Где вы теперь, мои друзья?

Прошло двадцать лет, как выведен ограниченный контингент советских войск из Афганистана, а ведь там, в период боевых действий среди афганцев было у нас и немало настоящих друзей. За два с половиной года работы в Кабуле я познакомилась и подружилась с афганскими учителями и преподавателями вузов, журналистами, деятелями науки и культуры, военными, людьми из самых простых рабочих и крестьянских семей, студентами. Все эти юные и пожилые люди становились героями моих статей и стихов. Но особенно теплые дружеские отношения связывали меня профессионально с поэтами и писателями Афганистана, судьбы которых после вывода советских войск сложились по-разному. Одни из них погибли, другие продолжают жить в Афганистане или уехали за рубеж, с некоторыми, живущими в Москве, я продолжаю поддерживать отношения. И при каждой встрече набегают вновь воспоминания.

Осень 1980 года - период первых учредительных съездов, создававшихся в Афганистане Союзов журналистов и писателей. В тревожное время борьбы с контрреволюцией, на Форум писателей Афганистана в просторный зал одного из кабульских лицеев 4 октября 1980 года съехались 500 делегатов со всех провинций. Молодые делегаты были в

основном в военной форме, а аксакалы в каракулевых папахах, белых чалмах, в праздничных халатах.

Открыл съезд Хабиб Мангал – человек сложной судьбы, интересный глубокий писатель, долгое время работавший в Москве Чрезвычайным и полномочным послом. Будучи членом советско-афганского общества дружбы, я довольно часто с ним встречалась на мероприятиях общества и в посольстве. Тогда на Форуме была поставлена задача развития письменности, литературы и культуры всеми народностями и даже племенами.

На фоне робкой прозы и драматургии, поэзия, уходящая корнями в глубину веков, была традиционным, самым ярким, образным и самобытным жанром афганской литературы. И поэтов на Форуме было много. Возглавил правление Союза писателей Гулям Дастагир Панджшири, известный уже в то время публицист, общественный деятель. Первые свои стихи Гулям написал в тюрьме, куда выпускник Кабульского университета за свои убеждения был брошен на 5 лет при режиме короля Дауда. Освобожден он был 27 апреля 1978 года, в первый день Победы апрельской революции восставшими солдатами. Сборник так и назывался «Стихи из тюрьмы». В годы работы в Кабуле я близко познакомилась с этим красивым, высоким человеком, много переводила на русский его патриотические, свободолюбивые стихи о стойкости и мужестве защитников революции, советских воинов, о многострадальном Афганистане, о любви и жизни. Гулям Дастагир Панджшири неоднократно был героем моих очерков.

С Сулейманом Лаеком, известным поэтом старшего поколения, мне посчастливилось встречаться несколько раз еще в Москве, задолго до поездки в Кабул. Он приезжал на встречи с советскими писателями, так как его яркие, образные стихи издавали на русском языке. Хорошо зная русскую литературу, он переводил на языки народов Афганистана Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Был лауреатом Премии советско-афганской дружбы. Писать стихи стал в ранней молодости. Сборники его лирических стихов «Палатка кочевника», «Воспоминания», «Парус» были тепло встречены читателями.

Родившись в семье муллы, Сулейман вырос бунтарем и за участие в студенческих беспорядках был исключен из Кабульского университета. В период террора Амина прошел через самые страшные застенки тюрьмы Пули – Чархи. После Апрельской революции он стал Президентом Академии наук и министром по делам национальностей. И хотя его день был расписан по минутам, он с радостью находил время для встреч с советскими писателями. Вспоминаю, как в Кабул в 1986 году приехали из Москвы писатели Валерий Поваляев, Юрий Велихов и Ким Селихов. Лаек с радостью нас всех принял, рассуждал о роли литературы, сравнивая ее с колодцем, вода которого спасает в знойной пустыне караван от жажды, и признавался, что его лучшие стихи родились, когда в сердце бушевало пламя ярости против тех, кто нанес раны его родине. Немало написал Сулейман Лаек строк о мужестве и благородстве советских воинов-интернационалистов.

Первым председателем Союза писателей Афганистана был Асадулла Хабиб. С ним мы познакомились еще в Москве. Хабиб, родившийся в 1941году, закончил филологический факультет Кабульского университета и учился в аспирантуре Института восточных языков при МГУ, в котором учился и мой муж. В период революционных преобразований в Афганистане он был ректором Кабульского университета, известным прозаиком, автором нескольких сборников повестей и рассказов. Но поэзия была для него первой необходимостью. «Без поэзии я бескрылый человек», - любил повторять Асадулла. Со своими лирическими стихами, имевшими глубокий философский подтекст, он часть выступал в воинских частях. Его строки, обращенные к матери, стали своеобразной солдатской клятвой:

«Если в грудь буду ранен, ты слезами сумеешь меня поднять,

Если в спину, то, родная, слез своих на меня ты не трать».

Часто вспоминаю уютный небольшой дом в одном из отдаленных районов Кабула, утопающий в зелени фруктового сада, гостеприимную большую семью, ароматный плов и долгие чаепития с восточными сладостями, всегда сопровождавшиеся чтением стихов.

Здесь жил наш хороший друг Мир Абдул Кадыр Ахбар. Родившийся в 1939году в провинции Парван, Ахбар окончил

Ленинградский институт культуры и аспирантуру ЛГУ. Он прекрасно владел русским языком и его книги издавались на русском и украинском. О жизни и творчестве интересного поэта и широко образованного человека, автора стихов, призывающих к мирному труду, воспевающих Москву, и благородные поступки воинов - интернационалистов, я неоднократно писала в газете «Советская культура», в журнале «Детская литература», переводила его стихи, последняя подборка переводов стихов Ахбара включена в мою книгу «Одни нам светят звезды». После вывода советских войск Ахбар приехал жить в Советский Союз. Сейчас вместе с семьей он живет в Германии, но по-прежнему, как самые лучшие в своей жизни вспоминает годы, проведенные в Ленинграде и Москве.

Человеком-легендой при жизни стал Фарид Маздак, член Союза писателей Афганистана, организатор первой Всеафганской конференции молодых писателей, в которой участвовало более 500 молодых авторов. Стихи Фарид начал писать в 16 лет в тюрьме Пули-Чархи, куда попал при режиме Амина. Нечеловеческим пыткам электрическим током подвергался юный узник. Ему переломали суставы пальцев рук, более года провел юноша в одиночной камере, узкой и темной на голом цементном полу. В этих страшных условиях родились первые стихи, посвященные многострадальной родине и народу. Из тюрьмы вышел Фарид с совершено седыми прядями густых волос. Занялся общественной и политической деятельностью, стал собирать молодых талантливых юношей и девушек в литературные объединения, печатать в газетах и журналах. Фарид издал первый сборник 22 молодых, «революцией призванных» поэтов.

Частым гостем в ДСНК был Барек Шафии. Страстные, смелые, эмоциональные стихи молодого поэта звучали на митингах, в студенческих аудиториях, в воинских частях. Барек был главным редактором журнала «Жвандун» («Слово»), в котором часто публиковались и мои статьи. Барек Шафии считал своим учителем Горького, хорошо знал советскую литературу. Мужество и оптимизм были основными мотивами его творчества.

Мои стихи - глоток добра.
Они, любя и побеждая,

Войдут в любые времена,
Строкой насилье побеждая».

(перевод Л. Авдеевой)

Молодым человеком в годы моей работы в Кабуле был Кавун Туфани. В свои неполных тридцать лет он возглавил газету «Правда Апрельской революции», был членом президиума и ответственным секретарем Организации литераторов. Для написания стихов у него почти не было времени, но не писать он не мог, говоря, что «стихи соединяют его сердце с сердцами простых людей». Кувун писал много стихов гражданского звучания:

«Не требуй от растрескавшихся губ ты нежных песен.
Пишу стихи я кровью сердца. Но не груб. И стих мой вечен».

Немало стихов молодой поэт посвятил дружбе наших народов и был награжден премией советско-афганской дружбы. В своем стихотворении» «Отчизна» Кавун Туфани писал:

«Моя жизнь - тебе! Моя смерть – за тебя!
Ты мой отчий дом. Ты моя Земля.
Я на все готов ради тебя.
Ты навеки со мной, Отчизна моя».

(пер. Л. Авдеевой)

Часто вспоминаю и совсем юного Абдуллу Наиби, который бросил обучение медицине во Франции и вернулся в революционный Афганистан, чтобы весь пыл своего двадцатилетнего горячего сердца отдать Родине. Его юношеские стихи печатались в газетах, ему принадлежали слова молодежных гимнов. Как дальше сложилась судьба этого талантливого юноши мне не известно.

А сколько еще имен чистых, светлых, талантливых людей, отдававших свое творчество Отечеству, приравняв свое перо к штыку, приходит на память. Абдулла Бахтани, Нарулла Хафиз, Акрам Усман, Лейла Кавьян, Рафат Хусейни и многие другие, среди которых были и мои студенты, так страстно изучавшие русский язык и русскую историю, верящие в светлые идеалы Правды и Добра. Как сложились их нелегкие судьбы?

Где вы теперь мои друзья? Кавун, Барек, Абхар.
С чужбины ваши голоса не слышит Кандагар.
Кабул давно без вас грустит. Герат без вас в тоске.

Фарида добрые глаза, когда приснитесь мне?
В Джелалабаде дом пустой. Напрасно ждут сады.
Вы знаете, как пахнет кровь, цвет смерти и беды.
Но верю, милые друзья, что даже на чужбине
Услышат ваши голоса, узнает мать о сыне.
И вновь любимая страна откроет настежь двери.
Мои афганские друзья, живите, в это веря.

Возвращение

Наступил февраль 1988 года. Уже начинался вывод наших войск из Афганистана. Пришел приказ и о нашем возвращении на Родину. Радость переплеталась с грустью расставания с людьми, с которыми стали близки по духу, убеждениям, интересам. Печально было расставаться и со своими афганскими друзьями, так как понимали, что впереди у них нелегкие годы и, возможно, увидеться никогда больше не придется. Но дома нас ждали родственники, близкие друзья, коллеги.

В аэропорту меня встречала постаревшая мама в окружении моих школьных подруг. Объятья, поцелуи, непрекращающиеся слезы. Первую ночь не ложились. Отвечали на телефонные звонки друзей, что-то рассказывали и не верили, что мы дома, в родной квартире на Новой Басманной улице.

Жизнь пошла своим чередом. Муж вернулся в ССОД заведовать отделом стран Ближнего и Среднего Востока, ответственным секретарем общества советско-афганской дружбы, а я снова работала редактором и корреспондентом, занялась вплотную литературным трудом.

Будучи членом Комитета московских литераторов, вступила в Союз писателей Москвы и России, в Международную федерацию журналистов, являюсь членом благотворительного совета Московского фонда культуры, руковожу литературными студиями. За прошедшие годы изданы более 20 книг лирики, сборники стихов для детей, поэтическая серия «На рубеже веков», в которую я включила свои поэтические книги «Не разлучай людей война», «Дорогами Победы», «У памяти в плену», посвященную героическим и трагическим событиям афганской войны.

Стала я одним из авторов академического издания справочника «Современный Афганистан», выпущенного Институтом востоковедения РАН.

Были за эти годы и другие командировки в страны Среднего Востока, Азии, Европы (Пакистан, Индия, Непал, Иран, Турция, Италия, Финляндия, Швеция). Всем этим странам посвящены мои поэтические книги, научные статьи. Но чаще всего возвращает память к афганским событиям.

Я участвовала во многих московских и Международных поэтических конкурсах, в том числе и со стихами военной афганской тематики. Стала лауреатом конкурсов «Авторов патриотической песни», «Строкой стиха Победу славим», конкурса песен о российской армии. Награждена дипломом Московского Фонда культуры «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству», специальным призом Военной Академии РВНС им. Петра Великого в Санкт-Петербурге.

Дорожу своими профессиональными медалями за литературный труд, особенно Пушкинской юбилейной, «Ревнителю просвещения», грантом Назыма Хикмета, который получила в апреле 2008 года в Турции на 3-м Международном стамбульском фестивале поэзии.

Самой большой и очень приятной неожиданностью и радостью стало награждение в феврале 2008 года медалью «За верность долгу и Отечеству», которую я вместе с медалями «Ветеран-интернационалист», «За вклад в дело дружбы» храню, как зеницу ока, как память о павших.

Есть у меня особая награда.
В моей душе болит Афганистан.
Награда эта память о ребятах,
Что не смогли вернуться к матерям.
Награда эта память о Кабуле,
О знойном ветре, о боях в горах.
За то, что нас помиловали пули,
Оставив боль в израненных сердцах.

Во имя павших и живых

Поэты Востока считали, что прошлое ушло, будущее может не наступить, поэтому надо воспевать настоящее. Но если мы забудем прошлое, то будущее действительно может

не наступить. Те, кто прошел Афганистан, много повидав и испытав, узнали истинную цену добру и злу, горю и счастью, настоящей дружбе и преданной любви. Мы научились отличать мнимое, наносное от подлинного, настоящего.

После Афганистана я стала многое оценивать новыми мерками, прочувствовав, пропустив сквозь сердце такую до слез, до боли простую истину, что Человек рожден не для войны, а для мирной жизни.

Говорят, время лечит раны. 20 лет отделяют нас от вывода Ограниченного контингента советских войск с территории Афганистана. Но тех, кто был участником и очевидцем уже далеких героических и одновременно трагических событий Память вновь и вновь возвращает к пережитому, врывается в сны и воспоминания.

Поэтому, наверно, и я, несмотря на то, что за прошедшие годы в моей жизни было много запоминающихся событий, и жизнь складывалась более - менее стабильно, постоянно чувствую потребность встретиться с теми, кто был в Афгане, еще и еще раз напомнить о тех незабываемых годах своим слушателям на поэтических вечерах.

Продолжают рождаться и поэтические строки, посвященные афганской земле. К двадцатилетию вывода войск выйдет моя книга «Одни нам светят звезды» (стихи из афганских дневников). Вместе с мужем состоим в «Объединении ветеранов войны в Афганистане» Басманного района, председателем и создателем которого стал Дмитрий Попов, который совсем юным девятнадцатилетним юношей увидел истинное лицо афганской войны.

Как выяснилось, мы в одни годы были в Афганистане, но пути наши там не пересеклись, а здесь в Москве мы оказались жителями одного района и теперь Дмитрий Игоревич - депутат муниципального собрания Басманного района, как председатель Объединения, человек с беспокойной душой стремится максимально поддержать тех, кого опалила навеки афганское пекло.

«Память - великая завиральница, - писала русская поэтесса Анна Ахматова, - Мы помним не факты, а наши воспоминания о них». Память, раненая Афганистаном, помнит и никогда не забудет самые мельчайшие факты и детали каждого из 9 лет, 1 месяца и 18 дней войны.

От горькой правды нет спасенья.
Ее не скрыть, не спрятать в ящик.
Она в моих стихотвореньях.
В сердцах героев настоящих.
В слезах сирот, отцов не знавших,
В глазах у вдов, меж строчек в письмах.
Простоволосая, босая стоит она у обелисков.
Во имя павших и живых, во имя завтрашнего дня
Переплавляю боль в стихи всю ночь до самого утра.

Декабрь 2008 года.

Бицуков Александр Васильевич

Помощи нам ждать было неоткуда

Я родился 2 марта 1960 года в городе Москве. Русский. Был членом ВЛКСМ.

После окончания восьми классов школы № 358 поступил в профессионально-техническое училище № 27, которое окончил в 1976 году. Работал на заводе оператором станков с числовым программным управлением. Так как очень хотел попасть в десантные войска, то по направлению военкомата совершил три прыжка с парашютом. Учился в автошколе, после окончания которой, работал водителем на автокомбинате № 5.

В апреле 1979 года был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Службу начинал в 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, которая летом 1979 года была расформирована, и остался один Отдельный гвардейский 345-й парашютно-десантный полк.

С 14 мая 1980 года находился в составе Ограниченного контингента Советских войск, направленного для оказания интернациональной помощи в Республику Афганистан в Баграм, где дислоцировались основные силы 345-го ОГПДП. Проходил службу в звании рядового в должности снайпера.

За время прохождения службы серьезных ранений не имел. Демобилизовался 26 мая 1981 года и прибыл в Москву. Был награжден правительственными наградами.

Меня призвали на службу в ВДВ в Ферганскую дивизию (Узбекистан). В декабре 1979 года наш полк был переброшен в Афганистан на аэродром Баграм. Я прибыл туда позже, 14 мая 1980 года. Этим же самолетом улетели ребята, демобилизовавшиеся из Афганистана.

Первое впечатление от увиденного: большое количество боевых самолетов и вертолетов, стоявших на стоянке неподалеку от нашей группы, вновь прибывших. Стоял гул от авиационных двигателей.

Вдалеке были видны горы, уходившие вершинами в высь, от подножья почти на две трети они были покрыты зеленью, которая переходила в полоску цветущих маков, а вершины гор были покрыты снегом. Это была очень впечатляющая картина.

Недалеко от нас были видны капониры, в которых было расположение нашего полка. ГАЗ-66 за несколько минут доставил нашу группу до КПП полка. У штаба полка, который представлял из себя глинобитный домик, вновь прибывших построили и стали распределять по подразделениям. Это происходило так: подходили командиры рот и подразделений и выбирали тех, кто им приглянулся. Я попал во 2-й батальон, 4-ю роту, 1-й взвод, 1-е отделение 241-й БМД. Командир батальона - майор Манюта, командир роты - ст. лейтенант Гуляев, командир взвода - ст. лейтенант Павлющенко.

Все подразделения полка жили в больших палатках, койки были двухъярусные. Это очень отличалось от того, как мы жили в полку в Фергане. В воздухе постоянно висела пыль, и было очень жарко. Личный состав роты в это время находился на позициях вокруг аэродрома Баграм, и в расположении роты было всего несколько человек. За нами закрепили боевое оружие, каски, бронежилеты, РД. Показали наши койки.

Все было необычно: постоянный гул взлетающих самолетов и вертолетов, уходивших на задание, открытый цинк с патронами, стоящий в углу палатки, большой нож, лежавший на ящике, который заменял тумбочку, а в ящике лежал ППШ, который ребята привезли с боевого выхода и еще не сдали на склад. Дежурные БМД, стоявшие у КПП и бойцы

при оружии около этих машин, готовые выйти по тревоге на помощь при нападении на посты.

Мы знали, что здесь идёт война. В Фергану прилетали самолёты с цинковыми гробами погибших, которых отправляли в родные места для захоронения. Но так близко к ней оказались впервые. До того пока не увидели своими глазами первых убитых, всё казалось просто игрой в войну.

В роте, в которой мне предстояло служить, почти все были награждены правительственными наградами. Многие были ранены в ходе боёв с душманами. Полк вёл активную боевую работу, но в данный момент была передышка между выходами. Были разговоры, что многие подразделения будут выведены из Афганистана, что оказалось правдой. Некоторые части уходили в Союз и на дороге, которая вела к границе, несмотря на то, что она располагалась достаточно далеко от нас, постоянно клубилась пыль от уходивших колонн.

Первый мой выход на боевую задачу произошёл в ночь с 29 на 30 мая в составе дежурного взвода. Около полуночи душманами было совершено нападение на кишлак, около которого находился пост наших авиационных связистов. Командованием было принято решение выдвинуть дежурный взвод на усиление охраны поста.

Через несколько минут после поступления приказа машины двинулись к посту на максимально высоких скоростях, которые позволяли тёмное время суток и дорога. Ночной выход, да ещё на первую свою войну привносил какой - то подъём в моё настроение. Бронежилет, каска, оружие в руках всё - как будто из другого мира. Хотя готовились к такому постоянно, но всё как-то неожиданно и быстро это произошло.

По дороге посадили на броню машин афганских солдат, из стоявшей недалеко их воинской части. Машины, с зажжёнными фарами, по ухабистой дороге достаточно быстро дошли до места. Из триплексов было видно зарево горевшего кишлака, и из приоткрытых люков боевой машины была слышна доносившаяся оттуда стрельба. Машины разъехались по отведённым позициям и приготовились к отражению возможного нападения.

Были сделаны несколько выстрелов из орудий БМД и были даны несколько очередей из ПКТ в сторону горевшего кишлака. Команды покинуть машины не было. По разговорам офицеров мы поняли, что местный царандой (милиция) достаточно успешно отбил нападение душман и наш выход был просто подстраховкой на всякий случай. Поняв, что ничего серьёзного не будет, наши ребята стали дремать в тепле машин.

Война войной, а сон дело святое в солдатской жизни. Охраняли нас до рассвета афганские солдаты, да не спали наши наблюдатели. Около 5 утра вернулись в расположение части. Так и не пришлось что-либо сделать в свой первый боевой выход.

На операцию в составе полка мы стали готовиться 2 июня. Целый день укладывали в РД боезапас, сухпаёк на сутки, подгоняли амуницию. Рюкзаки получились тяжеленные, прямо-таки не подъёмные. Но всё, что нужно, было взято и уложено. Ничего лишнего не положили, ничего нужного не оставили. У меня с собой: СВД, гранатомёт РПГ-16, две гранаты к нему. На ремне ПМ, подсумок с четырьмя магазинами к СВД, литровая фляга с водой, аптечка, две гранаты РГД-5 и Ф-1, штык-нож. В РД более сотни патронов к винтовке, запасные гранаты, сухпаёк. На себе бронежилет и каска.

БМД были выведены из парка и выстроены в колонны рядом с расположением полка. Они всегда находились в полной боевой готовности, заправленные горючим и с полным боекомплектом на случай внезапной команды на выход. Но всё равно дополнительная проверка не помешает никогда. Дозагружали патронные ящики, гранаты, запас сухпайков помимо тех, что находились в РД. Так как готовились уходить на несколько суток, то и готовились с запасом. Никто не знал, куда пойдём после того как выполним эту задачу, домой или ещё куда-либо. На усиление прибыли танки и пехота на БМП.

Отбой произвели часов в восемь вечера. Уснули все мгновенно.

Подъём скомандовали в полночь. В половине первого ночи была дана команда на движение. Пошли. В машине, кроме механика-водителя, все дремали до места высадки. В

четыре утра прибыли на место и была дана команда – спешиться.

Кругом кишлак, темно, только гул наших машин слышен, команды и говор людей. Начали выдвигаться по направлению к горам. Идём по улице кишлака вдоль дувалов слева и справа, чтобы наблюдать за тем, что происходит на крышах домов. Довольно скоро подошли к подножью гор и стали подниматься на них.

Задача была поставлена: не пропустить банду, если она будет уходить из кишлака. Поднялись до половины горы и стали оборудовать позиции из камней в складках горы. Половина роты ушла на вершину для занятия господствующего положения. Довольно внезапно, как это бывает в горах, рассвело, но мы уже были на местах и готовы к бою. За горой разгорелась перестрелка и начался бой. У нас тишина и покой. Один раз, метрах в пяти, прошёл мальчик-пастух с овцами. Я приготовился стрелять, если он обнаружит нас, но, похоже, что он не заметил ничего подозрительного и продолжил гнать куда-то своих овец.

Целый день просидели на жаре без толку, и в 18 часов была дана команда - сниматься и выходить к машинам. Спуск оказался тяжелее, чем подъём. Немного задержались на спуске, и темнота очень быстро сгустилась. Проходя по кишлаку к машинам, шли очень осторожно, рота ушла вперёд, а так как мы прикрывали отход, то остались вчетвером. На крышах домов видели людей, которые настороженно и внимательно следили за нами. Если бы это были душманы, то уйти бы живыми не удалось. За голову шурави, так называли афганцы русских, главари банд платили 100 000 афганей.

Когда подошли к машинам, было уже совсем темно. Мы быстро заняли свои места в БМДшках и колонна пошла к месту временного лагеря. Достаточно быстро мы оказались на пункте сбора, находившегося у подножья гор. Кругом масса разнообразной техники: БМД, БМП, БТР, танки, колёсные машины. Подходят задержавшиеся группы и становятся на определённые места. Мы встали на отведённое нам место и быстро построились около машин для ещё одной проверки личного состава и оружия. Все и всё оказалось на месте, и была дана команда – отбой. Завтра предстоял ещё выход в горы. Устроились на своих машинах кто как мог, кто внутри,

кто снаружи. Уснули все мгновенно, сказались усталость и напряжение прошедшего дня.

По утру выдвинулись к месту новой прочёски, полезли в горы, но уже с другой стороны хребта. Пока шли по кишлаку, поели вишню, черешню, шелковицу.

Нам, кто из средней полосы Союза, такое изобилие в начале лета в новинку. Для нас, живущих в СССР, очень много странного и необычного в этой стране. Девушки в парандже и в джинсах, в континах (магазинах) теле и радиоаппаратура со всех концов света, не виданные продукты, одежда разных видов и фасонов. Деревянные лопаты и мотыги по соседству с тракторами. Полуторки времен второй мировой и современные грузовики разных марок, изукрашенные и обвешанные до неузнаваемости по местной моде. Тринадцатый и двадцатый век встретились в этой стране вместе.

Пока поднимались в горы, внизу, на другом конце широкого ущелья, где проходила операция, разгорелась стрельба и нам срочно поменяли задачу. Спустились чуть ниже и стали продвигаться вдоль склона к концу ущелья, что бы закрыть предполагаемый отход банды. Как оказалось, разведрота неожиданно встретила отряд душманов и вступила с ними в бой. Духи стали отступать к концу ущёлья. Наша рота, подойдя к узкому месту, где горы сжимают кишлак, спустилась вниз и приготовилась встретить отступавших огнём.

По мере приближения боя, над нашими головами стали посвистывать пули. Странное и совсем незнакомое чувство чего-то нового и опасного. Неожиданно всё стихло, и лишь кое-где были слышны одиночные выстрелы и короткие очереди из автоматов в ответ. Бандиты, почувствовав, что лезут на засаду, стали рассеиваться по кишлаку и прилегающие к основному мелкие ущелья. Неожиданно из-за домов показались солдаты афганской армии и мы, получив по рации приказ помочь им в прочёске одного из ответвлённых ущелий, покинули свои позиции и присоединились к их группе.

Ущелье, в которое мы пошли, было совсем не обжито и заброшенно. Нагромождение громадных валунов и поваленных деревьев создавали препятствия, через которые

мы с трудом пробирались. Афганские солдаты почти сразу отстали от нас и затерялись средь этого хаоса, созданного природой. Мы их должны были поддерживать в этой прочёске, а пришлось всё делать самим. Дошли почти до конца этого ущелья, никого не встретив на своём пути, и стали поджидать афганских солдат.

Наконец, те стали подходить к нам, и по их виду было видно, что они очень недовольны поставленной им задачей. Они, несмотря на приказы своего командира, просто отказывались идти дальше. Конечно, вид этого места, куда мы зашли, вызывал самые мрачные чувства. Высоченные скалы, круто уходящие вверх, трудно преодолимые препятствия, созданные природой, сумерки, как будто сгустившиеся здесь, усугубляли мрачную картину. Командир роты доложил по рации наше местоположение и получил команду на выход к машинам, которые уже подошли к началу этого ущелья. Афганцы скоренько стали выходить из этой теснины, а нам пришлось, прикрывая их отход, похожий на бегство, медленно продвигаться назад, поглядывая по сторонам, чтобы нас не обстреляли духи, которые могли притаиться в этих завалах.

Наконец мы вышли из этого мрачного ущелья. Яркое солнце, зелень и разнообразные краски природы встретили нас на выходе. Совсем другой мир предстал перед нами. Если не считать, что некоторое время назад здесь шёл бой, получали ранения и гибли люди, кое-где лежали убитые душманы, идиллия расстилалась пред нами. Хотя кое-где постреливали изредка. Пока поджидали роты, ушедшие дальше, вглубь основного ущелья, искупались в речке, поели свой сухпаёк, печенье и конфеты из разрушенного контина, покурили, расслабились, как говорится.

Стали подходить подразделения, которых мы ждали и, после того как всё собрались, колонна двинулась к временной базе на ещё одну ночёвку перед возвращением в Баграм. Всё трофейное оружие и боеприпасы, кроме интересных для специалистов экземпляров, было передано местному царандою (милиции). Задача, поставленная командованием, была выполнена: банда, состоявшая из нескольких сотен «духов», была рассеяна и частично уничтожена. Поговаривали, что в её составе были иностранные инструкторы, которые готовили бандитов для нападения на колонны, проходившие из Кабула в

Союз. На время, в этом районе, такая угроза была снята. В нашем полку в ходе боёв за эти два дня погибло три человека.

По возвращении в Баграм, на базу, боевые машины были сразу заправлены горючим и пополнены боеприпасами, на случай неожиданного выхода на боевое задание. Личное оружие было сдано в ружпарк. Полк продолжил заниматься боевой подготовкой и учёбой. Проходили соревнования и смотры, продолжалось обустройство территории части. Каждый вечер, на плацу, на открытом воздухе демонстрировались фильмы. Жизнь шла своим чередом. Только выход на позиции охранения вокруг базы, дежурный взвод, находящийся у КПП в постоянной готовности, да самолёты и вертолёты, взлетающие круглосуточно с аэродрома на выполнение огневой поддержки ведущих боевые действия частей нашей и афганской армии, напоминали, что совсем рядом идёт война.

Следующий выход, в район крупного населённого массива Заргаран, находившегося на трассе Кабул-Саланг, на операцию по уничтожению бандформирования состоялся почти через месяц после первого выхода. За этот месяц подразделения полка несколько раз выходили на различные боевые задачи и успешно, без потерь, выполняли их.

К выходу, стали готовиться за несколько дней. Судя по частым совещаниям командиров от батальонного уровня до полкового, предстоял очень серьёзный выход на боевые действия. Усилилась подготовка снайперов, авианаводчиков, всех узких специалистов. Механики боевых машин и зампотехи рот и батальонов с рассвета до заката находились в парке техники, ещё и ещё раз проверяя готовность БМД к выходу.

4 июля задача была поставлена так: две роты нашего 2-го батальона, 4-я и 6-я, должны подняться на окружающие кишлак горы, а 5-я должна вместе с афганскими подразделениями, местной милицией и активистами из числа местных жителей, при поддержке бронетехники прочесать кишлак. 3-му батальону поставлена аналогичная задача, но в соседнем ущелье. По сведениям разведки в тех местах находилось да полутора тысяч хорошо вооруженных душманов и несколько иностранных советников. Приказ был у всех один: уничтожить противника и по возможности не

допустить остаткам банды ухода в горы и в другие прилегающие районы.

Снова около полка стала собираться боевая техника различных типов: танки, БТР, БМП, колёсные машины. А мы укладывали свои РД и проверяли амуницию и оружие. Опять на плечи предстояло взвалить тяжёлый груз необходимых вещей, от бронежилета и аптечки до патронов и гранат. Хорошо, что гранатомёта на этот раз со мной не будет. Но всё равно вес носимых с собой вещей был большой.

К роте приданы расчёт АГС и миномёт, так что придётся всём нести и дополнительный боезапас к ним. По две мины или по двадцать пять гранат к гранатомёту. Кому что досталось. Сначала был смотр роты на предмет готовности к выходу, затем тоже на уровне батальона и, наконец, на уровне полка. Всё проверялось и подгонялось.

Командир полка гв. подполковник Сердюков на смотре полка сказал нам небольшую речь, из которой очень хорошо запомнились слова: «Сынки, я меньше всего хочу подписывать похоронки и отправлять цинки вашим родным. Поэтому не лезьте на пули в открытую, есть артиллерия, авиация, потребуется, подойдут танки. Встретили сильное сопротивление, вызывайте огонь на его подавление. Вы нужны дома живые и здоровые». Хороший у нас был кэп. Настоящий командир.

После смотра все разошлись по подразделениям и построились у своих палаток. Наш командир роты ст. лейтенант Гуляев тоже сказал несколько добрых слов и в конце предложил решить небольшую задачу: что лучше, больше патронов взять с собой в РД и выложить сухпаёк или оставить всё как есть. Все согласились, что лучше патроны. Будут патроны – еды добудем. Выложили сухпаёк, но оставили галеты и сахар. Доложили боеприпасов. Всё, мы готовы.

Ближе к вечеру к нам в роту привели афганских активистов из кишлака, куда мы должны будем идти. Вооружены они были все по-разному, одни с винтовками разных видов, другие с автоматами разных стран, а один был в каске с рожками, которая постоянно спадала ему на нос, а на плече висел немецкий автомат времён второй мировой. За приготовлениями незаметно подступил вечер, и в 23 часа была

дана команда на погрузку в БМД. Приданные афганцы и солдаты афганской армии поверх машин, мы внутри.

В 23.40 мы выехали. Дорога предстояла трудная и опасная, но все кроме механика, уснули. Утром надо быть в районе операции и пока окончательно не рассвело начать выдвижение в горы, чтобы отрезать пути отхода противника. Около часа ночи на дороге подорвалась БМД седьмой роты. Но колонна продолжала движение к месту высадки.

Когда мы подошли к входу широкого ущелья, к началу жилого массива, ещё только начинало рассветать, и мы рёвом техники разбудили жителей, а значит и духов. Мы покинули свои машины и вместе с приданными афганцами приступили к выполнению поставленной боевой задачи. Полезли как можно скорее на гребни гор и постарались пройти как можно дальше по ним. А машины двинулись по дороге в кишлак.

При форсировании одного из ручьёв была подбита из гранатомета 254-я БМД 5-й роты, 2 человека погибли, четверо ранены, один из погибших механик-водитель Олег Хазипов - из нашей роты. К сожалению, так распорядилась судьба, его передали на усиление в 5-ю роту на время операции. Наши машины с ходу вступили в бой и 5-я рота вместе с солдатами афганского полка начала выполнять боевую задачу. То, что там было трудно и жарко было понятно по звукам стрельбы. Грохот танковых орудий, хлопки безоткаток БМД и беспрерывный треск автоматов и пулемётов.

Ребята встретили упорное сопротивление неплохо вооружённого и подготовленного противника, но всё равно продолжали с боем продвигаться вглубь кишлака. Наша группа спустилась поближе к зелёнке, так как было понятно, что бандиты уже не полезут в горы. Они нас обнаружили и будут стараться отступать по зелёному массиву и между домами. Вскоре стало видно бегающих между домами и в зелёных участках местности людей с оружием. В нашу сторону полетели пули, и мы открыли огонь на поражение.

Злость пришла за погибшего товарища, нам сообщили по рации, что Олег погиб. Он открыл скорбный список потерь нашей роты в афганской войне. Было видно, как падали и уже не поднимались те, кто стрелял в нас. Хорошо работали расчёты миномёта и АГС. Было заметно, как после их огня замолкали огневые точки противника.

Всё продолжалось недолго, растерянность была у душманов, всё-таки не ожидали они нас сразу во всех местах их вотчины. Пешие и машины продолжали давить их в кишлаке и в горы не сунуться, мы уже там. Организованная оборона была сломлена, и бой распался на очаги сопротивления. Мы поднялись повыше и начали двигаться дальше, вдоль кишлака. Внизу уже не было слышно сильной стрельбы. Бандиты рассеялись и наши добивали тех, кто сопротивлялся. Афганцы начали прочёску местности, и наши бойцы поддерживали их.

А в это же время в соседнем ущелье 3-й батальон тоже встретил жёсткое сопротивление душманов. Завязался бой. Ребята сражались мужественно и упорно. Машина командира батальона, БТРД, была подбита, все находившиеся в ней были ранены.

То, что банда мощная и хорошо подготовленная говорит тот факт, что они не побежали сразу, а стали оказывать достаточно сильное сопротивление. Мы несли потери и в технике, и людях. Они умудрились сбить вертолёт, хотя средств борьбы с авиацией у них практически в то время не было.

Мы достаточно быстро ушли вперёд, чтобы перекрыть путь отхода бандитам. Вскоре поступила команда спуститься с гор, чтобы помочь при проческе кишлака. Достаточно быстро спустились по склону, чтобы не нарваться на неожиданный огонь, так как звуки боя происходившего в кишлаке уже подкатывались к нам всё ближе и ближе.

Перейдя через ручей, ребята стали осторожно приближаться к домам, проходя через виноградники и поля зеленевшие повсюду. Пройдя почти половину пути, они попали под огонь противника, который вёлся из-за дувалов и окон домов, несильный, но достаточно опасный, так как места для укрытия от него практически не было.

Мы вступили в бой с теми, кто засел в этих укрытиях. Кто-то залёг за камни, кто-то за небольшие глиняные стенки, разделяющие посевы, а некоторые преодолели расстояние до домов и больших дувалов бегом. Кто как оценил ситуацию, тот так и поступил.

Я, со снайперской винтовкой, прикрывал спуск группы с горы и оказался рядом с афганскими солдатами, которые при

звуках выстрелов расположились в низинке у ручейка и явно не хотели двигаться туда, где стреляют. Пришлось с сержантом Орловым пинками выгонять их наверх, чтобы они заняли позиции и вступили в бой. Не хочу оговаривать всю афганскую армию, многие дрались не щадя жизни, а некоторые просто не хотели воевать с бандитами. Те, что были с нами в этом бою, оказались из тех, кто пренебрегал своим долгом, а вскоре совсем ушли в сторону выхода из кишлака и мы их больше не видели.

Вскоре мы подавили огонь, который вёлся по нам, и духи растворились в кишлаке. Мы начали прочёску самостоятельно, без афганского подразделения, которое просто оставило нас одних и ушло. Вступая в мелкие стычки с бандитами, мы продвигались по кишлаку в сторону тех ребят из батальона, что шли к нам навстречу.

В одной из этих стычек погиб Роман (Равиль) Абдульминов. Скромный парень из Татарии. «Духи» выскочили навстречу, и произошёл встречный огневой бой. Мало их ушло живыми, но и Ромка погиб. Пришлось из нашей не многочисленной группы выделять пять человек, чтобы отнести погибшего товарища к машинам. Им предстояла нелёгкая задача: постараться незаметно, и не вступая в бой, вынести Романа к своим.

Бой продолжался, и по приказу вышестоящего командования наша группа двинулась опять к горам, так как с вертолётов, которые постоянно находились в воздухе и прикрывали наши войска огнём из бортового оружия, поступило сообщение, что некоторые группы душманов пытаются пробиться к горам, а этого нельзя было допустить.

Мы начали движение к склонам гор, и вдруг от комроты поступил приказ - вернуться. Затерялся в хаосе боя наш товарищ, Сергей Стерлигов. Все думали, что он был захвачен в плен или погиб. Но своих мы никогда не оставляли на поле боя, ни живых, ни мертвых. Начали искать по домам и дворам. Но спустя некоторое время нам сообщили, что он с боем прорвался к своей колонне боевых машин. Поняв, что он затерялся и самостоятельно найти нас не сможет, он принял решение идти на гул нашей бронетехники. Принёс трофейные автоматы, взятые им в стычках с духами при прорыве к своим.

Нагоняй потом он конечно получил, но хорошо то, что всё хорошо закончилось.

Душманы очень жестоко расправлялись с нашими военнослужащими, попавшими им в плен, или глумились над ранеными кого не смогли по тем или иным причинам вынести с поля боя и они временно оказывались на территории занятой ими.

Узнав, что Стерлигов у своих, мы двинулись в сторону гор. Нам предстояло ночевать на них, чтобы завтра докончить разгром банды. Несколько человек по склону гор пошли к нашим машинам для того, чтобы принести боеприпасы, а то мы в течение дня израсходовали их большое количество. Всё-таки хорошо, что мы оставили сухпайки и взяли больше боеприпасов. Духов от гор своим огнём отогнали вертолёты, и им пришлось возвращаться в кишлак под огонь наших товарищей.

По дороге собирали в каски разнообразные овощи и фрукты и пополняли фляги водой. Надо было что-то кушать, а за день мы могли только съесть немного галет и сахара в перерывах между стычками, на кратковременных передышках. Когда начали подъём по склону хребта, произошёл не очень приятный для нас момент, который мог закончиться большими потерями с нашей стороны.

Пара МИ-24, которая барражировала в воздухе, приняла нас за душманов и прошлась над группой для приготовления к атаке с воздуха. Для того, чтобы этого не произошло, надо было обозначить себя сигнальными ракетами или привести в действие специальный патрон, который давал оранжевый дым. Но за день мы очень много раз обозначали себя дымом и давали целеуказания ракетами, что истратили практически всё количество этих средств. Всё лихорадочно стали искать у себя по рюкзакам спасительные ракеты или дым.

Вертушки уже почти развернулись в нашу сторону, и головной вертолёт вышел на боевой курс для нанесения удара. Но видно то, что группа не разбегалась в разные стороны, как делали это бандиты, а кто-то махал руками, приветствуя лётчиков, удерживала пилота от того, чтобы открыть огонь. Один дым и пара ракет у кого-то нашлись, и мы избежали губительного огня своих вертолётов. Они прошлись над нами,

красивые и сильные, приветствуя покачиванием корпусами из стороны в сторону, и ушли за горы.

Вернулись наши товарищи с боеприпасами, и так как уже наступали сумерки, мы стали готовиться к ночёвке. Распределили, кто и где будет стоять в карауле и все, кто не был на постах, мгновенно провалились в сон. День был очень тяжёлый и в физическом, и в моральном плане.

В итоге, к концу первого дня боевых действий, наша рота потеряла двух человек. На участке действий нашего батальона и приданных ему сил банда была практически уничтожена, а оставшиеся в живых бандиты дезорганизованы и рассеяны.

На утро поступил приказ спускаться и присоединиться к основным силам для участия в прочёске кишлака и зелёной зоны. Мы начали осмотр домов и построек. Всё приходилось делать осторожно, так как те душманы, что не ушли ночью из ущелья через горы, могли оказать сопротивление, что иногда встречалось. То тут, то там вспыхивали перестрелки. Сопротивление одиночных бандитов быстро подавлялось, их уничтожали или брали в плен и передавали афганским милиционерам.

Особое внимание при обыске уделялось тем домам и постройкам, из которых было оказано сопротивление. Почти во всех них мы находили оружие и боеприпасы. Даже на женской половине дома могли обнаружить схрон оружия, хотя, по местным обычаям, вход туда посторонним мужчинам запрещён.

Начали появляться местные жители на улице и на своих огородиках, открылись магазинчики, первый признак того, что банды уже нет здесь. На этих участках, где затеплилась обычная жизнь, встретить бандитов и попасть под их огонь, было практически невозможно. Весь жилой массив был поделен на участки, группа домов и прилегающие поля и снова группа домов. Если в одной группе появились признаки жизни – бандитов нет. Но если на улочках и в огородиках пусто, надо быть настороже. Стрелять могут начать из любого строения или дувала. Используя эти признаки, наши бойцы могли немного ослабить внимание. Быть в постоянном напряжении и ждать удара очень тяжело и трудно.

Так дом за домом, участок за участком, подавляя редкие очаги сопротивления, мы и продвигались в глубь кишлака.

Хоть медленно, но обстоятельно. Только на одном участке, в очень красивом месте, на плато чуть выше основного жилого массива, домик, окружённый фруктовыми деревьями, с ручьём перегороженным запрудой и разлившимся за ней маленьким озерцом мы встретили неожиданное сопротивление группы бандитов.

Решив осмотреть напоследок этот участок, перед тем как закончить на сегодня свою работу и поднявшись на гребень, устроиться на ночёвку, мы наткнулись на пулемётный и автоматный огонь из этого изумительно – красивого места. Пулемёт стрелял длинными очередями, не давая поднять головы. Пули резали ветви над головами, втыкались в землю, рикошетили от камней. Автоматы вторили ему на каждое движение с нашей стороны, которое казалось духам подозрительным. Эта группа душман хотела продержаться до ночи и уйти в горы, а так как уже наступал вечер, темнота свалится, как всегда, неожиданно. На это они и рассчитывали. Мы ответили своим огнём. Завязалась сильная перестрелка.

Помощи нам ждать было неоткуда, до боевых машин далеко, вертушки уже ушли на базу. Да и помочь они вряд ли смогли бы, слишком близко находились позиции сторон. Наши приданные минометчики установили миномёт за маленьким дувалом и, согнувшись, почти лёжа, открыли огонь по противнику. Так же поступил и расчёт АГС. Одновременно в обход бандитов с флангов поползли несколько бойцов пробираясь в складках местности и меж камней. Им предстояло подняться выше по склону и отрезать путь отхода духам. Действовали быстро и слаженно, все прекрасно понимали, что в темноте бандиты могут уйти, а нам ещё предстояло подниматься в горы на ночлег и соседство с бандитами грозило очень беспокойной ночью.

Наш огонь заставил затихнуть сначала пулемёт, а затем стали замолкать и их автоматы. Они всё реже и реже огрызались. Короткими перебежками мы приблизились к тому, что раньше радовало глаза, а теперь представляло груду горевших и дымящихся обломков домика и построек. Дым и пыль заволокли бывший таким красивым сад, а теперь деревья и кусты были изломаны взрывами мин и разрывами гранат АГС. За очень короткий промежуток времени всё, что строилось и выращивалось годами, превратилось в кучи

мусора. В этом хаосе и обнаружились трупы четырёх душманов, завязавших этот бой. Тут же валялись их автоматы и пулемёт. Хорошо, что с нашей стороны не было даже раненых. Всё могло закончиться не так гладко.

Быстро собравшись, мы полезли выше и в сторону от этого участка. Пора было находить место, где можно было переночевать.

Как только рассвело, мы стали спускаться в кишлак для того, чтобы сегодня завершить задачу, поставленную перед нашими подразделениями. Там уже была совсем другая обстановка. Появились люди на полях, во всю шла торговля в магазинчиках. Банда окончательно ушла из этого ущелья, а тех местных жителей, кто примкнул к ним, отлавливали местные милиционеры.

Последнюю группу уходивших «духов» заметили высоко в горах, у самых вершин. Наведённые туда вертолёты добивали их с воздуха, только пыль стояла да доносились звуки разрывов от их бортового оружия, которое они применяли. Батальон продолжал продвигаться вперёд, обыскивая дома и строения, в пешем составе. Боевые машины шли сзади, по улочкам, готовые поддержать огнём свои войска. Но сопротивления уже не было. Мы шли уже почти в открытую, заходя во дворы и дома.

При обыске одного из дворов, заглянув под огромный, плоский, как стол валун, мы обнаружили там громадного варана, сидевшего в одном углу, а в другом углу - курёнка. Что их загнало туда - одному аллаху известно. Варана мы трогать не стали, а курёнка убили выстрелом из пистолета. Зажарили на шомполах, на разведённом тут же костерке, и впервые, за эти три дня, поели горячего, да ещё и мяса. Эти дни мы питались преимущественно галетами и сахаром, что были у нас в РД, да разнообразными фруктами, которые здесь произрастали. По нормальной еде соскучились ужасно.

При зачистке в эти дни мы обнаружили огромное количество разнообразного оружия. Похоже, что здесь бандиты собирались организовать опорную базу для многих банд. Мины, автоматы, винтовки, попадались пулемёты и гранатомёты. Всё это собиралось и грузилось на наши машины. То, что совсем недавно здесь шли бои, напоминали лишь воронки от взрывов, кое-где разрушенные дома и

постройки, из которых стреляли по нашим и афганским войскам душманы.

Дойдя почти до конца кишлака, наша рота получила приказ возвращаться к своим машинам. Для нас в этом месте война закончилась. Шли обратно уставшие, увешанные трофейным оружием, но, если потребуется, готовые к выполнению новых задач. Машины батальона начали выход из ущелья и направились на временную базу. Завтра предстояло идти на помощь 3-му батальону, которому достались более крупные силы противника. Они и сами бы справились, но мы, закончив операцию раньше, просто обязаны им помочь. Они поступили бы так же. Да и приказ командования не обсуждается.

Как и предполагалось, наша помощь 3-му батальону особо была не нужна. Пока мы втягивались в кишлак, где проходила их операция по уничтожению бандформирования, они с утра, добили остатки банды, и нам просто пришлось подчищать хвосты. Также проводилась проверка домов и дворов на наличие оружия и боеприпасов. Но ребята свою работу выполнили хорошо, так что наша зачистка была простой формальностью.

Афганская служба безопасности (ХАД) выявляла с помощью местных активистов пособников душманов. Стрельбы практически не было и всё проходило достаточно спокойно. Пришлось поработать саперам: при отступлении духи минировали дороги, дома, дворы. Сопротивлялись они упорно, что было видно по разрушенным домам. Но батальон выполнил свою задачу, хотя потерь избежать не удалось.

К полудню всё было закончено, все мотогруппы стали выходить из ущелья на временную базу. Думали, что идём домой, в Баграм, но оказалось, что по просьбе местных властей, нужно нашим полком помочь афганским силам в зачистке района по другую сторону Кабульской трассы. Там сплошная зелёная зона, кишлаки, виноградники, огородики, сады. Но это всё завтра, а пока наши подразделения пополнялись боезапасом и горючим. Впервые за эти дни поели горячей каши и хлеба. Попили чаю. Получился маленький перерыв между операциями. Спать улеглись часов в семь вечера. Устали.

С рассветом вся наша масса боевых машин двинулась к трассе, и выйдя на неё, встала на дороге вдоль зелёного массива. Расстояние между машинами было метров десять. Почти все орудийные башни были направлены в ту сторону, куда нам предстояло идти в пешем порядке. Машины командование не стало направлять в зелёнку во избежании ненужных потерь. Но своим огнём они могли поддержать нас в любой момент. В воздухе появились вертолёты огневой поддержки, и мы двинулись в зелёнку.

По началу всё происходило достаточно спокойно, афганские солдаты заходили в дома и производили осмотр их. Но по мере того, как войска углублялись в жилой массив, то тут, то там начинала возникать стрельба. Где-то это были просто несколько выстрелов, а где-то уже начинался сильный бой.

Практически каждый дом в Афганистане представлял собой крепость, пусть почти все они и сделаны из глины с соломой. Большой ли он был по площади или маленький, но это был маленький укрепрайон, и при желании можно было организовать серьёзную оборону. Чем духи и пользовались. В лоб, с наскока, взять эти крепости пехоте было очень трудно. Стены доходили до нескольких метров вверх, с окошками на уровне второго этажа, откуда можно держать под огнём прилегающую территорию. Достаточно мощные ворота, которые приходилось вышибать из гранатомёта. Даже ворвавшись во двор, который представлял из себя колодец, приходилось вести бой с засевшим на этажах противником. Войдя в здание, приходилось забрасывать гранатами комнаты, чтобы не нарваться на пули оборонявшихся.

Очень здорово при штурме таких домов помогали танки и вертолёты. Если танк мог подойти, чтобы ударить из орудия, нам предстояло, за редким исключением, спокойно подойти к тому, что осталось от дома. Снаряды танковых орудий запросто сносили и проламывали глинобитные стены, а мощные заряды при взрыве снарядов не оставляли практически никаких шансов у оборонявшихся. Только обломки говорили, что здесь находилось здание. Если же танки не могли подойти на прямой выстрел из-за разветвлённых сетей арыков и каналов или по каким-то иным причинам, то в бой вступали вертолёты огневой поддержки.

Они ракетами, авиационными пушками и пулемётами обрабатывали здание так, что оно превращалось в решето. Залп неуправляемых ракет - оставались развалины дома. Очень хочется поблагодарить танкистов и вертолётчиков за помощь. Благодаря их действиям были сохранены очень многие жизни наших солдат.

Душманы в лабиринтах своих улиц и домов, конечно, разбирались лучше, чем мы: могли появиться со всех сторон, открыть огонь и быстро уйти в не предсказуемом для нас направлении. Бой в населённом пункте всегда относился к одному из самых сложных видов боя. Так что, продвигаясь вперёд, приходилось вертеть головами в разные стороны, чтобы успеть заметить противника и открыть огонь первым. Так, двигаясь по зелёнке, осматривая дома и пристройки, мы выполняли свою задачу. Где-то наши группы не встречали сопротивления, что происходило довольно часто, а где-то приходилось вступать в бой и достаточно серьёзный.

В одном из таких штурмов здания, уже при осмотре его, осколком гранаты, брошенной душманами нам навстречу, был ранен в ногу Сергей Козлов и ранены трое афганских солдат. Бандитов, оборонявшихся в здании, мы уничтожили, а для эвакуации раненых вызвали вертолёт, который приземлился на чьё-то поле, не далеко от того здания, где происходил бой. Быстро оцепив нашими бойцами место приземления вертушки, раненых загрузили в вертолет, и он улетел в Кабул, чтобы доставить раненых в госпиталь. А мы продолжили выполнять поставленную задачу.

Дойдя до рубежа, который был указан в приказе, мы, немного отдохнув, двинулись другим маршрутом обратно к дороге, где нас дожидались боевые машины. Путь обратно был таким же нелёгким. Приходилось также преодолевать арыки, наполненные водой, пробираться через виноградники и засеянные поля и обыскивать попадающиеся дома.

Душманы, напуганные нашими утренними действиями, рассеялись по всему громадному населённому району и попрятались по одним им известным местам. Мы не встретили практически никакого сопротивления, только один раз при обыске автомашины, стоявшей у перекрёстка дорог в кишлаке, из одиночно стоявшего дома по группе был сделан выстрел из винтовки. Пуля ударила в кузов, не причинив никому вреда.

По этому дому ударили из всех видов носимого оружия. Но обыскивать не пошли, так как нас уже торопили вернуться на бронемашины.

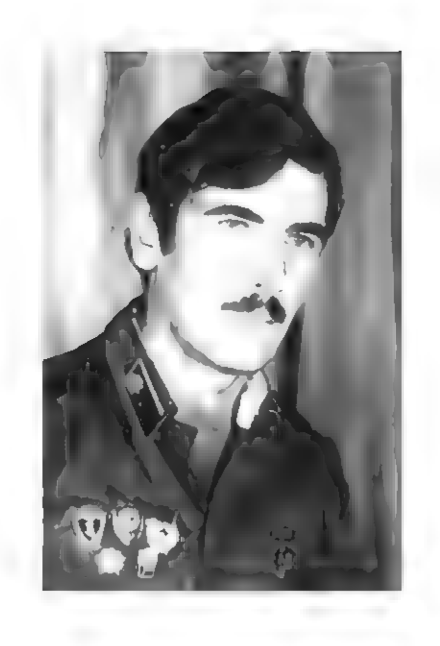
В этой машине мы нашли винтовку, пистолет и патроны к ним. Машину завели и мы, погрузившись в кузов, поехали к своим боевым машинам. Прибыв к колонне, машину отдали комендантскому взводу. Командиры, проверив наличие личного состава и оружия, дали команду занять свои места в боевых машинах, и колонна полка двинулась на базу в Баграм. Операция по зачистке района от бандитов была закончена. Но война в Афганистане только начиналась.

Несмотря на высокую выучку наших солдат, поддержку бронетехники, артиллерии и авиации, избежать потерь с нашей стороны не удалось. За время пятидневной операции в нашем полку погибло 17 человек, были раненые. Самые большие потери мы понесли в первый день боёв. Банда была хорошо вооружена, обучена и достаточно умело воевала. Сказывалось и то, что они действовали на хорошо знакомой им местности и умело использовали это. Но мы уничтожили большую часть их, а остальные бежали в другие районы. Не помогли им и иностранные советники, которые по данным разведки покинули своих подопечных в первый день нашего наступления на их логово.

У нас была Великая страна, СССР. Держава, в самом прямом смысле этого слова, и дела у этой державы были великими. То, что мы вошли в Афганистан, может и было ошибкой, как пытаются втолковать нынешнему поколению, моё мнение - обратное. Ошибкой было втягивание нашей армии в боевые действия, но приказы не обсуждаются, а выполняются.

Мы туда пришли не как оккупанты. Наши специалисты строили там дороги и заводы. Лечили и учили местных жителей, оказывали всякую помощь. Наша армия не только воевала с душманами, но и помогала налаживать мирную жизнь в стране. Я никогда не жалел, что попал в Афганистан. Там была настоящая школа жизни и мужества. Остались настоящие друзья с тех лет, те которые были проверены на деле, а не на словах.

Декабрь 2008 года.

Бойко Виктор Николаевич

Лейтенант стоял точно на здоровенькой, противотанковой мине ...

Я родился 1 января 1960 года в городе Дербент Дагестанской АССР. До призыва в армию окончил 10 классов средней школы. С 6-го по 10-й класс занимался спортом: легкой атлетикой, баскетболом, футболом. В составе сборной школы по баскетболу, где я был капитаном команды, на соревнованиях на первенство города мы всегда занимали призовые места.

После окончания школы у каждого возникает вопрос: «Что дальше? Поступать в институт, идти работать?» Я выбрал работу и устроился на консервный комбинат грузчиком. Моему выбору были удивлены многие, ведь школу я закончил без единой тройки. Но я для себя решил: сначала пойду работать, потом армия, а институт никуда не денется.

И вот, 13 апреля 1979 г., в сапогах и солдатской гимнастерке, отправляюсь в учебную часть в ГСВГ (Группа Советских Войск в Германии) на территории Германской Демократической Республики, в часть, где находилась 45-я школа военных поваров. Располагалась она недалеко от города Эберсвальд. Многие имена и фамилии, с кем мне пришлось пройти военную службу в ГДР, а затем и в ДРА, забылись, и я

заранее прошу извинения за допущенные неточности у действующих лиц в тех событиях.

Итак, стоим мы, новобранцы на плацу, а майор, командир части, говорит, какая важная честь нам выпала, что через 6 месяцев после учебы мы попадем в войска. И нет главнее и почетнее в армии должности, чем повар, конечно, после генерала. От его слов вроде бы стало полегче на душе. Может быть он и прав, что так и есть. Как говорится: «Война войной, а кушать хочется всегда».

Служба была нескучная. Проходили постоянные полномасштабные учения, ежемесячные визиты на полигоны и стрельбища, и на момент начала войны в Афганистане войска ГСВГ считались одними из наиболее подготовленных к боевым действиям. Служба проходила спокойно, но интересно.

Школу я окончил на отлично, и меня как одного из лучших, оставили для обучения новобранцев. В ожидании молодого пополнения жизнь казалась сказкой. Новый замполит организовывал нам встречи с немецкими школьниками и жителями поселка. Создал ансамбль из солдат срочной службы, и мы давали концерты в клубе части и местной школе. Ничего не предвещало изменений и вдруг…

Самый страшный проступок для повара – отравление солдат. И вот, 2 января 1980 года, когда я был вызван к начальнику штаба после ночной смены, то сначала подумал, что кого-то отравил. Напротив начальника, на столе, лежало моё личное дело и прочие документы.

«Ну, - сказал начальник штаба, - обстановку вы знаете, так что мы вас отправляем служить в Афганистан». Из ТВ программ ФРГ, которые там ловились, мы, в отличие от других граждан СССР, знали, что наши войска вошли в ДРА.

Распределение по военным частям прошло быстро, через две недели я уже был в Афганистане: сначала из Германии до Ашхабада на самолете, затем поездом до города Кушка (самая южная точка бывшего СССР). С этого момента для меня началась совсем другая служба!

После инструктажа и выдачи личного оружия с полным боекомплектом, посадили нас на автомобили Урал-4320, кузова которых обтянуты брезентом. В составе колонны из 7-8 машин мы тронулись в сторону границы. По пути к месту

дислокации нас обстреляли. Пули прошили верхнюю часть крыши, и, смотря на оставленные ими отверстия в брезенте, я понял – это не Германия!

Больше происшествий по пути к месту расположения 68-го отдельного инженерно-саперного батальона, расположенного близ поселка Адраскан, не было.

Командующим нашего батальона был майор, по национальности аварец, также родом из Дагестана. По его приказу никто не носил отличительных знаков – каждая лычка имела у душманов свою денежную цену. Таким образом, чем выше было звание, тем выше был шанс быть убитым «духами».

Основные части армии - пехота, снабжение, артиллерия и прочие, находились в районе Шиндада. Наше же расположение было примерно в 30-40 километрах от главных войск.

С помощью инженерных машин у местной речки сделали запруду, перегородив и расширив русло – образовалось небольшое озерцо, вроде бассейна. Озерцо вскоре стало знаменитым – искупаться приезжали и большие чины, и девушки из санчастей.

Палатки мы устанавливали, немного опуская под землю. Так было и прохладней и безопасней – при возможном обстреле труднее было попасть, хотя по началу местное население никакой агрессии не проявляло. Иногда майор выделял несколько машин на помощь местным – прокопать канаву или помочь с дорогой. Местные благодарили своеобразно: на часть никто не нападал и в целом в районе обстановка была спокойной. В Шиндаде же, куда мы выезжали за продуктами, творился ад, люди были обозлены и резки, повсюду чувствовался страх, а прямо в городе как попало стояли палатки.

Хуже было с медициной. Простую воду пить было нельзя, приходилось варить в ней верблюжью колючку, отчего вкус ее становился омерзительным. Многие болели желтухой, некоторые малярией. Ну а раны при жаркой влажной погоде подолгу не заживали и начинали гноиться.

На новом месте службы я был на хорошем счету – солдаты мои питались лучше, чем некоторые офицеры. Из

офицерской столовой ходили питаться ко мне, а в последствии я вообще был переведен в офицерскую столовую.

Примерно за полгода до моей демобилизации прислали нового, необстрелянного комбата. За эти полгода под его управлением батальон понес огромные потери – во много раз больше, чем за все полтора года до этого. В это же время участились и случаи самострелов и дезертирства.

Новый командир очень хотел выслужиться, но при этом не отличался особой сообразительностью. Иногда в нашу часть поступала разнарядка на вербовку местного населения. Майор Расулов в таких случаях обращался за помощью к части Афганских войск, находившихся неподалеку. Он говорил им: «Давайте так. Если вам нужна машина с водителем – я предоставлю. Снабжение – без проблем. Ну, а вы в свою очередь проводите агитацию и предоставляйте мне список призывников». Таким образом, вербовка проводилась мягко, с помощью местных жителей. Правда, в Афганской армии платили мало, и когда мы спрашивали афганских солдат: «Куда вы пойдете после армии?» Ответ был всегда один и тот же: «В бандиты. Там платят больше».

Новый начальник не был осведомлен о местных обычаях и поступал по другому – в назначенное время в афганскую деревню прибывали солдаты и забирали всех призывников по алфавиту. Он пытался показать себя в любой операции: за два месяца до демобилизации он вышел перед строем и сказал, что те, кто сейчас пойдут на очередную боевую операцию, после нее сразу будут демобилизованы. Из тех, кто согласился, четверо не вернулись.

Служба в Афганистане в Советской армии оплачивалась чеками – специальными квитанциями, каждая из которых была равна трем рублям. В Афганистане их принимали в каждой чайхане, а в СССР – в валютных магазинах - «березках».

Было и другое оправдание возросшим потерям нашего взвода в последние полгода. В начале войны у душманов практически отсутствовало снабжение. Бомбой считался глиняный горшок с порохом, взрывавшийся каждый третий-пятый раз. Затем заработали поставки западных стран: американские автоматы и «стингеры», китайские пулеметы, итальянские мины. При осмотре захваченного душманского

склада я находил сухое молоко из Японии, новозеландское мясо и сыр, американские крупы и прочие иностранные продукты.

В Великую Отечественную войну советским солдатам периодически выдавали фронтовые 100 грамм. Нам такого не полагалось, а необходимость иногда снять напряжение или помянуть погибших товарищей была. Но выход был найден быстро – гнали брагу буквально из всего.

Наиболее популярной была хлебная водка, но встречалась и брага на фруктах, напитках и т.д. Бывали и необычные случаи. Однажды один мой знакомый прапорщик уехал на неделю в Калининград в отпуск. Из отпуска с собой он привез несколько десятков одинаковых консервных банок – «Сельдь атлантическая». Зачем же селедка в такую погоду? Он в ответ хитро улыбнулся и сказал, что не все так просто. Затем взял одну из банок, открыл - внутри оказалась вишня в спирту.

Рядом с лагерем находилась афганская деревня. В ней была местная чайхана. Афганцы готовят великолепный чай, если, конечно, не обращать внимания на антисанитарные условия. И вот однажды мне и одному прапорщику приспичило среди ночи сходить туда попить чайку.

Входя в дверной проем чайханы, я успел заметить только несколько бородатых лиц местных жителей. Прапорщик сказал, чтобы я прикрыл, но я не понял и подумал, что нужно закрыть дверь, повернулся закрывать и в то же мгновение прапорщик уже тянул меня на улицу.

«Слушай, стрёмно мне, там все лица бородатые, это душманы наверняка – пойдем лучше к тебе чай пить, а?»

«Да там всегда лица бородатые! К тому же у меня только краснодарский».

«Наплевать, все равно пошли к тебе».

На утро, во время построения командир взвода вышел и объявил, что вчера ночью в чайхане, в соседской деревне, проходил совет командиров местных бандформирований. На наши с товарищем бледные лица косились, но ничего не спрашивали.

Еще одним развлечением во время жизни в лагере была рыбалка. Ловили мы сетью оглушенную динамитом рыбу. На «рыбалку» я ходил с одним лейтенантом, который очень любил такие вещи.

Работа сапера крайне сложна. Часто начальство приказывало переустанавливать мины в других местах – но как это сделать, если боекомплект мин только один и уже поставлен по изначальному плану? Из нашего взвода один лейтенант подорвался так - пошел снимать собственные мины. После этого случая солдаты категорически отказывались снимать мины (впрочем, переустановка мин в принципе запрещена техникой безопасности). Майор Расулов на задания минирования отпускал неохотно, в частности, меня: «Бойко, ты хороший повар. Что я буду делать без хорошего повара?». Но вскоре все же я был отправлен в составе группы из 30 человек на охрану перевала.

Горная стража

На перевал меня отправили в начале февраля 1980 года. Через месяц, когда там начались открытые боевые действия, нас заменили десантники. После нашего ухода там шли кровопролитные бои.

Я же во время службы на перевале исполнял свои обязанности именно как повар, то есть готовил завтра, обед, ужин. Плита была на обычной солярке, воду и продукты привозили из батальона. Так как, приготовив еду, обязанностей я больше не имел, график моей работы был ненормированным: появилась «плохая» привычка, не спать по ночам (так как днем я отсыпался) и от скуки проверять посты.

Моим помощником по кухне был Алик – по национальности киргиз. Он выполнял черную работу – подготавливал плиту, носил воду, следил за продуктами. И вот в один солнечный день с одной стороны прервала, внизу, мы заметили стадо баранов. Алик, приметив стадо, хитро улыбаясь, заметил: «Смотри Бойка, шашлык пасется».

Немного подумав, решил - а почему бы и нет? Когда мы начали спускаться вниз, мне пришло в голову – как же мы затащим барана на гору? На такой вопрос Алик ответил: «Эй, ара, никто тащить и не будет. Шашлик сам дойдет!»

Но вскоре выяснилось, что расстояние мы не рассчитали. Автомат оттягивал плечо, солнце пекло, а стадо начало удаляться. Поняв, что спускаться далее бесполезно, мы прилегли отдохнуть на склоне.

В это время мимо проезжал пассажирский автобус, и в какой-то момент я заметил вспышку фотоаппарата. Сначала мы не придали этому значения, но, когда автобус уже чуть отъехал, в воображении возникла обложка иностранного журнала с подписью «Русские вояки отдыхают на войне!» и нашей фотографией… Что-то крича, мы бросились догонять автобус, о тот уже проезжал наш КПП.

Добежав до заставы, мы доложили лейтенанту. Тот, не переставая ругаться, объявил тревогу – чтобы догнать автобус, он приказал завести старый грузовичок, на котором мы ездили за продуктами. Но несчастный «Урал», немного поворчав, заглох.

Впрочем, на следующей заставе автобус все-таки задержали, по нашему звонку. После задержания выяснилось, что фотографировал нас какой-то француз, причем не только нас, но и несколько соседних пропускных пунктов.

Застава наша состояла из нескольких постов, расположенных по периметру перевала, и центрального штаба, где располагалась и моя кухня. И вот, однажды, на одном из дальних постов, на котором в тот момент был Алик и еще один солдат, случилась тревога. Напали ли тогда на заставу «духи», или нет – неизвестно. Известно только, что, испугавшись подозрительного шороха в кустах, Алик с товарищем решили пальнуть «на шорох» из гранатомета. И пальнули - вверх. Когда к посту прибежали мы, Алик встретил меня фразой: «Ара, отпуск на хрен улетел!»

После этого случая нападения в нашем районе участились и на перевал прислали подкрепление – БТР с молодым водителем. БТР вкопали почти по самую башню на одном из самых высоких склонов и установили внутри прибор ночного видения. Водитель этот днем спал, а ночью должен был наблюдать за склоном в ПНВ (прибор ночного видения). Прошло несколько дней, и тут кто-то пустил слух, что солдат этот и ночью спит.

В одну ночь мы подобрались к БТРу и чуть приподняли крышку башни. Звонкий храп давал все понять без слов. Решили преподать урок.

Проснулся он от громкого стука автоматных прикладов о крышку люка, а наши голоса вещали с характерным для душманов акцентом: «Выходи, свынья русский, погибель

прышла твоя!». Спросонья он запаниковал: «Я…я не русский, я свой, я ваш!». Это было его приговором.

Избили мы его довольно сильно. Жестоко – может быть. Но по иронии судьбы, именно по этому склону через два дня попытались напасть духи.

Водоносы

За несколько месяцев до демобилизации, недалеко от нас, отряд советских солдат захватили в окружение. К месту окружения немедленно выдвинулись наши войска – и одним из первых был сформирован наш караван. В нашу обязанность входило обеспечить товарищей предметами первой помощи, медицинскими препаратами, патронами, пищей, но в первую очередь – водой.

В условиях жаркой местности перемещать емкости невероятно сложно. Одно неверное движение – и сосуд из любого материала радостно летит разбиваться о камни. Дополнительные трудности создавали мины – всё, что только могло быть заминировано, хозяйственные душманы заминировали.

Так только говорят, что минные поля имеют свой порядок, свои «коридоры» и «проходы». В условиях войны тактика установки мин проста: где указали, там и ставим. Мы по большей части, почти всегда, устанавливали противопехотные.

У душманов выбор был больше: мины противотанковые, мины-лягушки, «компостерные» мины. Принцип «компостерных» мин (такие производились тогда в Италии) довольно прост: мина срабатывает после определенного количества нажатий. Такие мины позволяют подорвать одновременно несколько целей – в начале, середине и конце каравана. Именно с такой миной мы и встретились – только благодаря везению, взорвалась повозка с вещами и лишь случайно мы не попали в этот момент под обстрел. Позже нам повезло еще больше. С саперами, проверяющими дорогу впереди, шел лейтенант. Шел чуть позади, по уже проверенной территории. И вдруг один из саперов случайно навел миноискатель на его ноги – тот замигал. Лейтенант стоял точно на здоровенькой, противотанковой мине. Но

благодаря тому, что лейтенант был небольшого роста и веса, мина не сработала.

В конце концов, воды мы принесли так мало, что каждому из окруженных досталось лишь по паре глотков – смочить губы. Ну и, конечно же, мы разделили долю окруженных. Помощь с вертолетов ситуацию не спасла – все сбрасываемое с них, что содержало воду, разбивалось о скалы. Затем, когда один из вертолетов был подбит неизвестно откуда вылетевшей ракетой «стингера», и эта помощь прекратилась.

Три дня мы находились в окружении. Непрерывно обстреливали, особо не сманеврируешь. Стреляли не прицельно, из дальних укрытий – душманы вообще редко идут в прямую атаку. Но осколки скал рикошетами доставались многим. Я, к примеру, получил легкое ранение в спину от отлетевшего осколка скалы. В эти три дня ни воды, ни пищи у нас практически не было.

После трех дней без воды, начинаются слуховые галлюцинации. Глаза краснеют, губы высыхают, язык прилипает к нёбу, кожа трескается по всему телу, которое требует хоть каплю драгоценной жидкости. Некоторые теряли сознание от жажды. Под палящим солнцем, под свистом пуль, под слоем пыли, казалось, что этот кошмар никогда не закончится. Он все же кончился.

Возвращение

За несколько месяцев до «дембеля» вдруг пробивает тоска по дому. Многие использовали любой шанс, чтобы попасть домой раньше. Я же для себя решил так: меньше буду геройствовать – целее вернусь.

И как бы ни были длинны дни начала лета, но долгожданный дембель настал – 21 июня 1981 года. Мы, солдаты, около 200 человек, летели в обыкновенном пассажирском Ту-154. До этого прошел слух, что как-то один из таких самолетов расстреляли душманы, поэтому все были с личным оружием – автоматами, выдававшимися под расписку. Маршрут полета был таков: Ташкент-Ереван-Ростов. Каждый из нас выходил в ближайшем к нему городе.

Через некоторое время после начала полета, к нам вышла стюардесса и объявила, что через 5 минут мы окажемся на территории Советского Союза. Следующие пять минут,

видимо, были одним из самых странных в ее жизни. Когда двести вооруженных мужчин начинают, как дети, прыгать и веселиться, едва не паля «в воздух» и угрожая падением самолету, испугается кто угодно. Самолет бы и упал, если бы командир самолета не вышел в проход и, матерясь, прикрикнул примерно следующее: «Вы, идиоты, если вы, блин, не померли в Афгане, то помрете сейчас оттого, что мы все нахрен грохнемся».

Радость от прибытия на родину была такова, что до Еревана полетели только 40 человек – остальные сошли в Ташкенте, соскучившись по Родине. Среди сошедших были ребята со всей страны, но лететь дальше, оставаться в самолете еще хоть пару часов после пережитой войны, они не захотели.

Я вышел в Ереване, со многими другими ребятами. Уважение к «армейским» видно было везде: почти весь день нас бесплатно возил по городу таксист – армянин. Когда нас останавливал милиционер, мол, почему вас в машине 8 человек, то, узнав, что это ребята с Афгана, с улыбкой отсалютовал и отпустил. Обедали мы бесплатно, а запас трехрублевых «чеков» позволял надеяться на безмятежное ближайшее будущее.

Затем мы купили билеты в Баку.

Утром 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, вечером 22 июня 1981 года окончилась моя война.

Вечером 22 июня я уже был дома. После демобилизации, взяв свою характеристику, я поехал подавать документы в Московский педагогический институт (довольно хорошо говорил по-английски, в Афганистане иногда выступал переводчиком). Но это уже совсем другая история.

Декабрь 2008 года.

Болкунов Сергей Федорович

С группой ХАДавцев провел разведку боем

Я родился 1 октября 1959 г. в г. Москве. Русский. Член КПСС.

Окончил в 1977 г. школу и поступил в Высшее пограничное военно-политическое училище КГБ СССР им. К.Е. Ворошилова. Службу проходил в пограничных войсках Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа в должности заместителя начальника и начальника заставы.

В 1993 г. закончил академию им. Ленина. С 1987 по 1989 г. проходил службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Узнал о начале Афганской войны в декабре 1979 г. – январе 1980 г., учась в военном училище.

В конце 1986 г. написал рапорт о направлении меня для дальнейшего прохождения службы в ДРА (Демократическая Республика Афганистан). Части подразделений пограничных войск участвовали в боевых действиях на территории ДРА с 1980 г.

С марта 1987 г. проходил службу в должности начальника пограничной заставы во второй ММГ (мотоманевренной группе) Московского пограничного отряда КСАПО.

Начальник ММГ - подполковник В. Момотов, с 1988 г. - подполковник К. Закурдаев.

Боевой путь проходил в северных провинциях Афганистана – Тахарская (Тахар), Кундуз, Бадахшан.

В период пребывания на территории республики Афганистан со своим подразделением выполнял следующие задачи:

- захват и контроль тактически-выгодных участков местности;
- контроль караванных путей, поставок оружия и наркотранзита вооруженной оппозиции;
- уничтожение отдельных банд-формирований;
- обеспечение и проводка транспортных колонн;
- проведение засадных и рейдовых действий на территории, контролируемой вооруженной оппозицией (моджахеды);
- оказание материальной и практической помощи местному населению.

Населенные пункты, где наиболее активно проводились боевые действия:

- Янги-Кала (10.1987-02.1988);
- Гумай (05.1987-06.1987);
- Чехиаб (03.1988-05.1988);
- Рустак (06.1988-07.1988);
- Тути (04.1988-10.1988).

Покинул территорию Афганистана 15 февраля 1989 г. в 15 часов 30минут.

Получил контузию в июле 1988 г. в ходе боевых действий недалеко от Чехиаба.

После вывода наших войск, в должности заместителя начальника ММГ проходил службу в г. Хороге Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана.

Награды:

- орден: «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени;

- медали:

«За отличие в охране государственных границ СССР»;

«Суворова»;

«За отличие в военной службе» (1-й и 2-й степени).

В течение десяти лет (1980-1989 г.) внимание мирового сообщества было приковано к событиям, происходящим в Афганистане.

После, так называемой, Апрельской революции, которая свергла власть короля М. Дауда, руководство СССР, не совсем учитывая своеобразие развития этой страны, расстановку политических сил, заняло позицию активной поддержки пришедшего здесь к власти правительства. Революционные преобразования в Афганистане фактически вылились в кровопролитную гражданскую войну. Государственная граница с южным соседом, некогда отличавшаяся относительной стабильностью, превратилась в «горящую черту», вся тяжесть охраны которой легла на пограничные войска СССР.

Со второй половины 1979 г. обстановка на советско-афганской границе, и особенно на участке, охраняемом войсками Краснознаменного Средне-Азиатского пограничного округа (КСАПО), резко обострилась. Оппозиционеры повсеместно создавали боевые группы и исламские комитеты, которые разгоняли органы местной власти, бесчинствовали в кишлаках, жестоко расправлялись со сторонниками кабульского режима.

Боевые группы моджахедов вышли к р. Пяндж на участке застав Пянджского, Московского, Хорогского отрядов и, блокировав немногочисленные афганские посты пограничной охраны, заняли господствующие высоты. Только в октябре 1979 г. до 600 моджахедов обосновались против участка 12-й погранзаставы Хорогского пограничного отряда. Правительственные войска ДРА, скованные боями в провинции Бадахшан, были не в состоянии бороться с мятежниками в приграничных районах.

В этой связи охрана границы на участке КСАПО была усилена людьми, бронетранспортерами и радиолокационными станциями. Хорогский погранотряд, на участке которого обстановка складывалась особенно напряженная, был усилен, мотоманевренной группой, тремя вертолетами Ми-8, прожекторами и дополнительным личным составом. Во всех погранотрядах округа были созданы внештатные мотоманевренные группы.

Однако, это не решало всех проблем. Требовались более энергичные действия, чтобы резко повлиять на стабилизацию обстановки в приграничье.

Для этих целей стала создаваться специальная группировка, включавшая в основном сводные боевые отряды (СБО) пограничников и теперь уже штатные маневренные группы, предназначенные для размещения гарнизонами непосредственно в северных районах ДРА.

В феврале-марте 1980 г. была предпринята первая крупная операция «Горы-80» по очистке от вооруженных мятежников приграничной афганской полосы в северной части Бадахшана под руководством начальника штаба КСАПО полковника В.Н. Харичева. Подразделения Хорогского, Московского и Пянджского погранотрядов на 30-ти БТР и БМП, под прикрытием 11 вертолетов Ми-8, во взаимодействии с высадившимся десантом провели чистку ряда районов и ликвидацию боевых групп А. Вахоба. В полосе глубиной до 10 км на протяжении более 150 км была освобождена от моджахедов вся кишлачная зона. С завершением операции в ряде населенных пунктов были выставлены новые гарнизоны пограничных войск.

Проведенные мероприятия потребовали дополнительных сил и средств. В этой связи КСАПО для усиления пограничных застав афганского участка и спецподразделений, действующих на территории ДРА, начал поступать личный состав, вооружение и техника из Восточного, Закавказского, Северо-Западного и других пограничных округов. Кроме того, в середине 1980 г. правительство СССР дополнительно выделило округу десятки БТР, БМП, вертолеты и значительное количество личного состава, автомобильной техники и оружия.

В течение 1980 г. в результате серии операций «Весна-80» и «Осень-80» в приграничных районах Северного Бадахшана и провинции Тахар пограничники освободили значительную территорию, что позволило афганским властям создать здесь органы власти, организовать и выставить подразделения охраны.

Всего за 1980-1981 г. спецподразделения погранвойск на территории ДРА повели десятки плановых и частных операций, сотни боевых рейдов и засад, которые

способствовали стабилизации обстановки и укреплению органов власти в северных районах Афганистана и, тем самым, обеспечили безопасность рубежей СССР.

В 1982 г. обстановка в Афганистане заметно осложнилась. Вооруженные выступления против государственной власти стали принимать все более массовый характер. Почти половина уездов и волостей северных провинций ДРА оказались под контролем оппозиции. Основные коммуникации, провинциальные и уездные административные центры были блокированы моджахедами, экономические объекты парализованы. Все это требовало принятия дополнительных и более решительных мер в борьбе с вооруженной оппозицией.

В начале года советское руководство расширило зону ответственности пограничных войск до 90-100 км вдоль всей советско-афганской границы и на Памире. Эта зона включала все провинциальные центры севера страны, основную рокадную дорогу вдоль границы и высокогорные районы Бадахшана и Тахара.

Была значительно увеличена группировка спецподразделений пограничных войск. КСАПО получил 7 вновь сформированных мотоманевренных групп, которые в ходе серии операций были введены в Афганистан и размещены в 6 провинциальных центрах на севере страны.

В этот же период в пограничных войсках было создано 7 десантно-штурмовых маневренных групп (ДШМГ). А с формированием отдельного авиаполка в г. Мары и отдельной авиаэскадрилии в г. Душанбе, а также с привлечением к боевым действиям авиации Восточного пограничного округа значительно возросли маневренные возможности спецподразделений пограничных войск.

Всего спецподразделения погранвойск к июлю 1986 г. имели 28 ММГ. 20 погранзастав размещались в 55 гарнизонах на афганской территории. В боевых действиях было задействовано более сотни БТР и БМП.

В широкомасштабных действиях погранвойска тесно взаимодействовали с соединениями афганских вооруженных сил, уже представляющими собой боеспособные формирования и способные противостоять крупным формированиям оппозиции. Как правило, в операциях

погранвойск принимали участие 2-3 пехотных батальона на БТР, оперативные роты и батальоны Царандоя и агентура ХАДа. Результатом проводимых операций являлось постоянное увеличение числа так называемых отрядов (комитетов) защиты революции. Например, в 1984 г. только в зоне ответственности пограничных войск действовало 210 таких отрядов, по 20-50 бойцов в каждом.

В 1982-1986 гг. спецподразделения погранвойск провели более 800 операций как самостоятельных, так и совместно с частями 40-й армий и афганских вооруженных сил. Особенно интенсивными они были в горных районах, где базировались или укрывались мятежники. Здесь боевые действия, по существу, велись постоянно.

В этот период пограничники прикрывали и сопровождали транспортные колонны, обеспечивали ввод (вывод) войсковых подразделений, участвовали в ликвидации караванов с оружием и боеприпасами. Последовательное или одновременное блокирование и чистка обширных районов расположения вооруженных формирований оппозиции и их горных баз являлись характерными способами действий погранвойск для основного периода их участия в афганской войне.

Таких образом, во второй (основной) период участия погранвойск в афганской войне в пограничных войсках была создана группировка специальных подразделений и авиации, способная проводить крупномасштабные оперативно-боевые действия в расширенной зоне их ответственности с высокими результатами.

Однако надежды на стабилизацию обстановки ДРА с пребыванием в ней советских войск не оправдались. Советские регулярные войска, втянутые в гражданскую войну, оказались не подготовленными к партизанской тактике наступательных и оборонительных действий душманов. Приобретение опыта контрпартизанской войны сопровождались ощутимыми потерями. «Интернациональная помощь» афганскому правительству осуществлялась без учета исторических и национально-этнических особенностей страны, методами и средствами, не соответствовавшими уровню общественного сознания коренного населения.

Для обеспечения безопасности, советско-афганской границы и предотвращения бандитских действий снова были прикрыты с афганской территории советские города и населенные пункты Кушка, Термез, Пяндж, Московский, Хорог и ряд других, а также все мосты и переправы. Для этой цели выделялись специальные подразделения. Заставы и погранотряды усилили личным составом, артиллерией, в том числе и реактивной и боевой техникой. Округ получил дополнительно вертолеты и самолеты.

Тутийская операция

«Родной» Рустак

Восточный адрес неизвестен,
Мы расположены в горах.
Наш мир бесспорно очень тесен,
К нам долетишь лишь на «бортах».

Но говорить мы зря не станем,
И в самом деле было так.
Для нас во всем Афганистане,
Нет лучше места чем Рустак.

На мотив «На безымянной высоте». В.Мазур

Со временем, естественно, притупляется восприятие войны, стираются в памяти подробности происходившего, забываются непривычные, диковинные названия кишлаков и провинций, где наши офицеры и солдаты Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), в том числе подразделения и части погранвойск КГБ СССР, познали истинную цену человеческого, воинского братства, истинную цену человеческой жизни.

Специальным подразделениям погранвойск в ДРА было запрещено участие в боевых операциях без разрешения Москвы. Как только это стало известно полевым командирам мятежников, обстановка в зонах ответственности пограничных войск резко осложнилась. Получив свободу передвижения к середине 1987 – началу 1988 года, они начали восстанавливать

свои ранее разгромленные базы, восполнять потери в живой силе и вооружении в основном из Пакистана.

Принятое в 1986 году решение руководства СССР о выводе ОКСВ с территории Афганистана еще больше подхлестнуло моджахедов к активизации боевых действий. Воодушевленные оппозиционеры значительно усилили борьбу за расширение сфер влияния, консолидировались вокруг Исламского общества Афганистана (ИОА). Они начали свергать законную власть в провинциях, осуществлять дерзкие налеты, засады на гарнизоны, колонны ОКСВ и на спецподразделения КГБ СССР.

Много пришлось мне с боевыми друзьями пройти километров пыльных афганских дорог, сопровождая колонны с грузом, в том числе и с гуманитарной помощью афганцам, ходить в рейды, сутками лежать в засаде на караванных тропах, прикрывать важные объекты, идти на выручку попавшим в беду разведывательным группам, экипажам подбитых вертолетов («вертушек»).

Всего сразу и не припомнишь. В общем, выполняли обычную ратную работу. Но в памяти особенно отчетливо осталась операция по разгрому бандформирования ИОА в районе кишлаков: Тути, Сар-Рустак, Рустак и частично Чехиаб в апреле-мае 1988 года в Тахарской провинции северного Афганистана.

В апреле 1988 г. вооруженные бандформирования полевого командира «инженера» (ИОА) Башира захватили город Рустак и населенный пункт Сар-Рустак в провинции Тахар, выбив из них подразделения народной милиции (Царандоя), службы безопасности (ХАД) и народного ополчения. Захват этих населенных пунктов создал реальную угрозу вывода объектов пограничных войск ограниченного контингента из Рустака и Тути. Кроме того, создалась реальная угроза окружения и уничтожения гарнизона в населенном пункте Тути в 100 км от государственной границы.

8 апреля, одна из колонн, следовавших по маршруту «Рустак-Тути», подверглась обстрелу со стороны отряда оппозиции. На фугасе подорвался бронетранспортер (БТР-70). Появились убитые и раненые. ДШМГ (десантно-штурмовая маневренная группа) Московского пограничного отряда

(командир В. Масковенко) захватила высоту и вели бой по ликвидации отрядов душманов в районе кишлака Сар-Рустак для дальнейшего продвижения колонны и удерживания своего участка на рубеже блокирования населенного пункта Рустак, захваченного формированиями «инженера» Башира. В ходе боя погиб старшина И. Рахманов, тяжелое ранение получил подполковник В. Масковенко и старший лейтенант А. Сайгашин.

С целью разгрома бандформирования, насчитывавшего 250-300 человек (имевших 4 миномета, 2 безоткатных орудия и 3 ДШК), по согласованию с Москвой, было принято решение о проведении частной войсковой операции силами 3-х ММГ, 3-х ДШМГ, ударной вертолетной группы и сводного артиллерийского дивизиона в районе города Рустак и населенного пункта Сар-Рустак и деблокаде гарнизона Тути. В операции также принимали участие подразделения Царандоя и Сомата (вооруженная группировка, поддерживающая правительство Наджибуллы). Общее руководство операции было возложено на генерал-лейтенанта А.Н. Мартовицкого.

Операция началась с высадки и захвата площадок десантирования господствующих высот ДШМГ. В ходе высадки пограничники столкнулись с сильным оружейно-пулеметным огнем противника, в том числе с использованием ДШК и гранатометов, и понесли потери. Своими действиями личный состав ДШМГ ограничил возможности бандформирования к маневру. Одновременно из районов сосредоточения (20 км от населенных пунктов), сметая заслоны и заставы прикрытий бандформированию, начали выдвигаться бронегруппы и группы из состава задействованных ММГ. Их продвижение обеспечивалось действием вертолетных звеньев и действием разведывательных групп в тесном взаимодействии с оставшейся агентурой ХАДа. Артиллерийские подразделения маневренных групп (расчеты 120-мм минометов и систем залпового огня БМ-21 «Град») нанесли огневое поражение по выявленным огневым средствам и обороне бандформирования. На всем пути выдвижения, бронегруппы столкнулись с ожесточенным сопротивлением.

Бронегруппы были вынуждены продвигаться скачками от одного рубежа к другому, преодолевая сопротивление

моджахедов. Кроме прямого вооруженного сопротивления, противник активно проводил идеологическую обработку местного населения с целью привлечения местного населения на свою сторону и затруднения продвижения колонн.

В ходе выдвижения второй ММГ Московского пограничного отряда в 15 км от населенного пункта Сар-Рустак бронегруппа сбила очередной заслон душманов. В районе основных позиций минометной батареи показалась группа мусульманских женщин. Они попытались пройти через огневые позиции минометчиков. Через переводчика Бабоева женщинам было предложено покинуть данный район. Что они «немедленно» и сделали, отойдя на 100 м от огневых позиций минометной батареи и в течение 10 минут, стоя на месте громко, кричали и размахивали руками. После чего, они удалились в сторону близ лежащего кишлака.

Бронегруппа стала свертывать боевые порядки с целью дальнейшего продвижения в сторону Рустака. В это время разведчики доложили, что в ближайшем кишлаке слышны крики, отдельная стрельба и сосредоточение групп местного населения.

Посланные в кишлак, разведчики вместе с представителями ХАДа выявили следующее: что за 30 минут до описанных выше событий в кишлак пришел неизвестный мусульманин, объявивший себя дервишем. Поговорив с группой женщин и заплатив «Афгани», он поставил им задачу – выдвинуться в район огневых позиций минометной батареи, постараться войти в контакт с личным составом, после чего, быстро вернутся в кишлак и распространить слух, что они якобы были подвергнуты физическому насилию со стороны русских. Тем самым, они должны были спровоцировать местное население к активным действиям по затруднению движения бронегруппы.

Проведенная ХАДавцами разъяснительная работа позволила успокоить местное население. «Дервиш», как ни странно, успел вовремя покинуть населенный пункт. В дальнейшем следы его «грязной» работы прослеживались на всем пути следования бронегруппы. Идентичные идеологические диверсии осуществлялись и на маршруте выдвижения других бронегрупп, вблизи площадок

десантирования ДШМГ, в населенных пунктах Рустак и Сар-Рустак.

Отдавая должное работе сотрудников ХАДа, эти идеологические диверсии быстро пресекались, и виновные несли заслуженные наказания по мусульманским законам. К 13 часам подразделения вошли на рубежи блокирования, осуществив тем самым изоляцию района опорных пунктов бандформирований. На рубеже блокирования была организована система огня, оборудованы как основные, так и запасные позиции для огневых средств, боевой техники, личного состава, осуществлена постановка минно-взрывных заграждений. Развернуты фильтры-пункты для приема местного населения из района населенных пунктов Рустак и Сар-Рустак.

Всю ночь производилось инженерное оборудование рубежа блокирования. Одновременно производилась войсковая разведка подходов к населенным пунктам, выявлению месторасположения огневых точек и позиций моджахедов. Все эти мероприятия осуществлялись в условиях постоянного огневого контакта с противником.

На рассвете я с группой ХАДавцев провел разведку боем с западной оконечности города Рустак. Было дополнительно выявлено построение системы обороны на данном направлении. В ходе этого боя было уничтожено 12 моджахедов. Мы потеряли 3 человек убитыми и 4 раненными из состава ХАДавцев.

В 12 часов по выявленным огневым средствам были нанесены бомбоштурмовые удары фронтовой авиации. При этом моджахеды пытались уничтожить боевые вертолеты Ми-24 из ручных гранатометов. Заметив огневые позиции моджахедов, ведущих огонь по «вертушкам», экипаж одной из боевых машин пехоты - ефрейторы В. Шкуренко и С. Дралов в считанные минуты огнем из БМП уничтожили огневые расчеты противника.

Отработав, вертолеты ушли на аэродромы для пополнения боеприпасами и горючим. Огонь открыла артиллерия, в том числе и система залпового огня. Особо отличился расчет БМ-21, руководимый командиром минометной батареи кавалером двух орденов Красной Звезды капитаном И. Историным.

Перед началом огневого налета, местному населению, по указанным коридорам, было предложено выйти из района, контролируемого бандформированием. Вышло около 30 человек. Среди них, службой ХАДа, были выявлены и участники бандформирования. Около 13 часов сводная группа Царандоя и Сомата начала штурм населенного пункта, и к 14 часам им удалось овладеть южными и западными окраинами населенного пункта. Их успешному продвижению во многом способствовало четкое огневое прикрытие и поддержка взводом АГС-17 под командованием старшего лейтенанта В. Мальцева из состава Московского ММГ.

Но сильный оружейно-пулеметный огонь не позволил им продолжить атаку и зачистку вглубь населенного пункта. Весь день проводилось огневое подавление, выявляемых огневых средств моджахедов. Развернулась снайперская и контрснайперская борьба. Так, около 16 часов на западной оконечности Рустака в отдельно стоящем разрушенном строении огнем крупнокалиберного пулемета, произведенным старшим лейтенантом Г. Точиненным, был уничтожен снайпер, старавшийся уничтожить начальника 2-й ММГ подполковника В. Момотова и меня, капитана С. Болкунова, проводивших рекогносцировку.

С наступлением темноты противник попытался, оставив подразделения прикрытия, прорваться в юго-восточном направлении из района блокирования. Одновременно в их направлении была предпринята попытка прорыва группы в 50 человек с целью их деблокады.

В ходе 2-х часового ночного боя подразделения Московского ДШМГ воспрепятствовали прорыву моджахедов в юго-восточном направлении и их деблокады. Спешившая им на выручку группа была полностью уничтожена. С утра подразделение, занимающее рубеж блокирования, открыло массированный огонь по позициям моджахедов. Боевые машины пехоты прямой наводкой уничтожали позиции огневых средств и легкие инженерные сооружения (дзоты) моджахедов. Постепенно огневое сопротивление последних заметно снизилось.

Часть моджахедов под видом местного населения попыталась покинуть район боевых действий. Частично они были уничтожены и захвачены представителями ХАДа. В

полдень, поддерживаемые огнем БМП и минометов, царандоевцы пошли в атаку. К 16 часам город Рустак и населенный пункт Сар-Рустак были полностью освобождены подразделениями Сомата и Царандоя. Наши саперы приступили к разминированию минных полей и отдельных объектов в Сар-Рустаке и Рустаке.

В ходе операции по разгрому бандформирования было уничтожено около 150 моджахедов. Изъято большое количество стрелкового оружия, в том числе и 3 безоткатных орудия, минометы, склад с боеприпасами. В ходе проведения этой операции наши потери составили 12 человек.

Так закончился центральный эпизод боевых действий в районе населенных пунктов Рустак-Тути и Чехиаб. Колонна успешно прошла до Тути. С боем были сбиты заслоны моджахедов вокруг объекта. В населенном пункте Чехиаб, Сар-Рустак и Рустак восстановлена местная власть.

Зачистка района от остатка бандформирования продолжалась до середины мая 1988 года. В ходе зачистки был уничтожен полевой командир Наби со своим отрядом. С 16 мая личный состав ДШМГ и ММГ выдвинулся в Пянжскую зону ответственности для обеспечения вывода первых подразделений ОКСВ из Кундуза.

Мне, как участнику той операции, очень хочется отметить моих товарищей: майоров А. Башта и Б. Строкач; старшего лейтенанта Е. Стоенко; старшего прапорщика Н. Кошарного и прапорщика М. Стома; сержантов В. Курбанова, Бабоева и П. Гоцмана; ефрейторов В. Ляш, В. Косян и В. Клеменко; рядовых С. Кугаевского, и К. Сапрыкина. Особо, сердечные слова за жизни солдат и мирных жителей хочется выразить командиру саперного взвода - старшему лейтенанту В. Соколову и его заместителю - старшему лейтенанту Басову.

15 февраля 1989 г., вслед за 40-й армией, все спецподразделения пограничных войск вышли на советскую территорию. Последней в 16:39 пересекла границу 5-я мотоманевренная группа Тахто-Базарского пограничного отряда. Подразделения пограничных войск свою задачу выполнили. Их действия способствовали сохранению стабильности на советско-афганской границе. В то время,

когда в Афганистане шла война, населению советского приграничья была обеспечена мирная жизнь.

В Афганистане за десять лет войны побывало несколько десятков тысяч пограничников, 518 из них погибли. Абсолютное большинство погибло при ведении боевых действий, непосредственно в боестолкновениях или скончалось от полученных ран. При выполнении возложенных на них боевых задач, пограничники неизменно проявляли взаимовыручку, мужество, героизм.

Ни один из погибших пограничников не остался лежать в чужой земле. Ни один пограничник не попал в плен и не пропал без вести. Тысячи воинов границы награждены орденами и медалями, а 7 пограничников были удостоены звания Герой Советского Союза.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Васильев Владимир Андреевич,*** *студент 1-курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Борискин Геннадий Ефимович

Колонна вошла в ущелье

Я родился 14 августа 1962 года в Мордовии. По национальности - мордвин. Христианин. Состоял в КПСС по 1987 год.

В настоящее время возглавляю Региональную общественную организацию ветеранов и инвалидов межрегиональных конфликтов «Ограниченный контингент» общей численностью около тысячи ветеранов пяти районов Москвы.

В 1979 году окончил школу. Поступал в «Крупскую», но затем забрал документы и пошел в армию. В 1985 году поступал в Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), но из-за проблем с преподавателем вынужден был уйти.

О начале войны узнал еще до призыва. Ходили слухи о начале боевых действий в Афганистане. В это время один из моих друзей служил. Как он писал, они ходили в афганской форме.

Призвался осенью 1980 года. Начинал службу в Азербайджане в городе Кировабаде (Гяндж). Прослужил там 7-8 месяцев. Как-то собрали около триста человек со всей

дивизии для отправки в Афганистан, где не хватало бойцов. Я попал в их число.

Нас спрашивали, хотим ли мы служить в Афганистане. Естественно, никто не отказался. Сначала нас отвезли на электричке в Тбилиси, затем в Ереван, и на самолетах спецрейсом в Кабул, где было расположение части. Это был октябрь-ноябрь 1981 года. Попал в 350-й воздушно-десантный полк. Начинал службу рядовым, но вскоре получил звание сержанта.

Командиром нашей роты был капитан Осадулин. На одной из операций ему раздробило ноги. После него командиром стал, в то время еще старший лейтенант, Николай Вячеславович Виноходов, с которым я поддерживаю связь и в данное время.

Воевал практически на всей территории Афганистана, кроме разве что западной его части. Участвовал в Паншерской (весна, май 1982 года) и Чарикарской (февраль 1982 года) операциях.

Военные боевые действия закончил в госпитале города Кабула. Осенью 1982 года, в звании сержанта.

Ранения:

1. Контузия в апреле-мае 1982 года.
2. Контузия, через месяц после первой.
3. 5 августа 1982 года, 19% ожогов. Пролежал три дня в Кабульском госпитале, затем две недели в Ташкенте, затем в Ашхабаде.

Демобилизовался из госпиталя 30 октября 1982 года.

После Афганистана устроился работать на завод сборщиком роторов. Затем меня выбрали депутатом 2-го созыва (1985-1990 гг.).

Награжден медалью «За отвагу» в 1982 году после выписки из госпиталя. Подписал приказ Георгадзе. Медаль вручили в военкомате по прибытии домой.

Дороги Афганистана

Я пошел в армию по собственному желанию. Как-то и не думал, что попаду в Афганистан, и буду воевать на самом деле. Да и скрывалось ведь все. Хотя друг был у меня, отец у него переводчиком работал в посольстве индийском. Так вот,

когда провожали меня в армию, он мне сказал, что попаду я в Афганистан. Кто же знал, что так и будет.

Начинал я служить в Кировобаде, прослужил там 7-8 месяцев, потом начали выбирать людей. Стало ясно - для отправки в Афганистан. Честно, не очень хотелось попасть в этот список. Но от судьбы не уйдешь.

Собрали нас на плацу, человек триста, командир рассказал, что, мол, нас выбрали для пополнения воинских соединений на территории Афганистана. Потом он к каждому солдату подходил и лично спрашивал согласия. Кто мог отказаться, как потом в глаза смотреть другим.

Осенью нас доставили в расположение. Прежде всего пугала неизвестность, не знал, что меня ожидало. Как вышли из самолета, сразу теплом ударило в лицо, но нам, так как мы служили в Азербайджане, было довольно привычно. В Кировобаде не раз бегали марш броски по 80 километров. И это при 50 градусной жаре. И вообще климат – днем жара, вечером ветер с песком пронизывает насквозь, песок везде просачивается.

Разместили нас в модульном клубе. Начали распределение. Предложили всем умеющим остаться и играть в оркестре. А я до армии неплохо играл на трубе, мог бы и не рисковать жизнью, тихо отслужить, но вместе приехали на войну, вместе и домой вернемся. Не позволяла мне совесть бросить товарищей. Служил в 350-м воздушно-десантном полку, в 6-й роте 2-го батальона.

В расположении жили в блиндажах (они представляли собой метровое углубление в земле, сверху палатка, внизу деревянный пол), попутно возводили комфортные палатки и устанавливали новые модули. Всегда проверяли технику, помогали с ее техническим осмотром. Ведь на нее надежда в бою. Сами свое оружие пристреливали. А по большому счету времени свободного не так много было. Я до армии активно спортом занимался, а тут не успевал просто. Но знал Ивана Ситника, он служил в разведывательной роте. Для него спорт это все. Помню, после боев все отдыхают, а он на спортплощадке занимается! Нам категорически нельзя было фотографировать. Правительство все старалось скрыть. Даже почту проверяли. Но мы все равно умудрялись перехитрить их и присылали фотографии домой, тем, кто ждал нас. Один раз

Бабрак Кармаль принимал военный парад. Нас тщательно готовили к нему, маршировали каждый день. На параде он лично вручал памятные подарки отличившимся бойцам.

Всего пробыл в Афганистане более года. За это время из тех, кто со мной начинал служить погиб Александр Пивцайкин. Так как был в десантном полку, то кидали нас всюду, по всей территории Афганистана. Очень часто поднимали нас по тревоге, на помощь товарищам. Со мной прошли службу два сержанта – Меметов Сергей с Краснодара и Чабановский Юрий из Одессы. Самые дальние операции это те, которые были на севере. Сначала нас самолетами доставляли до баз в те районы, где мы были нужны, а потом уже на вертолетах непосредственно до кишлаков.

Страшно было заразиться гепатитом или брюшным тифом. Для афганцев это уже как для нас простуда, а тут каждый второй в моем полку болел. Был случай: один из солдат подцепил брюшной тиф. Врачи ему делали операцию целых 12 часов! И это просто чудо, что он выжил. Поначалу тех, кто был инфицирован, отправляли в госпиталь в Союз. Но обратно старались не возвращаться – находили любые причины, чтобы не ехать. Поэтому вскоре всех лечили на месте.

Рассеянный солдат

Были, конечно же, и смешные случаи. Служил со мной Александр Половников. Он вообще окончил школу с золотой медалью, был очень рассеянным, ему бы в институте учиться, а не по «духам» стрелять. Как он попал в армию-то, а уж тем более в Афганистан никто не знает, только догадываться остается. Постоянно спал на посту! Идешь проверять караулы, смотришь, стоит, спит, качается… нельзя же так, ведь могут и самого его и его товарищей убить, что называется во сне.

Бывало, подойдешь аккуратно, камушек в него кинешь, глядишь, просыпается и сразу невинный такой: «Ген, я не спал, нет!» Тут наказать его надо, да и жалко. Ну что с ним поделаешь. Идет наше отделение цепью вместе с ним же по крутому склону – сбоку пологая пропасть. Вдруг он исчезает, думаю все, разбился он. Полезли за ним, кричим: «Сашка, ты живой? Ты где там?» Слышим, отвечает что-то – живой, слава Богу.

Однажды он нас так удивил, что потом и меня и взводного командование потом долго отчитывало. Дали тогда нам задачу взять штурмом высоту, с засевшими там «духами». Но силами пехоты не смогли так просто, с налету, захватить. Приказали отступить, решили провести артиллерийскую подготовку, а потом с помощью танков попытаться взять эту точку. Отошли мы, начали пересчитывать личный состав. Смотрим, нет одного человека – опять Половникова. Тут началось: связываемся с артиллерией, отменяем подготовку – там же наш боец, бегом назад. Видим, за валунами лежит, не реагирует на наше приближение никак. Ну, думаю все, убили парня. Подходим ближе, чтоб хотя бы тело забрать, а он спит!!! И это, не смотря на разрывы снарядов, автоматные и пулеметные очереди!

Первый бой

Первый бой нельзя забыть. Это потом стрельба и выполнение поставленной задачи становятся обыденностью, забываются, как простой день из жизни. Уже через неделю после прибытия мы приступили к прочесу кишлаков. Первый бой был как игра – вспомнилось детство: штурм снежных крепостей, куча снежков летит в нашу команду, и мы не остаемся без ответа. И тогда, нас десантировали с вертолетов. Почти сразу началась атака. Мне все хотелось посмотреть, кто и откуда стреляет, как летят пули, снаряды. Все пытался высунуть голову из укрытия. А это уже верное самоубийство. Ведь большинство и гибло от своей неопытности. Все было как бы понарошку, пока не появились первые раненные, не стали слышны их стоны, крики умирающего противника. Вот тогда и осознается вся суть войны, весь ее ужас.

Боевые операции

Шел восемьдесят второй год. Мы двигались в узком ущелье. И в том месте, где русло делает поворот, по нам открыли ураганный огонь. Мы заняли круговую оборону. Бой шел до позднего вечера, пока не ушли «духи». В нашей колонне были потери: один раненный и один убитый. Моему отделению было приказано эвакуировать тело и бойца с ранением к нашим частям. Тяжело осознавать, что вот так

легко, одной пулей пресекается жизнь. Убитого мы несли на самодельных носилках из двух СВД, связанных между собой. А с раненым было тяжелее, нужно было ведь вовремя дать лекарства, обезболивающее, воды. К тому же и быстро не пойдешь, каждое неаккуратное наше движение – нестерпимая боль для него. После этого мы даже не отдохнули толком. Даже без захода в расположение части нас послали выбить «духов» из Баграмского ущелья. В бою ранило двоих наших, с моего призыва. Мы тогда смогли захватить склады.

Наш отряд участвовал в Чарикарской операции. Наши части смогли блестяще провести ее. Захватили в плен около семидесяти человек неприятеля. Мое отделение поставили на охрану периметра. Дружественные афганские силы хотели получить как можно больше информации от пленных. Начались массовые пытки. Они хоть и враги, но все же, как и мы, люди. А тут пленные в болевом шоке, уже больше ни на что не реагируют, хотя их не перестают пытать. Страшно было смотреть…

Помню, переходили с одной высоты на другую. Разведчики прошли по правой стороне, а мы пошли по левой. И чего уж мы никак не ожидали, так это попасть на минное поле. Двоим не повезло, подорвались на противотанковых минах: парнишке с Краснодара оторвало ступню, а афганскому милиционеру полностью ногу. Афганец прожил еще минут сорок, кровь было не остановить…

Не раз ездили на «подсадную утку». Значит «бронировали» наш ГАЗ ящиками с песком, чтобы была хоть какая-то защита. Останавливались в каком-нибудь кишлаке, водитель выходил и делал вид, что осматривает двигатель. И все ждали: откроют по нам огонь или нет. Если начинали стрелять, то мы ввязывались в бой, а на подмогу шли спрятанные силы, которые находились километрах в пяти от нас. Несколько раз нас очень сильно обстреливали.

Было восьмое марта. Проверили кишлак, никого не нашли. Только выходим, и тут по нам открыли огонь из окна дома. Ситуацию хуже не придумаешь. Мы как на ладони, даже целиться толком не надо, чтобы кого-нибудь из наших подстрелить. А я замыкающий к тому же был, думаю все… Но все-таки уже ползком подползли к этому дому кое-как, захватили в плен афганца. (Как потом по фотографии узнали,

что он оказался чемпионом Афганистана по классической борьбе.) При штурме погиб один боец, уже дембель у него вот-вот, уже этой весной домой должен был уехать… И вот подарок-то к матери на Восьмое Марта…Тогда на утро этого афганца другие дембеля расстреляли, даже не допрашивали ничего. Их можно понять…

С хребтов Паймунара часто стреляли из переносных ракетных установок по самолетам и вертолетам. Перед самым Новым Годом, вместо того, чтобы готовиться к празднику, нам дали задание проверить кишлаки на этой возвышенности. Вышли затемно еще. Шли по пояс в снегу. Все насквозь промокли и промерзли. В кишлаках духов не нашли. Обратно хорошо хоть успели до начала следующего года.

Я, да и все, старался брать с собой на боевое задание как можно меньше еды, чтобы унести как можно больше боеприпасов. Уж лучше быть голодным, чем оказаться лицом к лицу с врагом с пустыми магазинами. Всего получалось 30-40 килограмм веса. Например, на 2 дня мы брали с собой сухой паек, двойной боекомплект патронов, 6 гранат, 2 мины для минометчиков, кто одну, а кто и две «мухи», а еще бронежилет. Тяжело на переходах, зато легко на душе, что всегда будет чем ответить противнику. Всегда с собой брали дымовые шашки. Ими мы отмечали передний край наших позиций, чтобы авиация не нанесла по нам удар. Также использовали сигнальные ракеты: красной направление удара, зеленой – свои позиции.

Подрывы

В первый раз подорвался, когда ехал на БТР. Спасибо конструкторам этих машин, сколько они спасли жизней! Энергия взрыва просто рассеивалась по корпусу, и не доходила до солдат. Тогда же задержали пакистанскую разведчицу. Она на мотоцикле передвигалась.

На второе августа – День десантника, поздравили нас праздничным обедом и концертом. Но праздник праздником, а война войной, так что на следующий день мы уже опять выполняли боевые задачи. Тогда шла переброска гаубиц из СССР в Кабул, для усиления артиллерийских батарей. Я вместе со своим отделением были в охране конвоя. Колонна вошла в ущелье, тут то все и началось. Из засады по нам

открыли ураганный огонь, зажали со всех сторон в окружении. Передвигались на БТР, вдруг взрыв. Попали из гранатомета. В итоге: контузия и многочисленные ожоги. Меня эвакуировали, как раненного. Потом товарищи рассказывали: бой был тяжелейшим. Вызвали ударные вертолеты, но они были бесполезны, начнут огонь – накроют врага, но положат и всех наших.

«Инструкторы» в Панджшерском ущелье

Постоянно натыкались на иностранных инструкторов. Чаще всего на американцев. Однажды захватили французских врачей на Панджшере. Один раз, прошли почти нос к носу от американцев – из-за неразберихи с диспозициями думали, что это наши же разведчики. А оказалось, что наша рота просто вырвалась вперед.

Панджшерское ущелье всегда было проблемой для нас. Весной его занимали наши войска, ставили туда отряды афганской армии, их то «духи» осенью и выбивали. Это ущелье было своеобразной республикой со своей собственной инфраструктурой. Когда мы занимали его, то нашли в тюрьме русский бушлат, но людей, как ни искали, не нашли. Скорее всего, их успели перевести в другое место.

Честно выполняли свой воинский долг

Я не считаю себя героем. Мы просто честно выполняли свой воинский долг. На том же Паннджере мое отделение шло впереди всех, практически ведя за собой атаку. Но это было желание помочь своим товарищам.

Теперь все это уже в прошлом. Многих уже нет в живых – война сильно подрывает жизненные силы. Мой родной 350-й пятидесятый воздушно-десантный полк собирается в Москве одиннадцатого февраля каждого года. Воспоминания постепенно стираются из памяти. Остается верить, что войн, все же со временем, не будет совсем.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь

Соловкин Андрей Андреевич

и

Щугорев Владимир Олегович,

студенты 1-го курса факультета «Авиационная техника» Московского авиационного института (государственного технического университета)

Борисов Игорь Николаевич

Задымился карман, скобу гранаты согнуло

Я родился 29 января 1960 года в Москве.

Закончил 8 классов в школе №586, поступил в профессиональное техническое училище МГУПТУ № 153. Три года проучился там по специальности слесарь механосборочных работ. Пока учился, занимался спортом – борьбой дзюдо, ходил в военкомат на курсы парашютистов.

После окончания училища призвали в армию. 2 ноября по повестке явился в призывной пункт с вещами. Попал в учебное подразделение, учился на командира отделения. Полгода отучился, попал в 111-й Ошский полк Ферганской дивизии.

После отправили на сборы альпинистов. Готовилась серьезная акция на 50-летие Воздушно-десантных войск (ВДВ) с восхождением на пик Ленина, чтобы установить мемориальную доску. Нас готовили к четырем восхождениям, присвоили нам звание альпинистов-инструкторов 3-го разряда. Но в связи с тем, что войска ввели в Афганистан, акцию отменили. Не было восхождения.

В Афганистан нас ввели в июле 1979 года, в Баграм. Приземлились мы ночью. Непривычная местность, темно,

люди военные ходят. Нас разместили в капонирах. Несколько дней жили так: плащ-палатка и рюкзак под голову.

Командир роты был у нас Ливенский Владимир Ильич. Меня поставили командиром отделения в 4-м взводе СПГ (станковый противотанковый гранатомет).

После того, как нас ввели в Афганистан, первым делом мы начали заниматься организацией обороны по охране Баграмского аэродрома. Начали рыть окопы. Организовывали опорные пункты. Начали заготавливать из глины кирпич и строить казармы. После того, как казармы построили, нам из Министерства обороны прислали кровати, матрасы, одеяла.

Первое время с мирным населением складывались дружеские отношения, за водой ездили на местную водокачку, продукты закупали на местном базаре, ничего не боялись.

Для маскировки нас переодели в летную форму, так как нельзя было десантным войскам находиться на территории другого государства. Тельняшки сказали не носить, но командир роты всем объявил: «Если придется в боевых действиях участвовать, чтобы все были в тельняшках! Если умирать – так десантником».

В другом подразделении в Афганистане служил мой друг, с которым мы вместе учились – Витя Ненаглядов. Призывались с ним в один день, учились в одной группе в училище, сидели за одной партой, жили в соседних домах. Вите не хватало 1 сантиметра роста для того, чтобы его взяли в ВДВ. Поэтому ходили в военкомат по моей повестке. Мне повестка – вместе в военкомат.

Случилось так, что в военкомат меня вызвали летом, а так как в период отпусков народу много по повесткам не явились, Ненаглядова включили в списки и направили на курсы парашютистов вместе со мной. После курсов – прямая дорога в ВДВ. Мы сделали первые три учебно-тренировочных прыжка с самолета АН-2.

Провожали нас 2 ноября 1978 года, собралось много друзей, знакомых, родственников. Утром – целая «демонстрация» шла.

Вместе с Витей попали в учебку, но в разные полки. После окончания меня оправили в Фергану, а его – в Чирчик. Последний раз мы виделись на аэродроме перед вылетом к месту дальнейшей службы. А когда уже вводили войска в

Афганистан, и расформировали Ферганскую дивизию, на базе от Чирчикского полка сделали десантно-штурмовую бригаду, в составе которой Ненаглядов входил Афганистан. Из Ошского полка один батальон отправили в Афганистан, а два – в Германию. В составе первого батальона я и вошел в Афганистан.

Перед Афганистаном, на территории учебного центра Ферганы, проводили специальную подготовку с лекциями психологи, рассказывали о нравах, обычаях, традициях афганцев, объясняли, что можно делать, а что нельзя, чтобы не нарушить отношения с местным населением.

Первое время на территории Афганистана служба сводилась в основном к несению караульной службы. Охраняли свою базу, бомбосклад, аэродром, радиолокационные станции и т.д.

После свержения Амина до весны было все относительно спокойно. С апреля начались боевые действия. Мы прочесывали кишлаки, искали места дислокации банд, проводили операции по перехвату караванов с оружием и боеприпасами.

14 апреля была крупномасштабная операция, где участвовали и десантники, и мотострелки. Тогда погиб Витя Ненаглядов, но я узнал об этом, только вернувшись домой. Один знакомый написал: «Будь осторожен, а то как Витька будешь…». Но конкретно никто ничего не говорил – родители позаботились, чтобы я не знал…

Мой друг Сережа Голиков после написал стихотворение.

Ох, сегодня выдался денек!
Я летаю бортстрелком на вертолете.
Измотался и до косточки продрог,
Холодный пот шипит на пулемете.

Вот левый крен – к прицелу я приник.
Но «нурсов» свист стрелять отбил охоту.
Перевернуло все, но в тот же миг
Со злостью рву гашетку пулемета.

А под крылом все те же «ФАБ-500»,
Уж если сбросишь – тошно гадам станет.
И потому в нору свою ползет,

Но все равно не скроется ихванин.

И вот лететь на базу час настал.
Холодный пот шипит на пулемете.
Подумать только – разве я мечтал,
Что буду воевать на вертолете?!

Перед майскими праздниками была проведена акция, чтобы показать силы советских войск. С боевой техникой мы пошли по перевалам, по ущельям. Показали, что мы можем везде пройти, и все задачи для нас выполнимы. Две недели были мы на этом выходе.

Кроме боевых действий протекала нормальная обыденная служба: строевая подготовка, стрельбы, чистка оружия, физическая подготовка. По ночам любили посидеть у костра, поесть картошки с тушенкой, поговорить о планах на дальнейшую жизнь. Всё про гражданку. Единственное резало ухо: «Если все будет нормально, приеду домой и… Если все будет нормально».

Находясь там, мысли о доме не покидали никогда. О доме, о родителях, о девушке. Один парень ночью во сне разговаривал со своей подругой, объяснялся ей в любви! Каждую ночь!

Однажды Сереже Голикову пришло письмо о том, что его подруга вышла замуж…

Настал апрель, пришел конец метелям.
Давно звенит весёлая капель.
И замирает сердце под шинелью:
Да, я – солдат, в десанте я теперь.
Прическа «нуль», мабута не по росту
И первые команды старшины.
Поверить в это было нам непросто,
Что позабыть «гражданку» мы должны.
Поверить трудно, что вчера с друзьями
Ходил в кино или в кафе сидел.

Теперь АН-2 несёт нас над полями

И прыгать нужно – наш таков удел.

И вот прыжок, свободное паденье,
Капрона шелест за моей спиной.
И понял я тогда людей стремленье
Подняться в воздух над родной землей.
Тот, кто служил в Ферганском карантине,
Простит меня за столь весёлый слог.
Здесь всех держал в железной дисциплине
Закон солдатских кирзовых сапог.
Прыжки, укладка, тактика и стрельбы.
Так закружился вихрь солдатских дней.
И только ждешь, когда придет, скорей бы
Пришло письмо от девушки моей.
Там под Москвой живёт моя Наташка.
Спешит в кино и в институт идёт.
А иногда гадает на ромашке,
Но главное, что ждёт солдата, ждёт!
А вот письмо из дома прилетело,
Как мама беспокоится опять.
Ты столько, милая, всего перетерпела.
Теперь опять тебе ночей не спать.
Но я прошу, родная, не печалься.
Я не хочу, чтоб ты была грустна.
Хоть службы срок недавно лишь начался,
Но ведь придёт заветная весна!
А дни идут, сменяются недели
Тревог, занятий боевых полны.
И мы уже как негры почернели
Под раскаленным солнцем Ферганы.
Но перемены ждут нас очень скоро.
И карантин уж близится к концу.
Последний раз звучат сигналы сбора.
Построились шеренги на плацу.
Прощай, учебный центр, присяга скоро.
Мы едем в Оги, других забот полны
Киргизии нас обступают горы,
Простились мы с долиной Ферганы.
Нас встретил Оги весёлым птичьим пеньем
И шумом тополей, что в ряд стоят,
Присягу принимали в воскресенье.
Навек запомнит этот день солдат.

Просторный плац, от зноя раскаленный,
Полка шеренги замерев стоят.
Полковник сединою убеленный
С трибуны смотрит на своих орлят.
И вот он миг, предела нет волненью.
Три шага строевых и поворот.
И воин молодого поколенья
Присягу – клятву Родине даёт.
И вот он миг – торжественный и строгий.
Гвардейский знак сверкает на груди.
И не задумался никто тогда с тревогой
О том, что ждет нас скоро впереди.
А через час звучит сигнал «Тревога!»
Опять учебный центр – Узбекистан…
С волненьем шепчет Саня мне: «Серега..!
Ты знаешь, мы летим в Афганистан».
Могучий АН нас в небо поднимает,
Привычно песнь свою поёт мотор!
Россия вслед привет нам посылает.
Нам смотрят вслед вершины наших гор.
Так началась для нас иная служба.
С тех пор, как мы покинули свой полк,
Мы выполняли здесь посланье дружбы,
Здесь выполняли свой солдатский долг.
А дни летят, к концу подходит лето.
Уже домой собрались «дембеля».
Как много уже было песен спето
О Родине… про русские поля.
Как далеко за дикими горами
Песнь жаворонка рвётся в небеса…
Где ж росных зорь краса, закатов пламя,
В багрец и золото одетые леса..?
А службы дни размеренны и строги.
Вот на работу рота уж спешит.
Блеснуло пламя, замер друг Серёга.
Бледнеет лоб, и боль в глазах кричит.
Так больно было в первый раз, наверно,
Нам видеть смерть, где нет его вины.
Беспечность – враг, она в себе примерно
Таила смерть – таков закон войны.

«Прощай же, друг, с тобой мы расстаемся», -
Неслышно шепчут губы про себя.
Когда же мы к себе домой вернёмся,
То первый тост поднимем за тебя.
А время ход никто не остановит:
Вот уж зима свои считает дни.
И вот приказ – всех «дембелей» построить.
В последний раз построились они.
И вот он миг, когда в рукопожатьи
Застыла напряженная рука,
Последние прощальные объятья…
И самолет их взмыл под облака.
А вслед за ним покой и сон умчались.
Заполнились тревогой наши дни.
Но жили мы как прежде – не печалясь,
Не зная про мятежные огни.
А те огни уж злобою пылали,
Давно хотели мир спалить они.
А мы об этом ничего не знали –
Так далеко от Родины, одни.
Но грянул бой – и грозные машины
Пошли вперед, врага огнём разя.
В ту ночь низверг народ диктатора Амина.
Нам эту ночь забыть никак нельзя!
Здесь превращался юноша в мужчину.
Под посвист пуль упрямо шёл вперёд.
Мы помним всех, кто здесь нашёл кончину.
В солдатском сердце память не умрёт.
Сырой рассвет прогнал ночные тени,
Но пули вместо птиц ещё поют.
Я молча опускаюсь на колени
Над тем, кого напрасно дома ждут…
Но не умрёт о них святая память,
В веках и поколеньях проживет.
И тот, кто мог здесь жизнь свою оставить,
О них домой легенду принесёт.
На базу возвратились мы нескоро,
Разгоряченные в декабрьский мороз.
И вдруг письмо. На штампе Пушкин город.
Его одно мне почтальон принёс.

Беру конверт, ещё не понимая,
Так почему же почерк здесь чужой?
С волненьем строки первые читаю
И замираю... словно сам не свой.
… Песню пел под гитару земляк мой негромко
Грустно звуки лились под печальной гитарной струной.
«Называл я тебя самой лучшей на свете девчонкой
И не думал. Что будешь ты зваться чужою женой…»
Но к черту всё, идут бои, братишка,
И льётся кровь чужая и своя,
Об этом знаешь ты лишь понаслышке.
А я друзей терял в чужих краях.
Но вот бои как будто отгремели.
Спокойнее вздохнул Афганистан.
Ох, как мы отдохнуть тогда хотели,
Спокойно жить не дал нам Пакистан.
Вновь заклубились тучи грозовые
Над мирною Афганскою страной.
Вновь затрубили трубы боевые,
Опять запахло в воздухе войной…

Сережа был серьезным парнем, творческим. Ему присвоили сержанта, когда он служил. Хотел поддерживать свой авторитет только за счет себя, своих действий, способностей. Хотел сам всего добиться.

Однажды предлагает снова почитать стихи свои. Я слушал всегда. Когда начинал улыбаться, он обижался. Потом я делал серьезный вид – и все было нормально. Особенно запомнилось мне его письмо сестре.

Письмо.

Я пишу из Афганского края,
Где забыл, что такое покой,
Где я сплю в сапогах и бушлате,
К автомату прижавшись щекой.

А ещё, дорогая сестрёнка,
Я с подъема в окопе сижу,
И на мир, что прекрасен и звонок,
Сквозь прицел автомата гляжу.

Здесь десантники вас охраняют
Вдалеке от родимой земли,
А в небесной дали пролетают
Наши русские журавли…

Клин за клином в Россию несутся,
Обгоняя грядущие дни,
А когда в Подмосковье вернутся,
То тебя там увидят они.

Пусть расскажут тебе на рассвете,
Как скрывается солнце в пыли,
Как Афганские малые дети
Нам кричали – «Аскар шурави».

Как скрипели зубами ребята,
Досылая последний патрон,
Как под ноги бросали гранаты,
Окруженные с разных сторон.

Но, сестренка моя, не печалься –
Наведет здесь порядок десант,
Помянув тех, кто смерти достался,
Мы в Россию вернемся назад.

А ещё пусть расскажут, родная:
У меня все в порядке всегда.
Одного лишь я точно не знаю,
Скоро ль встречусь с тобой и когда.

Представляю – тебя я увижу,
Ты шагаешь с работы домой.
И, конечно, ты тоже заметишь
Мой десантный берет голубой.

Дни летят, обращаясь в недели,
Месяца переходят в года.
И быть может, тельняшку с беретом
Не оденем уже никогда.

Но навеки запомнят ребята
Тот декабрь, над дувалами дым…
И того молодого солдата,
Что остался навек молодым.

8 августа 1980 года получил легкое ранение. Прочесывали кишлак. Вечером заняли одну высотку. Разминировали и остались на ночлег. Рано утром начали спускаться в кишлак для прочесывания, по нам начали стрелять. Я шел, была влажная поверхность, было залито все водой. Я думал: «Не хочется падать на мокрое». Сделал несколько шагов, а когда стал падать – ударило что-то по руке, зажгло ногу. В результате задымился карман, скобу гранаты согнуло, черкануло по ноге, пробило автомат, магазин и палец. «Родился в рубашке». Это все было рядом…

Меня отправили в медицинский санитарный батальон в город Кабул. Вместе со мной было ещё несколько раненых из нашей роты. Сделали обезболивающий укол, некоторое время нужно было ждать. Взял носилки, лег. Позвали на рентген, который делали в палатке. Обработали рану и отправили в палату. Сутки проспал. Разбудили во время обхода врачей. Бинт засох. На перевязке доктор дал время размотать самому. Так как было больно и себя жалко, размотать не удалось! Доктор решил схитрить: медсестра назвала мою фамилию, пока я повернул голову, доктор резко размотал бинт, я даже не успел дернуться.

В медсанбате я узнал о том, что погибли мои друзья на следующий день после моего ранения – Сережа Голиков и Суфиянов Раис. Они шли по «зеленке». Суфиянов вышел на пристреленную точку. Получил ранение. Понять, откуда идет стрельба было невозможно, она была организована «духами», чтобы задержать продвижение наших подразделений и обеспечить отход своих. Сергей Голиков бросился к Суфиянову на помощь. Сережа погиб на месте, получил ранение в грудь. Через несколько минут добили и Раиса.

В медсанбате я срок не долежал до конца, попросил выписать в часть.

Под блеск звезды уходит батальон
Обратно на предписанную базу.

А нас сюда солдатский долг зовет
В Афганистан летим мы по приказу.

Афганистан – далекая страна.
Афганистан – здесь каждый день война.
Афганистан – здесь зной, жара, пески.
Дороги к дому, ох, как не близки.

Афганистан – тебя нам не забывать,
В твоих горах мы научились жить.
Учились здесь мечтать, любить и ждать.
Как было трудно – будем вспоминать.

Мы вспомним землю, камни и ветра.
Все это было будто бы вчера.
Афганистан – что сделал ты со мной?
Как тянет к матери родной.

Окопы роешь – сил уж больше нет.
Но не забудешь, когда возьмешь берет.
В берете – честь, отвага и любовь.
В родное небо тянет вновь и вновь.

Ихвани лезут только ночью в бой.
Не бойся, Брат-десантник, я с тобой.
Мы отобьем атаку и тогда
Завидовать нам будут все бога!
(Сергей Голиков)

Хорошо было нести службу у домов советников. Напряжения особого не было, днем наводили порядок, обслуживали машину. Рядом – виноградник. Ели виноград и загорали. Ездили в соседнюю часть к летчикам за едой на склады. У нашего парня был земляк – приходишь к нему, бросишь через забор рюкзак, а через минут пятнадцать получаешь его обратно с тушенкой, маслом, консервами, хлебом. Как загорали? Бросишь бушлат на землю и носом вниз ложишься. Через часа полтора встал – перевернулся на спину и ещё часа на полтора! И так целый день! Загар хороший был. Никто не обгорал. Солнце хорошее. Температура хорошая. Воздух чистый. Моря только не было!

Вечером набираешь мешок винограда, ставишь рядом ведро воды – макнул веточку в воду и ешь виноград! На семерых съедали весь мешок. Ладно, виноград – был рядом. А на одном из выходов, прочесывая кишлак, нашли абрикосовое дерево, спилили ветку, с трудом унесли. После того, как мы её съели, осталась целая каска зерен!

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Корякина Дарья Александровна,*** *студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Буданов Сергей Викторович

По нашей паре вертолётов работало около 15 стволов

Я родился 1955 году в городе Москве. Окончил школу, ПТУ №24, два года отработал в в/ч 35533, потом был призван в ракетные войска на ракетный полигон «Плисецк». Сейчас в звании подполковника.

В 1975 году поступил и в ноябре 1979 года окончил Саратовское высшее военное училище лётчиков, а уже 6 декабря прибыл к своему месту службы в город Ашхабад. Хотя никаких точных данных у нас не было, но ощущалась тревожная обстановка. Офицерам выдали боевое оружие, в школах собирали данные, куда и когда будут эвакуировать детей.

15 декабря нашу эскадрилью подняли по тревоге, и мы полетели к границе. На промежуточных аэродромах Мыры и Керки стояли боевые полки с подвешенным боезапасом, что делается только в военное время. Прибыв на конечный пункт нашего маршрута, как сейчас называют авиабазу Кокайты, что в сорока километрах от города Термеза, мы увидели, что аэродром забит техникой. Там уже было два полка истребителей, вертолётный полк из Джамбула, транспортные самолёты стояли на запасной полосе и взлетали, чуть ли ни

каждые пять минут. Всё указывало на скорое начало боевых действий.

24 декабря 1979 года я впервые пересёк границу Афганистана. Процедура перелёта была очень простая. К вертолёту подошли пограничники, проверили у нас удостоверения личности, мы получили разрешение на взлёт. Так мы стали летать на разведку.

30 декабря наши сухопутные войска пересекли границу. На память приходит первая потеря в полку джамбульцев. Потеряли МИ-8, но к счастью экипаж остался жив. А самый запоминающийся был полёт - эвакуация раненых из Баглана, серое лицо старшего лейтенанта раненого в ногу.

Хочется вспомнить ещё несколько эпизодов боевых действий. Одной из главных задач вертолётчиков - доставка грузов и боеприпасов. Одна из рот ушла в рейд вдоль реки, мы её сопровождали и поддерживали огнём. Десантники считали нас бесстрашными героями, что нас несколько удивляло.

Однако, как потом оказалось, на посадке по нашей паре вертолётов работало около 15 стволов. Нам повезло, потому что садились со скольжением: приём, когда вертолёт летит вперёд вниз и в бок одновременно.

Через Пакистан душманов снабжали оружием. Одним из маршрутов был путь через пустыню Регистан, что означает «Страна песков». Противодействуя этому, наше командование применило следующую тактику. Десяток вертолётов без сигнальных огней взлетали ночью на высоте около 2-х километров, уходили в пустыню и искали караваны, которые обнаруживали по огням автомобильных фар. Обнаружив караван машин, ведущая пара сбрасывала осветительные бомбы на парашютах, становилось светло, конечно, не как днём, но читать можно. Остальные вертолёты расстреливали духов из неуправляемых ракет, так продолжалось до тех пор, пока караваны не перестали ходить.

У лётчиков бытовые условия были лучше, чем у остальных, но питались мы как все консервами. После возвращения в Союз я несколько лет не мог смотреть на тушенку и «красную рыбу», кильку и скумбрию в томате.

Как-то раз мы прилетаем в десантный батальон. Комбат сказал: «Ребята подождите часок, пошлю БМД (боевая машина десанта) в болото, всем кабана убьют». На что мы резонно

заметили, что и сами можем охотиться, вертолёт может висеть на высоте 3-5 метров и лететь со скоростью, какую захочет лётчик. За 10 минут мы убили 12 кабанов, и с тех пор у нас и наших друзей-десантников регулярно было свежее мясо.

11 января 1980 года поступил приказ вернуть нашу эскадрилью на место постоянного базирования, город Ашхабад.

Второй раз в Афганистан я попал через год, в декабре 1980. Служил в Кандагаре, летал в Лашкаргахе, Шиндаде. В моей лётной книжке записано, что я выполнил на территории ДРА 282 боевых вылета на вертолёте МИ-8.

Один вылет считаю наиболее удачным. Это было под Лошкаргахом в долине реки Гельменд, когда нашу разведроту зажали в зелёнке. Из пяти БТРов уцелели три, два были сожжены духами. Звену вертолётов МИ-8 была поставлена задача: вывести разведроту из зелёнки в пустыню и эвакуировать раненных.

Четыре вертолёта вылетели на задание. Из бортового оружия неуправляемыми ракетами и пулемётами с предельно малой высоты вертолёты прокладывали путь нашим разведчикам. Вдруг, с расстояния 900 метров, мы увидели бегущих людей в чёрном. Сделали несколько коротких очередей из пулемётов ПКТ 7,62-калибра с таким расчетом, чтобы, подлетев поближе, уничтожить врага. Однако в их беге было что-то странное. Я дал команду: «Не стрелять! Бегут бабы». Мы прошли над ними на высоте 10 метров, это были две испуганные женщины. Иногда на войне гордишься тем, что спас чьи-то жизни, ну, а роту мы вывели, больше в этот раз потерь у них не было.

В 1981 году я вернулся в Союз на новое место службы в город Бухару, на должность штурмана эскадрильи, передавать опыт ведения боевых действий в горно-пустынной местности экипажам, которые уходили в Афганистан. Последний раз я побывал в ДРА осенью 1983 году.

Заканчивая, хочу сделать небольшое нравоучение. Мальчишки и девчонки, мечтайте, стремитесь исполнить свою мечту. Мальчишки, помните, что вы должны любить Родину, создать семью, а ваши дети и жены говорить: «Мы за папой - как за каменной стеной».

Декабрь 2008 г.

Быков Сергей Петрович

Я надеялся, что взорвется мина направленного действия

Школу закончил в Казахстане в 1971 году, в Целиноградской области. Родители были первоцелинники, ну и, естественно, меня привезли в 1955 году целину поднимать. Чуть позже я сразу поступил в Саратовское военное авиационное училище, которое закончил в 1974 году. После окончания училища на должность летчика назначен был в Читу в отдельную авиационную эскадрилью. По желанию был отбор служить в авиацию пограничных войск.

В Чите прослужил с 1974 по 1981 год, затем был переведен в 1981 году в авиационную эскадрилью под Душанбе. Первый боевой вылет совершил 22 июня 1981 года уже в должности командира вертолета МИ-8.

Из газет узнал об Афганской войне. Я написал рапорт, чтобы оказать интернациональную помощь народу Афганистана. Молодым был, считал, что война - это пятиминутное дело, что она быстро закончиться, вдруг не успею себя проявить как летчик, который должен уметь летать во всех условиях. Вот меня и направили в Душанбинскую авиационную эскадрилью.

Сначала у меня была командировка туда из Читы. Направляли на два месяца в Афганистан, чтобы каждый летчик мог получить боевой опыт. Были там по два месяца, потом нас меняли другие летчики, которые там тоже были два месяца, вот так менялись. Были постоянные эскадрильи в Душанбинской, Алма-Атинском и Тбилисском полках, которые участвовали в боевых действиях.

Были командировки, в первую из которых я написал рапорт (22 июня - первая моя командировка). После нее меня откомандировали на постоянно место службы в Душанбинскую эскадрилью, которая вела там конкретные боевые действия. Туда я прибыл в августе 1981 года уже командиром экипажа вертолета МИ-8. В 1982 году меня назначили командиром звена.

В 1984 году в сентябре месяце перевелся в эскадрилью Магадана, там прослужил 10 лет, за это время еще 7 раз летал в командировки также по 2 месяца в Афганистан в Норильский полк.

В 1988 году в июле месяце для меня эта война закончилась, у меня была последняя командировка. В 1989 году в феврале войска были выведены. Получается, 3 года отслужил и 8 раз был в командировке. За это время меня 10 раз подбивали, два раза на минное поле садился.

Награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени и орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени, в общем, три ордена за Афганистан, а также медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственной границы», который я получил во время войны.

Потом, в мирное время в Магадане за спасение людей при пожаре, наводнении и за спасение 13 человек при падении АН-2 и одного человека на ТУ-16 (ракетоносец), и по совокупности меня наградили орденом «За личное мужество».

В 1994 г. после развала Советского Союза, меня опять перевели командиром эскадрильи в Душанбинский полк. В 1995 в апреле меня назначили командиром эскадрильи там же в Таджикистане - в поселке городского типа Московский.

У меня 2013 боевых вылетов за Афганистан. За Таджикистан я их уже не считал - много было, было присвоено звание Заслуженный пограничник Российской Федерации.

В 1998 году эскадрилью сократили, и я был переведен в Москву на должность главного инспектора, летчика авиации Федеральной пограничной службы, где я и прослужил до июля 2003 года.

Еще я участвовал в антитеррористической операции в Чечне. Присвоено звание Заслуженного летчика Российской Федерации уже в Москве, и летчика-снайпера. Есть медали Жукова, «В память 850-летия Москвы» и другие юбилейные.

У меня сын - тоже летчик-пограничник, на МИ-24 он меня прикрывал. В 2001 году 2 сентября его подбили на прикрытии, переломался, и списали его на землю. В 2005 году сын служил в Душанбинском полку, кто-то взорвал гранату случайно из прапорщиков, и ему выбило глаз. Сейчас он служит в Ингушетии в горячей точке.

Зелёнка

22 июня 1981 года (ровно через 40 лет, как Великая Отечественная война началась) была первая командировка в районе Термеза (июнь, июль), там пограничники охраняли зону.

И вот там, где река Пяндж сливается с рекой Вахш, начинается Амударья. «Зеленка» – это зеленые заросли: там и басмачам хорошо скрываться. В этом месте кишлаки стоят. Пограничники в 100-150 километрах, примерно, вглубь Афганистана - это наша территория.

А басмачи-то ночью на лошадях налеты совершают, убивают, грабят, а потом утром лошадей распускают, и сами прячутся, так как там их не найдешь, среди этих зарослей.

Нам дали приказ об уничтожении всех средств передвижения этих басмачей. И вот мы должны были приказ выполнить. Жалко конечно было, жуткое зрелище, там такие рысаки красивые были. Где-то за два дня мы уничтожили больше 300 лошадей.

Стой стороны, где кишлаки небольшие, были кочевники – пуштуны. Застава наша на этой стороне. Мы стреляли трассерами, попадая в землю, пуля рикошетила и уходила вверх. Издалека смотрят, и кажется, как будто по нам стреляют. Но по нам там никто не стрелял! Очень смешно получилось. И потом начальник докладывает в Ашхабад - вертолеты обстреливают. А тут команда: «Раз обстреливают,

то уничтожить эти стойбища!» Задание-то было дано уничтожить лошадей, а получилось еще и вот так.

А над ними проходишь - внизу палатки черные из шерсти. Кто там: старики, женщины, дети? Вооруженных там вообще нет.

На заправку ухожу - меня к телефону: «Почему командования приказ не выполнили?» В общем, меня чуть было врагом народа не сделали! Под трибунал хотели отправить, что не выполняю боевой приказ на уничтожение. Я отстрелялся, потом я садился на эту заставу, объяснялся, что там твердая земля-то, что пуля уходит рикошетом. Например, в камень когда, а у нас так в землю было, и получалось, что все горит.

Такой вот случай. Чуть врагом народа не сделали.

Нападение на кишлак

Ночью совершено нападение на кишлак было - вырезали семьи партийных работников, афганцев. Пришел афганец, начал показывать, рассказывать, что вот там и там это, что знает, где засилье этих бандитов, все через переводчика, конечно. Показал дом, где эти басмачи находятся. А басмачи, что бы мы в них не стреляли, собрали женщин и детей и посадили во двор. Ну и не будешь ты же стрелять уже в это место, тем более ракетами. Вот пришлось, раз пять, наверное, заходить в очередь с пулемета, что бы рядом женщин, детей не было, чтобы отошли. И те, потихонечку, чуть-чуть в сторону сдвинулись, ну метров на 20, а этого достаточно было. И потом, мы в паре работали, два вертолета, ну, в общем, этот дом в упор расстреляли! Женщин и детей не тронули, может только контузили кого-то. А так никого не задели, вроде. Проходили раз пять над ними, 10 пробоин оставили! Там же проходишь точно над ними - над домом. И плюс еще крыши соломенные, камышовые. Вот так и стреляли.

Хочу сказать, мы же пограничники (не только летчики, но и пехотинцы), у нас ни одного пленного! Убитые были. В засады попадали, конечно, но ни одного не оставили. День, два преследовали банду, но все равно отбивали, всех, никто не остался.

Пограничники же все интернациональный долг выполняли и плюс защита рубежей нашего государства. Поскольку басмачи пытались напасть на наши территории, мы считали, что выполняли действия по защите нашего государства.

Когда в паре ходили, приходилось опознавать своих товарищей. Опознание убитых часто было, убитых товарищей, можно сказать, друзей. Когда моего ведущего сбили, приходилось опознавать останки.

На юг

Были и забавные случаи. Когда в первый раз полетел в командировку, а у меня жена и двое детей-погодки (один год, один месяц, один день и один час разница), так вот, жена спрашивает: «Куда?». Я ей: «На юг!». Ну, она думает, на юг - куда? Ну, может в Одессу, еще куда-нибудь. Укладывает мне все: костюм, сорочки, галстуки, плавки - все, что бы я отдыхал. Потом в Душанбе перевили. Еще несколько командировок она меня так собирала, чуть ли ни как в дом отдыха или санаторий какой.

Я был командиром звена от магаданской эскадрильи. А прикомандирован был к Марыйскому полку и Душанбинскому полку.

Там мины!

Имел несколько ранений: легкое ранение в Афганистане, контузия в Таджикистане и контузия в Афганистане. 1982 год после контузии, когда мы на минное поле сели, там подорвался солдат армии Афганистана. Мы начали его вытаскивать, и наш тоже подорвался. Нас вызвали. Надо спасать. Заводят сами, по радиостанции, - за минным полем находятся.

Я захожу и на это поле, начинаю садиться к подорванным, я надеялся, что взорвется мина направленного действия, у нее же заряд идет в одну сторону. Нам повезло, что не в нашу! Когда мы зависли - взрыв! А борттехник должен выпрыгнуть, что бы посмотреть уклон в горах, надо же сесть. Он после взрыва выпрыгивает, а ему кричу: «Там мины!» Нас уже

осколками сечет, и, как в кино показывают, он задом в вертолет, на высоту метра, полтора обратно запрыгивает. Их ведь бросать нельзя!

Механик держит борттехника, тот наклоняется вниз, одного раннего затаскивает, другого. И мы взлетаем. Первую помощь обязательно оказали, там ногу оторвало одному, другому, и вот улетели оттуда.

Однокашники

В войне погибли мои однокашники. В 1982 году, 10 июля, мы оканчивали училище вместе, в одной эскадрильи летали, в Чите служили вместе, дружили семьями и в командировке вместе. Парашютов не хватало, время такое было - начало войны. Были бы парашюты - спаслись бы. А так земля метров на 800 - еще держались, когда метров 50 оставалось - управление перегорело, пикировали и взорвались.

У меня брат, тоже бортмехаником летал, прапорщиком, но нас в один экипаж не ставили, потому что есть закон - в одном экипаже родственники не летают, потому что если погибнут два сына, для матери очень тяжело.

Между боями

Вот допустим лето, распорядок дня. В горах, в пустыне – везде жарко, чем жарче, тем больше разряжен воздух - мощность двигателя падает, значит нужно начинать когда прохладно, рано утром. Рассветает в 4-5, значит в 3 подъем, опробовать авиационную технику и понеслось! Либо с утра, там раненные, там убитые, там на кого-то напали... и до захода солнца. Потом прилетели, по стакану водки выпили и в койку. Погоды нет – зима, например, все равно выезжаем, опять задания какие-то. Ночью нельзя летать в горах, летали все равно, вытаскивали людей. Как так? Не оставлять же! Погоды нет, все равно на аэродроме. Помимо этого технику готовить нужно. Она же работала в таких условиях как камни, песок - износ двигателя идет; называется помпаж (двигатель «покидает» вертолет - разрушение двигателя идет).

Кино

Бывало, кино показывали, машина выезжает большая, кино смотреть начинаем, …в Таджикистане Сталинградскую битву показывали. На русском языке уже не было - на таджикском, местном: «Гитлер, ага, Сталинград капут, вай-вай». Ну, такой вот там был перевод.

На десантировании в горах

Впереди меня вертолет идет, его обстреливают, попадают в хвостовой винт, а он уже почти завис. Винт отказывает и начинает его вращать.

Я докладываю, что борт в пропасть скатился, метров 5, но зацепился. И на левом борту лежит, загорелся. Экипаж покидает вертолет. Правый блистер отлетает.

Смотрю, автомат вылетает, оттуда потом начинает экипаж. В общем, что-то непонятное творится. Потом уже рассказали: командир лежит самый нижний, борттехник по середине и правый. А борттехник-то не привязан - он на командира залезает, потом на правого и вылезает первый, а потом уже все остальные.

Из экипажа кому-то плохо, командиру, вроде бы. И опять заход, в общем, со второго захода забрал экипаж.

Я все это, оказывается, в эфир говорил. А там такой гвалт стоит!

Руководитель операции говорит: «А что это там за дым?».

«Да борт догорает», - отвечаем.

«Как догорает?!»

А уже минут 5 точно прошло! Эта война!

У меня есть представление, не реализованное, на Героя Советского Союза. Есть представление на Заслуженного летчика Российской Федерации. Там конкретно расписано.

Я сейчас точно не помню, но подготовил там порядка 200 летчиков первого класса, второго, третьего, сколько снайперов. А налет какой! Для вертолетчика у меня налет большой, где-то 7 500 часов. Три войны: Афганистан, Таджикистан, Чечня.

Самое плохое

Когда 3 года воевал - втягиваешься, а не по 2 месяца. Раз 2 месяца - втянулся, ушел, месяца 3 нет, потом опять нужно привыкать. Но все равно, не боятся только «дураки». Все равно, когда стреляют не очень приятно, главное, чтобы не в голову.

Больше всего нервировала вот эта смена мирной жизни и войны. Лучше сразу отвоевать. Есть такие, кто начал с самого 1981-1982 годов, так и до самого вывода войск.

Плов

Нам «бабай» дал казан литров на 180, здоровый, пол мешка риса, два барана. Подмастерья, помощники повара, кто морковку чистит, кто барана.

Мы с обеда начали готовить, а боевые действия никто не отменял. Только мясо заложил - вызывают. Отбомбились, отстрелялись - помешал, снова улетел. В следующий раз прилетаю - морковку бросил, снова улетел. К вечеру плов готов.

Ну, правда этот «бабай» казан и топор обратно не взял. Мы готовили из баранины и добавляли свиной жир. Хотя сначала пообещали, что не будем. А он потом увидел шкуру дикого кабана. А у них же религия, свинину нельзя. Мы ему потом, конечно, скинулись. Новый казан ему купили.

Зачем мы туда влезли?

А по большому счету, если бы мы там не были, то там были бы американцы, это однозначно.

Во-первых, нас афганцы просили, чтобы ввели войска, но больше оказать политическую и моральную поддержку, а потом, конечно, ввязываться в боевые действия. Если бы там были американцы, то простая ракета средней дальности, если поднять ее на плато 3000 метров, она стреляла бы дальше на 3000 километров. Ну, например, если Новосибирск они могли достать какими-то большими ракетами, то с Афганистана они могли бы прострелить тактическими ракетами. Вот даже хотя бы из-за этого.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь

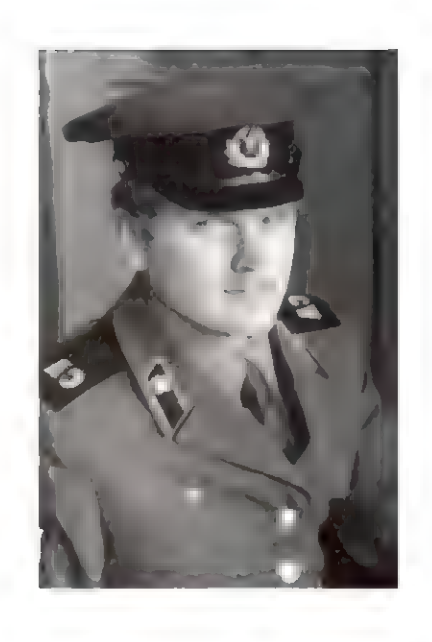
Ковалева Екатерина Романовна

и

Данилова Элеонора Александровна*,*

студентки 1-го курса факультета экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета)

Васильев Александр Сергеевич

Знойный полдень нам показался холодным и мокрым

Я родился в 1965 году в городе Москве, на Красной Пресне, в семье рабочих. Закончил в 1982 году среднюю общеобразовательную школу № 312 Бауманского района. Член ВЛКСМ

С 5 класса принимал участие в работе школьного музея юных героев-подпольщиков Краснодона «Молодая гвардия». Вели активную переписку с родными и близкими, организовывали встречи, проводили беседы, экскурсии в музее. Шефствовали над могилой молодогвардейца Георгия Минаевича Арутюнянца на Новодевичьем кладбище в городе Москве. В 1980 году за активную работу в патриотическом воспитании молодежи наш класс был награжден поездкой в Польскую народную республику для посещения в городе Жешув могилы командира подпольной комсомольской организации Ивана Туркенича, смертельно раненого в августе 1944 года в бою за Польский город Глогув. В одном из лицеев города произошла наша встреча с учащимися старших классов, которые шефствовали над захоронениями советских воинов времен Великой Отечественной войны.

Всей своей жизнью молодогвардейцы завещали нам живым, безграничную любовь к Родине и народу, безупречное выполнение своего долга.

После окончания школы поступил в Московский радиотехнический техникум имени А.А. Расплетина. В ряды Советской армии призван Ворошиловским РВК города Москвы 11 мая 1983 года со второго курса. Направлен в Краснознаменный Туркестанский военный округ в артиллерийскую учебную часть в городе Ашхабаде. Прослужил в учебной минометной батарее недолго, три дня, после прохождения медицинской комиссии переведен в «дикую дивизию» из-за плохого зрения. В эту «дивизию» направлялись новобранцы, непригодные для службы в артиллерии и ожидающие, куда их направят для дальнейшего прохождения службы.

Через две недели моя судьба была решена. Вечером после ужина нас «дикарей», строем проведя через весь город, привели на железнодорожный вокзал, посадили в вагон, и поезд доставил нас в Ташкент и далее электричкой в Чирчик. По прибытии на место командиры решали вопрос «по какому принципу нас делить», решение приняли по военному четкое: первая шеренга идет в повара, вторая в пекари. Присягу принял 5 июня. В течение пяти месяцев изучал уставы, занимался физической и строевой подготовкой, ходил в наряды по кухне, на КПП и в караул. Изучал теоретический и практический курс хлебопечения на базе 81-й учебной хлебопекарни. Выезжал на полигон для освоения навыков работы на полевой хлебопекарне.

Однажды во время выпечки упала люлька с выпекаемым хлебом. Необходимо срочно вынуть хлеб и произвести ремонт печи. Для этого пришлось вместе с дежурным электриком забраться по пояс в горячую печь. А чтобы не получить ожоги мы надели бушлат и ушанку, вынимали продукцию вручную. После данной процедуры знойный узбекский полдень нам показался холодным и мокрым, так как пот в это время струился рекой.

Помимо выпечки мы производили сушку сухарей для отправки в ДРА. А также помогали местному крестьянству в уборке лука и яблок. На политзанятиях нам рассказывали о том, как почетно и ответственно служить в Афганистане, куда

направляют самых лучших и дисциплинированных солдат. Нам говорили – лучше воевать на чужой территории, чем на своей. Правоту этих слов доказала последующая история нашей страны.

По окончанию обучения нас направили для дальнейшего прохождения службы в различные воинские части. Первая партия новоиспеченных хлебопеков прибыла в аэропорт города Ташкента, от которого до места службы тридцать минут полета на Ту-154.

И вот я в небе. Под крылом самолета горы сменялись полями, городами. Место, где будет проходить моя служба довольно тихое и красивое, кругом горы, а чуть ниже виднеется город Кабул. С этого момента начались суровые армейские будни на стационарном хлебозаводе в/ч. п.п. 84641-Х (27 ГХП – гарнизонная хлебопекарня). Все расписано по часам – подъем, завтрак, заступление на смену, душ, ужин, отбой. Выпекаем хлеб в две смены, неделю ходим в ночь, неделю в день, пересменка проходит в воскресенье. Наш завод снабжал хлебом части гарнизона города и штаб 40-й армии, который был нам хорошо виден. В одну из смен сломалась тестоделительная машина и в течение недели тесто формовали вручную, отчего выпечка получается гораздо вкуснее. После восстановления работоспособности машины каждую ночную смену одну выпечку продолжали формовать вручную, так как этот вид выпечки был оценен руководством.

По окончании смены приползали в казарму, которая представляла собой армейскую палатку на 40 человек, выжитые как лимон и, коснувшись подушки, моментально засыпали. Из-за местного климата и жары у печи кожа на руках и ногах трескалась, небольшие порезы, ожоги нагнаивались и подолгу не заживали.

Первое время вода была у нас привозная из цистерны со своеобразным запахом и вкусом. В конце года провели водопровод. По субботам мы ходили в баню, печь которой была устроена из топки списанной полевой печи, обложенной камнями. Таким образом, решалась проблема со вшами.

В конце месяца нам выдавали 9 рублей чеками, которые мы тратили на сладости. Табак получали отдельно, который лежал в казарме в большом ящике. Питание было однотипное: щи да каша. Хотелось чего-нибудь домашнего, вкусненького.

Для работы хлебозавода из Союза приходила колонна с мукой, которую приходилось разгружать отдыхающей смене. На одном из мешков вместо этикетки «мука» была этикетка «манка». Обрадованные, что поедим манной каши, мы вскрыли мешок, в котором оказалась мука. Кто-то вспомнил, что видел такую этикетку чуть раньше. Мы дружно перелопатили всю партию мешков, но и в найденном мешке тоже была мука. Так мы «досыта» наелись манной каши.

Новый 1984 год встретили, как и все обычные дни, плюс праздничный ужин. В него входили конфеты, печенье и банка Кока-колы, как в Московскую Олимпиаду. С январского денежного довольствия сделали себе подарок, скинулись и купили себе телевизор, по которому шло местное вещание. Транслировались индийские фильмы, от которых млели наши узбеки и таджики. Программа «Орбита» вещала передачи из Союза. В феврале в связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропова смотрели два раза художественный фильм «Коммунист» с актером Урбанским в главной роли, на русском и местном языках.

В марте 1984 года наша часть принимала участие в выборах в Верховный Совет СССР. Мы дружно, как «колхозники» - не строем, ходили голосовать на избирательный пункт.

Самыми долгожданными и дорогими были письма из дома, от родных и друзей. В них мы чувствовали поддержку, заботу и тревогу о нас. Получать письма было очень приятно, но сам писать я не очень любил. Теперь по прошествии времени понимаю, что больше всего ждали вестей наши матери, не спавшие ночами, молившиеся за нас и постаревшие за это время на много лет.

Боевых наград и ранений не имею, но госпиталя избежать не удалось, пролежал полтора месяца в инфекционном отделении.

Службу заканчивал в Союзе в в/ч 52946 в должности аккумуляторщика. К 60-летию Великой Победы готовили технику для участия в параде на Красной площади. Это праздник, который коснулся каждого человека в нашей необъятной стране. Не обошла война стороной и нашу семью. Васильев Петр Васильевич пропал без вести в декабре 1943

года. В ожесточенных боях на территории Восточной Пруссии 5 марта 1945 года погиб мамин отец Абрамов Егор Степанович. Похоронен на кладбище у господского двора в местечке Праусcен. Мне бы очень хотелось найти и посетить могилу моего деда, но пока местонахождения ее определить не удалось из-за отсутствия этого населенного пункта в списках переименованных на территории Калининградской области.

После увольнения из рядов Советской Армии я продолжил свое обучение в техникуме, который окончил в апреле 1987 года и был распределен на Московский завод радиоприемной аппаратуры «Орбита» на должность техника в отдел главного конструктора. Принимал участие в профсоюзной работе завода, вел культурно-массовый сектор. В декабре 1989 года уволился в связи с переходом на новое место службы, где и работаю по настоящее время на благо Отечества.

Декабрь 2008 года.

Волков Константин Геннадьевич

К нам присоединился настоящий душман, так как нас было от них не отличить

Я родился 16 ноября 1962 года в Москве. Здесь же пошел в первый класс и в 1980 году закончил среднюю школу №390.

Я поступал в институт им. Баумана, сдал все экзамены, но по конкурсу не прошел. Решил учиться в техническом училище №12 на радиомонтажника. Окончил училище с отличием и начал работать по специальности на московском радиозаводе «Темп», находившемся на улице Землячка. Мне сразу дали 5-й разряд, который являлся довольно-таки большим для выпускника училища. А потом уже оттуда в октябре 1981 года Куйбышевским военкоматом я был призван в армию, так и началась армейская жизнь.

Сначала нас отправили в Таманскую дивизию, где все говорили, что мы должны служить за границей, в Европе. Поэтому мы уже мечтали о службе в Польше, Германии, в общем, на Западе. Но, когда самолет полетел в Туркмению, в Ашхабад, мы поняли, что заграничная служба будет совсем не такой, какую мы ожидали. Потом мы уже на поезде приехали в маленький городок под названием Йолотань, неподалеку от таких же небольших городов как Кушка, Мары.

Учебный полк был численностью примерно три с половиной тысячи бойцов. Там, на реке Мургаб 16 ноября я отпраздновал свое день рождение с друзьями-солдатами. Месяца два с половиной мы пробыли в учебном подразделении, прошли так называемый «курс молодого бойца», где нам часто читали лекции про менталитет народа, населяющего данные территории. Конкретно нам не говорили, куда нас направят, но мы догадывались, раз разговоры ведутся про басмачей, то скорее всего в соседнюю Демократическую республику Афганистан (ДРА). Было немного учений, на которых нам показывали основы военного дела.

29 декабря командир полка построил всех на плацу и после торжественной речи сказал: «Если у кого-то есть веские причины не отправляться в Афганистан - шаг вперед». Пара бойцов сделали этот шаг. Бог им судья.

Уже на следующий день, 30 декабря 1981 г., мы были в Самарканде, а потом на ТУ-154 нас переправили в Кабул и военно-транспортным самолетом в Баграм, в дивизию на дальнейшее распределение. И вот мы уже в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА. Это обычный путь всех ребят, которым довелось служить в Афгане.

Как только мы приехали в Баграм, произошел довольно-таки интересный случай. Когда мы прибыли (группа 7-10 человек), нам дали с собой сухой паек, хлеб, консервы и высадили нас на территории военного аэродрома. Конечно, мы как голодные молодые бойцы съели весь хлеб, потому что он был очень вкусный, кирпичный такой, солдатский, и часть сухпайка. А после нам сказали, что здесь недалеко наша дивизия, и дали указ дойти до нее пешком. При этом у нас не было сопровождающего, не было оружия, и мы пешком с этого аэропорта с вещмешками за спиной пошли в дивизию.

Точного пути нам никто не указал. По дороге нам встречались машины, местное население, а у нас даже автомата ни одного не было. Конечно, интересно было идти, зная какая непростая обстановка в этом районе, без продуктов, сопровождающего и оружия. Но к счастью мы благополучно добрались до дивизии, где нас сразу распределили. Меня отправили в разведку, потому что раньше я занимался

спортом, борьбой (самбо), к тому времени уже довольно-таки хорошо стрелял, еще со школы.

Таким образом я попал в 781-й отдельный разведывательный батальон (ОРБ) - «Баграмский разведбат», во взвод связи. 781-й ОРБ – это отдельная песня. Об этом подразделении можно говорить сколь угодно долго. Мощный, гордый, заряженный энергией победы батальон всегда был в почете и уважении. Как известно, эти составляющие создают люди: солдаты, прапорщики, офицеры. В общем, весь батальон как на подбор.

Потом меня определили во вторую разведроту, где командиром моим стал старший лейтенант Андрей Поганец. Взводные Анатолий Поздняков и Богдан Евчин, техник Джаналиев, доктор Юра Шаповалов, бойцы Владимир Хренов, Хайдар Ярмухаметов, Николай Сафонов, Сергей Бурак, Лозовский (Як), Сергей Чирко, Мукум Тешабаев, Гриня, Саня Кынин (грузин), Василий Русин (хохол) – это наш призыв (может быть кого-то забыл, простите). Ребята помладше: Губа, Пильганчук, Виктор Шаломов, Михаил Синицын, Женя Дыбенко и многие другие.

В роте по штату около пятидесяти человек, из них часть в медсанбате, в госпитале, часть на технике, остальные пешком (человек пятнадцать-двадцать) - вот оно боевое подразделение. Рота, как кулак, способна на многое. Каждый из бойцов и офицеров знал, что его спину надежно прикрывает товарищ, а это давало уверенность в своих силах и мыслях. Попадали в засаду, шли на караван, прочесывали кишлаки - все бойцы роты были готовы к серьезным испытаниям, а их было немало, уж поверьте. Сплоченность коллектива, физическая и боевая подготовка, готовность к сложным ситуациям - вот залог успешных боевых операций. Если взять в среднем количество погибших на подразделения по 40-ой армии, то в нашем батальоне оно не высоко, в силу вышеизложенного. Рота, как семья, где солдаты учатся у офицеров и наоборот, ведь служба далеко не мирная.

В Афганистане нас удивило то, что в Советском Союзе дефицитными продуктами были, скажем, кока-кола, различные печенья, заморские сладости, а в там это были обычные товары, имевшиеся в любом магазине. Как солдаты мы получали зарплату в чеках и могли в валютном магазине

приобретать то, чего не было в России. Поэтому, когда я попал за праздничный стол 31 декабря 1981 г., для меня было удивительным такое обилие всяких сладостей. Так как я хорошо рисую, то мне было поручено оформить поздравительную газету. Так мы справили Новый год.

А уже в первых числах рано утром душманы поздравили нас с праздником минометным обстрелом. Возникла небольшая паника, так как нам, молодым, еще не успели выдать оружие, и, что делать, не все из вновь прибывших понимали. Я спросил у одних солдат, что мне делать, на что они сказали: «Бери катушку и с ней беги туда-то». Я прибежал, куда мне сказали, и мы с одним из солдат присели в машине, которая называется КШМ (связная машина на базе «Урал»). К счастью, во время этого обстрела никто ранен и убит не был. Вот так и начались наши дни в Афгане.

Потом, дней через десять-пятнадцать, мы выехали в рейд почти на пол месяца. Я как раз в составе своего взвода на «Чайке» (связной БТР) отправился в горы, что было очень интересно. Тогда я впервые попробовал виноград кишмиш. За время, проведенное в рейде, познакомился с ребятами поближе. А когда вернулся в батальон, то получил сразу все письма и открытки с поздравлениями на Новый год, так как шли они довольно-таки долго. Был этому очень рад.

Этот период принес, наверное, самые яркие впечатления. Потом я служил во второй разведывательной роте уже с другими людьми. Там больше было военных поездок, операций. Вообще на боевые операции ходили постоянно, три-четыре дня в батальоне, а потом операция. Конечно, жалко тех, кто не вернулся после них. Так погибли мои друзья: Мусат Канаев и Константин Викторович Долбилов, с которым мы вместе прослужили два года.

Константин был замечательным человеком, дружба с которым завязалась с первых дней в батальоне. В полуобвалившемся капонире (окопе-укрытии для техники), где по вечерам собирались солдаты и жарили картошку, и состоялось наше знакомство. Но так получилось, что незадолго до дембеля (оставалось не более недели), когда проходили последние операции, мой друг погиб. Он, как и я, последнее время ходил со станцией связистом.

Связист в армии специальность неблагодарная, так как очень сложно на дембеле передать станцию кому-то, потому что нужно человеку быть специалистом и нагрузка очень большая, так как это большая ответственность. Связист обязательно должен ходить в дозор, или находиться при управлении ротой, батальоном. Так же, когда все отдыхают, ты обязательно должен быть в эфире, так как от точности радиосвязи зависит успех операций, а порой и жизнь подразделения. Константин вполне мог отказаться от участия в ведении разведки в провинции Кабул, и вряд ли ему отказали бы в этой просьбе, но он поступил по одной из неписаных боевых традиций, уйдя на задание вместо своего молодого и неопытного сменщика.

Многие старослужащие в это время, кто как мог, пытались избежать этих последних операций. Я остался в батальоне, а Костик решил съездить на последнюю в его жизни операцию. Вообще Бог давал ему три шанса избежать этого, но он не остался со мной в батальоне, не отсиживался во время операции на боевой технике, а непременно шел вперед. В шесть вечера того же дня нам передали по радиосвязи, что столько-то людей погибло, столько-то ранено, и что он находится среди них с легким ранением в руку. Мы, конечно, обрадовались, пошутили, что это здорово, так как перед отправлением домой еще и в госпитале отдохнет да «железку» какую-нибудь получит (медаль или орден). Потом оказалось, что его ранило в почку разрывной китайской пулей. В госпитале Константин ушел в мир иной. Произошло это тринадцатого октября, на праздник Покрова Матери Божьей.

Я хотя по жизни человек и веселый, юмористичный, но могу сказать, что этот момент меня сильно стеганул. И когда мы с ним прощались перед отправкой «цинка» домой, такое ощущение было, что он радуется отправлению на Родину. После, когда я уже разговаривал с медсестрой, она рассказала, что он не плакал, не стонал от боли, а умирая сказал: «Как жалко, что я не успел…»

Я не знаю, как правильно продолжить его слова, может «дожить до отъезда домой», но на душе было тяжело. После этого так же были операции, на которых погибали солдаты. В палатке Костиной роты много кроватей было по-особому заправлено. На них лежали открытки, письма от

родственников, друзей тем, кого уже не было в живых. Жалко очень ребят, потому что мы уже собирались уезжать, у нас были свои планы на мирную жизнь. Собирались в гости друг к другу съездить, с родителями познакомиться.

Константин был очень порядочный, добрый, интересный человек. Наверное, из всех моих друзей о нем больше всего хочется говорить. Он никогда ни на что не жаловался, тяготы службы переносил достойно и с честью. При жизни Костя получил медаль «За отвагу», а посмертно уже был награжден орденом Красного Знамени. Многие наши товарищи, командиры считали, что не создан был он для войны. Когда пришло время его провожать, мне было очень сложно, так как подходил дембель, и меня не отпустили сопроводить его.

Было сложно еще и потому, что я, вернувшись домой, не мог приехать к нему на Родину и рассказать о нем, как о близком человеке, как он погиб, так как в те года (1983 г.) мало кто знал правду о войне в Афганистане и разные были нехорошие слухи. Поэтому мне говорили, что лучше не ехать, так как его родственники могут неправильно понять мой приезд.

Тем не менее, прошло полгода, и его родная сестра Валентина написала мне, что увидела в дембельском альбоме мою фотографию и адрес и решила связаться со мной. Я тут же ей ответил и решил бросить все дела, работу и поехать в Чебоксары к его родным. Там меня встретила Валентина, и мы поехали в город Ядрин, где он раньше жил.

Впечатлений осталось море, так как его родители встретили меня словно родного сына. А на душе было нелегко, потому что его я им заменить не мог. Они предложили остаться у них и переночевать в комнате Константина, тем самым почтить его память. С тех пор, как он ушел в армию, в ней все оставалось неизменно. Комната была в своем роде его музеем. Я лег на Костину кровать, пытался уснуть, но не смог, и до утра я так и не уснул.

Но после того, как мы сходили к нему на могилу, почтили его память, у меня как камень с души упал, потому что я полгода ходил и думал о том, что не исполнил свой долг, съездить к нему на Родину, как обещал. Все-таки друзей много не бывает, а с этим человеком я мог разделить и горе, и радость, он меня понимал и был близким человеком. А в этой

специфической обстановке, когда батальон довольно-таки маленький (примерно человек 300), и все друг друга знают, найти такого друга было очень важно.

Как позже выяснилось, буквально через несколько дней наша вторая рота попала в тяжелое положение, и многие ребята погибли. Возможно, эти несколько дней отделили нас от той же участи.

Все два года (с 1981 по 1983 г.) я прослужил в одном батальоне. Приходилось принимать участие в различных разведывательных операциях. Все они проходили в близлежащих районах Баграма и Кабула, в разных провинциях (наша провинция называлась Парван), а также возле Чарикара и Панджшера. За два года службы мы исходили вдоль и поперек всю зеленую зону вокруг Баграма, перевал Саланг, ущелье Панджшер, ущелье Бамиан, всю зону и предгорья до Кабула, ущелье Ниджраб и многое другое, всего не припомнить. Мы регулярно высаживались с вертушек, перепахали траками БМП и колесами БТРов тысячи километров афганской земли.

К счастью, меня Бог миловал, и мне удалось избежать ранений во время службы, хотя ситуации были разные. Многие мои сослуживцы были не раз ранены. Так моим друзьям из соседней роты Сергею Житинкину (был тяжело ранен и отправлен в Москву) и Николаю Прохорову не удалось избежать этой участи. И видишь с пониманием, как люди мучаются. Все раны очень долго заживают и многие могут постоянно о себе напоминать. Но во время службы, когда у нас по вечерам иногда были построения на боевые операции, некоторые офицеры спрашивали, кто желает поехать.

Все понимали, что в подразделениях многие были ранены, и приказывать раненым было неудобно. И ребята никогда не отказывались поехать, шли вперед. Стоит сказать, что предателей и бегунов у нас не было, все дорожили званием разведчика и честью 781-го ОРБ. А поэтому думаю, что все военнослужащие нашего батальона достойны боевых наград и званий!

В 1983 году я демобилизовался. Сначала нас отправили на самолете в Кабул, оттуда я попал в Ашхабад, а далее уже поехали на поезде в Россию. Была хорошая погода, шинель я в

поезде оставил и уже в парадной форме ехал домой. Форма наша все равно отличалась от остальных, и, естественно, многие спрашивали, откуда я еду. Но, когда я ехал домой в Москве в автобусе №80 от станции метро Преображенская площадь, было нелегко отвечать людям на этот вопрос, так как в памяти все было свежо: боевые действия, потеря друга...

Не хотелось ни с кем разговаривать. Конечно, я пытался как-то ответить, чтобы не обидеть людей. Но не вдавался в подробности. Домой я вернулся в звании младшего сержанта, сейчас уже в военкомате мне присвоили старшину, так как на данный момент как священнослужитель работаю и с офицерами, и с солдатами в разных структурах.

За проведенные военные действия мне были присвоены следующие награды. 15 августа 1984 года Указом президента совета СССР от 17 мая 1984 года была выдана медаль «За боевые заслуги» (№133519). 30 апреля 1985 года выдан Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» (№50 АМ832890). 18 февраля 2003 года была присвоена медаль «За ратную доблесть» (№112) движением «Боевое братство». Приказом от 15 ноября 2005 года от Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, Государственной Думы и Федерального экспертного совета был присвоен орден маршала Жукова (№15), подписал его В.Л. Говоров (председатель наградного комитета). Указом президента Российской Федерации Путина В.В. от 16 ноября 2007 года был вручен его представителями орден Святой Анны 1-й степени с мечами (№1547, Указ, Москва, Кремль). Приказом №4А от 16 апреля 2008 года президента национального наградного фонда Недельского В.В. вручен орден «За службу Отечеству» 1-й степени.

В журнале «Солдаты России» имеется статья от декабря 2007 года № 12(63) Александра Мусиенко «Жареная картошка» (страницы 86-89), рассказывающая о моем друге Константине и отчасти обо мне. Я хотел, чтобы ее увидели его родные, его родители, поняли, что мы его не забыли. Мы все так же любим его, молимся за него. Хотелось сказать то, что наша дружба временно сейчас не продолжается так близко, потому что он уже там, а мы пока временно здесь. Надеюсь, что известность Константина даст больше молитв о его душе,

чтобы ему было хорошо в Царствии небесном и всем тем, кого с нами нет.

Остановка вражеского каравана

За время нашей службы мы побывали на множестве операций, за одну из которых я награжден медалью «За боевые заслуги». В 1983 году целью одной из операций, в которой мы участвовали, являлась остановка вражеского каравана, если он пойдет. Несколько дней мы пробыли в горах, ожидая каравана. Нам удалось занять хорошую позицию. Нам показался смешным один душман, который ничего не опасаясь, ездил внизу по дороге на велосипеде. Сзади у него был автомат «Томсон», а мы сверху смотрели на него, но открывать огонь нам было запрещено, так как задача была другая.

Через несколько суток, когда запасы воды и сухпайка значительно уменьшились, мы стали спускаться вниз со склона, но все же в готовности встретить караван. Наступила ночь, каравана особо никто не ждал, так как он мог и не пойти. Когда колонна все-таки появилась, поступила команда «огонь», все начали стрелять, чтобы с помощью огня сломить сопротивление сопровождающих караван.

Пока караван разбивали, мы с одним товарищем (Сергеем Бибиковым) отошли в сторону от этого места, потому что рядом кто-то от каравана отделился и убегал. Сейчас я понимаю, что это была глупость, потому что трава была высокая, патронов у нас в магазинах было мало, так как на взятии каравана мы их перестреляли. С собой была россыпь патронов, то есть при необходимости их надо было заряжать, и только один целый рожок остался в пулемете. Тем не менее, мы настигли того, кто убегал. Слава Богу, что никто из наемников там не оказался, нам не пришлось стрелять, потому что нас могли запросто в этой траве зарезать, застрелить или взять в плен. Можно сказать, что нам просто очень повезло.

И мы с Сергеем поймали ишачка. Он оказался очень полезным для нас, потому что на нем была плита от миномета, а самое главное – это переписка духовская (душманская). И когда мы этого ишака привели, то все офицеры, особенно командир моей роты (Поганец Андрей), были очень рады. Меня приставили к ордену Красной Звезды. Но так

получилось, что мы ее похоронили, наградные сгорели. Я не считаю себя таким боевиком или воином, который достоин носить орден Красной Звезды. А потом уже командир роты представил к награде «За боевые заслуги».

После военных действий, уже на «гражданке», Андрей трагически погиб. В свое время он был простым солдатом, потом уже стал офицером. И, конечно, в своем батальоне из офицеров он был одним из самых опытных, поэтому многие прислушивались к его мнению, чтобы не терять людей. Мне с ним было легко и приятно служить.

Константин Долбилов, будучи талантливым человеком, написал об этой операции песню:

Засада РДР

«Дозор вперед!» -
Отдал приказ комбат.
Три парня встали в мятых маскхалатах,
Вот осторожно
Передернут автомат,
И растворились в темноте ребята.

Вокруг ни звука,
Ночь тиха,
Но с каждым шагом
Стук сердец сильнее,
И лишь в эфире
Слышатся слова:
«Дозор, я Шторм,
Возьми чуть-чуть левее».

В засаду сели
Далеко в степи,
Где караванный путь
Лежит к Паннджеру.
А караван уже где-то в пути,
Осталось ждать
И не терять в удачу веру.

Лежим и ждем,
Когда же он пойдет.

Ждем его так, как вряд ли
Ждут в Панджере;
Луна, как прежде,
Озаряет небосвод…
Вдруг! «Группа к бою!» -
Слышится в эфире.

Цепочкой шли
Верблюды, люди, кони,
И их дозор шел
Торопливо впереди;
Душманы нам видны
Как на ладони,
И в ожиданьи сердце
Рвется из груди.

И вот: «Огонь!» -
Команда прозвучала,
И автоматы трассерами
Распороли тьму…
Все как в аду
Рвалось и грохотало,
От смерти скрыться
Не удалось никому.

Окончен бой,
Мы возвращаемся назад.
Восходом солнца
Нас рассвет встречает,
И лишь в эфире
Слышно, как комбат:
«Ваш выполнен приказ!» -
Кому-то отвечает.

За водой

В 1983 году также был еще один веселый случай. Не помню точно месяц, но, в общем, пошли мы с ребятами из нашего подразделения за водой. С собой у каждого были автомат, подсумки и фляжки для воды. С нами пошли человека два-три «зеленых», то есть бойцов афганской армии.

Были молодые, мест толком не знали, а ребячество какое-то все еще присутствовало. И я по своей инициативе решил сократить путь. Все ребята пошли в левую сторону обходить скалу, а я решил, что можно напрямую пройти и выйти к реке раньше, чем они.

Мы разошлись. Было здорово, потому что уклон, по которому я спускался, был довольно-таки большой - градусов 45. Склон был покрыт щебенкой с песком и мелкими кустиками. У меня тогда был новый маскхалат. Я с «калашом» (автоматом Калашникова) съехал потихоньку вниз с горочки, как мне казалось вроде уже поближе к реке, и остановился на небольшой площадке, с полметра, наверное.

Внизу находился девятиэтажный дом и перед ним река. Эмоций у меня тогда возникла масса, а наши тем временем уже спустились к реке. Ребята с моей роты, увидев меня, начали смеяться, так как в чем дело, стоя внизу, они не понимали. А «зеленые» показывали, что мне «конец». Вниз я спрыгнуть не могу, а наверх забраться практически нереально. Под ногами осыпающийся щебень, кустики, растущие на склоне, маленькие, цепляться практически не за что.

Было не до смеха, и я начал забираться. Автомат пришлось закинуть за спину, так как толку от него уже никакого не было. Пока сослуживцы набирали воду, я пытался вылезти наверх. Приходилось хвататься за эти маленькие кустики и пытаться продвигаться наверх, пока они не вырывались с корнем до конца. Так как почвы под ними практически не было, им самим цепляться было не за что. Очень сложно было удержаться и не слететь вниз со скалы. В общем, пока я поднялся, от новенького маскхалата мало что осталось нового, а у автомата сломался металлический приклад, то есть просто сварка отлетела в одном месте приклада.

Когда я выбрался, счастью моему не было предела. Я лежал и думал, какая красивая жизнь! Потому что помочь в этой ситуации мне было некому, кроме Бога. Так как мы шли за водой, станцию я не взял. И пока я полз наверх, наверное, вспомнил всю свою жизнь, как на видео в режиме быстрой перемотки, так как стрелять я не мог (автомат находился за спиной), а руками надо было стараться зацепиться, чтобы подняться.

Конечно, про этот случай мы никому не рассказывали, автомат я не показывал, так как могли подумать, что я его специально сломал. Попытались починить его (приклад откидной) подручными средствами, в итоге перемотали приклад изолентой, и оставшееся время я так с ним и прослужил, а на дембель передал его другим.

Без антенны радиостанции

Самое сложное, как я уже говорил, было сдать радиостанцию. Но мне удалось убедить одного молодого солдата в том, что это очень важно и необходимо для наших войск, что это дает массу привилегий и возможностей, то есть благополучно с ней распрощался. Тем более, к тому времени на ней уже была новая хорошая антенна, так как старую я на одном из заданий потерял.

Была своеобразная операция. Мы шли по песку, и можно сказать, что он нам спас жизнь. Пока я шел, антенна разболталась, а я не стал ее обматывать вокруг себя, как это мы часто делали. Решил, что ночью ее не видно, и ничего страшного из-за этого не случится. Тем более, слышно в эфире хорошо, я иду и внимания на нее не обращаю. И тут мне понадобилось выйти в эфир, а у меня связи нет, антенна пропала.

Я по цепочке передал, что если кто-то увидит ее, то пусть передаст. Но так как была ночь, тем более шли по песку, никто антенну найти не смог. Возможно, ее просто прошли уже. И таким образом остались мы без антенны.

Операция была специфическая, мы переодевались в душманскую одежду, а из-за песка не вышли точно по времени на задание. И расположились возле горы в ущелье. А к вечеру следующего дня к нам присоединился настоящий душман, так как нас было от них не отличить, тем более, что с нами были настоящие узбеки и таджики, выполнявшие функции переводчиков.

Самое интересное, что его сначала и не приняли за чужака, все думали, что он свой - разведчик. А поняли подвох, только когда он стал уходить, но было уже поздно. И, когда вечером мы стали собираться идти дальше, сверху, куда мы должны были подняться по заданию, нас стали обстреливать. Возможно, то, что мы не успели подняться, спасло нам жизни.

Огонь непосредственно командир должен был корректировать через меня по станции. А так как антенну я потерял, то мне самому приходилось временно выполнять ее роль.

В суматохе пришлось много вещей, к сожалению, оставить. Когда стали отходить, то командир роты, я и еще один парень с нашей роты прикрывали наш отход, во время которого пытались захватить с собой брошенные вещи и снаряжение наших ребят. Мне, кроме автомата, в довесок дали еще и гранатомет («муха»), кроме станции с аккумуляторами к ней, пришлось подбирать брошенное снаряжение наших бойцов. Благодаря Богу все обошлось хорошо, никто не был ранен, а тем более убит, хотя у многих были прострелены вещмешки, фляжки, банки с консервами.

Письмо «Союзмультфильма»

После таких операций очень важно было расслабиться, отдохнуть и даже отвлечься. Как-то раз шли мы с Костей в столовую на обед, и дневальный передал мне письмо. Стоит сказать, что у меня была мечта, о которой знали совсем немногие, работать на студии «Союзмультфильм». На конверте были написано мое имя и моя фамилия, а также обратный адрес: г. Москва, студия «Союзмультфильм», режиссер Котеночкин.

Мне конечно же стало интересно, что же там написано. Я открыл письмо и прочитал: «Волков Константин Геннадьевич, приглашаем вас на работу на студию «Союзмультфильм»» и далее все в таком же духе.

Я сначала не понял, серьезно это, или кто-то пошутил. Находился некоторое время в замешательстве. А потом обернулся и увидел, что Костя идет недалеко от меня и смеется. Тогда-то я, конечно, понял, что это была его шутка, что письмо от него.

Константин решил сделать мне приятное, преподнести такой сюрприз, который вызвал бы положительные эмоции и искреннюю улыбку. После я уже подумал о том, откуда бы Котеночкин узнал мой адрес, зачем ему писать мне в армию, да и вообще, зачем ему мне писать, мы даже знакомы не были. Подумал и о том, что не могло письмо прийти только мне одному, так как рядом находились и другие солдаты. Но сразу эти мысли не пришли, а письмо достигло своей цели.

Успел разжать руки

Важную роль в Афгане играли наши офицеры, точнее их личные качества. Изо дня в день им приходилось искать и принимать решения, которые бы максимально оберегали нас от жертв. Никогда не забуду ситуацию, в которой от быстрого и правильного решения нашего командира зависела не только моя жизнь.

Было так. Несколько наших ребят из другого подразделения пошли в один из кишлаков за виноградом. Так как виноград они брали у местного населения, сами были вооружены, то вполне возможно, что произошел конфликт, в результате которого, к сожалению, двое, если я не ошибаюсь, были убиты, один взят в плен и кому-то удалось убежать.

Сбежавший солдат сообщил об этом, и нас послали разыскивать нашего парня, которого душманы схватили. Когда мы пришли в кишлак, он уже был пуст. Возможно, его жители испугались мести и ушли в горы, спрятались. Задачи их разыскивать у нас не было, поэтому мы приступили к обыску кишлака, в надежде отыскать нашего парня живым.

В кишлаке были колодцы, называемые киризами, которые мы должны были обезвредить, так как они соединялись между собой подземными ходами. И когда я, Андрей Поганец и еще один офицер подошли к одному такому колодцу, я достал гранату, и этот офицер попросил ее у меня, так как сам захотел ее туда бросить. Он был старше меня по званию, поэтому я не мог ему отказать.

Когда офицер вытащил кольцо, отошла чека, и пошли драгоценные секунды (всего есть в запасе четыре секунды, чтобы бросить гранату и успеть обезопасить себя от осколков). Никто не ожидал этого, и я, честно говоря, растерялся, так как он держал гранату в руках, а она вот-вот должна была взорваться. Он, я думаю, тоже испугался и поэтому замешкал.

Мы переглянулись, и каждый, наверное, в это время подумал о своем. Колодец был совсем небольшой, мы стояли вокруг него довольно-таки близко друг к другу. Граната находилась на уровне пояса, и ее взрыв оказался бы смертельным для всех нас. Но Андрей Поганец успел разжать руки того командира, выхватить гранату и бросить ее в колодец.

Мы как стояли на месте, так и остались стоять в момент взрыва. Первое время было не по себе. Только благодаря действиям Андрея мы остались живыми и не покалеченными. Этот случай показал, насколько был более опытен мой командир, нежели мы, и какое имел сильное самообладание. А так же продемонстрировал, как важно было в Афгане быстрое принятие правильного решения.

Потом уже, когда после какого-то времени поисков мы устроили привал, наши ребята заметили в одном из виноградников свежевскопанную землю. И, когда ближе стали смотреть, нашли там тело нашего пропавшего солдата. Он был замучен, над ним поиздевались. Нам пришлось аккуратненько откопать его (он был буквально присыпан землей сантиметров на 15-20) и стащить, так как он мог быть заминирован. Непосредственно вынимать из земли его пришлось мне, зрелище не из приятных, да и просто жалко парнишку.

Так мои глаза видели смерть и мучения от ранений. Несомненно, присутствует печать на сердце и в душе от всего пережитого. Молодые ребята проливали кровь, отдавали свои жизни и здоровье за кого-то другого.

После всего того, что пришлось увидеть в Афганистане, прошли годы, которые привели меня к глубокой вере во Христа и православную церковь, где благодаря своему покойному другу и наставнику протоиерею Георгию Тобалову, Господь благословил меня служить в сане священнослужителя.

Ноябрь 2008 года.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Олегина Марина Германовна,** студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Голдышев Валерий Георгиевич

Южнее нас никого не было

Я закончил знаменитое Качинское лётное училище в звании старшего лейтенанта. После окончания училища я был откомандирован в Афганистан выполнять интернациональный долг. Нам говорили, что мы защищаем южные рубежи нашей Родины.

40-я общевойсковая армия (ОА) была сформирована в Туркестанском военном округе (ТуркВО) по директиве Генерального штаба (ГШ) от 16.12.1979 года. Командующим армии был назначен генерал-лейтенант Ю. Тухаринов, первый заместитель командующего ТуркВО.

Но уже с 10 декабря (еще до принятия окончательного решения о вводе 12 декабря на заседании Политбюро), по приказу министра обороны Д. Устинова, проводилось развертывание и мобилизация частей и соединений ТуркВО и Среднеазиатского военного округа (САВО).

Общая директива на мобилизацию и приведение в боевую готовность не отдавались, войска приводились в готовность и разворачивались отдельными распоряжениями командования после устных приказов министра обороны. Всего за три недели (до 31 декабря) было отдано более 30 таких распоряжений.

До 25 декабря 1979 года было развернуто около 100 соединений и частей, армейский комплект частей боевого и тылового обеспечения. В ТуркВО – полевое управление 40-й ОА, 2 мотострелковые дивизии (5-я гв. мсд в Кушке и 108-я мсд в Термезе), 353-я пушечная артиллерийская бригада (абр), 2-я зенитно-ракетная бригада (зрбр), 56-я гв. десантно-штурмовая бригада (дшбр), 103-й полк связи (опс), 28-й реактивный полк (реап), части боевого и тылового обеспечения; в САВО – управление 34-го смешанного авиакорпуса (сак), 860-й отдельный мотострелковый полк (омсп), 186-й омсп (приданный 108-й мсд).

В состав авиации вошло 2 авиаполка истребителей-бомбардировщиков (апиб) – 136-й и 217-й, 115-й гв. истребительный авиаполк (иап) и 2 вертолетных полка (овп) – 181-й и 280-й, 302-я отдельная вертолетная эскадрилья (овэ) при 5-й гв. мсд, части авиационно-технического и аэродромного обеспечения.

В качестве резерва вводимой группировки были отмобилизованы три дивизии (58-я мсд - в ТуркВО, 68-я и 201-я мсд - в САВО).

На доукомплектование было призвано из запаса более 50 тысяч человек из среднеазиатских республик и Казахстана, передано из народного хозяйства около 8 тыс. автомобилей и другой техники. Это было крупнейшее мобилизационное развертывание в среднеазиатском регионе за послевоенный период.

Также в группировку были включены: 103-я гв. воздушно-десантная дивизия (вдд), 345-й гв. отдельный парашютно-десантный полк (опдп).

24 декабря министр обороны Д. Устинов провел совещание с руководящим составом Министерства обороны, где объявил о принятом решении ввести войска в Афганистан и подписал директиву № 312/12/001 на ввод.

Время перехода государственной границы между СССР и Афганистаном было установлено в 15.00 московского времени 27 декабря 1979 года.

К моменту ввода 40-й армии на территории Афганистана уже находились советские части - введенный в начале декабря спецотряд ГРУ (т.н. «мусульманский батальон»), сформированный летом 1979 года для выполнения

специальных задач, и два батальона 345-го гв. опдп (один из которых дислоцировался еще с июля того же года, второй прибыл вместе с «мусульманским батальоном»).

Первой начала переправу 108-я мсд, целью которой был Кундуз. Воздушную границу Афганистана пересекли самолеты ВТА с десантом и боевой техникой на борту.

Из состава ВВС в Баграм перелетела авиаэскадрилья (аэ) 115-го гв. иап, остальные части совершали полеты с аэродромов ТуркВО.

Штаб армии, 5-я гв. мсд, 56-я гв. дшбр (без одного батальона), 353-я абр, 2-я зрбр, 860-й омсп, 103-й опс, 28-й реап, армейские части усиления и обеспечения оставались на территории Советского Союза.

Вечером 27 декабря «мусульманский батальон» и спецгруппы КГБ взяли штурмом дворец афганского диктатора Амина на окраине Кабула, во время которого Амин был убит. В самом городе действовали подразделения 103-й гв. вдд, захватившие важные государственные и военные учреждения и блокировавшие афганские части, дислоцируемые в Кабуле.

В эту же ночь в Афганистан, вошла 5-я гв. мсд по маршруту Кушка – Шинданд. Утром 28 декабря части 108-й мсд, перенацеленной на Кабул (кроме двух мсп, оставшихся под Кундузом и Пули-Хумри) вышли к афганской столице и полностью его блокировали.

С января 1980 года продолжалось усиление состава 40-й ОА. В Кабул передислоцировали штаб армии, 103-й опс и 733-й батальон охраны и обеспечения при штабе армии, туда же была начата переброска 159-й инженерной дорожно-строительной бригады (идсбр). Под Кундуз ввели 56-ю гв. дшбр (без 2 батальонов); под Файзабад - 860-й омсп, под Кандагар - 373-й гв. мсп 5-й гв. мсд и батальон 56-й дшбр (позднее переформированные в 70-ю гв. омсбр), под Пули-Хумри 191-й мсп 201-й мсд (вместо 177-го мсп 108-й мсд, переброшенного под Джабаль-Уссарадж).

На афганские аэродромы перелетели 2 овп (280-й и 181-й), 217-й авиаполк истребителей-бомбардировщиков и остатки 115-го гв. иап, эскадрилья тактической разведки (из состава 87-го разведывательного авиаполка ТуркВО) и 302-я овэ 5-й гв. мсд.

9 января была проведена первая в Афганистане боевая операция: батальон 186-го мсп подавил мятеж афганского артполка, потеряв двух человек убитыми.

В феврале ввод войск продолжился. Были введены новые части: под Чарикар - 353-я абр и 45-й исп (специально сформированный для Афганистане), под Шинданд - 28-й реактивный артиллерийский полк (реап), под Пули-Хумри - 59-я брмо. По дороге Термез - Пули-Хумри был дислоцирован 14-й отдельный трубопроводный батальон (отпб), занимавшийся строительством и, позднее, обслуживанием трубопровода для нужд армии.

В ВВС, на базе управления 34-го сак, было сформировано управление авиации армии, и в Афганистан был дополнительно переброшен полк – 136-й апиб, кроме этого был сформирован новый авиаполк – 50-й отдельный смешанный (осап), введенный в марте.

Для обеспечения и обслуживания группировки ВВС были передислоцированы 4 батальона базы авиационно-технического обеспечения (2 батальона – в Баграм, один - в Кабул, один - в Кандагар) и батальон материально-технического обеспечения (обмто). Для строительства и усовершенствования аэродромной системы были введены, на аэродромы Кабул и Шинданд, 2 отдельных инженерно-аэродромных батальона (оиаб).

Для создания военной инфрастуктуры требовались строительные части, поэтому было сформировано 342-е управление инженерных работ (уир) в составе 12-ти батальонов - 9 военно-строительных, 2 электро-технических и один сантехнический).

В районе Кундуза, вместо 186-го мсп, ушедшего в Кабул, встала 201-я мсд, взявшая под контроль провинции северного Афганистана (два мсп дивизии дислоцировались отдельно - под Пули-Хумри и Ташкурганом).

В основном дивизия пополнялась кадровым составом из частей групп советских войск за границей (ГДР, Венгрия и Чехословакия). Таким образом было укомплектованы большинство частей, введенных в начале 1980 года.

Позднее таким же путем была произведена замена всего приписного состава соединений и частей 40-й ОА. Полная замена запасников на кадровый состав была завершена к марту

1980 года (офицеры – к ноябрю). Одновременно были заменены на армейские образцы все автомобили и другая техника из народного хозяйства.

В течение января-февраля 1980 года были выведены в Союз «мусульманский батальон», 2-я зрбр, техника и личный состав дивизионов тактических ракет двух мсд (боеголовки к ракетам на территорию Афганистана не ввозились). Летом домой вернулись 353-я абр армейского подчинения и 234-й танковый полк 201-й мсд.

К марту-апрелю 40-я армия была полностью сформирована: в ее состав входило 4 дивизии - 3 мсд и вдд, 5 отдельных бригад - дшбр (3-х батальонного состава), 2 омсбр, идсбр, брмо и 6 отдельных полков - опдп, 2 омсп, исп, опс, реап. В авиации насчитывалось 7 полков - смешанный авиаполк, 3 вертолетных полка, 2 авиаполка истребителей-бомбардировщиков, истребительный авиаполк и 3 овэ, приданные мсд.

Для работы среди местного населения при политотделе армии был создан 190-й боевой агитационно-пропагандистский отряд (бапо).

Общая численность советских войск в Афганистане в начальный период составляла 81,1 тысячи военнослужащих, в том числе 61,8 тысячи в боевых частях. На вооружении находилось около 2,4 тыс. единиц бронетехники (около 600 танков, 1500 БМП, 290 БТР), 900 орудий различных калибров, 500 вертолетов и самолетов.

Первые же боевые операции весной 1980 года показали неподготовленность советских войск в ведении антипартизанской войны. Структура 40-й ОА была ориентирована, как и всей Советской армии, на ведение крупномасштабной ядерной войны, что в условиях Афганистана было неприемлемо.

В 1981 году, с учетом опыта первого года войны, были проведены изменения и переформирования в составе 40-й ОА.

По директиве ГШ № Д-0314/3/00655 в каждой мотострелковой бригаде и полку на базе штатных мсб были созданы т. н. горно-стрелковые батальоны, в которых личный состав проходил непродолжительную горную подготовку и получал соответствующее горное обмундирование и

снаряжение (в действительности эти батальонами горными так и не стали из-за слабой подготовки военнослужащих).

На базе двух инженерных горно-дорожных рот был сформирован 2088-й отдельный инженерный батальон (оиб), занимавшийся строительством дорог в северных провинциях Афганистана В 1985 году батальон был передислоцирован из Кундуза в Чарикар и включен в 45-й исп как батальон разграждения.

Чтобы освободить мотострелковые и десантные подразделения от охранных функций, в конце года в Афганистан было введено 7 специально сформированных отдельных батальонов охраны (обо). Эти батальоны заменили части, охранявшие военные аэродромы, на которых базировалась советская авиация. Всего для охраны аэродромов было создано 140 сторожевых застав, кроме того, 224 заставы выполняли двойную задачу: стояли на дорогах вокруг аэродромов и входили как в систему охраны дорог, так и систему охраны аэродромов.

Для вывоза подбитой бронетехники в состав 40-й армии был введен 501-й эвакуационный батальон (оэб).

В помощь армейскому бапо, для ведения спецпропаганды, с июля 1981 года в дивизиях создавались нештатные бапо (ставшие штатными с 1983 года).

Тогда же окончательно утвердился состав ВВС армии, в который стало входить 6 полков - сап, 2 овп, обвп (заменил овп в Джелалабаде летом 1981 года), иап, апиб и 3 овэ в составе мсд. Замена авиаполков (кроме осап и сформированного в 1984 году ошап), осуществлялась в полном составе через год пребывания в Афганистане; в вертолетных частях менялись только личный состав и техника. Для обслуживания частей авиации дополнительно было введено 2 обато - в Джелалабад (июнь 1981 г.) и Кундуз (февраль 1982 г.)

В октябре 1981 года в состав армии вошло 2 отдельных отряда специального назначения (ооСпН). Первоначально отряды дислоцировались в северных провинциях, около советской границы (летом 1982 года, после ввода на север Афганистана подразделений советских погранвойск, спецназ был переброшен в центральные провинции).

Летом 1982 года 159-я идсбр была переформирована в 58-ю автомобильную бригаду (автбр), что было несложно, так как из 7 батальонов бригады 4 были автомобильными (три остальных – два батальона механизации, которые заменили автобатальонами, и рембат).

Эти мероприятия привели к увеличению численности 40-й ОА, которая составила около 100 тысяч человек.

В мае 1983 года, для обеспечения бесперебойного движения транспортных колонн через перевал Саланг, была сформирована 278-я дорожно-комендантская бригада (дкбр), в нее вошел армейский 692-й отдельный дорожно-комендантский батальон (в Афганистане с 1980 года) и два бывших батальона охраны. Батальоны бригады были дислоцированы: Хайратон (позднее - Ташкурган), Хиджан на перевале Саланг и Джабаль-Уссарадже. В Чаугани (под Доши) было дислоцировано управление бригады.

Последнее усиление группировки советских войск было проведено в 1984-1985 годах.

В начале 1984 года 285-й тп 108-й мсд был переформирован в 682-й мсп и передислоцирован из Баграма в Руху (долина реки Панджшер). Кроме этого, было вдвое увеличено число ооСпН, - их стало 4: три отряда были дислоцированы вдоль афгано-пакистанской границы по линии Джелалабад – Газни – Кандагар (один стоял под Баграмом, в начале 1985 года передислоцирован под Баракибарак).

Действующий в Афганистане с 1980 года армейский батальон радио- и радиотехнической разведки (РиРТР) был переформирован в 264-й полк ОсН (6 радиопеленгаторных пунктов). В состав 45-го исп, в добавление к инженерным - саперному и дорожному батальонам, был сформирован батальон спецминирования.

В октябре 1984 г. в мотострелковых и десантных батальонах были сформированы штатные разведывательные взводы, что позволило улучшить эффективность боевых действий.

Наиболее крупные мероприятия были проведены в 1985 году. Тогда численность 40-й ОА достигла максимума и составила 108,8 тысячи человек (106 тысяч военнослужащих), в т. ч. в боевых войсках - 73 тыс. человек.

В марте в состав армии были введены управления 2 отдельных бригад СпН (обрСпН), в состав которых вошли 4 ооСпН, уже дислоцированных на афганской территории, и 4 новых отряда (один из них был сформирован непосредственно в Афганистане из личного состава частей 40-й армии). В состав 5-й гв. мсд вошел введенный под Герат из Союза 12-й гв. мсп.

Кроме этого, 28-й армейский реап (на вооружении которого находились системы залпового огня «Град» и «Ураган») был переформирован в артиллерийский полк самоходных орудий, и 45-й исп был усилен батальоном разграждения (бывшим оидб из Кундуза).

Произошло усиление 70-й гв. омсбр: в нее был введен из Союза 4-й мотострелковый батальон и был окончательно передан в состав бригады дшб 56-й гв. дшбр, вместо которого, в составе последней, был сформирован новый 4-й батальон (в 1980 – 1985 гг. 56-я гв. дшбр была, фактически, «полком» 3-батальонного состава).

В Кабул был введен новый обо, взявший под охрану некоторые объекты в афганской столице. Два обо (в Кабуле и Пули-Хумри), входивших в состав 278-й дкбр, были переформированы в дорожно-комендандские батальоны. На трассе Кушка-Шинданд был дислоцирован новый батальон 276-й тпбр, построивший и обслуживающий эту ветку трубопровода.

Также произошли некоторые изменения и в штатно-организационной структуре соединений и частей армии. В марте 1985 года роты химической защиты мотострелковых дивизий были переформированы в огнеметные, в штаты бригады и отдельного полка был введен огнеметный взвод.

Число бапо (в составе дивизий, бригад и некоторых полках 40-й Армии) для работы среди местного афганского населения было доведено до 15 отрядов.

В конце 1985-го – начале 1986 г. двум бригадам брСпН были приданы по овэ, переброшенной из Союза.

На 1 июля 1986 года в состав 40-й армии входило 133 батальона и дивизиона (не считая вспомогательные и тыловые части и подразделения). Из них 82 батальона (или 61,7%) выполняли на созданных 862 сторожевых заставах охранные функции: 23 - охраняли коммуникации, 14 - аэродромы, 23 -

различные военные и экономические объекты, 22 - населенные пункты и местные органы власти. К ведению активных боевых действий привлекался только 51 батальон. На вооружении армии находилось около 29 тысяч единиц боевой техники (в т. ч. до 6 тысяч танков, БМП и БТР).

В 1986 года начинается сокращение численности 40-й армии, прежде всего за счет вспомогательных и тыловых частей.

Широко разрекламированный вывод в конце 1986 года 6 советских полков из Афганистана был, отчасти, пропагандистским трюком. Из этих частей только 4 полка были боевыми - 3 зенитных (2 зрп и 1 зенап – из состава 3 мсд) и 1 танковый (из 5-й гв. мсд). Остальные - 2 «мотострелковых полка» были укомплектованы военнослужащими различных подразделений, увольняемыми в запас, и военными строителями 342-го уир, выводимого в Союз. Также было выведено большинство батальонов 58-ой автбр. (оставшиеся батальоны были подчинены 59-й брмо). Всего было выведено 15 тысяч человек, 53 танка и 200 БМП/ БТР.

С 15 мая 1988 года, после заключения в апреле Женевского соглашения по Афганистану, начался первый этап вывода советских войск из Афганистана. Численность 40-й ОА на момент вывода составляла 100,3 тысячи человек, и дислоцировалась она в 179 военных городках (32 гарнизона).

В подготовительный период, с апреля до середины мая 1988 года, подразделения из отдельных небольших гарнизонов (Асадабад, Бамиан, Бараки, Гульбахар, Руха, Чагчаран, Шахджой) были выведены в основные пункты дислокации своих частей.

В мае - августе покинули Афганистан советские части из Джелалабада (66-я омсбр, обо, 335-й обвп и 15-я обрСпН, без 2 отрядов), Газни (191-й омсп, обо, 239-я овэ), Гардеза (56-я гв. дшбр), Файзабада (860-й омсп), Кабула (58-я автбр, другие части обеспечения и обслуживания). На юге были оставлены – Лашкаргах (22-я обрСпН, 205-я овэ), Кандагар (70-я гв. омсбр, 280-й овп и обо). Из Кундуза в Союз вернулись 181-й овп и части обеспечения 201-й мсд (остальные части дивизии были передислоцированы из Кундуза в район Ташкургана). Из состава 45-го исп были выведены батальоны спецминирования и разграждения.

В этот период территорию Афганистана покинуло 50,2 тысячи человек, или около 50% всего личного состава 40-й ОА. Из состава ВВС армии, для прикрытия с воздуха выводимых частей, оставалось на своих аэродромах около 55% самолетов и вертолетов (из них фронтовой авиации - 90%, армейской 35%).

С сентября по декабрь 1988 года вывод войск, из-за попыток афганского руководства задержать в Афганистане хотя бы часть 40-й армии, был приостановлен. Части армии продолжали концентрироваться в двух наиболее крупных гарнизонах (Кабул и Шинданд), которые предполагалось покинуть в последнюю очередь, и вдоль транспортных магистралей, по которым предполагалось выводить войска (на западе Шинданд-Кушка, на востоке Кабул-Термез).

После долгих переговоров между афганскими и советскими руководителями эти просьбы были отклонены, и с 27 января 1989 года, после перерыва, вывод возобновился.

В январе-феврале 1989 года из Афганистана вышли последние советские части.

15 февраля советско-афганскую границу, в Термезе, перешел командарм Б. Громов под прикрытием разведывательного батальона 201-й мсд.

С 1989 года управление 40-й ОА дислоцировано на территории Казахстана. После распада СССР армия вошла в ВС Республики Казахстан, в 90-х годах расформирована.

Я служил в Кандагаре, это юг Афганистана. Я служил с июня 1981 по май месяц 1982 года. В Кандагаре в это время находился 280-й отдельный боевой вертолётный полк. Полк выполнял полёты на вертолётах Ми-8, Ми-26. Ми-8 были боевые вертолёты, на которых мы летали по всей территории Афганистана. Целью полка было обеспечить боевые действия сухопутных войск, выполнять воздушную поддержку, перевозку раненных, перевозку грузов, высадку десанта на поле боя на операцию. Летали в провинцию Герат, в Шинданд. Приходилось везде летать, бывали и в Кабуле, там дислоцировался штаб 40-й армии.

Полк наш был самым передовым, самым боевым, потому что мы находились на самом юге, южнее нас никого не было. Защищать нас, как говорится, некому - южнее был Пакистан, поэтому мы были отрезаны от всех войск. Каждый вечер на

построении командир полка выходил перед строем и предупреждал нас, что сегодня будет обстрел гарнизона. И, действительно, каждый вечер нас обстреливали. Были слышны свисты пуль, были видны взрывы. И в такой ситуации мы там жили, то есть каждый вечер нас обстреливали. Но обстреливали с гор и получалось так, что все пули проходили над нашими крышами домов-модулей.

За год службы мы потеряли два экипажа. В числе убитых был и мой друг, Николай Бобенко - зам. командира эскадрильи. Его экипаж полетел на задание, где был повержен огнём. Вертолёт получил повреждения, был подбит и упал в болотную местность. Экипаж погиб.

Наши офицеры воевали с доблестью, с честью выполняли свой долг, проявляли героизм, чувство своего долга.

Но, конечно, нам хотелось домой, в Советский Союз. Климатические условия были ужасны, постоянно светило солнце, была невыносимая жара. Зимой температура немножко понижалась, а обычно была 40-50 градусов. В весенне-летний период не все выдерживали такую жару. Там было очень много болезней, многие болели гепатитом, болели и желтухой, и брюшным тифом, очень много болело. Мы очень трудно переносили эту жару, афганцы привыкли жить в таких условиях, а нашим людям было очень трудно привыкнуть к таким условиям. Но жили, выживали! Вспоминается, конечно, много хорошего с тех времён. Человек, который прошёл эту войну, много понимает в жизни! Было очень много утрат, потерь и разочарований, но всё равно никто не говорит о том, что там было плохо! Трудно было, но чувство долга, добродушие, товарищеская поддержка помогали преодолевать всё!

Ноябрь 2008 года.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Смоляков Алексей Константинович,** студентка 1-го курса факультета «Авиационная техника» Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Грибов
Игорь
Анатольевич

Понял, что теперь я отвечаю не только за себя

Я родился в Москве 10 апреля 1963 г. в семье рабочих. Родители всю жизнь работали на производстве и были награждены медалями «Ветеран Труда». Всегда были на хорошем счету, чему и меня учили: быть честным, справедливым, отвечая за свои поступки, не сваливая их на других.

Окончив школу № 358 (83, 1204) после 8 класса поступил в СГПТУ № 53, где с успехом окончил его. Попал по распределению на завод МЗЭМА. На заводе была предоставлена отсрочка от армии на 1 год. Но в один прекрасный день мне пришла повестка, что я призываюсь в армию на военную службу.

Зная об отсрочке, я все же пошел в отдел кадров увольняться, но из отдела кадров меня послали к директору завода. Придя, я смело показал повестку, на что он сказал: «Что они там обалдели совсем». Взяв справочник, набрал номер военкомата. Дозвонившись, он представился, стал говорить, что они забирают молодые кадры, которые только начали свою трудовую деятельность. Но вскоре по изменению в лице и интонации в голосе, на что он отвечал только: «Да, да, да». Я понял, что-то не так.

По окончанию разговора он посмотрел на меня, в его глазах была какая-то печаль. Тогда я спросил: «Что-то случилось?» Он отвечал: «Хорошая у тебя команда – спецбатальон, Германия. Набирают самых лучших!» Пожав мне на прощание руку, сказал: «Приходи после армии, будем ждать».

Но Германией здесь и не пахло. И вот 1 апреля 1982 года в день смеха отгуляв проводы, придя в военкомат, попрощался со всеми. Нас повезли на сборный пункт, по-простому, «Угрешка».

Ушли в самоволку

После «Угрешки» мы попали в Таманскую дивизию, где со мной произошел смешной случай. Из гражданки на мне были одеты старенькие потертые джинсы и стеганая телогрейка – это было модно. Вскоре объявили, что будут переодевать в форму. Отпросившись по нужде, в туалете повстречался с тремя солдатами, которые, увидев джинсы, стали просить и умолять обменять их на другие штаны. Сказали, что они им очень нужны, чтобы ходить в самоволку. Мне они уже ни к чему и я был рад, что они где-то ещё пригодятся. Но на обмен мне дали галифе старого военного образца, да еще и в краске. Когда я вышел из туалета, смех стоял на всю Таманскую дивизию. Лейтенант, который нас сопровождал, долго смеялся, но потом спросил: «А где джинсы?» Я с улыбкой ответил: «Ушли в самоволку».

Стройся!!!

Из Таманской дивизии нас привезли в аэропорт «Домодедово», где объявили рейс на Душанбе. Сказали - «учебка», а потом в Германию. Что-то не совпадало. Нас передали человеку в шинели без каких-либо опознавательных знаков. Лицо суровое, загорелое, на вид немного нервный. Когда он крикнул на весь аэропорт: «Стройся!!!» - в жилах застыла кровь. Потом он сходил в бар, придя, присел, склонив голову тихо, сказал, что нам там будет нелегко. По словом там подразумевался Афганистан.

По прилету в Душанбе нас отправили на полигон в Термез-1 как бы на адаптацию под названием «Карантин». Там

мы увидели палаточный городок, где только-только начиналось строительство. Жили в палатках, обустраивались, проходили вождение на автомобилях, в свободное время писали письма домой и пили чай из верблюжьей колючки, без которой там никуда. Около полигона проходила дорога, по которой везли разбитую технику, мы спросили у сержанта, откуда она, он ответил: «Из Афганистана». Многих охватил легкий холодок. «Скоро и вы туда», - сказал он.

И вот 17 июня 1982 г. прилетели два вертолета, я попал в первую партию, под марш «Славянки» нас посадили в вертолет, мы взлетели. Я сел около иллюминатора, чтобы наблюдать за полетом, и вот показался палаточный городок. Мы пошли на посадку, приземлились, нас окружила большая толпа, все в один голос кричали: «Замена, замена, замена!». Так я попал в в/ч П/11 65753 122 мсп в Афганистан в автороту, где и началась моя нелегкая воинская служба.

В роте было 40 человек, которые ждали свою замену, а нас прибыло всего лишь трое. Условия, конечно, были суровые: палатки старые, печки-буржуйки, уголь надо было носить за 1 км.

Первый раз я попал под ветер «афганец». Песок забивает все, что можно: глаза, рот, уши, впечатление, что пришел конец света. Погода: днем жарко, ночью холодно, климат отвратительный, начинались нагноения у кого где. Нас выручили старослужащие. Они знали одно место в пустыне, где бил из земли горячий соленый источник. Нас, молодых, собрали и привезли на источник и мы, как «куриные яйца», варились в нем. После нескольких раз такой процедуры, болячек и след простыл. За что им огромное спасибо. Служба шла своим чередом, но одни слова меня все же мучили. Говорили, что здесь более 6 месяцев не служат, я спросил почему. Ответ был прост: «Или убьют или ранят». Но прошло 6 месяцев, год, все было нормально. Я прослужил 1 год и меня без каких-либо объяснений перевели в 1-ю МСР, где я стал водителем БТР-70.

За других в ответе

С этого момента служба моя переменилась. Сев на БТР, я понял, что теперь я отвечаю не только за себя, но и за весь экипаж, что от исправности машины зависит жизнь экипажа.

Мы часто ходили в сопровождении колонны на операции по обезвреживанию бандформирования. Об одной такой операции я хотел бы рассказать. С вечера нам объявили, что мы выезжаем с утра на уничтожение одной из банд. Я готовил БТР как никогда, проверил все, что можно, и был уверен в себе, в ребятах и технике. С утра мы выехали рано, до места ехали где-то часа два. Была весна, аромат от цветущих деревьев стоял такой, что не сравнить ни с какими духами. Пели птицы, и ничего не предвещало беды. Подъехав к кишлаку, мы осмотрелись, стояла тишина, колонна тронулась, проехав кишлак, мы, не обнаружив ничего подозрительного, развернулись. И тут на обратном пути началось.

Впереди ехал ротный, за ним я. Вдруг взрыв БТР, ротный подорвался на фугасе, перегородив дорогу, колонна встала. Ни вперед, ни назад. Нас стали обстреливать со всех сторон. Мой сержант увидел бегущего душмана, прицелился в него и вдруг сержант вскрикнул. Ему пробило кисть руки. Надо было что-то делать. Первое, что пришло в голову, надо убирать БТР с дороги. Я попытался объехать БТР ротного, чтобы оттащить его, но ничего не получилось, по рации вызвали тягач. С конца колонны прибыл тягач, стрельба не прекращалась ни на минуту. При сдаче назад тягача к БТРу был убит прапорщик, водитель растерялся и тягач встал.

Надо было что-то делать. Водителем ротного был Савельев Володя, мой лучший друг, я его называл просто Сава. Не долго думая, я выскочил из своего БТРа, и, подбежав к БТРу ротного, стал стучать по броне и кричать: «Сава надо цеплять трос, надо цеплять трос». Сава, увидев меня, около БТРа при таком обстреле, сначала опешил, потом, быстро сообразив, выскочил из БТРа, и мы в один миг подогнали тягач, подцепили трос, и тягач потащил БТР. Колонна тронулась.

Так мы, отстреливаясь, вышли из кишлака. По прибытию в полк и осмыслив, что произошло, мы долго смеялись с Саввой, как цепляли трос и как я орал: «Сава, Сава, Сава». Но в тот момент, мы думали только об одном, чтобы колонна вышла из под обстрела. В том бою мы потеряли несколько человек. Вечная им память. Сколько нас погибло тут и там в городах, горах и на пустыне. Раненых носили на руках, мертвых с поля боя выносили. Жили в палатках целый год.

Часто мы порой не досыпали. Сколько было боевых дорог, но с надеждой мы ждали дембеля.

И вот пришел приказ о демобилизации, но отпускать нас сразу никто не собирался. И тогда я вспомнил тех дембелей, которые с радостью кричали, увидев молодых солдат: «Замена! Замена! Замена!». Замена пришла 19 августа 1984 г., а 20 августа с утра, построив нас на плацу перед всем полком, командир произнес торжественную речь в наш адрес, в которой говорил, что мы с честью отдали свой долг, что на таких, как мы, надо равняться и от этих слов по телу пробежала приятная дрожь.

После окончания речи нас посадили на 2 бортовых Урала, и мы тронулись к границе. Доехали без приключений, пересекли мост через Амударью, прошли проверку через КПП и вот мы в Союзе. До Москвы мы ехали на поезде с пересадкой. И вот показалась Москва, мы прибыли на Казанский вокзал, вышли на перрон, нас было четверо из Москвы.

Идя по перрону, мы увидели патруль, который, увидев нас, почему-то развернулся и ушел в другую сторону. И тогда я вспомнил того в шинели, которой нас сопровождал. Мы были похожи на него, опаленные афганским солнцем, возмужавшие, немного суровые, ребята, идущие с войны.

Выйдя из вокзала, мы попрощались, договорились о встрече. Оставшись один, я вдруг понял, что не помню, как мне доехать до дома, хотя до него пешком минут сорок не спеша. Я стоял в растерянности, ко мне подошел таксист, спросил куда. Я сказал на улицу Большую Почтовую, он объявил 10 рублей, потом выяснилось, что можно доехать за 1 рубль. Но в моей ситуации торг был неуместен. Когда подъезжал ближе к дому, память вернулась. Я попросил остановить немного вдалеке от дома, чтобы пройтись пешком.

Было 6 часов утра, погода стояла ясная, на улице было тихо, пели птицы. Подойдя к дому, я сел на лавочку, волнение нарастало. У нас была собака боксер по кличке «Принц» я посвистел в надежде, что она залает, но было тихо. Поднявшись на этаж, я позвонил, через некоторое время спросили: «Кто там». Отвечаю: «Я!!!» Дверь приоткрылась, на пороге оказался мой младший брат, посмотрев на меня, он убежал в квартиру будить остальных. В это время показалась

морда нашего боксера, он смотрел на меня, водя носом вверх и вниз.

Я вошел, сел на корточки и сказал: «Что, не узнал?». Обнюхав меня, он бросился лизать мне лицо, повалив меня на пол, и не давал мне встать долгое время. Встал, передо мной стояли младший братишка, мама, папа, вытиравшие слезы радости. Крепко их обняв, я тихо произнес: «Наконец-то я дома!!!».

Пройдя службу в Афганистане, я очень много узнал. В таких тяжелых условиях проявляются все качества человека, о которых он даже и не знал. Там было все: холод, голод, болезни, поражения, победы, настоящая мужская дружба, но мы всё победили. Любите жизнь, ведь она дается один раз и ее надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Ноябрь 2008 года.

Кононенко Михаил Михайлович

В упор начали расстреливать колонну, идущую по берегу реки

Я родился 03 марта 1952 года. Сейчас - полковник запаса.

В 1983 году проходил службу в Военной академии бронетанковых войск в должности инженера учебной лаборатории в воинском звании капитан-инженер. К середине 1983 года я «перехаживал» в этом звании более одного года и перспектив получения звания майора в «Арбатском военном округе», как в среде военных иногда называют Москву, у меня не было.

Учитывая, что я был женат и к тому времени имел двух дочерей 1977 г. и 1981 г. рождения, 2-х комнатную квартиру, переезжать вместе с семьей к другому месту службы, без перспективы даже в отдаленном будущем вернуться в Москву, я не хотел.

Другое дело было продолжить дальнейшую службу, в так называемых, «заменяемых» районах, одним из которых был тогда Афганистан. Тем более, что семью туда везти не надо было.

Так что основной причиной написания мною рапорта с просьбой о направлении меня для прохождения дальнейшей службы в ОКСВА («псевдоним» 40-й общевойсковой армии)

было получение очередного воинского звания. Кроме того, в тот период времени я был твердо уверен, что Советский Союз проводит правильную политику по отношению к Афганистану, что мы действительно помогаем соседней стране преодолеть ее отсталость, помогаем бороться с внутренними врагами. Одновременно, я полагал, что человеку, добровольно вступившему в ряды Вооруженных Сил в 1969 году и к тому времени 10 лет носящему погоны офицера, как минимум, полезно собственными глазами увидеть и принять участие в боевых действиях.

Таким образом, в конце июня 1983 года я оказался в Ташкенте в распоряжении штаба Туркестанского военного округа для дальнейшего откомандирования в Кабул.

Поскольку я прибыл в Ташкент, не имея оформленного заграничного паспорта, мое пребывание в нем затянулось дней на десять. Это дало мне возможность впервые почувствовать, что же такое летний период в Средней Азии (до этого момента я нигде южнее Черноморского побережья, да и то в детстве, не был). Позднее, по прибытии в Кабул, а в дальнейшем и Баграм, мне показалось, что там даже прохладнее, чем в Ташкенте.

Итак, в июле 1983 года я приступил к исполнению обязанностей зампотеха (заместителя командира по технической части) 3-го танкового батальона 285-го танкового полка 108-й мотострелковой дивизии (МСД) 40-й общевойсковой армии.

Танковый полк, штаб дивизии и некоторые другие части, входящие в ее состав, дислоцировались в населенном пункте Баграм. Точнее, советский военный городок располагался рядом с афганским Баграмом, крупнейшей афганской военно-воздушной базой, куда с территории Советского Союза шла одна нитка трубопровода, по которой качали авиационный керосин.

Ограниченные возможности использования танковых частей и подразделений в горных условиях накладывали ограничения на выполняемые ими задачи.

В основном танки использовались в охранении мест постоянной дислокации, в выдвижных и стационарных постах вдоль дороги Кабул–Хайратон для охраны трубопровода и обеспечения прохождения автомобильных колонн, а также в

замыкании колонн бронетехники при проведении дивизионных или армейских операций.

Вполне естественно, что за период прохождения службы в танковом полку мне пришлось принимать участие, в том или ином качестве, в выполнении перечисленных задач.

Осенью 1983 года переболел гепатитом, отлежав некоторое время в Баграмском инфекционном госпитале, а затем в госпитале в городе Кызл Арват (Туркмения). Вместо положенной реабилитации в одном из санаториев в Туркмении сбежал во «внеочередной отпуск» домой.

В марте 1984 года 285-й танковый полк был выведен из состава 108-й МСД и передислоцирован в город Термез (Узбекистан), а на его месте был сформирован 682-й мотострелковый полк (МСП), где я продолжил службу в должности зампотеха 1-го мотострелкового батальона (МСБ).

Для формирования МСП из Союза в Баграм были введены три мотострелковых батальона, два из которых имели на вооружении боевые машины пехоты БМП-2, а один – бронетранспортеры БТР-70.

Должен сказать, что, по моему мнению, мотострелковые части и матушка-пехота несли основную тяжесть ведения боевых действий и несли основные потери на протяжении всего периода пребывания Советских войск в Афганистане.

Возрастной состав офицеров-танкистов и пехоты очень сильно отличался друг от друга. Если в управлении танкового батальона я был самым молодым, то в МСБ старше меня оказался только командир миномётной батареи, а ровесником – начальник связи батальона. Кроме того, я оказался единственным майором (присвоили звание еще в танковом полку) в батальоне. Командир батальона, заместитель командира по политической части и начальник штаба батальона – капитаны, командиры 1-й и 2-й рот – лейтенанты, 3-й – капитан. Не было ни одного командира взвода в звании старшего лейтенанта - все лейтенанты, отслужившие по одному году после окончания училищ.

Помню, как эти молодые ребята буквально через две недели после прибытия в Баграм обсуждали вопрос о том, как же будет происходить их замена через два года, что же весь командный состав батальона заменится одновременно?

Очень жалко, что абсолютному большинству из них не пришлось дожить до своей замены.

В апреле 1984 года началась очередная Паннджерская операция.

Во главе армейской колонны в Паннджерское ущелье входил 682-й МСП со средствами усиления, 1-й батальон был в голове колонны полка.

В принципе, никакого сопротивления продвижению громадного количества бронетанковой и автомобильной техники по Паннджерскому ущелью не оказывалось.

Основные потери несли от очень большого числа противопехотных мин. В прямом смысле слова, любой шаг в сторону от разминированной саперами дороги был весьма опасен. Хотя противопехотные мины типа ПМН-3 сконструированы таким образом, чтобы вывести солдата из строя, а не убить его, в случае создания минного фугаса с использованием дополнительной взрывчатки, подрыв на нем означал смерть.

Тем не менее, колонна бронетехники прошла населенный пункт Анова, где по соглашению с Ахмад Шахом Масудом с 1982 года располагался усиленный батальон 145-го парашютно-десантного полка, и дошла до населенного пункта Руха, по слухам - родного селения Ахмад Шаха Масуда. При этом слова «населенный пункт» я употребляю скорее по привычке. Никакого населения не было. Были пустые дома, засеянные участи земли, иногда попадались животные, в основном ишаки, но людей не было. Позже начали циркулировать слухи о том, что Ахмад Шах Масуд, зная об окончании «перемирия» с «шурави» (советскими) в марте 1983 года вывел все население Паннджера в Баграмскую «зеленку» и другие более или менее опасные места. Как такой «исход населения» сумела прозевать наша разведка, для меня до сих пор остается загадкой.

Как выяснилось позднее, армейское командование планировало создать в Рухе мощный опорный пункт, «посадив» там основные подразделения 682-го МСП со средствами усиления, для получения возможности проникновения в глубь Паннджера и обеспечения безопасного движения автомобильных колонн по дороге Кабул–Хайратон, проходящей по практически параллельному ущелью Саланг.

Расположившиеся в Рухе подразделения 682-го МСП и другие армейские части и подразделения, начали приступать к «обычной» жизни, то есть, в том числе, и совершать выходы в ближайшие «населенные пункты» и ущелья для поиска складов с оружием, медикаментами и продовольствием.

Так, 30 апреля 1984 года 1-му МСБ 682-го МСП была поставлена задача по проведению выхода в отрог Паннджерского ущелья ущелье Хазарат. При этом необходимо было углубиться в Хазарийское ущелье на глубину около 10 км и провести «зачистку» (проверку) двух кишлаков (их названия, к сожалению, я не помню). Пехота спешилась практически в устье Хазарийского ущелья и начала выдвижение двумя колоннами, одна из которых шла по берегу реки, а вторая по склону гор. Основные силы 1-го МСБ-го 682-го МСП состояли из 2-й и 3-й мотострелковых рот (МСР), одного взвода минбатареи, 10 приданных саперов из саперного батальона дивизии, авианаводчика и арткорректировщика (оба офицеры).

Засада «душманов» была очень грамотно организована. Батальону позволили втянуться на относительно прямой участок тропы. Позволили сделать привал для завтрака, и, после того как была выполнена команда «Становись», был открыт огонь.

Два пулемета ДШК вели огонь по голове и хвосту колонны, идущей по склону, подразделения «зеленых» (афганская армия, данные не подтверждены проведенным позднее расследованием) развернулись и в упор начали расстреливать колонну, идущую по берегу реки.

В результате этой засады батальон потерял людей – 41 убитыми и 53 ранеными. Погибли все 10 саперов, авианаводчик, арткорректировщик, командир батальона, командиры 2-й и 3-й рот, был ранен замполит батальона, в третьей роте остался в живых командир 3-го взвода лейтенант Александров и замполит, лейтенант, которого все звали Федор Федорович, так как у него к тому времени уже было двое детей. Во второй роте остался в живых командир взвода. Погиб командир гранатометного взвода лейтенант Слава Бугара и много солдат и сержантов.

Я не помню фамилии многих офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов, которые принимали участие и в этом

«последнем» бою, и в других операциях, которые проводил и 682-й МСП и другие части, и подразделения нашей дивизии. Но могу сказать с уверенностью, что большинство солдат, сержантов и офицеров исполняли честно свой воинский долг.

В дальнейшем я был назначен на должность зампотеха (заместителя командира по вооружению - начальника технической части) 181-го МСП, который дислоцировался в Кабуле, в районе, который наши соотечественники называли Теплым Станом, а афганское наименование Хайра Хана.

Было много всего и хорошего и плохого.

Для себя я сделал несколько выводов из пребывания в Афганистане:

- впервые поставил под сомнение правильность решений Коммунистической партии Советского Союза в целом, а не отдельных членов ее руководящих органов;
- начал задумываться о том, что ускорять прогресс (развитие страны или стран) достаточно неблагодарное занятие;
- скорее всего, мы задержали дальнейшее промышленное развитие Афганистана, несмотря на то, что север этой страны, скорее всего, богат полезными ископаемыми;
- нельзя воевать в полсилы: если принял решение о ведении войны, то используй все имеющиеся ресурсы, без оглядки на так называемое «мировое» общественное мнение.

Я был очень рад, что все то, что выпало на долю Афганистана, происходит не на территории Советского Союза. К сожалению, позже время показало, что радость моя была преждевременной.

Декабрь 2008 г.

Корсун Виктор Семенович

Великая Отечественная, Китай, Афганистан

Я родился в 1925 году в селе Елизаветпольском (ныне село Шаумян Туапсинского района). В 1931 году в шестилетнем возрасте поступил в школу.

Несмотря на возраст (в первый класс тогда принимали с восьми лет), меня в порядке исключения записали в первоклассники, уж очень я хотел учиться и вырваться на волю из-за высокого забора детского сада! Родители не перечили и я начал грызть гранит науки.

В 1931 году семья переехала в станицу Хадыженскую, на родину матери. С этого момента станица Хадыженская заняла особое место в моей жизни, стала моей малой Родиной.

1941-й год окончания десятилетки. Надо заметить, что в то время человек, окончивший десять классов, считался достаточно образованным и культурным. За период с 8-10 классы освоил полную программу «Курс подготовки бойца». Так в те годы государство готовило молодое поколение к защите своего Отечества. По существу мы, молодые ребята, были подготовленными бойцами, что в первых же боях начавшейся войны подтвердили на практике. Мне доверяли работу, где необходимы были разносторонние знания. Ученик, дошедший до 10 выпускного класса, знал и умел многое.

Увлекался гимнастикой, легкой атлетикой, волейболом, играл в футбол. По этим видам спорта имел юношеские спортивные разряды. Уже в 10 классе стал заниматься на радиотехнических курсах и, одновременно с получением аттестата зрелости получил удостоверение радиста-оператора 4-го класса. В планах было поступление в Одесский институт связи. В свои 16 лет я был уже сформировавшейся личностью и потому известие о нападении на СССР гитлеровской Германии воспринял как приказ к мобилизации и защите Отечества.

Великая Отечественная

Но мне было 16 лет. На фронт не брали. Оставалось одно - крепить оборону страны в тылу всеми доступными средствами. А это значит - включиться в трудовой ритм, быть полезным стране во чтобы-то ни стало.

Поступил на работу в трест «Хадыженнефть», где сумел применить свои знания радиста-оператора. В Июле 1942 стало ясно, что враг сможет оккупировать Апшеронский район и воспользоваться нефтепромыслами, дающими высококачественную нефть из нефтеносных районов вокруг Нефтегорска и Хадыженска.

Нефтегорский ВКП(б) при формировании партизанского отряда направил меня в него на должность радиста-оператора. Так я стал партизаном разведывательного батальона при штабе партизанских отрядов Нефтегорского куста. Так я стал командиром радиоотделения. Начальником радиостанции «Белка-3УД». По тем временам радиостанция была самой совершенной. Переносная, универсальная, десантная. В начале августа 1942 года немцы подошли к предгорью Кавказа. Темп немецкого наступления резко замедлился. Равнины кончились, начались горы. Дикий - непроходимый Кавказ. Встало все, что двигалось на колесах и даже на гусеницах. И нашему, и немецкому командованию пришлось срочно пересматривать всю организацию боевых действий в условиях гор, особенно в таких, поросших крупным густым лесом и непролазным кустарником, как горы Западного Кавказа.

Наши партизанские отряды оказались в гуще войск противника. Такая по существу фронтовая обстановка не сравнима с обстановкой действий украинских и белорусских

партизан. Нам воевать пришлось не с полицаями, а с отборными боевыми частями армии, имеющей тяжелую боевую технику, стрелковое оружие, артиллерию, танки, самолеты. Можно представить, как приходилось кавказским партизанам, имеющим только легкое стрелковое оружие и гранаты. Никаких технических средств передвижения, даже лошадей, в горах не было, а менять место своего расположения приходилось очень часто.

Все, что имели: оружие, боеприпасы, продовольствие, посуду, медикаменты, раненых, больных - переносили только на своих плечах. В этих условиях нас выручала наша природная выучка, приспособленность к горной местности, умение, смекалка и, конечно же, физическая закалка, высокое умение ориентироваться на местности. Одной из главных наших задач было осуществление разведывательно-диверсионной деятельности. Операция такого рода проводилась малыми мобильными группами во взаимодействии с подразделениями войск фронта. В этих случаях очень часто командование войск фронта просили нашего командира куста партизанских отрядов выделить им меня с радиостанцией Белка-3УД.

Дело в том, что радиостанция переносная. Её вес с батареями 20 кг. Большая дальность передач. Носить такой вес одному человеку да еще в таком тяжелом и ответственном переходе - просто невозможно, поэтому мне командир этой группы всегда выделял самого крепкого и ловкого бойца. И это очень важно.

Наиболее важные данные разведки я мог бы передать на ключе, морзянкой, немедленно, а это очень и очень ценно для принятия решения для действий. Таких радиостанций в войсках просто не было. Они производились пока в штучных вариантах для подразделения «Спецназ», и удачно получили ее и мы.

Таких рейдов для меня выпало довольно много. В каждом из них случались очень удивительные эпизоды, но всего не опишешь. Мне очень нравились эти рейды. Они всегда были очень трудными, опасными и увлекательными. Хотя, казалось бы, в войне ничего не может быть увлекательного, но это, видимо, принадлежность молодости. Прошу у уважаемого читателя извинения за отклонения от заданной темы.

Завершу одним эпизодом. Все важные разведданные я передал непосредственно по абонентам «Южный штаб партизанского движения разведуправления Юго-Западного фронта С.М. Буденному, П.И. Селезневу, С.К. Тимошенко, И.В. Тюленеву. Для передачи в эфир я выходил из места расположения на 2 км и более, каждый раз в разные направления, чтобы не дать возможность немецкой системе пеленгации установить место расположения штаба.

Ночью 26 сентября я передал срочную телеграмму обобщенных данных наших разведчиков, где сообщалось о перемещениях и сосредоточениях в некоторых местах. 27 сентября я один вышел утром для передачи данных в простой кодировке, так как не было времени развернуть радиостанцию и начал передавать текст. Я находился в километре от расположенного штаба. Заканчивая передачу, сквозь наушники я услышал очень сильную стрельбу автоматов, затем стрельбу из крупнокалиберных пулеметов, разрыв гранат и крики команд.

Я понял, что идет серьезный бой крупных сил с нарастанием мощи и огня. Сообщил по радио открытым текстом, что идет очень сильный бой крупных сил, выхожу из связи. Иду к месту боя. Свернул радиостанцию, забросил парашютный ранец с батареями за спину и через кустарник к штабу бегом. Вижу впереди зашевелились ветки кустарника. Остановился, вскинул карабин, снял с предохранителя, приложил к плечу, жду лица или фигуры. Кто? Появилось лицо. Смотрю, узнал - начальник штаба, секретарь райкома партии Готьван.

Я обрадовался, что не выстрелил. Он знал мое место передачи и бежал за мной. Я быстро сказал: «Радиограмму передал, сказал абоненту, что связь кончаю, бегу в штаб». Готьван приказал идти на вершину горы, там назначен общий сбор. Я пошел по очень крутому склону вверх на вершину горы. Лес оказался очень густой, а у земли густой кустарник, видно только 3-5 метров. Мы хорошо знали, что в лесном бою немцы никогда не пойдут вперед, наоборот, отступая назад ведут плотный огонь из всех видов оружия, рассчитывая убить все живое впереди себя. Поэтому я пошел, следя за светящимися трассами пуль. В лесу трассу хорошо видно.

Стрельба продолжалась, но уже слабее. Немцы поняли, что все живые уже ушли. Я тоже поднимался вверх, выбирая ручьевые овражки, тем самым прикрываясь от шальных пуль. Склон горы очень крутой, вес на мне тоже большой: комплект радиостанции, винтовка, боеприпасы, фляга воды, в целом около 30 кг. Стрельба прекратилась, до вершины еще далеко.

Вдруг послышался стон человека. Подошел, раздвинул кустарник, лежит на груди человек, стонет. Повернул голову – Костя, мой непосредственный командир, начальник разведки штаба. Кровь, развернул куртку, рубашку. Вижу малое кровавое пятно под лопаткой. Перевернул его на спину, тут в правой половине груди большая рваная рана. Начал обработку раны. Пошли в ход все бинты, йод, нижнее белье. Удалось приостановить течение крови.

Не буду писать, как я это все донес до вершины горы, около 500 метров. Но я это сделал. Сейчас сам не верю себе, чувствую, что не все слушатели мне верят. Но я его и все оружие, радиостанцию принес на вершину горы поочередно: то его вел, руку через плечо, то груз отдельно. Зато понял, что в таких ситуациях организм человека включает все свои резервы, надо только не сдаваться, а бороться.

О немцах я даже и не думал. На вершине горы все уже были в сборе, и как увидели меня с Костей, подбежали и обоих нас принесли на самую вершину. Костю, конечно, перенесли в войсковой полевой госпиталь, затем отправили в Сочинский госпиталь, где он и вылечился полностью.

Надо бы на этом остановиться. Но тут события, как в сказке: хочешь верь, хочешь не верь. Через 2 месяца электрические батареи полностью отработали. Связи нет. Докладываю командующему куста отряда. Он, конечно, «поблагодарил меня». Такие батареи нигде не найдешь. И у немцев их не возьмешь. Спрашивает меня, что делать. Говорю, в Южном штабе могут быть, надо идти. Кто пойдет? Кричу: «Я пойду!». Он говорит: «Это же через главный Кавказский хребет и через линию фронта». Говорю: «Я, кавказец, дойду!». Он согласился, и я 20 ноября, через трое суток пути по горам, рекам, прибыл в Сочи.

Южный штаб располагался в санатории «Приморье», к 3 часам ночи я добрался до него. Дежурному в вестибюле доложил и представил документы. Он говорит: «Выбирай

место на полу и ложись до утра». Я глянул на пол вестибюля: там как селедка в бочке, с трудом втиснулся и тут же уснул.

Всю оставшуюся ночь ворочались и я, и сосед, меняли бок, на котором спим. Утром громкоговоритель заговорил на полную мощность: «Разгром немцев под Сталинградом». Поднимаемся с соседом, смотрю - Костя! Выздоровел! Вот бывают такие истории. Двойная радость: встреча и разгром немцев.

В мирное время таких эмоций не бывает. Вот как в сказке. Если бы сказали, придумай что-нибудь, этого не придумал бы. Косте 40 лет, мне 17, но я, в неофициальных обращениях к нему, называю его Костей. Причем, это не я так позволял себя фамильярничать. Я был скромным парнем, строго соблюдал и сейчас соблюдаю русский порядок обращения к старшим.

И еще один мой начальник Гриша Гунько, ему 46 лет, майор, тоже просил меня в неофициальном обращении называть его по имени. Почему так, я не спрашивал, считал, что на войне это даже удобно. Сейчас привык так и до сих пор так их называю, а вот к более старшим начальникам обращаюсь по имени и отчеству.

Костя выписался из госпиталя, ему предоставили две недели отпуска. Он собирался ехать домой, не зная где родственники, и что с ними. Я говорю: «Идем со мной в отряд, в дороге я тебе помогу. Выбьем немцев с нашего края, тогда съездишь домой». Так и сделали.

Я получил батареи с запасом, и через 4 дня мы уже прибыли в свой отряд. В начале наступления наших войск мы продвигались вместе с нашими войсками в первом эшелоне. С освобождением нашего района наш отряд оставили по месту жительства и переформировали в «истребительный батальон».

В 1943 году я поступил в летно-техническое училище. Закончил техническое училище, переведен в летное училище и прошел путь от командира экипажа летчика-истребителя до заместителя командующего ВВС округа.

Китай

С 1950 г. по 1953 г. был в Правительственной командировке в Китае по оказанию военной помощи по созданию ВВС Китая, был военным советником.

Это осуществлялось таким образом. На базе советских ВВС создавались 6 училищ комплектов летного состава, инженерно-технического состава, учебно-летной подготовки и по изучению теории полета и конструкции самолета.

Подготовлено 6 комплектов необходимых самолетов и всей наземной техники для обслуживания самолетов, медицинского обеспечения и метеорологического обслуживания. В общем, всех сил и средств для создания шести авиационно-летных училищ. Это в те времена представляло колоссальную силу. Можно полагать, что в Европе ни одно государство не имело таких сил и средств. А советское государство одноразово оказывало Китаю такую помощь.

Безусловно, в основном такая помощь сыграла одну из решающих ролей в достижения развития КНР. С первых дней пребывания в КНР мы встретились с множеством неизвестного и занимательного в организации жизни и трудовой деятельности в Китае. С первых дней мы приступили к летной работе, и в течение всей нашей деятельности она была очень и очень интенсивной, такую интенсивную работу мы даже не могли представить себе. Все медицинские ограничения по допустимой нагрузке для летного состава мы увеличивали почти в полтора-два раза. Но задачу, поставленную нам, мы выполнили в срок и качественно.

Надо также отметить исключительное, даже почти фантастическое трудолюбие всего китайского народа, в частности курсантов и всего личного состава. Так же очень строгую дисциплину, особенно военную. Мы даже не представляли себе такое трудолюбие и дисциплинированность. Через год закончил обучение на легком самолете первичного обучения. И весь наш советский летный состав уехал в СССР.

Меня, молодого летчика, оставили одного. И в дальнейшем я сам за 2 дня первый раз освоил реактивный самолет МИГ-9 и переучил инструкторский состав китайцев. На третьем году пребывания мы получили самолеты МИГ-15 и я один, сам опять же в один день переучился и переучил одну эскадрилью летчиков Китая нашего училища. Трудно поверить, что это было так, но документальные факты убеждали всех, не веривших моим словам. Я же этому не

придавал значения. Особо хотелось сказать о чрезвычайно дружелюбном отношении и всех работавших с нами, и всего Китая. У меня в жизни эти годы оставили одно из самых удивительных и теплых воспоминаний.

Помню, я как-то увлекся китайским языком и к концу командировки достаточно хорошо объяснялся с курсантами, которых обучал летному делу. Мой переводчик очень не понятно переводил, в смысле плохо. Нужно знать много специальных терминов по аэродинамике полета самолета и технике пилотирования. Он их не знал, а в словаре далеко не в каждом есть их значения. Приходилось мне с китайцами по ходу обучения овладевать языком, искусством жестикуляции: рук, ног, головы, тела. Они меня понимали хорошо и говорили: «Командила переводсика не надо - говоли сам». Я этот принцип взял за правило и уделял много внимания изучения языка, обучаемых мной.

Окончил Краснознаменную академию ВВС – 1957г.

Окончил академию Генерального штаба ВС СССР в 1967г.

С 1967г. по 1980 г. служба в ВВС СА, в должности зам. командующего ВВС Среднеазиатского военного округа.

В августе 1980г. вызов в Москву в отдел кадров. Довели приказ о моем назначении, прошел все положенные инстанции руководства.

Афганистан

В Афганистан я прибыл в августе 1980 г. До этого я почти 8 лет служил в Среднеазиатском военном округе, куда входил Казахстан, Киргизия, часто бывал в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении.

Климатическая и географическая среда очень схожи для меня и у меня не было никакой акклиматизации. Все знакомо, оставалось изучение дислокации, базирования, сил и средств, входящих в мою компетенцию.

В течение первой недели я облетал все аэродромы. Познакомился с людьми и основными материально-техническими средствами. Сколько было возможным пообщался с взаимодействующими объектами, людьми, остальное все впереди.

В течение этих дней по установленным дням и времени суток познакомился с руководящим составом советнического

аппарата, т.е. выполнил большую часть установленного порядка вступления в новую должность - Военного советника командующего ВВС Афганистана.

Военно-воздушные силы Афганистана представляли очень внушительную силу. По количественному составу они являлись подобными воздушной армии. Вся авиационная техника закупалась в Советском Союзе. Весь летный состав афганцев обучался в Советском Союзе еще с времен правления короля Дауда.

У нас в Советское время в Киргизии было создано училище летчиков-истребителей, оно функционировало в Советский период. Когда я был заместителем командующего ВВС САВО, курировал это училище, и в Афганистане также очень многих из них знал и общался.

У всех у них остались самые хорошие воспоминания о своем пребывании у нас, очень дружественно настроены к нам. Все они хорошо говорили по-русски. И нам, советским советникам, это очень помогало в работе. Наши замечания исполняли обязательно, а также все советы и рекомендации. Многие из них, будучи на учебе в СССР, женились на российских девушках и живут хорошо, и наши женщины живут в достатке, имели возможность приезжать в СССР с детьми беспрепятственно. Их родители тоже могли их посещать.

Все советские военные советники ВВС Афганистана принимали активное и непосредственное участие в планировании и ведении боевых действий. Их участие, профессионалов высокого класса и боевого опыта, позволяло афганскому командованию решать боевые задачи. Большое внимание уделялось ведению боевых действий афганских ВВС во взаимодействии с частями и подразделениями ВВС 40-й армии Вооруженных Сил Советского Союза.

Боевой опыт и профессиональное мастерство афганских летчиков позволяли им решить не все боевые задачи, особенно, в сложных боевых и метеорологических условиях. Советские советники находили возможность все-таки решить боевую задачу, пусть в несколько меньшем объеме. Они прилагали много труда и умения в обучении личного состава афганских ВВС. Афганское руководство и личный состав

афганских ВВС высоко ценили кропотливый труд, мужество и отвагу советских советников.

Как сейчас обстоят дела, не знаю. Работает ли это училище в Киргизии, не знаю. Так же и технический состав. Не все, но определенное количество инженеров учились у нас. Ну а техников готовили сами.

Вообще, можно сказать, что просвещенная часть населения Афганистана в большинстве относилась к Советскому государству и советским людям неплохо, а советских специалистов там было очень много по всем отраслям производства, науки, образования, искусства. Осталось там очень много предприятий, жилых домов, школ, институтов, домов культур и других объектов. Конечно, в мелких населенных пунктах там еще процветал 14-й век.

Своеобразного там много, как и в любой стране. Мне было приятно встречаться со знакомыми афганцами.

С декабря 1983 г. уволен в запас по возрасту. Все дальше и дальше уходят такие значимые события в жизни народов нашей страны и многих других стран мира, а в моей памяти они существуют, как если бы это произошло вчера. И постоянно вспоминая о них, я чувствую и радость, и гордость, и чувство удовлетворения за исполненный долг.

Сейчас я генерал-майор авиации в отставке, Заслуженный военный летчик СССР и Почетный гражданин с. Шаумян.

Декабрь 2008 года.

Крамарев Илья Петрович

Стало собираться много местных жителей, у многих на глазах были слезы

Я родился 22 апреля 1969 года в семье рабочих. Закончил 10 классов школы № 346. Затем поступил в СПТУ-168, по окончании первого курса был призван в Советскую Армию.

Еще за полгода до призыва офицеры нашего Бауманского райвоенкомата предлагали съездить на парашютные сборы, говорили: «Здоровье у тебя, парень, отличное, выбирай – подводная лодка или Афганистан». Я выбрал второе из-за меньшего срока службы и нелюбви к холоду.

Тогда в январе 1987 года стояли сильные морозы – 32-35 С, и когда вернулся с недельных сборов, мать не поверила, что прыгал с парашютом, думала нас послали снег расчищать. Уже на сборном пункте увидел на своем личном деле пометку «К-20А», от товарищей знал, что она означает службу в Афганистане; не расстроился, но и не обрадовался, просто вспомнились слова Высоцкого: «Если Родина в опасности - значит всем идти на фронт».

«Всем» - вот главное слово для меня в этой песни, ибо уже тогда в нашем обществе появились признаки разложения общества: «откупы» от армии, «закосы» по болезни и другое, но в нашей семье о таком и думать не смели. Мой дед по отцу

служил в кавалерии в Отечественную войну, а прадед по матери был в руководстве Челюскинской экспедиции. Смысла этой войны не понимал никогда, но почему-то навсегда запомнил сообщение ТАСС о вводе наших войск (мне тогда было 10 лет).

18 мая 1987 года прилетели в Ташкент, оттуда поездом в Фергану. Там находился известный на всю страну учебный парашютно-десантный полк. Из Москвы нас прибыло довольно много - 150 человек. Когда выдавали обмундирование, сбывалась мечта детства - одел бело-голубой тельник, правда вместо беретов были панамы. «Чтоб уши не обгорели на солнце», - объяснили сержанты.

После принятия присяги начался суровый учебный процесс: строевая подготовка, изучение работы радиостанции (я попал в роту связи), физическая подготовка. Более всего утомляли марш-броски на стрельбы - 10 км туда, 10 км – обратно, при сильной жаре 40-45 С. По возвращении хотелось только пить, но надо было чистить оружие, стирать обмундирование. Запрет не пить воду из-под крана (только кипяченую) нарушали абсолютно все.

Находились такие выносливые, что офицеры удивлялись: мой товарищ Роман Сумин мог 2-3 часа после отбоя читать, когда остальные спали мертвым сном. В Афганистане он попал в разведроту нашей бригады, через месяц был тяжело ранен на операции «Магистраль» и комиссован. В таком темпе полгода в «учебке» пролетели быстро.

Первого ноября командир полка Герой Советского Союза А. Солуянов собрал нас, попавших в первую партию, пожелал здоровья, спросил нет ли трусящих, желающих остаться. Таких не нашлось. Затем был концерт полкового вокально-инструментального ансамбля. Особенно запомнилась песня “Status Quo” – «Ты в армии сынок».

Утро 2 ноября было солнечным. Грузовой АН быстро набрал высоту, когда пересекли границу, никто не заметил – внизу были красивые горы, изредка небольшие аулы. Обстановка была спокойная: кто-то спал, кто читал, играли в карты, пели под гитару. Через полтора часа самолет стал снижаться над Кабулом. Большой город, окруженный горами. На посадку заходили кругами, отстреливая тепловые залпы, которые могли отвести от самолета выстрел «Стингера» -

вражеской зенитки. Сели благополучно, рядом с аэродромом был пересыльный пункт. В наш самолет тут же садились «дембеля», возвращавшиеся домой. После небольшой словесной перепалки (как всегда бывает) пожелали друг другу удачи.

Нас поселили в клубе «пересылки». Спали на полу, хорошо хоть шинели были.

Через 4 дня ночью на вертолетах перелетели в г. Гардез, провинция Пактия, в расположение 56-й ДШБ. Наша часть прошла славный путь Великой Отечественной, первой подняла красный флаг над освобожденной Веной в апреле 1945 г.

Утром всех распределили по подразделениям, познакомили с сослуживцами. Люди были со всей страны – от Белоруссии до Бурятии. Спрашивали о новостях в Союзе, в чем ходят девчонки, о музыке. Двое меломанов спрашивали, что лучше: “Mettalica” или “Depecue Mode”. Я сказал: «Машина времени».

Жили все в больших армейских палатках, изнутри обитых вагонкой. Перед каждой была вырыта убежище-землянка на случай обстрела. Часть была большой, около 2,5 тысяч человек, находилась на возвышенности над городом. Был свой учебный центр, зенитная батарея, вертолетная эскадрилья, танковый батальон, даже клуб и баня. Город окружали три высоких горы, назывались «Взлетка», «Пилот», «Снайпер». На них располагались сторожевые заставы по 15-20 человек, подступы к ним были заминированы, вся связь только по воздуху.

Уже через 10 дней довелось увидеть первые потери – душманы сбили вертолет, летевший с продовольствием на горку. Один из летчиков на парашюте, второй погиб.

Первый месяц особых боевых действий не велось. Душманы взяли в осаду город Хост, граничащий с Пакистаном, создалась угроза его захвата, чего местные власти и наше руководство допустить не могли. Было объявлено негласное перемирие. Был собран Лойя-Джирге – совет старейшин, пытавшийся договориться с оппозицией «по-хорошему». Наше командование не верило переговорам, подтягивая в Гардез силы со всей армии.

Наша часть была ближайшей к Хосту, наступление началось оттуда, так как переговоры ни к чему не привели. Операция называлась «Магистраль», была крупнейшей, даже освещалась в программе «Время». Пик её пришелся на декабрь 1987 - январь 1988 года. Крупнейший укрепрайон душман был взят хитростью – самолетами был выброшен ложный парашютный десант, они открыли огонь, обнаружили себя, все их позиции были накрыты сильнейшим огнем артиллерии. Затем в ход пошли саперы, за ними – бронетехника. Душманы были оттеснены с перевала Сате-Кандао. Дорога на Хост практически свободна.

После освобождения перевала наша часть заняла свои позиции на нем. Задача была – удержать господствующие высоты, отбивать атаки моджахедов, не подпускать их к дороге на Хост, обеспечивать проход колонн с продовольствием и горючим. Первую неделю спать приходилось прямо в снегу, ведь всё жилье было разрушено, оружие постоянно ржавело от сильной влажности, идти в гору было тяжело даже не курящим, высота 3000 метров–нехватка кислорода. Догадываюсь об ощущениях людей, штурмующих Эверест.

Весной 2008 г. телеканал «Россия» показал документальный фильм корреспондента А. Сладкова об истории нашей бригады, о сегодняшних буднях её солдат и офицеров, выполняющих свой долг в Чечне. Ведущий в конце задаёт вопрос: «Как поведут себя нынешние солдаты, только призванные: справятся, не струсят?» И вглядываясь в их лица, отвечает нам: «Не оробеют, не посрамят памяти погибших и живых старших поколений».

Помню, пришлось испытать на себе настоящий страх. В ночь на первое апреля 1988 года душманы обстреливали часть реактивными снарядами. В это время там уже почти лето. Все деревья, кустарники покрыты листвой. Под её прикрытием моджахеды установили на «козлы» (деревянные подпорки) снаряды, пристрелянные в сторону нашей части (за годы войны они это делали с изумительной точностью). Выпускать их можно было минимальным количеством людей с помощью небольшого электрического разряда.

Первые снаряды рвались в части в двенадцатом часу ночи. Все по тревоге заняли свои боевые позиции. Все стрелковое и

артиллерийское вооружение было обращено в сторону лесного массива («зеленки» - по нашему). Опытные офицеры артдивизиона и минометчики на глаз определяли цели и наводили орудие прямой наводкой. Обстрел продолжался более трех часов, испытал просто животный страх, хотя зрелище было потрясающее – в темноте разрывы похожи на фейерверк. Наутро прочесывать «зеленку» не имело смысла – «духи» ушли, оставив мини-«растяжки».

Славу Богу, в ту ночь никто не погиб, ни один снаряд не попал в боевые машины, ни в склад с горючим, не в хранилище снарядов. Командир части вынес благодарность всему личному составу за проявленную стойкость и мужество. Вот таким запомнился «день дураков», отмечаемый в нашей стране с 1986 года. После этого понял важность артиллерийской разведки, знакомой по стихотворению К. Симонова «Лёнька».

К счастью это был последний обстрел нашей части. В связи с объявленным на весь мир выводом войск моджахеды перестали нас беспокоить, дали уйти спокойно. Говорят, на уровне разведки, была достигнута договоренность – мы не проводим против них боевых операций, они не минируют дороги, не отстреливают наши посты и части.

Правда запомнился ещё один священный праздник. 9 мая 1988 года командир разрешил произвести салют изо всех видов оружия, кроме тяжелого и зенитного, а учебных снарядов и патронов не было, особой популярностью у всех пользовались трассирующие. С наступлением темноты все солдаты, свободные от караула и нарядов, по команде открыли огонь в воздух. Сильно пахло порохом, и было радостное чувство скорого возвращения в Союз, все обнимались, поздравляли друг друга. Особо сообразительные потихоньку распивали заранее подготовленную брагу, но явно пьяных не было. Просто было ощущение свободы (но не расхлябанности), единения, братства всех присутствующих народов. Похожее было в Новогодний праздник, но 9 мая все-таки особый в нашей стране день.

В начале июня наша часть была готова к отправке на Родину. Пару дней посвятили тренировке на случай всевозможных обстрелов на марше, но об этом никто и думать не хотел. За четыре дня предстояло пройти более полутора

тысяч километров маршем до Термеза. Все ценное погрузили на бронетехнику, остальное оставили местной армии. До Кабула дошли за 1 день, были там ещё засветло. Уже в пригороде к дороге стало собираться много местных жителей, у многих на глазах были слезы.

Аборигены что-то кричали, махали нам; было много плакатов на русском и арабском языках. Мы с другом Вадимом Рагозиным ехали на броне, стояла сильная жара, разделись по пояс, но оружия из рук не выпускали. На дорогу вышло много детей, вдруг из толпы в нас что-то бросили, пригнуться не успели, только что летело в голову, успели поймать. К нашему удивлению это были комья спрессованного снега; мы рассмеялись и вытерли им свои просоленные лица, он растаял за полминуты. До сих пор вспоминаю этого человека добрым словом.

После Кабула шла «зеленка», много виноградников. По дороге оставалось очень много блокпостов, ведь наша бригада выходила одной из первых. Затем дорога резко ушла в горы. Никогда еще не видел такой красоты, жалел только об отсутствии фотоаппарата. Поэт, как всегда, прав: «Лучше гор могут быть только горы!»

Еще удивляло, как люди больше ста лет назад смогли проложить эту дорогу. Как ножом по сердцу резали стоящие каждые 200-300 метров самодельные памятники нашим погибшим. Подходя к Салангу, увидели заснеженные вершины, часовые на постах стояли в бушлатах и ушанках. От воды, стекавшей с ледников, сводило зубы – солнце не успевало её нагреть. Набирали её во фляги, через час у двигателя она немного прогревалась. После перевала Саланг от переизбытка впечатлений организм потребовал сна, проснулся, когда колонна уже вышла к равнине.

Ночевали в Пули-Хумрийском гарнизоне, воды здесь было в избытке, а это главное. Далее до Хайратона все шло обыденно: одинаковые дома, дети, просящие бакшиш, старики в чалмах, пьющие чай, точно как в фильме «Белое солнце пустыни».

Только подъезжая к Хайратону наш механик-водитель волновался. Уманкулов был родом из Термеза. Постоянно ерзал за рычагами управления, казалось, ещё немного, и выпрыгнет, побежит вперед машины. Когда Термез был как на

ладони, он закричал: «Вон мой дом!» Как мы за него порадовались. Когда проезжали по мосту на границе, никаких особых ощущений не возникало. Так же земля, тот же воздух, только там они, а здесь наши, советские люди.

После торжественной встречи вся семья Уманкулова нашла своего героя и нас тоже. Принесли много мяса, лепешки, восточные сладости. Женщины плакали от радости, мужчины угощали нас водкой, сами пили, уговаривали побольше закусывать. Долго нас уговаривать не пришлось, вернее, вообще не пришлось. Все были нормальные, здоровые люди, несмотря на разные конфессии.

При расставании женщины опять плакали, ведь скоро пришлось отправляться к новому месту службы – г. Иолотань Туркменской ССР. Недалеко - часов десять на поезде. Недалеко была железнодорожная станция, всю технику довольно скоро погрузили на открытые платформы и утром следующего дня были на месте.

Сейчас, спустя уже 20 лет, сожалею только о том, что руководство нашей страны не сделало никаких выводов из этой войны. Это привело к многочисленным многонациональным конфликтам, а потом к распаду страны.

А что запомнилось? Горы, освещенные восходящим солнцем, чистейший воздух, призывы муэдзина для правоверных к утренней молитве, дети голодные и босые летом и зимой, свистящий шум низколетящих вертолетов, первый глоток зеленого чая, да измученные, пыльные, но веселые при встрече лица товарищей, вернувшихся с очередного задания.

Декабрь 2008 года.

Кузнецов Павел Николаевич

В Афганистане служил сын, тоже летал

Я родился 30 мая 1945 года в городе Вологда. Русский.

До войны окончил восемь классов школы, после чего поступил в Вологодский железнодорожный техникум. В 1964 году окончил его, призван в армию и был направлен солдатом в Заполярье.

После, в 1965 году, поступил в Балашовское высшее военное авиационное училище летчиков. Закончил в 1969 году. Затем проходил службу в Закавказье, в Казахстане, в Группе советских войск в Германии. После был направлен в украинский город Бердичев. В этом городе находился вертолетный полк, который в дальнейшем был отправлен в Афганистан.

В Афганистане проходил службу с 1983 по 1984 год. Летал на вертолетах МИ-8. Участвовал во всех операциях, которые проводила 40-я армия, которая находилась в то время в Афганистане. Тогда командующим 40-й армии был генерал Генералов. Я был начальником политотдела 535-го Джелалабадского вертолетного полка.

Выполняли такие специфические задания, как высадка десанта, минирование, высадка диверсионных групп, эвакуация убитых и раненых, бомбовые и штурмовые удары, зачистка населенных пунктов (высадка двух групп с разных

сторон объекта и встреча их в центре деревни, а наверху, для поддержки, «крутятся» два МИ-24), сопровождение автоколонн, доставка продовольствия мирным жителям.

Перед вылетом на задания, например, высадка десанта, проводились специальные митинги. Пилоты и десантники вставали напротив друг друга и, смотря в глаза, говорили: «Мы вас высадим, а вы нас прикроете». Так и летели: мы их высаживали, они нас прикрывали, и мы их потом забирали.

В нашем полку было меньше всех боевых потерь по сравнению с другими полками. У нас за год было потеряно всего три вертолета.

Серьезных ранений не было, но в первый день произошел интересный случай. В самый первый день, когда только прибыли в Афганистан, мы направлялись из штаба на аэродром. Ехали на автомобиле и попали под обстрел. Перевернулись на «УАЗике», но все живы остались.

Были попадания в воздухе, но серьезных повреждений не было. У нас были люди, которые прилетали с развороченными блоками боевых ракет, которые, к счастью, в воздухе не взорвались. Лично у меня повреждения были в виде «дырок в фюзеляже».

Из родственников в Афганистане служил сын, тоже летал. В первом же полете семь пуль попало в фюзеляж, но жизненно важных систем не было нарушено. Все долетели нормально, экипаж остался жив. Сын тогда был капитаном. В то время он летал и перевозил грузы и продовольствие на самолете ИЛ-76.

Я начал летать в училище на самолетах Л-29, потом ИЛ-14, АН-24, сдавал госэкзамены на АН-12, летал на «истории» советской авиации ЛИ-2. После этого переучился на вертолеты и летал на ИЛ-14, МИ-8, Ми-2, МИ-6, МИ-6-ВЗПУ и на других их модификациях. В Камбодже летал на МИ-8 вместе с бойцами ООН, выполняя миротворческие функции.

После войны в Афганистане я был направлен в Уфу формировать летное училище вертолетчиков.

Во время войны был подполковником. Звание полковника получил уже в Уфе, затем уже Москве в 44 года я получил звание генерала, а в 49 лет в 1994 году уволился из Вооруженных Сил. В 1995 начал работать в правительстве Москвы.

Награды: орден Боевого Красного Знамени, орден «За службу Родине» 3-й степени, также медали и награды дружественных государств – ДРА и ГДР.

Приходилось летать на предельно малых высотах и практическом потолке, из-за этого сложнее было садиться и взлетать. К тому же летом в ДРА с 12 до 14 часов жара была такая, что часто вертолеты просто не «тянули».

Наш аэродром Джелалабад был одним из самых обстреливаемых объектов в Афганистане. Мимо аэродрома шла дорога на Пакистан. Душманы делали очень хитро: подъезжали на полугрузовых «тойотах», собирали минометы и начинали обстрел аэродрома, а потом быстро уезжали. Это происходило достаточно регулярно.

30 декабря 1983 года произошел массированный обстрел нашего гарнизона, и в этот же момент началось землетрясение. Это было не забываемо: все трясется, стекла падают, бьются, но нет никаких выстрелов. Было очень неприятно, так как многие впервые столкнулись с землетрясением и почувствовали силу стихии. А после землетрясения уже начался, непосредственно, обстрел.

Особенно запомнилась операция в Паннджерском ущелье. Мы прикрывали пехотинцев с воздуха, так как без авиации было бы воевать еще сложнее и потерь было бы гораздо больше. А душманы боялись советских вертолетов. Даже на автоколонны не нападали, если наверху был вертолет.

Все бойцы Советской Армии свято верили, что их миссия – это поддержание демократического режима в этой стране.

Сейчас я уже на пенсии. Однако это не мешает вести активную жизнь. Люблю спорт, баню, полеты, рыбалку и прочие виды активного отдыха. Иногда летаю на спортивных самолетах на аэродромах Москвы. Сейчас занимаюсь теннисом и тренирую свою внучку и внуков.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Четвертков Сергей Андреевич, студент*** *1-го курса Института экономики и менеджмента Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Кузнецов Сергей Викторович

Будем десантироваться в боевом режиме! Нас обстреливает ДШК!

Я родился 1 ноября 1963 г. в городе Москве. Учась в школе, я одновременно занимался пожарно-прикладным спортом и играл в вокально-инструментальном ансамбле «Апрель», мне было тогда 14 лет. Принимал участие во всесоюзных соревнованиях по пожарно-прикладному спорту и продолжал заниматься творчеством. В 16 лет и до армии я усиленно занимался спортом в секции контактного карате. В этот период я ушел из ансамбля, так как не хватало времени.

Хотелось поскорее окончить школу и пойти служить в армию. Учился я неважно: прогуливал, хулиганил. На выпускном вечере директор школы, выдавая мне аттестат, сказал: «Наконец-то школа от тебя отдохнет».

Друзей было много, даже после школы мы встречались всем классом, а в школе всегда помогали друг другу. Но цену настоящей дружбе я узнал в Афганистане. Так же как и осознал многие часто повторяемые понятия, которые в школе звучали на каждом шагу, но не доходили до сознания, а так, заучивались: патриотизм, Родина, мужество, любовь, традиции.

В годы Великой Отечественной войны у меня погиб дедушка, я про него почти ничего не знаю, знаю только, что он был сапером. Представления о войне я, как и все, черпал из рассказов ветеранов войны. На службе в Афганистане эти рассказы и помогли, и не помогли. Там было одно, здесь - другое. Что-то проще, что-то труднее.

Призвали меня в армию в ноябре 1981 г. Попал в Афганистан весной 1982 г. после «учебок» в Союзе. В одной, в г. Бердичев, проходил тактику 1941-45 гг., а в другой, в г. Чирчик, целый месяц нас тренировали по 25 часов в сутки! Тогда я был не такой «круглый» и «солидный», а выступал на соревнованиях по карате. Во мне было 56 кг боевого веса.

Когда сошел с трапа самолета, впечатление было, что попал в пустыню, в пекло. Это впечатление очень трудно описать. Но со временем привык ко всему. Ходил по дорогам Афганистана: Кабул-Термез (через Саланг в Союз и обратно - и так много раз). Бывал в командировках в: Газни, Пули-Хумри, Кабуле.

Самый запомнившийся день - 8 августа, когда наш батальон нарвался на засаду. Первые две машины с ребятами приняли бой, а третья выехала в безопасное место, высадила людей и пошла за подмогой. Бой был нелегким, а для нас, тогда еще «салаг», первым. Было страшно, не страшно только дуракам. Хочу сказать огромное спасибо тем, кто меня многому научил. Это сержант Агапов, капитан Скутин, старший лейтенант Гинда.

Настоящий командир должен хорошо относиться к солдатам, не кричать, а говорить по-человечески. Голой командой ничего не добьешься. Был у нас старший лейтенант Турсунов, с солдатами говорил на равных, никогда не кричал, понимал, помогал. Конечно, были и такие, которые все делали только по уставу, от корки до корки, не видя перед собой человека.

Самая большая потеря у меня в то время – смерть отца. Я еще ничего не знал, а ребята уже узнали, и старались меня как-то поддержать, успокоить. А когда утром и мне сообщили об этом, то я не остался один, был с друзьями. Каждый хотел отдать мне самое лучшее, может, даже последнее. Командир батальона предоставил отпуск, чтобы я улетел, хотя был тогда

приказ никого не отпускать. Помог и начальник штаба – никто не смотрел на мое горе, как на чужое.

Вообще связь с домом была очень дорогой, потому что сбивали почтовые самолеты, и письма приходили к нам раз или два в месяц.

Первое, что поразило в Союзе после возвращения из Афганистана - тишина. Очень непривычно. Сразу же пошел учиться на подготовительное отделение в МИСИ. На отделении у нас собрались те, кто отслужил армию.

Когда уходил служить, в моде были брюки «клеш» и только начали входить «дудочки». А пришел – они уже на последней стадии. И на дискотеках танцуют не то, что мы танцевали.

Первое время меня совершенно не понимала мама, потому что я говорил на «афганско-украинском» языке. Навыки украинского языка я получил в «учебке» в украинском городе Бердичев. До сих пор мелькают у меня такие слова, как «бакшиш-подарок», «ханум-женщина», «шурави-советский», «хуб-хорошо», «хороп-плохо», «дуктар-девушка», «аскар-солдат», «бача-мальчик», «чан пайса-сколько денег», «душман-враг». Это ходовые слова в Афганистане. Мама сейчас уже некоторые понимает.

Очень хочется, чтобы побыстрее все разоружились, чтобы не было войн, потому что видел и знаю, что такое смерть. И не хочу, чтобы моя дочь видела это. Лучше стал понимать ветеранов Великой Отечественной войны. Они тоже молодыми возвращались после войны.

Не могу слышать, когда плохо говорят о Родине, о России, хотя и сам осознаю, что не все у нас хорошо и не всем легко живется. Это я о семьях погибших. Мы к ним ходим, спрашиваем, чем нужно помочь. Многие даже не знают своих прав и льгот. Одной семье дали тысячу рублей на памятник сыну, а у них такое чувство, что как будто откупились, потому что на этом все и кончилось. Ордена его лежат, фотография висит на стене, а сына нет и никакими деньгами его не вернешь.

Я был бы рад, если парням, которые идут служить в армию, не пришлось бы слышать грохот разрывов, видеть раны и смерть товарищей. Но служба есть служба, и ее основные законы остаются в силе. Что бы я им пожелал? Во-

первых, не быть «стукачами», а такие есть. Во-вторых, всегда помогать товарищам. Слушаться старших. Никогда не падать духом. Вот и все.

Со временем вспоминается самое лучшее и хорошее. Как ходили по дорогам Афганистана, как помогали и выручали друг друга, как в Кабуле сажали деревья и строили детские площадки, как обычно - рутина солдатской жизни в боевой обстановке, как из стихотворения Виктора Верстакова «А мы там пляшем гопака и чиним мирный трактор». Сейчас все вспоминается в другом цвете и в другом ракурсе.

Вот такая история приключилась со мной. Однажды, когда мы ехали в очередную командировку в Союз, остановились на блокпосту в Аминовке. Почему? Не помню! Встретил там своего земляка, разговорились. Потом увидел виноград, он светился на солнце, притягивал к себе янтарным светом и сладким запахом. Я и побежал к винограднику. В этом месте он рос вдоль дороги почти везде. Во рту стоял его медовый привкус. И было неуемное желание съесть его немедленно. Бегу я, спешу, мечтаю, что наемся винограда вдоволь. И вдруг слышу, кричат мне ребята: «Стой! Осторожно! Мины!». Я остолбенел, колени подкосились. Поворачиваюсь и смотрю на них, а они машут мне и показывают на стену блокпоста, а там крупными буквами написано «ОСТОРОЖНО, МИНЫ!» Меня прямо холодным потом обдало, и про виноград забыл.

Обратно я шел по своим следам и не бегом, а очень медленно. Когда пришел, то ребята сказали: «У нас тут противопехотные с противотанковыми минами в паре стоят. От тебя бы ничего не осталось! Повезло тебе!»

Сейчас вспоминается это все как-то весело, с улыбкой, а тогда - повезло!

Еще одно яркое воспоминание. Ехали мы по «бетонке» в колонне. Светит солнце, дует «афганец», кругом горы. Все как обычно! И вдруг у подножья гор колышется разноцветное море - тюльпанов! Красота! Это незабываемое зрелище, которое часто всплывает в моих снах.

Теперь другой случай. Была у нас в экипаже обезьянка. Звали мы ее Машка. Просто чудо! Если она сидела в кабине спокойно: перебирала что-то в волосах или просто сидела на руках или шеи, то мы знали - все в норме. Но если она

начинала бегать или прыгать, крича и ругаясь на своем обезьяньем языке, это означало, что за нами кто-то наблюдает в бинокль или смотрит в прицел. Этим поведением она спасала нам жизни – предупреждала. Мы с ней были большими друзьями. Она меня ревновала и защищала. Если кто-нибудь трогал мою голову или волосы, то она прыгала, нападала и показывала свои клыки. Защитница! А в начале нашего знакомства она не хотела у меня ничего брать из еды, не доверяла. Дашь ей печенье или еще что-то вкусное, а она возьмет и смотрит, не ест, опасается, что отравишь. Тогда я на ее глазах разломил печенье пополам, дал ей половинку, а другую съел сам. Только тогда Машка начала есть. Вот так мы и познакомились. Когда уходил на «дембель», «передал» ее другому солдату, которого Она, как и меня в свое время, выбрала.

Случаев много, все и не вспомнишь. Однажды захотелось зайти нам в Кабуле в мечеть на экскурсию, ознакомиться с исламскими традициями. С нами был старший. Он только прибыл в Афган и поэтому действовал строго по уставу - туда нельзя, сюда запрещено. Пришлось брать нам инициативу в свои руки. Подошли мы к мулле и попросились посмотреть мечеть, а сами были с оружием, и оставлять его не собирались. Переговоры велись с помощью переводчика. По прошествии определенного времени разрешение мы получили, но т.к. были с оружием, нам позволили находиться только там, где мусульмане снимают обувь. Когда мы вошли, декхане начали кричать, но мулла их успокоил, а мог бы …

Вспоминаю, как однажды чуть-чуть не сорвался с обрыва в ущелье. Душманы очень часто нападали на колонны из «зеленки» (зеленка – это виноградники, кусты или деревья, которые росли вдоль дорог), а также в горах. Но самое их любимое место для засад - это трубопровод. По нему с Союза через Саланг текла солярка. Это топливо (по составу очень жирное) разлитое на дороге, представляет большую опасность для транспорта.

Вот однажды мы ехали и ничего не подозревали, а впереди нас ожидал сюрприз. Духи взорвали трубопровод, солярка текла ручьем по бетонке, вся дорога на участке прорыва превратилась в сплошной каток. Ребята-ремонтники, конечно, уже чинили прорыв, но мы не остановились, шли как

обычно. Впереди спуск и крутой поворот, с одной стороны скалы, а с другой обрыв. Мне повезло, успели прижаться к скалам, а впереди идущая машина так и ушла в пропасть, никто не успел выскочить (упокой, Господи, их души).

Вспоминаю, как мы, на скорости, не останавливаясь, бросали из окон машин нашим солдатам у тоннеля перевала Саланга (его строили советские метростроевцы) подарки (сигареты, хлеб, сухой паек). Все-таки тяжелая была у них там на блокпостах служба. Защищать дорогу – артерию жизни, которую душманы пытались прервать. Спасибо им, что мы живы!!!

Еще один случай. Мне очень повезло, успели проскочить все тот же туннель за два часа до трагедии. Две колонны встретились в туннеле Саланга (советская и афганская). Много тогда погибло людей и тех, кто был в туннеле, и кто их вытаскивал. У нашей колонны сломался один КАМАЗ и остался на перевале (на блокпосту, а точнее около въезда в туннель). Думали, что заберут его на обратном пути, а получилось как всегда. Нашим ребятам тогда досталось по полной программе. Чтобы освободить подъезд к туннелю, пришлось КАМАЗ сбросить с обрыва, мешался. Наши ребята рисковали своими жизнями, спасая наших солдат и афганцев от неминуемой смерти в этом углекислом капкане. А многие погибли! Вечная им память!

Вспоминать приходится с трудом: что-то забыл, а что-то нельзя говорить - даже сейчас. Уже путаются даты, не помню города, провинции. Хочется рассказать многое, и нечего. Плохие воспоминания почти стерлись, и осталось все хорошее.

Вспоминаю: как однажды сняли нас на несколько дней с колонны и отправили перекрывать вход в ущелье Панnджер, как закончились у нас продукты, как колонну остановили на точке в связи с праздником Рамазан на несколько дней, а мы все лишнее оставили на Саланге. Как осталось у нас по банке перловки с тушенкой и половинка галеты на сутки и пришлось застрелить собаку, благо кишлак был рядом, и их там бегало много. Как ребята-таджики ее разделали, а мы отварили ее в четырех водах, и потом пожарили. Было вкусно с голодухи. А один из наших ребят, когда узнал, что он съел… Ну и зря!

Память - это все, что у нас осталось.

Вот еще один случай. Мы отстали от колонны, так как ремонтировали свой КАМАЗ. Хорошо, что я был с напарником (охранник-водитель). Сделав машину, мы рванули догонять своих. Но по дороге нам попался афганский КАМАЗ, который не давал нам возможности обогнать себя. А колонна наша уходила все дальше и дальше. На наши просьбы в виде звуковых и световых сигналов, они не отреагировали. Поэтому мне пришлось прострелить им колеса на «шаланде» (прицепе), а так не хотелось грубить дружественному народу.

Вспоминаю, как был обстрелян наш КАМАЗ, но ничего, все обошлось. Успели подойти ребята с блокпоста на БТРе и вытащили нас из-под обстрела. Наш КАМАЗ, конечно, пострадал, был как дуршлаг, но это пустяки! Спасибо им, мы живы!

Помню, как однажды к нам в колонну встал «чужак» с другой части и это спасло нам жизнь. Проходя мимо очередного кишлака, он налетел на мину, скорее всего «итальянку». А за ним шли мы на нашем КАМАЗе! Повезло и ему спасибо! Хотя, когда шли в колонне, его ругали, говорили зачем влез. Пусть простит нас, он нас спас!

Как-то мы летели на «вертушке» в командировку в г. Газни. И получилось, вот что. Подлетаем уже к месту назначения, а у нас с собою было очень много запчастей для машин и бронетехники. Уже подлетали, как вдруг вертолет начало кидать то вверх, то вниз. Это потом мы узнали почему. К нам зашел «штурман» и на ломаном русско-устном языке сказал: «Будем десантироваться в боевом режиме! Нас обстреливает ДШК!» Мне повезло немного меньше, чем ребятам. Вертушка пошла почему-то вверх, и я летел очень долго вниз, приземлился на камни, и по привычке перекатился, как учили в Чирчике.

А еще, 8 августа 1982 г., когда был мой первый бой, я лежал на открытом месте под обстрелом ДШК, и было такое ощущение, что я врос в землю. Как по нам стреляли «духи», а сзади наша 1-я рота. Огромное спасибо капитану Скутину, вытащил нас без потерь. В том бою я получил первую тяжелую контузию.

И много еще чего….

Творчеством начал заниматься еще до армии, в школе. Писал стихи, музыку…и это помогло мне в жизни! Ходил по дорогам Афганистана. После очередной колонны брал гитару и пел песни, что слышал на записях, на точках, где останавливалась "нитка", а потом и сам начал писать понемногу. Просто много проходило перед глазами: горящие машины, летевшие в пропасть, обстрел кишлаков "градом", "шилкой" ("Шайтан-арбой"), полет над Панджшером на вертушке ("крокодиле") и госпиталь, куда угодил, где встретил своих ребят из подразделения-Чирчика.

Первые песни, которые я написал в Афгане, были «переделки» - на известную музыку, писали свои стихи, но и на чужие стихи я тоже писал там.

Получилось так, что из меня поэта не вышло - так мне сказали в Союзе писателей. А песни я писал, пишу и буду писать. Вот так я и стал композитором, а точнее автором-исполнителем песен на свои стихи и стихи друзей: Игоря Морозова, Владимира Кувшинова, Владимира Данилова, Анатолия Пшеничного, Игоря Романова, Алексея Матвеева, Василия Денисова, Олега Гегелевского, Василия Ставицкого, Анатолия Стефанова, и т.д.

Мною написано много песен, которые я исполняю на концертах в разных уголках страны.

После службы в Афганистане многие ветераны начали объединяться в клубы. Собирались, пели песни, вспоминали службу.

С 1987г., когда стали образовываться клубы, начал выступать чаще, рассказывая песнями о годах, прошедших на войне. Так в 1988 г. образовалась группа «Шурави», в состав которой входили многие теперь известные авторы-исполнители: Сергей Миронов, Сергей Сахаров (ныне почившие), Игорь Морозов, Владимир Иванов, Александр Карпенко, Сергей Кузнецов и др. Ездили с концертами по воинским частям, госпиталям, принимали участие в фестивалях военной песни, становились лауреатами.

В 1991 г. было создано творческое объединение ветеранов локальных войн и военных конфликтов войск спец. назначения «Восточный синдром». Состав: Владимир Зайцев (ныне почивший), я, Игорь Морозов.

Из него в 2000 г. вышла группа «Восточный синдром», а ныне группа «А» в составе Василия Денисова и меня.

Война пришла и в Союз, поэтому проехал почти по всем горячим точкам: Преднестровье, Кавказ, Армения, первая и вторая войны в Чечне. И по сей день наш девиз из Чирчика: «Никто кроме нас!»

В советское время с концертами проехал от Польши до Камчатки, а потом распад Союза. А теперь выступаю уже не один, а в составе группы «А» (с Василием Денисовым) и творческого объединения авторов-исполнителей «Музыкальный десант» (с поэтом Александром Карпухиным и автором-исполнителем Станиславом Юрко).

За период военных действий на территории Чеченской Республики я дал официально 70 концертов, а не официально … За свою небольшую жизнь (20 лет творчества отметил в 2008 г.) я побывал почти во всех родах войск, но это уже другая история.

Декабрь 2008 года.

Куличенко Игорь Викторович

Впервые начало появляться чувство, что ты не бессмертен

Я родился 14 февраля 1962 года в городе Северодонецке Луганской области. Украинец. Православный. Беспартийный. Член объединения воинов интернационалистов «Басманное».

До службы, в 1979 году, окончил среднюю школу в городе Северодонецк Луганской области. Передо мной стояла дилемма – то ли поступать в институт, то ли идти в армию. Раньше как-то было принято среди ребят, что службу должны пройти все.

Я хотел и учится, и попасть служить в воздушно-десантные войска. Определился для себя – в первую очередь попробую поступить в институт, а если не поступлю – пойду служить в армию, после чего опять буду поступать в ВУЗ.

Поступал в Московский физико-технический институт (МФТИ) и в Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана (МВТУ). В этих институтах разница по времени между экзаменами была в один месяц. Не поступил, не прошел по конкурсу. После армии поступил и закончил МВТУ им. Н.Э. Баумана.

Устроился на работу и начал думать, как попасть служить именно в ВДВ. Помог случай, и вообще, как показывает практика, жизнь и складывается с какого-то количества случайностей, которые в итоге приобретают определенную закономерность.

Возвращаясь домой, встретил своего одноклассника. Он сказал, что по повестке ему утром необходимо быть в военкомате. Его и еще ряд товарищей отправляют на прыжки с парашютом – то есть, таким образом, формировались команды, которые, при достижении призывного возраста направлялись служить в воздушно-десантные войска. Я расстроился, что не попадаю в эту команду, но Юра (так звали моего товарища), зная о моем желании служить в ВДВ, предложил вместе с ним пойти в военкомат. Он предположил, что кто-то может не прийти, а, поскольку денежное, вещевое и пищевое довольствие выписано уже на определенное количество человек, то меня могут вписать в их группу и отправить на прыжки.

Так и получилось. Вечером мне мать собрала какие-то вещи, поесть, утром я был в военкомате, человека два-три не пришли, медработники отметили удовлетворительное состояние здоровья, меня записали в группу, выделили довольствие, и мы отправились на прыжки.

Прыжки (более правильно, наверное, воздушно-десантная подготовка) продлились около десяти дней (точно не помню). Подъем, зарядка, предпрыжковая подготовка и в итоге совершили каждый по три прыжка с самолета АН-2 («Кукурузник»), после чего уже знали, что будем зачислены в команду, которая пойдет служить в ВДВ.

Приблизительно в январе 1980 г. стало известно, что в ДРА вошли наши войска, точнее ограниченный контингент. Войска были введены, как сообщалось, по просьбе правительства и народа Афганистана.

Хочу сказать, что все это воспринялось совершенно нормально, как необходимость. На самом деле просто надо хоть немножко знать историю, то что Афганистан был первой в мире страной, признавшей образование Союза Советских Социалистических Республик, и первой страной, с которой у нас был подписан договор о дружбе и взаимопомощи. И в рамках этого договора были введены в ДРА советские войска,

ведь фактически Афганистан разделился на два политических лагеря, один из которых мы должны были поддержать, так как в противном случае другой был бы поддержан Америкой. Мы опередили США буквально на несколько дней.

Но об этом чуть позже. Сейчас о своих чувствах на тот момент.

Конечно, зная, что пойду служить в ВДВ, и то, что эти войска должны быть на передовых рубежах в период каких-либо военных действий, внутри периодически появлялось определенное чувство тревоги. Неподотчетно понимал, что заканчивается детское восприятие армии. Хотелось получить как-то больше информации. И поэтому, когда в январе из армии пришел мой товарищ, который служил в погранвойсках на границе с Афганистаном (пограничников часто задерживали при демобилизации на месяц-два, а то и больше) я приставал к нему с вопросами есть ли в Афганистане десантники, видел ли он их, когда вводились войска. Ничего конкретного он мне не сказал, а я не знал тогда, что десантники были введены раньше других и переброшены авиапутем, а не сухопутным.

Короче, через некоторое время внутренняя тревога притупилась, а в апреле 1980 года я был призван в армию.

В начале нас направили в учебную воздушно-десантную дивизию – «Учебку» в Прибалтике, где прослужил полгода.

В Учебке учился на командира отделения. Занятия, стрельбы, зарядка, марш-броски…

В общем, учеба, боевая и политическая подготовка. Там быстро разобрался, что к чему, как происходил ввод наших войск, какая обстановка и какие ведутся боевые действия, Известны были уже приблизительные потери на тот момент. Конечно, эта информация носила закрытый характер и в средствах массовой информации не отражалась. Нам же эти данные давали на занятиях офицеры-преподаватели и сержанты, конечно в определенных пределах.

Мы знали, что в Афганистане на тот момент из воздушно-десантных частей находятся Витебская дивизия и 345-й отдельный полк ВДВ.

Витебская дивизия первой вошла, вернее «влетела» в Афганистан, за два дня до начала ввода основного контингента Советских войск. Десантирование производилось

посадочным способом – то есть самолеты (ИЛ-76-е) приземлялись и, не останавливаясь, сразу взлетали, а пока они катились по взлетно-посадочной полосе, бронетехника с личным составом съезжала, и подразделения дивизии сразу разъезжались по Кабулу, каждое, выполняя свою конкретную задачу.

Впоследствии, уже в Афганистане и позже, наши десантники не раз удивляли весь мир неординарными и смелыми решениями, не имеющими мировых аналогов, я уже не говорю о выносливости и мужестве.

После окончания Учебки нас должны были распределить по воздушно-десантным дивизиям.

Их было на тот момент, по-моему, семь, включая учебную. Направленные в Витебскую воздушно-десантную дивизию и в отдельный 345-й полк автоматически попадали служить оставшиеся полтора года в Афганистан.

При мне, во время службы в Учебке, уже два сержанта срочной службы были награждены званием Герой Советского Союза посмертно. Это Чепик и Мироненко. Оба они, будучи ранеными, чтобы не попасть в плен, подорвали себя, при этом уничтожив не малое количество «духов» (душманов). Оба они закончили ту же Учебку, в которой был и я, одному из них (просто не помню кому именно) при мне открывали памятник.

Приходили иногда сержантам письма от их товарищей, служивших в Афганистане. Просто доходила какая-то информация о событиях и боевых действиях в ДРА. И в голове, честно говоря, начал происходить какой-то бардак. То есть, ты начинаешь понимать, что всякие шуточки заканчиваются. Ты можешь попасть в Афганистан, а там уже непонятно, как «ляжет карта».

Я сейчас говорю о своих личных мыслях, личных рассуждениях, о том, о чем тогда никому не говорил и ни с кем не делился. Думаю, правда, что так рассуждал не только я, очень многие. Хотел ли я тогда попасть в Афганистан? Наверное, понимая, что тебя могут убить, скорее всего - нет. А ведь лезли мысли: «Ведь ты хотел попасть служить в ВДВ, ты знал, что это за войска, ты мог предполагать, что возможны какие-то боевые ситуации, внутренне к ним был готов – так что же ты мнешься, ведь больше может не быть в жизни такой

возможности в мирное время участвовать в реальных боевых действиях». В общем, внутренних противоречий хватало.

В Учебке у меня был товарищ, конечно, все были товарищами, но с кем-то ты все равно проводишь больше времени и ближе сходишься. Так вот, мы с ним частенько думали - будем проситься, чтобы нас отправили служить в Афганистан или нет? Сошлись на мнении, что в Афганистан рваться не будем, но, если распределят, отказываться тоже не станем (хотя, по большому счету, солдат любой армии должен просто выполнять приказы). Но все решилось не то, что само по себе, но как-то совсем неожиданно.

На политзанятиях (наверное, месяц оставался до окончания службы в Учебке) наш сержант, заместитель командира взвода Гаврилечко, молчал-молчал (мы в это время что-то писали), затем ни с того, ни с сего: «Кто хочет ехать в Афганистан?». Я, честно говоря, растерялся, ведь сейчас надо принимать решение, момент, о котором старался не думать, наступил. Мой товарищ на меня старается не смотреть, я готов его дернуть за рукав: «Ну что?» Вижу, один встал, другой, третий и я подумал: «Ну и ладно», - и тоже поднялся. В общем, поднялись шесть или семь человек. Реакция сержанта была интересна и до сих пор мне непонятна: «Я так и предполагал, и вы, которые поднялись, все равно поехали бы в Афганистан».

Таким образом, внутренние противоречия разрешились. После этого голову стали занимать другие мысли: «Буду стараться быть бдительным, полагаться на реакцию, постараюсь отреагировать на выстрел, если что». Но потом, зная, что скорость звука примерно в два с половиной раза ниже скорости пули при выстреле из автомата Калашникова 7,62 мм (то есть, когда ты услышишь звук выстрела, пуля уже давно пролетит), выкинул эти мысли из головы.

Когда были определены все те, кто направлены в Афганистан, нас собрал в клубе командир полка и сказал, что нежелающие ехать служить в Афганистан могут отказаться, что они будут направлены в другие дивизии для прохождения службы на территории Советского Союза. При этом, никто их за это никогда не упрекнет. В общем, такая возможность была у всех. Никто в нашем учебном полку (в Учебке было три

учебных полка) не отказался. После чего мы отправились кто в Витебскую дивизию, кто в 345-й полк.

В нашей роте, в Учебке, все те, кто должен был попасть в Афганистан, были распределены в Витебскую дивизию в 350-й парашютно-десантный полк (для справки – в состав Витебской дивизии входили три парашютно-десантных полка (317-й, 350-й, 357-й), артиллерийский полк, дополнительные отдельные батальоны и роты.

И нас в начале-середине ноября отправили в Белоруссию, в учебный центр при Витебской дивизии «Лосвидо» (по крайней мере, мы его так называли). Таким образом, закончился подготовительный этап перед тем, как попасть в Афганистан.

В «Лосвидо» мы пробыли примерно полтора месяца. Зарядка, плановые занятия, режим, конечно, более льготный, чем в Учебке. Может как-то не очень нас хотели чересчур загружать перед отправкой в «армию». Написал в кавычках, так как это уже сложившийся у нас был разговор – Афганистан мы называли армией, а все, что до этого было в Союзе – или Учебка, или курс молодого бойца (хотя, конечно, тоже была армия, может быть, не хотелось делать акцент именно на слове «Афганистан», «Афган» и т.д.).

Давала знать о себе разница в температуре – около ноля или немного ниже градусов в Учебке и понижение температуры до минус двадцати-тридцати в «Лосвидо». Но дальше стало еще более интересно, когда через примерно 8-10 часов перелета (летели на самолетах ТУ-154 с остановкой в Ашхабаде) мы приземлились в Кабуле. Это была 2-я декада декабря, температура воздуха плюс пятнадцать, никакой растительности, почва - как бетон, вокруг горы (опять же без растительности), все - в серо-бежевых тонах и какая-то суета – одни из самолета выходят, другие (дембеля) в самолет заходят. Какой-то фантастический фильм. Похоже были воспроизведены впечатления вновь прибывших в Афганистан в фильме Федора Бондарчука «9-я рота». Затем нас отвели в место расположения нашего полка, разместили на ночлег (тогда еще жили в палатках – две палатки на роту), а с утра началась акклиматизация к новым условиям – службы и природным.

Наш полк в это время был на боевой операции, так что пока еще себя чувствовали относительно вольготно. Подъем, зарядка, завтрак, занятия, тактические учения в горах и т.д. Кабул расположен на высоте 1800 м. над уровнем моря, так что воздух уже разряженный и требуется какое-то время, чтобы привыкнуть немного, так как бегать, передвигаться по горам тяжелее, чем в равнинных условиях. А вообще-то, в Учебке нас нормально подготовили, так что втянулись быстро.

Через недели полторы пришел с «боевых» (так сокращенно называли боевые операции) полк, нас распределили по ротам, взводам (я попал в разведроту, а через примерно 6-7 месяцев перешел в 3-ю роту) и у нас началось знакомство с уже успевшими повоевать более старшими товарищами, к которым ты, только что прибывший из Союза, конечно, испытываешь немалое уважение.

В общем, знакомство прошло успешно, опытом с нами с удовольствием и «бесплатно» делились, конечно, говорю немножко с юмором. Бывало по всякому, иногда чуть-чуть тяжеловато, но в итоге стали хорошими товарищами.

Недели через две пошли в ущелье Панджшер на первые боевые…

Наш взвод был в резерве командира полка, то есть мы непосредственно в горы пока не ходили, а все остальные были в горах. Они передвигались вверху вдоль ущелья и мы передвигались понизу вместе с бронетехникой параллельно. Как правило, если на боевые уходили с бронетехникой, механики-водители и операторы-наводчики оставались с «броней» (бронетехникой), а остальные уходили в горы. Потом через день, два, а то и, бывало, неделю-две или мы возвращались к броне, или броня подтягивалась к нам. Но вернусь к первым своим «боевым» и к первым от них впечатлениях.

Помню, еще только начало операции. Мы передвигаемся на БМД (боевая машина десанта) и становится слышен огонь артиллерии. Ты знаешь, что это уже не учебная ведется стрельба, думаешь, что же там происходит? Затем, когда вылезли из машин, ребята полезли в горы, оттуда начали доноситься первые автоматные или пулеметные очереди, заработали установки «Град», пролетели и отбомбились МИГи, прокружились и отстрелялись МИ-24. Вертолеты –

красивые, думаешь непроизвольно: «Бред какой-то, где я, в кино, что ли?» Тут тебе и немножко юмора, и недоумения, и, естественно, переживаний. Потом сам себе: «Очнись, не будь бараном, это все взаправду, не понарошку, и ты не спишь».

По вечерам тягали ребятам в горы поесть. Килограмм двадцать фляга с едой или чаем (естественно с оружием и боеприпасами), и высота гор метров триста-четыреста, совсем не прогулка по парку. В общем, учились понемногу лазить по горам.

Через несколько дней засекли в горах «духовский» ДШК (крупнокалиберный пулемет), вернее, примерно определили место, откуда ведется огонь. Нашему взводу поставили задачу его уничтожить. Поднялись в гору метров на двести.

Там, на определенной площадке, разместились мотострелки, но почему-то все лежат на спинах. Мы мимо их проходим, а они нам: «Не будьте героями, здесь стреляют снайперы». И действительно, выстрел, и мы уже передвигаемся на четвереньках. Полезли выше и через некоторое время сами попали под плотный обстрел, для меня - впервые. Не очень приятно, даже немножко страшновато.

Особенно неуютно себя почувствовал, когда необходимо было сделать перебежку под автоматным огнем. Чувство, которое примерно можно сравнить с тем, как перепрыгиваешь какую-то широкую канаву, и не можешь с первого раза собраться. Но, собрался в конце-концов и побежал. Бежать то и было немного - метров пять, до выложенного из камня окопа, но бежал быстро.

А в окоп прыгал «щучкой» так, что каскадеры, наверное, позавидовали бы. Ну вот, таким образом впервые побывал под обстрелом. Тогда ДШК мы не смогли уничтожить. Нас плотно обстреляли, чтобы выйти из-под обстрела вызвали огонь артиллерии, стало полегче, но все равно пришлось ждать темноты, а только потом мы спустились вниз.

Во время той, первой, операции в полку появились и первые при мне потери, и впервые начало появляться чувство, что ты не бессмертен, в отличие от того, что думал раньше: «Все что угодно может произойти с кем-то, но только не с тобой».

Операция длилась месяц, прошли вдоль ущелья, восстановили «советскую» власть, то есть, вытеснили из

ущелья «духов» и вернулись в полк. Ну а «духи» вернулись опять в ущелье.

Такого плана операций в ущелье Панджшер, уже после моего увольнения из армии, когда наши его полностью захватывают, и с бронетехникой, и с высадкой десанта на господствующие вершины, которые в мире называли уникальными десантными операциями было несколько. Но, как только наши ребята оттуда уходили, и оставались на блокпостах афганские войска, «духи» снова возвращались на свои позиции в ущелье. Таким образом, вкратце, прошла боевая операция, в которой я участвовал впервые.

Дальше все шло, как и должно идти. Разведвыходы, патрулирование в Кабуле и окрестностях, выезды по тревоге, плановые занятия в промежутках, не осложненными какими-то особыми условиями, связанными со службой в ДРА. Затем, переход из разведроты в 3-ю роту , служба на позициях, обеспечивающих охрану окрестностей Кабула, боевые операции. Первые потери среди товарищей, которых знал лично. Конечно, это как-то влияет на мировоззрение, отношение к жизни и смерти, проходят утопические мысли, что ты бессмертен. Ну и ничего страшного – рано или поздно любой человек к этому приходит.

Важнее, на мой взгляд, другое – это то, как мы сами относились к своей службе. Мы знали, что ввод наших войск был необходим. Я и мои товарищи отмечаем не вывод войск из Афганистана, а день ввода войск в Афганистан. Естественно, вывод войск для всех был радостным событием, особенно для родителей (да и мы, когда еще служил я, все время ждали, что нас выведут, все время собирались, только Бабрак Кармаль очень уж не хотел, чтобы десантников выводили). Только чем это все закончилось? Только мы вышли из Афганистана, как туда быстренько вошли американцы (под американцами я понимаю и другие страны-члены НАТО), которые больше всех кричали о нас, как об оккупантах. Ладно, вывели и вывели, только раньше у нас фактические границы безопасности были шире. Хочется только лишь сказать, что мы, я и все мои товарищи гордимся своей службой, гордимся тем, что мы всегда были победителями, что мы всегда выполняли успешно поставленные перед нами задачи. Ни у кого из нас в мыслях не

было попасть в плен, и не сдавались, хотя «духов» брали «пачками».

У нас во второй роте был случай, когда Кашапов (звание не помню, – солдат срочной службы), чтобы не попасть в плен, подорвал себя (отойти не мог - был ранен) и несколько душманов гранатой.

В общем, есть чем гордиться. Тем, что ты служил среди таких ребят, был частью этого коллектива.

О сложностях в армии. Если не говорить о естественном чувстве боязни, которое просто приходилось преодолевать, о ностальгии, то самое тяжелое и сложное в нашей службе – это были переходы в горах. Нехватка воды, жара летом или холод зимой (в горах зимой ночью было до минус пятнадцати – двадцати пяти градусов мороза) – не самое, на мой взгляд, сложное. Не менее трудны были чисто физические нагрузки. Ведь на нас был совсем не легкий груз, а передвигались мы очень быстро, и, бывало, подолгу.

Минимальный вес был 40-45 кг. Чтобы не было мыслей, что я преувеличиваю, приведу примерное содержание вещей:

- рюкзак десантника (РД);	
- одежда;	
- сапоги	3 кг.;
- каска	3 кг.;
- бронежилет	4,5 кг.;
-автомат	3,5 кг.;
-патроны + магазины к ним (брали 1,5 – 2 боекомплекта; боекомплект – 600 патронов, вес патрона – 10 г.)	~ 2 кг.;
-гранаты (штук шесть)	~ 2,5 кг.;
- ракетницы штук 6	~ 2 кг.;
- оранжевый дым – сигнальное средство для обозначения себя для наших вертолетчиков (около 4-6 шт.)	~ 1 кг.;
- тротиловые шашки	~ 1 кг.;
- мины для минометов – 2 шт.	~ 6 кг.;
- вода	~ 2-3 кг.;
- сухой паек -	~ 3 кг.

Все вместе, примерно - 44 кг. Конечно, где-то я мог в весе каких-то вещей ошибиться, но незначительно, тем более что чего-то могло быть больше или меньше, зимой побольше.

Но это минимум, так как могла быть добавлена какая-нибудь лента от пулемета или автоматического гранатомета (она весит 15 кг). Примерно столько по весу груза носил с собой и я, другие на 5-15 кг всегда носили больше. Если уходили в горы больше, чем на сутки, брали с собой палатки, зимой солярку, печки, какие-то спальные мешки. При этом передвигались очень быстро. Если боевые действия проводились совместно с Афганской армией, то афганцы темпов не выдерживали. Если были пленные афганцы, а, естественно, на них перегружалась часть вещей, то они часто просто падали в обморок. Тогда воспринималось нормально – надо идти и все. Сегодня я бы сказал, что это было где-то уже за гранью физических возможностей.

Добавлю о службе, хотя, конечно, можно рассуждать еще очень долго, - очень привыкли к оружию. Ведь с ним практически не расставались, и когда уже были в Белоруссии (при увольнении нас опять перевезли назад на самолетах ТУ-154 на аэродром в Орше (Белоруссия), а затем в г. Минск, когда ехали на автобусах мимо лесов, в голове крутились навязчивые мысли, - как можно в лес ходить без оружия?

Декабрь 2008 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Шеленкова Марина Владимировна,*** *студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Куст Игорь Витальевич

Казалось вот-вот и скалы начнут крошиться

Родился я в Москве 11 мая 1961 года, в семье военнослужащих. Как и многие дети военных того времени, исколесил полстраны со своими родителями. Был на Кавказе, Украине, Дальнем Востоке.

В первый класс пошел в городе Дъер Венгерской Народной Республики. Трудное это было время, в 1986 году в связи с событиями в Чехословакии, часть, где служил отец, подняли по тревоге и перебросили на территорию ЧССР. Неспокойно было и у нас, в военном городке. Помню, что нас в сопровождении вооруженной охраны из солдат части отвозили в школу и привозили домой на грузовой автомашине. По прошествии некоторого времени, отец вернулся.

Жизнь в гарнизоне пошла своим чередом. Особенно в этот период запомнилось отношение солдат к нам, школьникам. После уроков мы с друзьями часто оставались в гарнизоне, наблюдая за нелегким повседневным бытом солдат, их боевой учебой и физической подготовкой. Наверно уже тогда, в детском возрасте, зародилась мысль посвятить себя службе в Вооруженных Силах, так как перед глазами был положительный пример отца и также деда и, по рассказам родных, прадеда. Все они служили в свое время в артиллерии.

После перевода отца к новому месту службы, мы всей семьей вернулись в Москву, где я окончил 10 классов школы № 388 Куйбышевского района.

Как я уже говорил, выбор дальнейшей профессии особо не стоял передо мной. Документы через военный комиссариат я подал в Коломенское ордена Красного Знамени Высшее командное артиллерийское училище. И в сентябре 1978 года был зачислен курсантом на первый курс в 9-ю артбатарею, 2-го артдивизиона.

Отдельно хочу сказать слова благодарности нашему командиру, майору Киселеву Александру Ивановичу. Суров, но справедлив наш командир. Бывало, если кто из курсантов получал неуд по предмету, сразу попадал в наряд и попробуй не выучи предмет – на следующий день после наряда лично проверял знание предмета.

Была ещё одна, по современному сказать «фишка» у комбата. Многие военнослужащие знают, что такое «Машка» или «Вертолет» при натирании паркета. Так вот, заходя в казарму и принимая доклад дежурного, внимательно оглядывал коридор, который был метров 30, и, если не видел на полу своего отражения и отражения стен, наряд снимали и по новой - вечером заступал на дежурство. Вот такие нравы, может суровые, однако к дисциплине приучали. Хотя чего греха таить, по молодости и в самоволки ходили и на уборку сельхозпродукции по осени ездили.

Но самым незабываемым были для нас лагеря в Сельцах под д. Константиновом в Рязанской области. Этого время мы ждали с нетерпением, то чему нас учили в течение года, мы должны были отработать на полигоне приближенно к боевой обстановке.

Первые боевые - это как первый поцелуй. Волнительно, руки, ноги дрожат, все в тумане. Вроде все отработано до мелочей и в тоже время легкий мандраж. Стреляли из 100-мм орудия Мт-12 и из 76-мм пушек, которые прошли войну и как учебные попали к нам в училище.

В конце летнего периода обучения в лагерях была у нас такая традиция – хоронить комара. Кто не в курсе, Рязанская область - это край лесов, болот, речушек и рек. Так вот на этих просторах обитают полчища комаров, которые буквально проникают во все отверстия и не дают спокойно есть и спать.

Поэтому, повторяюсь, негласно все курсанты в тайне от начальства (которые в курсе дела) готовят чучело комара, размером метра 3х3 одевают его в старые простыни. Готовят обвинительные речи в стихах. Тайно, под покровом ночи роют могилу. Затем в определенный день происходит факельное шествие всех, впереди на носилках несут привязанного «комара». Придя на место назначения, «палач» читает обвинительную речь и отрубает комару импровизированную голову. Затем под невообразимые пляски происходит захоронение тела. Под утро все усталые, но довольные возвращаются в лагерь, в палатки.

Да, время учебы - прекрасное время, но оно пролетело быстро. И вот летом 1982 года сдав госэкзамены, мы получили долгожданные назначения в войска. Наш выпуск практические весь попал в группы войск за границу. Я по распределению попал в ГСВГ (Группа советских войск в Германии).

Получилось так, что со мной ехали практические все мои одноклассники из десантного артдивизиона. Пройдя во Франкфурте медкомиссию, я узнал, что попал в 35-ю ОДШБр. И хотя навыков парашютной подготовки у меня не было, еще одна моя мечта - служить в десантных войсках, сбылась. Пройдя кратковременные курсы парашютно-десантной подготовки и совершив свои первые прыжки с самолета Ан-2 и с вертолета Ми 8, начал постигать азы службы в войсках.

Трудно было на первых порах, время было неспокойное, нас постоянно поднимали по тревоге и перебрасывали перекрывать Польско-Германскую границу (в то время в Польше активизировалось партия «Солидарность»). Боевую технику, особенно новую секретную артустановку, которая поступила на вооружение, постоянно приходилось маскировать под строительную технику.

Спецслужбы западных стран, так называемые, «миссии» постоянно пытались вклиниться в наши автоколонны и фотографировать технику и вооружение. Отдельно хочется сказать об учениях войск стран Варшавского договора, где наша бригада принимала неоднократное участие. Нас готовили почти два месяца на полосе разведчика, постоянно утренние и вечерние марш-броски в полной боевой готовности, стрельба из автоматического оружия различных типов в тире, до звона в ушах (боеприпасов для занятий не

жалели). Все это впоследствии пригодилось, во время прохождения службы в Афганистане.

Хочу также сказать слова благодарности моему комбату Алехину Михаилу, другу и учителю, однокашнику. В то время он уже прошел Афганистан, имел боевой опыт и правительственные награды: «Медаль за отвагу», орден «За службу Родине» 2-й степени. Много полезных советов и навыков передал он мне – передал боевой опыт, который впоследствии ни раз мне спасал жизнь.

Всем военнослужащим известен был приказ МО, как можно больше офицеров направлять в Республику Афганистан, дабы получить боевой опыт, выполнить свой интернациональный долг согласно договору между нашими странами.

Вначале все это «рисовалось» как раньше в ВОВ помощь народу Испании. Но, прибыв на место 23 февраля 1984 года в аэропорт г. Кабула, понял, что все намного сложнее. Местные обычаи, местный менталитет, а главное религия - все это накладывало свой отпечаток на службу в суровых горных условиях. По распределению я попал в 56-ю ДШБр в город Гардез. Был назначен командиром взвода начальника артиллерии бригады.

Начальник артиллерии до Афгана уже имел боевой опыт – был советником в одной из азиатских стран. Бригада располагалась недалеко от аэродрома города Гардез, а вся артиллерия стояла на близлежащих горах, прикрывая аэропорт и бригаду. Один из батальонов стоял в населенном пункте Бараки на полпути в Кабул. Что поражает – это величественные отроги Гиндукуша, отвесные скалы, с заснеженными вершинами, которые летом не всегда тают.

Свое первое боевое крещение получил, совершая марш в колонне с разведротой. Отрабатывая реализацию разведданных, наши разведчики на БМД и в сопровождении танка, БТС и нескольких орудий, выдвинулись к предгорью в район населенного пункта Девонхель. Двигаться приходилось по бездорожью, так как основные дороги, как правило, душманы старались заминировать. Но и на бездорожье никто не был застрахован от случайности.

Вот и в этот раз не повезло машине командира разветроты. Первые две бронемашины прошли, а третья

подорвалась на итальянской мине. Начался обстрел колонны, но силы явно не равны и мы, отбив атаку душман, начали перевязывать раненых солдат. Конечно зрелище не для слабонервных, пригодились навыки оказания первой медпомощи. Вызвали по рации вертушки для эвакуации раненых. Затем продолжали выполнение боевой задачи.

В результате был ликвидирован крупный склад оружия и боеприпасов не давно пришедший из Пакистана. В целом бригада занималась оказанием гуманитарной помощи: ездила с БАПО (боевым отрядом политотдела), было такое подразделение. Проводили агитационную работу за Советскую власть, раздавали продукты (рис, гречку, консервы) жителям кишлаков, да и за одно заключали негласные мирные соглашения, что с территории близ кишлака никто не будет стрелять в сторону бригады, а мы обещали не стрелять в сторону кишлаков.

На одной такой встрече мне довелось побеседовать с главой всех мечетей Афганистана, образованным человеком, знает восемь языков, учился одно время в Советском союзе. По мусульманским традициям – женщины не могут входить на мужскую половину. А для нашей переводчицы сделали исключение. Хотя на лицах некоторых старейшин читалась откровенная неприязнь, но против главы всех мечетей никто высказывать своего недовольства не стал.

Кроме всего прочего в задачу бригады входило обеспечение продуктами и боеприпасами крепости на границе с Пакистаном. Готовились основательно. Колонна из 50 машин выходила из Гардеза рано утром. И хотя до крепости было всего каких-то 350-400 км, это расстояние приходилось преодолевать за 3-4 дня. В один из таких дней колонна была обстреляна с противоположного склона из пещеры.

Подбили два головных автомобиля. Командир батальона вызвал меня по рации и приказал подготовить огневую точку. Дав целеуказание наводчику, был произведен пристрелочный выстрел, но снаряд словно отбросило назад из пещеры. Приглядевшись повнимательнее, заметил в глубине, что вход закрывает каменный блок, подождав некоторое время, усыпив бдительность душманов тем, что мы прекратили огонь, непрерывно наблюдал за пещерой. Заметив движение блока, отдал команду – стрельба на поражение цели. Два самоходных

миномета почти одновременно выстрелили. Снаряды точно прошли под блоком, раздался громкий страшный грохот, повалил черный дым. Все было кончено.

Впоследствии мы узнали от местных моджахедов (сотрудники госбезопасности), что было уничтожено зенитное орудие ЗУ-23 и склад боеприпасов. Меня и два экипажа представили к правительственным наградам.

Особо надо отметить, что хотя мы и находились вдали от Родины, однако все праздники и дни рождения праздновали как в Союзе. Запомнился мне день ракетных войск и артиллерии. Утром нас вызвал начальник артиллерии, поставил всем задачу, как только солнце зайдет, обработать плановые цели в горном районе, из которого по нам периодически велась стрельба. Примерно в 22.00 из всех стволов артсистем были выпущены осветительные снаряды, зависнув над горами, они освещали все как днем. Затем по команде все одновременно дали залп дымовыми снарядами. И только после этого беглый осколочно-фугасный.

Завершили эту симфонию установками «шилка» трассирующими боеприпасами и пулеметы «Утес». Грохот стоял такой, что казалось, вот-вот и скалы начнут крошиться. Затем все офицеры, не задействованные в карауле, и солдаты собрались в клубе (большом сборном металлическом модуле) и отмечали праздник - слушали концерт артистов, приехавших поздравить нас.

Бывало, что из-за нелетной погоды артисты по несколько дней находились в части, давали по три концерта, чтобы все, кто нес службу, могли посмотреть. Как ни трудна служба, а весточку домой отослать надо.

Нас предупреждали особенно не разглашать особенности службы, поэтому писал, что службу, по-прежнему, прохожу в Германии. Однако моего батю на мякине не проведешь, после полуторамесячного молчания он принялся звонить в ту часть в Германии, где я проходил службу. Ему дали № части в Афганистане, где я служил, и вот (я в этот день был дежурным по ЦБУ - центру боевого управления) меня вызвал к себе начальник политотдела бригады и дал трубку телефона. Каково же было мое удивление, когда я услышал голос моего отца. Не буду рассказывать, что он мне говорил, я краснел и бледнел. Досталось мне и от начальника политотдела. Отец,

правда, матери ничего не сказал, сохраняя мужскую солидарность.

Однажды при сопровождении колонны с боеприпасами и горючим из Кабула в Гардез, попали в засаду. Душманы из «зеленки» вели шквальный огонь, недалеко от нас работал снайпер, чтобы хоть на время огонь противника ослабить мы не жалели боеприпасов, помню, что за несколько минут я расстрелял семь «магазинов» из своего АК, который впоследствии пришлось сдать на склад из-за деформации ствола.

Впоследствии я узнал, что два военных водителя, к сожалению их имена и фамилии я не помню, тяжелораненые, у одного практическое было потеряно зрение, а второму пробило легкие, вывели свои бензовозы за зону обстрела.

Весной 1985 года нашу бригаду по тревоге перебросили в Кабул, а оттуда под Джелалабад в провинцию Боглан, которая граничила с Пакистаном. Моджахеды хотели отделить провинцию Боглан - сделать неподконтрольную территорию. Марш был тяжелым, усугубляла жара, которая днем в тени достигала 30-40 С, окунешься в речку и через пять минут сухой.

Больше месяца нам пришлось вытеснять моджахедов из провинции. За проявленное мужество и героизм многие были представлены к правительственным наградам, я также получил благодарность от Афганского Правительства.

Возвращаясь из Джелалабада, сделали остановку в 3-м батальоне населенного пункта Барани. И тут поступил приказ - прочесать район. Пропал офицер с секретными документами. Выдвинулись в обозначаемый район, начали поисковые действия. Меня назначили арткорректировщиком к командиру 4-й роты.

Поднявшись на одну из высот, сделали привал. Природа располагала к лирическому настроению, однако все вокруг было обманчиво; через мгновенье тишину разорвала автоматная очередь, хотя стреляли не прицельно и пули ушли по верху, мы втроем перемахнули камень, который был сзади нас. Чуть позже, когда все пробовали перепрыгнуть камень, высота которого была метра 2,5 - так ничего и не получилось! Стресс!

Много позже мы узнали, что в результате наших действий был предотвращен ввоз большого каравана оружия и боеприпасов в провинцию Бараки. Многие помнят, как трудно организовать быт практически в чистом поле, трудности с водой и продуктами, все это усугубляло и без того нервную обстановку. Чтобы хоть как-то сбросить стресс, по возможности в местах долгих остановок, устраивали импровизированную сауну. Грели камни, натягивали плащ-накидки и парились. Нет ничего лучше, чем после такой сауны плюхнуться в ледяную горную реку. То же самое можно сказать и про питание. Из тех продуктов, что нам выделяли, местные умельцы делали поистине незабываемые деликатесы, чего только стоит торт «Наполеон» из сгущенки и галет - шедевр кулинарии.

Служба когда-то неизменно приходит к своему логическому завершению. Вот и мне оставалось 2 месяца до замены, однако нормально возвратиться по замене не довелось. 31 декабря 1985 года во время сопровождения колонны и транспортирования новой секретной машины связи попали на управляемый фугас. Спасло только то, что сидел на броне и во время подрыва отбросило в сторону. Из всего экипажа остались вдвоем: я и механик-водитель. Долгое лечение по госпиталям и вот, наконец, опять в строй. На этот раз был переведен в Куйбышевский райвоенкомат города Москвы, где занимался призывом молодежи в СА. Круг замкнулся, отсюда я призвался в училище и, по иронии судьбы, вернулся в свой район, где закончил службу в 1993 года.

Вот уже много лет нет той страны, где мы служили Отечеству, но до сих пор все, кто живы, стараются встречаться 2 августа, в наш славный день Воздушно-десантных войск. Ведь Афган постоянно «болит» в наших душах и сердцах.

Декабрь 2008 года.

Ларионов Валерий Петрович

Нас осталось семеро

Я родился 17 июня 1963 года в городе Ипатово Ставропольского края. Русский, христианин, член партии «Единая Россия».

В 1980 году окончил среднюю школу № 6 в городе Ипатово. Я много занимался спортом (спортивной гимнастикой, футболом, баскетболом, ежедневно бегал по 3-6 километров, а в выходные дни на 22 километра – вырабатывал выносливость), готовил себя для службы в воздушно-десантных войсках (ВДВ), где мечтал проходить срочную службу.

В марте 1981 я и мои друзья пошли в военный комиссариат и попросили военкома направить нас на курсы парашютистов. Мы были направлены 17 марта в город Ставрополь на 10-ти дневные курсы парашютистов, где прошли теоретическую и практическую подготовку, после чего совершили три прыжка с парашютом. Всего на курсах вместе с нами со Ставропольского края было 65 человек. Впечатления были незабываемые! Надо было не только лететь на самолете (на котором я, да и мои товарищи, никогда не летали), но еще и прыгать с парашютом.

Срочную службу проходил в Демократической Республике Афганистан с мая 1982 по октябрь 1983 г.г., в должности заместителя командира взвода 3-й роты 1-го батальона 317-го полка 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии, в звании старшего сержанта.

О войне в Демократической республике Афганистан узнал в январе 1980 года, когда в отпуск приехал после ранения товарищ моего старшего брата (после взятия дворца Амина).

После школы пошел работать на станцию обслуживания автомобилей слесарем, чтобы помочь материально семье – матери и отцу. Поступать в высшее учебное заведение не стал принципиально, потому что считал сначала надо отслужить в армии, а затем все остальное.

В Вооруженные Силы СССР призвался осенью, в октябре 1981 года. Был направлен в 26-ю учебную воздушно-десантную дивизию, которая дислоцировалась в Прибалтике, Республике Литве, в местечке Гайжунай, недалеко от города Ионава. Город неплохой: двухэтажные дома, хорошие асфальтированные дороги. Часто ходили в военный патруль по городу. Любили заходить пообедать в городскую столовую, где очень вкусно кормили (на второе давали сосиски), мы ведь даже не знали, что это такое по тем временам. А что надо молодому солдату? Покушать хорошо и досыта.

С октября 1981 по апрель 1982 в течение 6 месяцев я проходил службу в учебной разведроте, где нас готовили на должность командира разведотделения – командира боевой машины десанта. Изучали разведдело, материальную часть боевой машины, ее вождение, проходили тактическую и огневую подготовку. Были прыжки с парашютом теперь уже с военно-транспортного самолета ИЛ-76, впечатления - очень запоминающиеся. Другими словами, готовили «универсальных» солдат.

В Прибалтике зима влажная и очень холодная, физические нагрузки наши были запредельные, часто приходилось совершать марш-броски по 12 км, такое расстояние было до полигона, где проходили стрельбы, как из стрелкового оружия, так и с боевых машин. Бежишь, а тут команда сержанта: «Вспышка справа, вспышка слева, газы, окопаться, вперед марш!» Сразу падаешь в снег, надеваешь противогаз, вскакиваешь и бежишь дальше. Разведподготовку проходили

часто и в ночное время, когда ребята с других рот спят, а мы играем в войну – разведдозоры, засады, поиск.

«Учебку» (курс молодого бойца) я закончил на отлично, сразу же присвоили звание сержанта. У нас как было: заканчиваешь с низкими отметками – присваивают воинское звание ефрейтора, удовлетворительно – младшего сержанта, а если на отлично, то сержанта. Руководство предложило мне остаться в «учебке», готовить новобранцев, но я отказался. Хотелось в войска, романтики. Было желание проверить свои силы, узнать на что способен. Выбор был, в каком подразделении проходить дальнейшую службу, в разные дивизии можно было получить направление – Тульскую, Псковскую, Болгородскую, Кировобадскую и т.д. Но так как мои земляки со Ставропольского края были направлены для прохождения службы в Витебскую дивизию, то я попросил командование роты направить меня вместе с ними. Мы уже знали, что служить придется в Демократической республике Афганистан, так как вся Витебская дивизия дислоцировалась там. Две недели – с 24 августа по 5 мая 1982 года я находился в самом городе Витебске, на базе Витебской дивизии ждали отправки в войска. Ежедневно в Афганистан направляли по 150 человек, дошла очередь и до нас, был зачитан приказ о дальнейшем прохождении службы в Демократической республике Афганистан для выполнения интернационального долга.

День первый

5 мая 1982 года, самолетом ТУ-154 я и мои товарищи были отправлены в Афганистан, в город Кабул. Летели через город Ашхабад, где была остановка и дозаправка, спали прямо на взлетной полосе, вылетели глубокой ночью.

Приземлились в Кабульском аэропорту утром 6 мая. Первые впечатления – было очень жарко, 6 часов утра, солнце было высоко. Мысль в голове: «Куда? Куда прилетел и зачем?» Не то, что бы было страшно, но было гнетущее состояние неизвестности. Увидел, как к трапу самолета подходили военнослужащие, которые уже закончили свою службу и должны были улетать в Союз: выгоревшие волосы, усы, некоторые с наградами (боевыми медалями и орденами), в парадной десантной форме и беретах.

Конечно же, мы с ребятами позавидовали им по-доброму, т.к. они уже отслужили, а нам только все это предстояло пройти. Нас автотранспортом доставили в специальный пункт, где распределили по подразделениям, а так как дивизионная разведрота была почти полностью укомплектованная, то из нас пятерых, моих земляков, в разведроту попал только Титоренко Александр (родился в селе Новозаведенном Георгиевского района). Нас распределили по строевым ротам этой же дивизии в 317-й полк. Прибыл в 1-й батальон, который находился, точнее, дислоцировался в здании бывшего Министерства финансов, в центре города Кабула.

Приехали к зданию, окон нет, везде колючая проволока, маскировочная сеть вокруг боевой техники и вокруг самого здания, выставлено боевое охранение из военнослужащих. Командование роты представило нас личному составу, я получил назначение командиром отделения одного из взводов роты. В этот же вечер началась подготовка к боевому выходу.

Ранним утром 7 мая на боевых машинах выдвинулись в провинцию Пагман, где по данным разведки в тюрьме одного из кишлаков этой провинции находятся русские военнопленные. Утром бронетанковой колонной вошли в кишлак. Проходя через кишлак, головная и хвостовая машины нашей бронетанковой колоны подорвались на минах, как установили потом, итальянского производства.

Колонна была заблокирована между стен в кишлаке, поступила команда «к машине», взяли снаряжение, проверили личный состав. Пришлось выдвигаться пешим порядком в намеченный район. Весовая нагрузка была очень значительная – приходилось на себе нести бронежилет, каску, автомат, боеприпасы – патроны, гранаты, пиротехнику, дополнительное снаряжение и сухой паек который обычно выдавался на 3-5 дней.

Также несли боеприпасы дополнительно: если придавались взводу расчеты автоматического гранатомета и минометa, значит, приходилось на себе нести или ленту с гранатами (больше 10 кг веса) или же 2-4 мины. Нагрузка не менее 40 кг.

Где-то часов в 10 утра после блокирования кишлака и проведенной зачистки домов, мы закрепились в одной из крепостей. У афганцев здания и стены (1-1,5 метра толщиной)

ограждения выстроены из глины, что-то вроде крепости с высокими воротами, просто так не войти. Там мы закрепились, выставили боевое охранение. Метрах в пятидесяти от крепости проходило высохшее русло реки, поэтому боевое охранение было выставлено через эту речку (противоположный берег обрывистый) в роще.

Самое удивительное, что это была березовая роща. Просто никогда не думал, что там могут расти березы! Пообедали с ребятами, после этого небольшой отдых, чтобы в дальнейшем сменить своих боевых товарищей в охранении. В этот момент мы услышали стрельбу и крики в роще. После чего начался обстрел со стороны рощи по нам, от нас - в сторону стрелявших. На тот момент мы еще не знали, что произошло.

А произошло следующее: на наше боевое охранение наткнулись душманы, которые передвигались через овраг к пересохшему руслу реки. Завязалась перестрелка. Один военнослужащий получил ранение в голову, другой успел спрыгнуть с обрывистого склона (что его и спасло), на котором они находились с напарником, с криком: «Боярищева убили».

В этот день Боярищеву исполнилось 20 лет. Бой продолжался минут 20 – 30, после того, как перестрелка закончилась, мы выдвинулись в район березовой рощи через пересохшее русло реки. Увидели лежащего Боярищева, тяжело раненного в голову, вызвали вертолет и отправили его в госпиталь, потом по рации нам сообщили, что при перелете он скончался. Была какая-то растерянность и непонимание того, что произошло: зачем, почему, кому это надо.

Это были мои впечатления первого дня войны. Когда говорят, что не страшно… Все бывает страшно, особенно, когда в первый раз. Первый мой выход, смерть боевого товарища, хотя я его и не успел узнать, познакомиться – это, конечно, очень трагично. Вот с этого начался мой первый день нахождения в Афганистане.

За отвагу

В дальнейшем были многочисленные боевые выходы, потери боевых товарищей и медленно тянувшееся время до далекого дня увольнения в запас и встречи с родными. Самые короткие боевые выходы были в течение 3-5 дней в такие

провинции как Пагман, Бамиан, Герат и т.д.. Самые длинные и долгие боевые выходы от 30 до 45 дней - в провинцию Паннджер, находящуюся в горной местности с многочисленными ущельями в сторону Пакистана, где неоднократно проводились боевые операции в составе армии. Нашей дивизии приходилось взаимодействовать постоянно и с армейскими подразделениями.

Самая первая боевая операция в провинции Паннджер проводилась с 19 мая до 15 июня 1982 года. Войсковые подразделения на боевых машинах сразу не могли войти в само ущелье Панджшер, так как все дороги и мосты были заминированы душманами. Поэтому с Кабула нас на военно-транспортных вертолетах МИ-26 по роте перебросили в провинцию Баграм на аэродром. Оттуда на МИ-8 перебросили в само ущелье Панджшер. Сначала высадилась дивизионная разведрота, которая заняла плацдарм. После чего высадили нас в устье реки.

Как такового приземления вертолета не было: вертолет зависал на высоте 2 метра, мы выпрыгивали и сразу занимали круговую оборону. Вертолеты заходили на выброску один за другим. Вертолетов 20, наверное, а может и больше. Закрепились в кишлаке, утром была дана команда – осуществить марш-бросок в пределах 60 км вглубь ущелья, ближе к Пакистану, пешим ходом, т.к. боевых машин не было.

Пришлось на себе нести боеприпасы, питание, а также приданным расчетам минометчиков – мины, автоматическим гранатометчикам – ленты с гранатами, все на себе. В процессе перехода мы неоднократно были обстреляны, убитых не было, раненые были, обычно все это происходило ближе к вечеру.

Таких переходов было несколько по ущелью, где-то в течение 5 дней. После чего дополнительно пришлось проверять все отводы - ущелья от основного ущелья - делать зачистку кишлаков, проверять пещеры на наличие складов боеприпасов и провизии, которые в горах скрывали и готовили для себя душманы.

Где-то числа 24 мая 1982 года подошли к очень большому ответвлению (ущелью) от основного ущелья вправо. Поступила команда занять вершину хребта, начали подъем, высота около 3 000 метров, жара невыносимая под 50. Пока поднимались, было несколько привалов, добрались до

вершины, закрепились. Через некоторое время к нам подошла другая рота. Нам поступила команда спускаться вниз. Спустились, пополнили запасы воды, которая закончилась еще при подъеме на вершину хребта.

Время было уже ближе к вечеру, снова распоряжение командования начать подъем, теперь на высоту хребта ущелья с левой стороны, начали восхождение. Где-то на отметке высоты 1 000 метров с вершины хребта начали нас обстреливать душманы со всех видов оружия, были убитые, ранения получили несколько человек, в том числе командир 3-го взвода лейтенант Чурбаков (был ранен в ногу).

Пришлось в спешном порядке окапываться, создавать оборонительные сооружения. Бой продолжался больше часа, стемнело, попытались дальше двигаться вверх, но были также обстреляны еще несколько раз. Руководство приняло решение закрепиться всему личному составу на ночь на занятых рубежах на отметке 2 000 метров, сама высота где-то около 4 000 метров.

В горах обычно в ночное время становиться прохладно: горы ночью остывают, тепло отдают быстро. В эту же ночь нам не повезло еще больше: пошел дождь, который продолжался до утра. Спрятаться было негде, сверху накрылись плащ-палатками, а сами сидели на земле в лужах, зуб на зуб не попадал, здорово колотило от холода.

Наступило долгожданное утро, от тепла солнца с земли шел пар, пробовали отогреться и отоспаться на солнце, так как ночью никто не сомкнул глаз. Ближе к полудню попробовали начать продвижение дальше вверх, опять начался обстрел со стороны душманов в нашу сторону, мы - по ним. Перестрелка продолжалась полчаса. Вызвали вертолеты, начался обстрел вершины вертолетами по душманам.

Когда вертолеты улетели, и мы попытались дальше продолжить движение, по нам опять начали стрелять сверху. Так продолжалось несколько раз, до темноты. За этот период времени пришлось вниз спускать убитых, раненых, больных. Количество личного состава уменьшилось на 1/3, закончилась вода. Высоту мы, конечно, взяли, что по времени заняло 3 дня. Закрепились на высоте, поступила команда вести наблюдение на все 360 градусов. После взятия нами высоты по ущелью начала продвижение еще одна рота.

Обычно одна рота делала зачистку по ущелью, а две других роты шли справа или слева по хребтам гор для огневой поддержки. В поддержку вызывались так же вертолеты, авиация и горная артиллерия.

На высоте мы находились уже 2 дня, утром третьего дня часов в 6-7 началась бомбардировка нашей авиацией ущелья, где было сильное сопротивление со стороны душманов. Несколько самолетов отбомбились нормально и ушли, а третий самолет, отбомбившись, начал подниматься вверх над хребтом высоты, где мы находились. Затем резко пошел вниз в ущелье с левой стороны от нас. Мы ждали, что летчик катапультируется, но этого не произошло. Самолет упал в ущелье и взорвался, осталось лишь рыжее пятно.

О крушении самолета доложили ротному, а тот - в штаб батальона. Поступила команда выдвинуться к месту падения самолета, попробовали начать спуск на другую сторону хребта, но уперлись в обрыв высотой метров пятьсот, при спуске у командира 1-го взвода произошел инфаркт сердца, пришлось подниматься обратно на высоту и нести командира взвода, который самостоятельно не мог передвигаться.

Поднялись на высоту, доложили в штаб батальона, что не смогли пройти к месту падения самолета и что в тяжелом состоянии находится командир взвода. Поступила нам команда, находится на высоте, закрепиться, где были, прикрывать роту, которая пойдет по ущелью к месту падения самолета, взводного доставить в штаб батальона. Нас осталось еще меньше.

Пока ждали, когда рота выйдет из нашего ущелья и подойдет к месту, где упал самолет, а затем выйдет из ущелья, прошло 3 суток. Если еда кое-какая еще была, то воды у нас уже не было больше 2 суток. Жажда постоянно не давала покоя, сверху смотришь вниз на речку, где много воды, а попить не можешь, только мечтаешь о том, что спустишься и будешь пить, пить, пить…

За время пока рота в ущелье шла к месту падения самолета, к этому месту с гор каждую ночь спускались душманы, это было видно по огонькам. Когда рота прибыла к месту падения самолета, где были найдены останки летчика и некоторое оборудование с самолета, нам поступила команда от штаба батальона спускаться вниз, после чего мы начали спуск.

Когда вышли к речке, все кинулись к воде долго, много и жадно пили.

У речки ко мне подошел военнослужащий и задал вопрос: «Ты не Ларионов из г. Ипатово?»

Я говорю: «Да».

А он: «А я - Ковтун Саша, тоже из Ипатово».

Вот так я встретился со своим земляком всего-то около 40 километров от Пакистана, в каком-то ущелье Панджшер. Вот такой сюрприз мне преподнесла судьба, если бы кто-то на гражданке сказал, что такая встреча возможна, никогда не поверил бы.

За участие в боевой операции в провинции Панджшер и взятие вышеуказанной высоты, был награжден медалью «За отвагу» в июне 1982 года. В сентябре 1982 года медаль мне вручали, как и моим боевым товарищам, которые отличились, участвуя в этой операции, и были награждены боевыми наградами. Когда вручали медаль, то слезы непроизвольно нахлынули на глаза, не мог сдержаться, как и другие ребята, слишком дорога мне эта награда.

В течение месяца первая боевая операция в провинции Панджшер была завершена, и мы были выведены к месту постоянной дислокации в г. Кабул. В ущелье были оставлены боевые армейские подразделения нашей армии и войска народной армии Афганистана для постоянной дислокации.

От военнослужащих из других стран до нас дошла информация, о том, что в провинцию Панджшер никто не входил и не мог взять, т.к. в начале прошлого века, как нам сказали, при входе в ущелье был разбит экспедиционный корпус англичан численностью до 2 000 человек.

В то время правителем в ущелье (провинции Панджшер) был Шах Масуд, который зарекомендовал себя как хороший организатор банд-формирований душманов.

Прибыв к месту дислокации в г. Кабул, начали приводить себя в порядок. Отдохнули дня два, затем 17 июня 1982 года поступила команда руководства полка выдвинуться в район провинции Бамиан, где в кишлаке находятся душманы. Выдвинулись, закрепились на возвышенности рядом с кишлаком, другие подразделения начали зачистку кишлака. Сначала все шло довольно-таки спокойно.

В этот день мне исполнилось 19 лет, подошли ребята из других групп нашего взвода и поздравили с днем рождения, отметили сгущенным молоком с черными сухарями, которые нам выдали перед выходом.

Во второй половине дня началась перестрелка в кишлаке. Прилетели пять вертолетов, начали по кругу летать, обстреливая кишлак, затем неожиданно произошла вспышка на одном из вертолетов, он начал падать вниз и, упав, взорвался. Произошел взрыв и падение второго вертолета, а затем взрыв и падение третьего вертолета, все так быстро произошло, что никак не хотелось верить. Остальные два вертолета немного покружились над местами падения вертолетов, выискивая тех, кто остался из пилотов в живых и, не найдя никого, улетели. После чего по кишлаку начала работать интенсивно артиллерия. Начало темнеть, прошла ночь и только утром поступила команда на зачистку кишлака, кишлак был взять, но с какими потерями.

Такой случай был, назначили наш взвод осуществлять боевое охранение штаба полка во время проведения боевой операции по освобождению наших военнослужащих в провинции Герат. Поступила команда начальника штаба полка выдвинутся в район расположения склада боеприпасов и продовольствия, спрятанного душманами, взяв афганца – жителя этой провинции, который будет нас сопровождать и показывать дорогу.

Передвигались на трех БТРах, двух БМП и впереди двигался на некотором отдалении тягач на базе танка, у которого впереди, метрах в трех, катились стальные катки, которые служат для разминирования дорог. Каток наезжает на мину, она взрывается. Наш БТР двигался предпоследним. Я ничего не понял, почувствовал только, как отрываюсь от башни и лечу вверх, подлетел метра на полтора и упал на десантный люк, больно ударившись животом, так, что сперло дыхание. Затем услышал грохот взрыва и с БТРа повалил черный дым, в ушах стоит звон, мысль одна «быстрей покинуть БТР».

Спрыгнул, затем кто-то крикнул: «механик-водитель ранен, нужно вытаскивать», бросился обратно на БТР с кем-то из ребят, и вытащили на обочину. Сделали перевязку

водителю (у него была раздроблена нога) и сделали укол обезболивающего средства.

Обследовав БТР, обнаружили, что отсутствует левое переднее колесо, которое взрывом разорвало на мелкие стальные куски, поврежден корпус БТРа со стороны водителя. Всех спасло то, что мы ехали на броне сверху, а не внутри, иначе были бы потери среди личного состава, но контужены были все. Склад мы не нашли, оказалось, что афганец специально вывел нас на заминированную дорогу. После этого мы передали его особистам (ХАД) народной армии Афганистана.

Был еще пренеприятнейший случай перед началом боевой операции в Панджшере. Колонной (танки, бронетранспортеры, артиллерия, автотранспорт) выдвинулись с Кабула в сторону ущелья Панджшер, дойдя до провинции Чирикар, которая тянется на многие десятки километров, были обстреляны со стороны зеленки (так мы называет кишлаки с большим количеством деревьев), которая тянется вдоль дороги. В ответ нашей артиллерией огонь был подавлен. Остановились недалеко от трассы на ночлег в составе батальона.

Ночью слышались перестрелки в районе кишлака, а утром узнали, что погибли двое военнослужащих, третий остался жив, который и сообщил, что произошло с ними. Вечером военнослужащие вошли в кишлак втроем, где наткнулись на душманов, завязалась перестрелка, двое сразу погибли, а третьему удалось уйти. Встал вопрос, как найти тела погибших военнослужащих, если войти в сам кишлак начнется перестрелка, а это бой, сорвется запланированная операция в Панджшере. Пришлось нашему командованию обращаться к руководству народной армии Афганистана, за помощью и только через переодетых в гражданскую одежду военнослужащих афганцев были найдены тела погибших военнослужащих и вынесены к месту нашей дислокации.

До этого проводились боевые операции в провинции Чирикар в 1980 и 1981 годах, но должного результата не принесли, в этот период с нашей роты погибло 5 человек, в том числе заместитель командира взвода (фамилию не помню).

И один в поле воин

С 20 августа и по 14 сентября 1982 года была проведена вторая операция в Панджшере, где не то что не уменьшилось боевое сопротивление со стороны душманов, но еще и усилилось. Шах Масуд держался за провинцию Панджшер еще и потому, что там добывались алмазы, которыми расплачивались за оружие с Пакистаном.

Входили в ущелье бронетанковой колонной, так как саперами все дороги и мосты были разминированы, продвинулись сразу километров на 30. По дороге было несколько подрывов военнослужащих на противопехотных минах, которые сошли на обочину по нужде.

Поступила команда спешиться, и занять высоту с левой стороны ущелья. Поднялись легко даже на высоту 3 800 метров, другая рота заняла противоположный хребет и еще одна рота начала продвижение по ущелью. Дали команду продвигаться по горному хребту, прикрывая роту в ущелье.

Начали движение. Километра через 3-4 были обстреляны, открыли ответный огонь, но никто не пострадал. Перестрелка продолжалась минут 10. Когда стрельба прекратилась, с противоположной стороны, с которой по нам стреляли, какие-то люди начали размахивать белой материей и что-то кричать на афганском языке. Мы пошли к ним навстречу, страшно было, а вдруг опять стрелять начнут.

Подойдя ближе, мы увидели, что это военнослужащие афганцы в форме народной армии Афганистана. Начались с ними переговоры, где они утверждали, что не стреляли по нам, но при проверке их оружия было установлено, что из оружия только что стреляли. Установить их личности не представлялось возможным, изъяли у них оружие.

Двинулись дальше по хребту, конвоируя афганцев. Километров через 10 встретили наших военнослужащих, армейский разведбат группа «Агат». От них узнали, что километра 2 дальше по хребту они попали в засаду душманов. Из восемнадцати человек осталось пять, остальные раненые и убитые, которых уже спустили в ущелье, и было необходимо несколько раненых еще сопроводить. Наши задержанные афганцы и их оружие были переданы группе «Агат», чтобы те передали для установления их личностей руководству народной армии Афганистана.

Выйдя на площадку, где произошла трагедия с группой «Агат», мы увидели, что везде разбросано множество гильз, пробитые панамы, фляжки, одежда в крови. В одном из укреплений был найден труп душмана, от которого мы в дальнейшем избавились.

В течение двух суток мы находились на этой площадке и прикрывали роту в ущелье, которая делала зачистку последнего оставшегося кишлака. Два раза были обстреляны из крупнокалиберных пулеметов с противоположного хребта. Утром третьего дня, как раз выпала смена дежурить мне, время было где-то часов 6, я увидел, как с левой стороны противоположного хребта несколько душманов возводят из камней укрепления. Сказал об этом замкомвзводу Марченко, тот - Порядину, командиру отделения. У него была винтовка, Порядин выстрелил, но не попал. Пришлось при помощи гранатомета подавить данную точку.

Днем поступила команда спускаться вниз ущелья, вышли к месту дислокации батальона. Прилетели вертолеты, привези боеприпасы, продукты и долгожданную почту. Снова поступила команда «вперед», на этот раз уходим в правое ущелье от основного. Пройдя километров 7, отделение, которое идет на некотором отдалении впереди, попадает в засаду, устроенную душманами. Обстреливают со стороны кукурузного поля.

Вечерело. При обстреле со стороны душманов сразу погибли четыре человека из дозорного отделения. Мы поднялись на вершину метров на 100, закрепились, начинаем стрелять в сторону кукурузного поля, в сторону душманов, чтобы отвлечь внимание от ребят из дозорного отделения. Бой идет минут сорок, убитых и раненых из дозорного отделения вынести не удается, командование батальона принимает решение ждать, пока стемнеет полностью.

При обстреле загораются несколько складированных стогов сена. Становится светло, как днем, перестрелка начинается еще сильней. Как только сгорают стога сена, поступает команда нашему взводу обойти душманов с правой стороны. Стрельба не прекращается: то вспыхивает, то затихает. Время около 10 вечера.

Вошли в кишлак, и, выбрав самый высокий дом, закрепились в нем. В доме были мешки с зерном и кишмишом,

вытаскиваем их на крышу дома, (крыша плоская, не такая как в России делают). Выкладываем из мешков бруствер и бойницы для стрельбы. Поступает команда командира взвода приготовить боеприпасы и гранаты. Выстреливаем по два магазина. Только прекратили стрельбу, начинают обстреливать нас. Голову не поднять. Хорошо, что не с минометов. Так стреляем несколько раз по два магазина, темнота - вокруг ничего не видно.

Патронов осталось мало, у каждого рожков (в рожке 30 патронов) по пять к автомату и по две - три гранаты, гранаты держим постоянно при себе на крайний случай. Второй час ночи. Из разговора командира взвода Манцветова с командиром роты по рации узнаем, что всех раненых и убитых вынесли из под обстрела. Рота отходит назад к месту прежней дислокации, на перекресток ущелий.

Начинаем понимать, что нас осталось семеро в этом ущелье в кишлаке. В душе нескрываемое беспокойство - ведь может произойти все. Манцветов скомандовал не спать, закрепиться по два человека на каждом этаже и крыше, занять круговую оборону. В случае боя стрелять короткими очередями по два - три патрона, беречь патроны. Помощи ждать до утра неоткуда. У меня автомат с прибором ночного видения (положено по штату заместителю командира взвода), постоянно осматриваю окрестности вокруг, чтобы не обошли и не окружили душманы наш дом (были случаи, что душманы закладывали взрывчатку, подрывали дом, после чего добивали контуженных после взрыва наших военнослужащих).

Несколько раз видел передвижение душманов, которые уходили мимо нас в горы, докладывал командиру взвода, после чего мы открывали огонь по ним. Ответный обстрел по нам не был таким активным, потому что душманы спешили уйти в горы подальше до начала рассвета. Утром, как только рассвело, в кишлак вошел мотострелковый батальон пехоты нашей 40-й армии.

Пехотинцы подошли к нашему дому, войти в дом они не могли, так как изнутри мы забаррикадировали входные двери мешками с зерном. Подошел к окну наш командир взвода Манцветов, представился командованию пехотинцев, сказав, что произошло вчера и ночью, и что нас всего семь человек, и мы из Витебской воздушно-десантной дивизии.

Командование и сами пехотинцы долго удивлялись, что нас всего семь, но мы вели бой самостоятельно в глубине ущелья. Оказывается, они ночью были на противоположной части ущелья на хребте, видели наш затянувшийся бой, но сами побоялись вступать в бой - не стали испытывать судьбу.

Освободив входные двери от мешков, мы передали пехоте наши позиции, а сами выдвинулись к месту дислокации роты к перекрестку ущелий. После окончания операции в Панджшере были направлены к месту постоянной дислокации нашей роты в составе полка.

Прибыли к месту постоянной дислокации часов в 14. Как обычно: санобработка обмундирования, чистка оружия, обед. Только расслабились, поступила команда 30 минут на сборы и выдвигаемся на помощь армейскому разведбату, который попал в засаду душманов в горах провинции Полихумри, имеются убитые и раненые.

Сначала ехали на своей бронетехнике (БМД, БТРах), затем пересадили нас на танки. Ближе к горам, где круче подъем, пересадили нас на боевые машины пехоты (БМП). Прибыв на место перед подъемом в горы, спешились. Увидели следующее: на земле лежат военнослужащие, убитых 9 человек и раненых 5. В основном ранения в голову. Как нам сказали, работают снайперы.

При разговоре с командованием разведбата было установлено, что они ночью поднимались в горы, чтобы выйти в намеченный район поиска душманов, но на тропе, по которой передвигались, столкнулись с душманами, которые спускались с гор в сторону ближайшего кишлака, завязалась перестрелка. Несколько военнослужащих не могли выйти из окружения, после чего они запросили у командования нашей помощи.

Несколько раз пытались прорваться к месту окруженных разведчиков, но безуспешно, сразу попадали под шквал пуль душманов. Вызвали авиацию, вертолеты, которые начали обстреливать верхушку хребта, где закрепились душманы. Все это продолжалось неоднократно. Усложняло то, что мы находились на близком расстоянии от душманов, поэтому как авиация, так и вертолеты не могли использовать при обстреле более мощное вооружение, чтобы не пострадали мы.

Все же задача, поставленная нам, была выполнена, все военнослужащие разведбата под нашим прикрытием вышли из-под обстрела, а также были вынесены убитые и раненые, после чего их направили в госпиталь. Разведчики благодарили нас за оказанную им помощь. После окончания боевой операции мы выдвинулись к месту дислокации.

В самом Афганистане моя служба проходила с мая 1982 года по октябрь 1983 года, то есть 1,5 года. Как мне, так и тем ребятам, которые весной прибыли для прохождения службы в Афганистан, пришлось 2 лета участвовать в боевых операциях. Конечно, сложно и трудно. Психологическая нагрузка очень большая.

В основном все операции проходили в летний период времени. Зимой нас размещали по кишлакам, ближе к горам вокруг Кабула, создавая цепь боевых точек, сооружений и заграждений для того, чтобы в зимнее время, со стороны гор душманы не прошли в сам Кабул и другие, особо значимые города, поселки, кишлаки. Осуществляли боевые разведвыходы ночью для установления дозоров, засад на дорогах.

Зима обычно занимает небольшой период времени - скоротечная, снежная, мягкая, сырая и холодная.

В свободное время слушали музыку, вспоминали о родственниках, которые в то время находились на «большой земле», как мы ее называли. Некоторые ребята сочиняли стихи и придумывали к ним музыку. Песни были как грустные, так и веселые. Одна и сейчас есть в репертуаре некоторых групп, таких как «Каскад», «Голубые береты».

Как у нас в уезде Чиквардак
Среди женщин шумный кавардак:
Из Кабула к нам пришел отряд,
Под названьем кодовым «Каскад».

Каскадеров я пошла смотреть
И стояла, спрятавшись за мечеть.
Вдруг смотрю: ко мне идет один
Синеглазый молодой блондин.

Как взглянула я на «шурави»,
Так в душе запели соловьи.

Позабыла стыд и шариат.
Говорю, пойдем со мной, солдат,
Спать с собою рядом положу
И, конечно, сброшу паранджу.

«Шурави» смеется - не зови,
Наш начальник, хитрый муживер,
Отправляет спать нас в БТР.

Глупый неразумный «шурави»,
Ты минуты радости лови,
Знаю я, в горах сидит душман,
Против русских точит ятаган.

«Шурави» смеется - не пугай,
Всех душманов мы отправим в рай,
На земле Афганской будет мир,
Вот тогда с тобой устроим пир.

Пролетели дни как листопад,
И ушел в Кабул отряд «Каскад»,
А я все сгораю от любви,
Где ты, синеглазый «шурави».

Уволился из армии 22 октября 1983 года, после чего сразу прибыл в свой родной город Ипатово, Ставропольского края на постоянное место жительство.

На гражданке после окончания службы пошел работать водителем. В 1984 году женился. В 1985 родился сын. Проработал до 1987 года. После чего уехал в Республику Якутию для работы на строительстве ГЭС в Заполярье недалеко от п. Батагай, но остановился в г. Якутске. Город очень понравился, остался для дальнейшего местожительства.

С 1987-1995 работал на гражданском автотранспортном предприятии водителем, после чего перешел на службу в органы внутренних дел - в Якутский филиал юридического института МВД России. Закончил заочно юридический институт МВД России в 2000 году, получил высшее юридическое образование. В 2001 г. был переведен на должность заместителя командира отряда милиции особого назначения Республики Саха (Якутия).

С января по апрель 2002 г. находился в служебной командировке в Чеченской Республике, выполняя боевые задачи по поддержанию конституционного строя. Был награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка». В декабре 2002 г. был переведен в ГУВД по г. Москве для дальнейшего прохождения службы в должности участкового уполномоченного милиции отдела внутренних дел Басманного района УВД по центральному административному округу г. Москвы. В феврале 2003 г. родилась дочь.

В октябре 2007 г. переведен в Центральный аппарат МВД России, где в настоящее время и прохожу дальнейшую службу. В настоящее время я подполковник милиции, сотрудник аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ежегодно, во время очередного отпуска, всегда заезжаю к сослуживцам в Ставрополье, вспоминаем время нашей молодости.

Декабрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Сетдекова Юлия Сергеевна,*** *студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Мазур Владимир Михайлович

Теперь охота обратилась дуэлью

Родился я 3 августа 1964 года в селе Михайловка Винницкой области Украины.

Впервые я взял гитару в руки в девятом классе. Хватило трех аккордов, чтобы навсегда увлечься музыкой. В родной Михайловке, что под Винницей, стал участником вокально-инструментального ансамбля «Юность».

После окончания школы был Киевский электромеханический техникум железнодорожного транспорта, в котором помимо учебы всегда хватало времени заглянуть в актовый зал, чтобы поиграть на гитаре. Вскоре предстояло уходить в армию. Меня, как и было в те времена принято в украинских селах, на ратную службу Родине провожали «всем миром». За столами, накрытыми на чистом воздухе, уместилось 450 человек. Попробуй после этого подведи односельчан! Тем более, мое родное село всегда славилось сильными традициями защитников родной земли.

Брат, когда усаживал в поезд, передал мне старенькую гитару. «Возьми, пригодится, - сказал он, - с песней жить веселей!» Та гитара прошла со мной «учебку», а затем Афганистан.

Попал служить в Пограничные войска. Несколько месяцев провел в учебном подразделении Пянджского пограничного отряда, а потом в феврале 1983 г. был направлен в Афганистан в в/ч 2033 «МР», ММГ-1, г. Рустак.

Служить пришлось в мотоманевренной группе на отдаленной «точке» в 100 км от границы родной страны. Когда я прибыл на «точку», увидел только возвышающийся над местностью флаг СССР. Остальное все было в землянках, впечатление не из приятных. Но ничего, со временем сами построили заставу, обжились. Об этом я в 1983 году сочинил шутливую песню «Кирпичики из Рустака»:

Мы нашу службу приукрашивать не станем,
Вы всё равно нам не поверите сперва,
Но тот, кто жил, и кто служил в Афганистане,
Не даст соврать и подтвердит мои слова.
Конкретно скажем, кто служил в Рустакских горах,
Где днём и ночью бродят басмачи,
От них узнали мы не так уж мало горя,
Но нас изматывали наши кирпичи.
Припев:
Попробуйте наш фирменный кирпич из Рустака
На прочность, на изгиб, на растяжение,
Он выдержит любые испытанья, без сомненья -
Непробиваем даже с ДШК.
Тахорская провинция не так уж велика,
Она не производит стройпродукцию,
Да здравствует кирпичный наш завод из Рустака!
Он славится на целую провинцию.
Мы просыпаемся чуть свет ещё с утра,
Замес готов, его мы с вечера мешаем.
Кирпичных дел мы все большие мастера,
Мы на работу, как на праздник, выбегаем.
Для этих дел нам нужен ящик из-под патронов,
Его положим с криком: «Зёма, замочи!»
Нам насыпают строго двадцать килограммов,
И мы на скорости штампуем кирпичи.
Припев:
Кому же нужен наш неведомый секрет,
Пусть покупает наш патент на производство,

Мы можем выслать вам и письменный ответ,
Но это требует финансовые средства.
А лучше было бы, чтоб прибыли вы сами,
Коль у вас к кирпичикам особый интерес,
Но знайте, мы мешаем босыми ногами.
А коль обутыми, не тот уже замес.

Песня там скрашивала суровые будни, помогала ненадолго забыть о войне. Особенно, когда группы возвращались с боевых заданий. Песня помогала и высказаться о том, что накипело в душе. Когда впервые в Афганистане я исполнил песню «Тревога», боевые побратимы говорили мне: «После нее не страшно и умирать»:

"Тревога, тревога!" - звучит там и тут.
Готовность всего только десять минут.
Десантная группа готова на взлет,
И вот в облаках закружил вертолет.
Не каждый из нас возвратится домой,
Ведь там все спокойно, а здесь - скоро в бой.
И сердце, как колокол, снова стучит,
Останусь живой или буду убит.
Такое случается часто у нас,
Но каждый из нас выполняет приказ,
И в этих горах мы с тобою не зря:
Здесь наша Россия, здесь наша земля!
Мгновенная высадка снова в горах,
В камнях по ущельям скрывается враг.
Рука передернула где-то затвор,
И следуют выстрелы прямо в упор.
Нам в спину засада открыла огонь,
Кто будет живой - это выяснит бой,
А пули везде и повсюду свистят,
Держись и крепись, друг, братишка, солдат!
Такое случается часто у нас,
Но каждый из нас выполняет приказ.
И в этих горах мы с тобою не зря:
Здесь наша Россия, здесь наша земля!
А дома не знают и даже о том,
Что каждый живет здесь сегодняшним днем,

Никто не гадает, что ждет впереди,
И что принесут нам грядущие дни.
Нам трудно понять, но нас ждет только мать,
Другие не могут так преданно ждать,
И мы ожиданием этим живем,
Мы верим в удачу и ночью, и днем.
Я верю, когда-то наступит черед,
Я знаю, за мной прилетит вертолет,
Меня он поднимет над «точкою» ввысь,
Я с ней попрощаюсь теперь на всю жизнь.
Когда на гитару сменю автомат,
Не раз я спою про надежных ребят,
Кто вместе со мною на службе стоял,
С кем радость и горе делил пополам.
Кто не был в горах, тот не сможет понять,
Что значит оттуда вернуться опять,
Ты вновь на гражданке родишься на свет,
Но службу запомнишь на тысячу лет.

1982-2007гг.

Впрочем, афганская тема появилась в моем творчестве еще раньше. В Пяндже, в учебной части, я знал, что нас готовят в ДРА. «Зеленая фуражка», «Защитный цвет» эти песни появились ещё в Таджикистане. Гитара, подаренная братом, прошла со мной все трудности военной службы. А на «дембель» пограничники подарили мне новую гитару с надписью на фарси: «Смерть душманам!» Она до сих пор хранится в родной Михайловке.

Вызывая огонь на себя

Теплым весенним деньком, который не предвещал ничего дурного, наша минометная батарея мотоманевренной группы, отстроивших укрепрайон под Рустаком, привычно отправились сопровождать колонну. Взгляд отметил, как буйно цветут маки, от нежно-красного цвета просто рябило в глазах. В стеблях и капиллярах бродила живительная сила весны, и от этого еще острее хотелось домой.

Пастораль, точно взрывом, сдуло командирское: «К бою!». Команда прозвучала почти одновременно со шквальным огнем, обрушившимся с гор. Видимо разведка,

отвечающая за господствующие высоты, оплошала и пропустила духов, слившихся с родными скалами. И здесь уже живучесть доверенной колонны, людей, техники зависела от того, кто успеет первым. Опередит в перестрелке, в подавлении огневой мощи противника, а минометная батарея в этом оркестре - первая скрипка.

Исход боя решали мгновения. Потому-то везучий отчаянный комбат, спасший не одну колонну, и развернул свой дальномер рядом с боевой машиной, почти на голой площадке. Стоял в полный рост, веселый, злой, даже видом добавляя уверенности и прыти своим бывалым питомцам. Ответа духи ждали недолго. Теперь охота обратилась дуэлью. А это уже совсем другое дело. Везение, а скорее, и опыт оказались на нашей стороне. Напор убежденного в безнаказанности бандформирования стал терять силу. Чувствовалось: духи несут потери. Вот тут-то они и сосредоточили огонь на минометной батарее шурави. Но время было упущено, колонна из-под обстрела ушла. Боевая задача выполнена.

В тот день погиб старший лейтенант Талашов, двадцатипятилетний боевой офицер, и еще два минометчика-украинца - Сергей Ямка и Вася Костенко, многие пограничники получили ранения. В их числе и я. Осколки мины, которые хирург вытащил из моего тела, я храню в дембельском альбоме.

Вообще-то свидетельства о том, что в Афганистане воевали погранцы, перевозить через границу, строго запрещалось: тогда тема носила гриф «совершенно секретно». Но у таможни рука не поднялась конфисковать у меня этот самый дембельский альбом с фотографиями, кассету любимых песен, написанных мною, и гитару.

Гитару сослуживцы «демобилизовали» на Родину как видавшую виды дорогую боевую подругу. А. еще я вынес из ДРА свой главный жизненный принцип, которому научился у погибшего командира: в решительные моменты выходить на линию огня и брать ответственность на себя. С момента боя, который окрасил в траурный цвет 7 мая 1984 года, минуло четверть века.

Встреча с родными

Домой я приехал сюрпризом. На станции меня узнала наша соседка, которая сразу позвонила моим родителям и сказала: «Оля, что же ты не встречаешь своего сына?» «Кого Сашу, Васю? (это мои братья)», - последовал вопрос. «Да нет, Володя вернулся!» - сказала соседка.

Мои родители как были одеты (а это был снежный ноябрь), так и выбежали мне навстречу в домашних тапочках. И на пол дороги от станции до дома я увидел двух самых родных человека, которые ждали меня как никто другой в этой жизни. Я никогда не забуду этих объятий, у меня с головы падает зелёная фуражка, на которую ложиться снег, и в этот момент понимаешь, что всё самое страшное позади. Каждый раз, вспоминая эту долгожданную встречу с родителями, подкатывает комок к горлу и наворачиваются слёзы. Более сильных впечатлений я не испытывал в своей жизни. Через несколько лет я написал песню «Мама»:

Мама, я вспоминаю Афган.
Горы покрыты кровью от ран.
Горе стучит к кому-то в окно.
Как же нас от него сберегло?
Сколько таких, как ты, матерей
Не дождались сыновей,
Не дождались сыновей...
Мама, как ты, никто так не ждал.
Знала, что письма - это обман.
Только была готова отдать
Ты все, чтоб снова узнать,
Знакомый почерк узнать.
Всюду ты доверялась одним
Лишь только чувствам своим,
Что было с сыном твоим.
Мама, ну что ж ты плачешь? Зачем?
Мама, ведь я пришел насовсем.
Мама, любовь святая твоя
Всегда хранила меня,
Всегда спасала меня.
Есть ли на свете что-то сильней,

Чем доброта матерей?
Спасибо, мама.

Целую неделю проходила встреча с друзьями и соседями. К нам в дом постоянно приходили люди, с которыми мы делились нашей радостью. К счастью все, кто уходил из нашего села и попал служить в Афганистан - вернулись домой.

Затем я продолжил учёбу в Киевском электромеханическом техникуме. Благодаря студенческой атмосфере, я начал отходить от тяжёлых мыслей и воспоминаний о войне. Но через несколько лет произошло переосмысление войны в Афганистане, и нахлынула сильная творческая волна, которая стала не просто увлечением или желанием высказаться, а моим образом жизни.

Так появились, пожалуй, самые главные песни в моём творчестве, отражающие моё отношение к войне и обществу.

Афганская статистика

Об этом забыть нам просто нельзя.
На наших руках умирали друзья.
На наших глазах проходила война.
Но что же теперь пророчат для нас:
Афганский синдром вам покоя не даст,
Он будет повсюду преследовать вас.
Афганский синдром от афганской войны -
С тобою, братишка, мы с той стороны,
Где снились нам сны родной тишины,
И громкие фразы совсем не нужны.
Гораздо важнее нам было с тобой
Остаться живыми, вернуться домой.
Но приняли нас за белых ворон...

Каждый первый из тех, кто там был,
Не забудет о том никогда.
И если ему не хватало сил,
Возвращался в мыслях туда.
Каждый второй оборвет разговор,
Пресекая его на корню,
Если вдруг кто-то затеял спор:

Кто ответит за эту войну?
У каждого третьего нет больше сил,
Чтобы что-то еще доказать.
Но каждый четвертый еще не остыл
И готов продолжать воевать.
У каждого пятого нет ничего:
Ни семьи, ни двора, ни кола.
А каждый шестой отошел от всего,
Выбрал Библию или Коран.

Припев:
Это не мистика тянет на дно
Тех, кто мечен Афганской войной.
Это статистика, та, что давно
Затянула нас мертвой петлей.
В этой ловушке мы все, как один,
Только номер у каждого свой.
Тех, кого этот синдром не добил,
Добивают любою ценой.

Каждый седьмой был когда-то женат,
Но теперь он уже разведен.
И в этом не только вина ребят,
Просто мало хороших жен.
Ведь каждый восьмой приходил в орденах,
И ему говорили: "Герой!"
Теперь все развенчано в пух и прах -
Кто считается с этой войной?
Каждый девятый в холодном поту,
Просыпаясь, кричит по ночам.
Не потому, что он видел войну,
Потому что он просто был там.
Каждый десятый пролил свою кровь.
Не бывает войны без потерь.
Сегодня война возвращается вновь.
Только кто же заплатит теперь?!

Припев.

Каждый двадцатый не видит вокруг

Ничего, кроме водки и слез.
Жизнь для него словно замкнутый круг -
Так не долго до траурных роз.
Каждый тридцатый сидит на игле,
Но не верит, что он наркоман.
И отогреть его в этой золе
Сможет только лишь новый дурман.
Каждый "трехсотый" без рук или ног
И протезы не в радость ему.
Кто ему в жизни хоть чем-то помог?
Эти льготы уже не к чему.
И если один выпадает на сто
Кто в тюрьме продолжает свой путь -
Это не мало, и именно то,
Чем нас любят не раз упрекнуть.

Припев.

Каждый первый из тех, кто там был,
Не забудет о том никогда.
Каждый первый из тех, кто там был,
Не забудет о том никогда...

Змея

Этот случай стал давно легендой.
На чужой афганской стороне
Жил один солдат с любовью бедной,
Доверялся он одной змее.
И змея его, видать, любила.
Но любовь та странною была.
Каждый день еду ей приносил он.
И она в камнях его ждала.
Его ждала.
А друзья ему все говорили:
"Что тебе за прок змею держать?
Змеи всюду горе приносили.
И нельзя ни в чем им доверять."
Только он не слушал разговоры.
Знай одно - ходил её кормить.

И никто не знал, что очень скоро
Той змее придется отплатить.
Придется отплатить.
И однажды в черный день недели
Навестить змею пришла пора.
Вдруг она обвилась возле шеи
И держала парня до утра.
А когда солдат, весь посидевший,
Поутру вернулся в свой отряд,
Он увидел лагерь обгоревший
И убитых всех своих ребят.
Вспомнил это я не для печали.
Но осталось в памяти моей:
Там, бывало, змеи выручали,
А здесь бывают люди хуже змей.
Хуже змей...

Пограничная полоса

Здесь обманчива тишина
И реальна команда: "К бою!"
А Россия на всех одна,
И она за твоей спиною.
Кто-то скажет, самообман.
Что имели мы, потеряли.
Но уходит наряд в туман.
Что их ждет там, на перевале?

Припев:
Пограничная полоса -
Так всегда было, есть и будет.
Пограничная полоса -
Кто узнал ее, не забудет.
Это ночи тревожных снов.
Это горы в тумане синем.
Где мечтали мы об одном:
Возвратиться домой, в Россию.
Где мечтали мы об одном:
Возвратиться домой, в Россию.

Здесь умеют ценить друзей,
Не бросая слова на ветер.
А любовь с каждым днем сильней
К той единственной в целом свете.
Только здесь, на краю земли,
Ты оценишь весь мир иначе.
И друзьям, что в наряд ушли,
Пожелаешь в горах удачи.

Припев.

Здесь обманчива тишина.
И надежда в усталых лицах,
Что придет наконец весна,
И отпустит ребят граница.
Нас встречает родной вокзал
И любимые на перронах.
Налевай, погранец, бокал:
Пьем за тех, кто в зеленых погонах.

Припев.

Возвратиться домой, в Россию.
Возвратиться домой, в Россию...

Три друга

Трое ребят уходили на службу.
Раньше не верили в крепкую дружбу.
Трое девчонок и сами не знали,
Этих ребят на войну провожали.
Саньку в Москве, а Серегу в Калугу,
Ваньку - в Рязани три разных подруги.
Фото свое им на память дарили.
В сердце любовь свою свято хранили.
Трое мальчишек погоны надели.
Здесь очень быстро они повзрослели.
Клятву Отчизне своей приносили
Трое солдат необъятной России.
Санька с Москвы, а Серега с Калуги,

Ванька - с Рязани, а в русской округе
Прямо из школы девчонки бежали
К трем матерям, чтоб развеять печали.
А на войне, как обычно бывает,
Лучших из лучших она выбирает.
Здесь друг за друга горою стояли
Трое ребят, где их так и прозвали:
Санька - Москва, а Серега - Калуга,
Ванька - Рязань - это верных три друга!
Вместе девчонкам своим написали,
Чтобы они их любили и ждали.
Ты не печалься, родная подруга,
Здесь на войне у меня есть два друга.
Санька - Москва и Серега - Калуга,
Ванька - Рязань написали подругам.
Не ради славы, не почестей ради
Наши друзья воевали в осаде.
Ванька махнул на прощанье рукою.
- Вы уходите! А я вас прикрою!
Ваньку чеченская пуля прошила
Прямо под сердце. А там еще было
Фото любимой подруги с Рязани,
Ленки - девчонки с родными глазами.
Санька - Москва и Серега - Калуга
Третий пьют молча за лучшего друга.
А на могиле у Ваньки в Рязани
Красные розы умыты слезами.
Вновь целовали знамена солдаты,
Крепко сжимая в руках автоматы.
И ничего для себя не просили,
Лишь бы их помнила, знала Россия.
Санька - Москва и Серега - Калуга
Снова воюют за лучшего друга.
И отомстят наши русские парни
За слезы родных и Ваньку с Рязани.
Санька - Москва и Серега - Калуга
Снова воюют за лучшего друга.
И отомстят эти парни лихие
Нашим врагам за Иванов России.

Виват, Победа!

Ну вот и цветущий май
Гуляет по мирной земле.
Казалось, живи - не скучай,
Но что-то тревожно мне.
Быть может, я вспомнил Афган?
А, может, чеченский след?
Навстречу идет ветеран,
Как будто вернулся мой дед.

Припев:
Виват, победа! Виват!
Виват, Москва, Сталинград!
Виват, Киев, Минск, Ленинград!
Виват, офицер и солдат!
Виват всем, кто выжил в бою!
Виват, кто остался в строю!
И низкий поклон до земли
И вечная память, и вечная слава
За то, что вы мир сберегли!

Вот и встретились наши пути -
Ветеранов различных войн.
Нам победы своей не найти,
Но помним, какой ценой,
Вы дошли до Берлинских стен
И закончили этот бой.
Но Афган и чеченский плен
Не дают обрести нам покой.

Припев.

Пусть победа - одна на всех -
Салютует залпом мортир.
Лишь бы нам не забыть о тех,
Кто сегодня хранит наш мир.
Но, наверное, что-то не так,
Если снова на нашем пути
Инвалид с сединой на висках,

Которому нет двадцати...

Ветеранам Великой Отечественной,
Афганской и Чеченской войн посвящается:

Припев:
Виват, победа! Виват!
Виват, Москва, Сталинград!
Виват, Киев, Минск, Ленинград!
Виват, Кандагар и Герат!
Виват, Файзабад и Газни!
Виват, Моздок и Шали!
И низкий поклон до земли,
И вечная память, и вечная слава
За то, что вы мир сберегли!

За то, что вы мир сберегли!
За то, что вы мир сберегли!

Солдаты России

Лишь пыль от сапог и окопы в округе,
Но душу согреет письмо от подруги.
Надежда на то, что в тебя кто-то верит,
Проверит любовь и солдата проверит.
Какою бы трудной ни стала дорога,
Две бани до дембеля - это немного.
Крестами зачеркнутый весь календарик.
Но что этот бой нам сегодня подарит?

Припев:
Солдаты России! Солдаты России!
Вы звезд на погонах своих не носили.
И только на небе Вам звезды светили.
Кому на Кремле, а кому на могиле.
Солдаты России! Солдаты России!
За веру и правду огнем вас крестили.
Пусть все продается, но вас не купили.
Вы гордость и слава великой России!

От дома до дома одна вам дорога.
Вас матери ждут у родного порога.
Давно приготовлены ваши подарки.
Когда же война наиграется в прятки?
Но снова приказ, и в родную сторонку
Везут ордена и везут похоронку.
И нет для России дороже расплаты,
Когда за нее погибают солдаты.

Припев.

Так пусть повезет на пути вашем ратном.
И каждый найдет дорогу обратно,
Где мир и покой, и родные улыбки,
Где вы не в ответе за чьи-то ошибки.
И пусть вас встречает любовь и удача,
А мать и подруга от счастья заплачут.
Здесь все по-другому, и все так знакомо.
И хочется крикнуть: Мама, я дома!

Припев.

Вы гордость и слава великой России!
Вы гордость и слава великой России!

Декабрь 2008 года.

Матиевич Александр Аркадьевич

Старики не ожидали от нас такой помощи

Я родился 17 августа 1958 года в Могилёве. В этом же городе окончил среднюю школу №21 в 1975 году и сразу же поступил в военное училище – Ленинградское высшее общевойсковое дважды Краснознаменное командное училище им. С.М. Кирова. Окончил училище в 1979 году.

После Афганистана (1988-1991) окончил командный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе. С сентября 1991 года по апрель 2002 года - офицер Главного штаба Сухопутных войск.

Сейчас я пенсионер МО РФ, полковник запаса, председатель Региональной общественной организации «Московский футбольно-спортивный клуб ветеранов войны в Афганистане и участников военных конфликтов «Ветеран-спорт»».

27 декабря 1979 г. началась война в Афганистане. В это время я служил в Центральной группе войск (ЦГВ), в должности командира мотострелкового взвода 100-го танкового полка 31-й танковой дивизии в городе Френштадт под Радгоштем. Узнал о войне 28 декабря 1979 г. от

командования полка, о вводе советских войск в Афганистан. Воинское звание на тот момент – лейтенант.

Начал участвовать в боевых действиях по приказу. Прибыл 21 марта 1986 г. в город Кундуз в 149-й гвардейский мотострелковый полк (МСП) 201-й мотострелковой дивизии (МСД) начальником штаба 2-го мотострелкового батальона (МСБ) в воинском звании капитана. Командиром 149-го гвардейского мотострелкового полка был подполковник Скородумов Александр Иванович. Начало формирования 149-го Ченстоховского Краснознамённого ордена Красной Звезды мотострелкового полка – это май 1941 года, а место формирования – г. Первомайск Одесской области.

Моей первой серьезной боевой операцией была операция в районе Ишкамыш (август 1986); затем Ханабад (сентябрь 1986); Баглан (ноябрь 1986); Пули-Хумри (март 1987); Герат (июнь 1987); Ханабад (сентябрь 1987); операция ''Магистраль'' район Хост (февраль 1988).

15 апреля 1988 г. я закончил службу в Афганистане, в той же должности и части в звании майора.

За все время службы серьезных ранений у меня не было, но, безусловно, без травм, ушибов, переломов ничего не обходилось. Многих солдат госпитализировали, но через определенное время они снова возвращались в часть и продолжали службу. У меня же таких возвращений не было, так как не был ранен.

15 апреля 1988 г. я убыл из города Кундуз для прохождения дальнейшей службы в Белорусский военный округ (БВО) в город Полоцк.

За вывод, без потерь, из-под обстрела противника мотострелковой роты в феврале 1988 года я был награжден орденом Красной Звезды (№ 3813568, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.06.1988 года). На ночное время батальон был снят с позиций, по охране дороги, и приступил к сосредоточению в ущелье. Во время сосредоточения, противник открыл огонь из артиллерийских и минометных орудий. Я организовал вывод людей из-под обстрела и уничтожение противника, в первую очередь, наблюдательного пункта противника.

Также был награжден медалью «За боевые заслуги» (№ 916398, Указ Президента СССР от 20.05.1991 г.. Вручил начальник Военной академии им. Фрунзе, генерал-полковник Кончиц).

Мои статьи были опубликованы: в газете «Красная Звезда», в журналах «Боевое братство» и «Солдаты России» (февраль 2004, №2). При активном участии написана песня «Солдат 40-й!» (поэт Иван Федулов, композитор Валентин Овсянников, первый исполнитель - группа «Гуляй поле»).

Солдат 40-й

Нас встречали и хлебом и солью,
Но глаза у Востока темны,
Ветераны пронизаны болью
Отгремевшей по душам войны.

И не жезлы в потрепанный ранец
Мы сложили - обязанность жить
И пароль наш последний - «афганец»,
И по третьей в молчании пить.
И по третьей в молчании пить.

Припев:

Положитесь на друзей,
Чтоб в любую непогоду,
Там, где нет пути назад,
И решает только боль,
Знать, что снова ты сильней,
Чем отмеренные годы,
Потому что ты - солдат!
Ты - солдат 40-й!

Будет небо над Родиной синее,
Нас не старит совсем седина,
Мы еще пригодимся России,
Потому что она нам нужна.
А речей о заслугах не нужно,

Не ищите минутных причин,
Не мужчины придумали дружбу,
Но она сотворила мужчин!
Но она сотворила мужчин!

Припев:

Положитесь на друзей,
Чтоб в любую непогоду,
Там, где нет пути назад,
И решает только боль,
Ты обязан быть сильней,
Чем отмеренные годы,
Потому что ты - солдат!
И солдат 40-й!

О героизме

Почти все солдаты, сержанты и офицеры - были героями. Они выполняли любую задачу, не задумывались. Но были, правда, единицы, которые боялись воевать!

Если говорить о героизме как о самопожертвовании, то таких случаев в моём батальоне, в период моей службы в Афганистане, не было. А вот то, что каждый день службы, а особенно участие в боевых действиях со стороны солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров был подвигом, я считаю совершенно точно.

А такие люди, как командир нашего батальона, Анатолий Малолетко, дважды переболевший тифом различной степени и возвращавшийся в строй, достоин только за это быть героем страны. Самопожертвование воины совершали тогда, когда не было другого выхода, чтобы спасти друзей, подразделение, часть. На это были готовы сотни из числа тех, с кем я служил.

Между боями 2-3 дня отдыха и приведение оружия и боевой техники в порядок. Потом 1-2 недели подготовки на полигоне (учебном центре) к следующим операциям.

Подготовка на полигоне включала в себя стрельбу, вождение, тактику, физическую подготовку, пристрелку стрелкового оружия и боевых машин.

Оружие и боевая техника 149-го гвардейского мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии (МСД):

- боевая машина пехоты БМП-2;
- бронетранспортер (БТР);
- самоходные артиллерийские установки (САУ);
- зенитные самоходные установки ЗСХ-23;
- автомат Калашникова АК-74;
- пулемёт Калашникова (ручной) РПК-74;
- автомат гранатомёт АГС-17;
- пулемёт Калашникова модернизированный (ПКМ);
- гранаты Ф-1 и РГД-5.

Перепутали что-то

Однажды в горах на операции закончилась вода. Погода была нелётная, вертолёты не прилетали. 15 человек потеряло сознание от обезвоживания организма (почти все ребята - с юга). Три дня без воды, а на четвертый день утром, оказалось, что у доктора пропали заменители крови, а их было всего два. Потом выяснилось - их выпили двое «здоровых» ребят, мягко говоря, больших парня, которые были приданы на усиление батальону из огнеметной роты дивизии, в помощь!

Нет худа без добра

При обеспечении проводки колонны с оружием, боеприпасами и питанием на Файзабад, я временно руководил разведвзводом батальона. Чтобы не подошли душманы к позиции взвода, в арыки (сухие без воды канавы) были поставлены «растяжки» (гранаты на проволоке). И мимо этих арыков проходили как-то раз местные старики и решили эти канавы заполнить водой и подорвались на этих гранатах, просто мы их забыли предупредить, что здесь ходить нельзя. Никто из них серьезно не пострадал, но ранены были. Мы сразу же их отвели к врачам и сказали, что эти мины наставили «духи». Старики не ожидали от нас такой помощи, для них это было просто дико, что им оказали медицинскую помощь, так как никто до этого так не заботился о них. В дальнейшем стали нам привозить лепешек, кур и всяких вкусностей. Нас стали хвалить, а душманов ругать!

Не всё коту Масленица

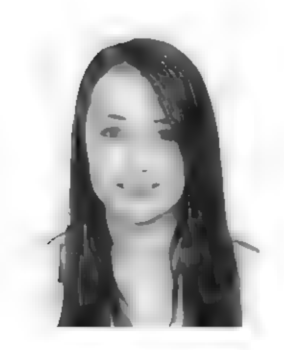
При обеспечении проводки колонны, также на Файзабад, полгода спустя, командир взвода обеспечения батальона прапорщик Сидоренко решил половить рыбу в ближайшем пруду. Бросал гранату, рыба глушилась и всплывала, он её собирал. Но однажды он бросил гранату, а она сработала не сразу, а с замедлением. Он же успел нырнуть, а затем раздался взрыв. Прапорщик был оглушен и чуть не погиб. Больше рыбу таким способом он не ловил.

Попытка оказалась неудачной

Один из механиков-водителей, одной из рот батальона, все время просился на боевые действия в горы, т.е. когда мы воевали без боевых машин. И однажды его взяли на операцию. Нас высаживали в горах с вертолетов, под обстрелом врага. Этот солдат высаживался последним, а вертолет уже поднялся на высоту около 2-х метров. Солдат «успешно» прыгнул и сломал ногу. Пришлось вызывать вертолет и отправлять его в часть. Так он и не повоевал в горах.

В настоящее время вместе со своими коллегами (ветеранами) организовал свою отдельную Афганскую организацию, каждый ветеран отвечает за свой сектор в ней. Я отвечаю за спортивную жизнь организации. Был создан свой спортивный клуб, как и для самих ветеранов, так и для детей, и инвалидов. Клуб «Ветеран-спорт» стал известен по всей Москве и СНГ. Все ветераны очень преданы своей организации, а уж сколько они делают для ее работы, сложно и перечислить.

Ноябрь 2008 года.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Кавсадзе Мария Важаевна,** студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Мельников Александр Николаевич

На нас шла танковая рота

Родился я 24 июня 1960 года в семье рабочих на Урале, в Пермской области, в далеком лесном поселке с очень интересным названием Шумиха.

После неожиданной смерти отца (он погиб в 35 лет), наша семья – мама, я и сестренка, вынуждены были уехать к родственникам во Владимирскую область, в город Юрьев-Польский. В этом старинном русском городке, я и закончил среднюю школу №1.

Ну, а затем подмосковный городок Дзержинский, ПТУ № 50, где я учился на токаря. До призыва в ряды Вооруженных Сил, работал на оборонном предприятии.

За этот период я прошел начальную прыжковую подготовку, сделал три прыжка, получил значок с парашютом и очень гордился этим. В общем, обычная жизнь и судьба миллионов моих сверстников.

В начале апреля 1979 года, как и сотни других призывников, я получил повестку, явился в военкомат. И нас, собрав большую группу ребят, повезли в город Жуковский на призывной пункт Московской области.

Через сутки нас посадили на поезд и повезли в Литву. Как сейчас помню большое количество народа рядами шли под

музыку, звучали военные марши. Гордость переполняла от того, с какой добротой, уважением и достоинством относились к новобранцам.

Отношение к Советской Армии было не такое, как сейчас. Армия – это была честь и гордость общества. И не пойти служить в армию, считалось поступком очень недостойным (либо ты калека, либо ты умалишенный).

Больше суток ехали на поезде и рано утром, только рассвело, добрались до места. Вышли из вагонов, и первое что я увидел, это были гнезда аистов на крышах домов.

Так я попал в Гайджунай, поселок, расположенный недалеко от старинного литовского города Каунас, где располагалась учебная дивизия воздушно-десантных войск, в простонародье - «учебка».

Прослужив в учебной дивизии с апреля по сентябрь, набравшись небольшого военного опыта, был распределен в Белоруссию. В Белоруссии была дислоцирована 103-я Витебская гвардейская воздушно-десантная ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Кутузова 2-й степени дивизия имени 60-летия СССР. Командование дивизии, ее управление и один из полков - 317-й, располагались в городе Витебске. А в поселке Баравуха, недалеко от города Полоцка были дислоцированы еще два полка 357-й и 350-й. Так я попал в Белоруссию и стал служить в 357-м гвардейском парашютно-десантном ордена Суворова 3-ей степени полку. Командовал полком в 1979-1980 году Литовчик Константин Григорьевич

Началась обычная армейская солдатская жизнь: подъем, занятия, прыжки с парашюта. С нетерпением ждали писем из дома, скучали по близким. Постепенно знакомились с поселком, в Белоруссии живут удивительно душевные люди.

Но вот однажды поступила команда «тревога» и не просто учебная тревога, а боевая тревога. Что это такое служивым людям объяснять не нужно. Срочный сбор по полной боевой выкладке с закрепленным оружием. В считанные минуты опустела казарма, построение на плацу, распределение и выполнение поставленных задач. И к вечеру мы уже грузили на железнодорожные платформы полностью экипированные для ведения боевых действий боевые машины десанта – БМД.

Я был просто поражен, как четко велись работы, старослужащие солдаты, сержанты и офицеры умело, и четко

загружали технику на платформы, быстро крепили их ремнями и тросами, надевали чехлы на машины. Для меня, прослужившего всего восемь месяцев, это была первая тревога, в войсках было чему учиться. Конечно, я тоже принимал во всем этом участие, бегал, суетился, выполнял приказы и работал, но такой четкости не было, потому что опыт приходит после многих тренировок.

Ближе к ночи поступила команда садиться в вагоны, оружие с собой, парашюты в отдельном вагоне. Все происходило четко, без спешки, но мы все были напряжены в связи с непонятной ситуацией. Куда мы едем, и что нас там ожидает, мы не знали. Обычно полковые учения, а дивизионные тем более идут по плану, заранее расписанному и досконально проработанному, а тут сплошная неизвестность.

Как сейчас помню, посадили нас в жесткий плацкартный вагон, выдали сухие пайки и повезли в сторону Витебска. Происходило все в начале декабря. Пока ехали до Витебска немного отогрелись, и, наконец-то, передохнули.

В Витебске нас пересадили на грузовики и повезли в леса, где мы пробыли около недели. Жили в походных палатках, чтобы не замерзнуть костры приходилось жечь днем и ночью, а зима в 1979 году была очень холодной. Развернули походные кухни, несколько дней спасались горячим чаем и кашей. Командиры были не такими жесткими как в казармах, жалели нас.

Помню, привезли молодое пополнение солдат осеннего призыва, они всего то служили в армии 2-3 месяца, так на них жалко было смотреть. Они только после присяги, только прошли курс молодого бойца, организм еще не адаптировался к армейской жизни, а их в леса, на мороз, многие получили обморожение.

Где-то, через неделю, в середине декабря поступила команда - «в Витебск». Снова грузовики, затем поезд, затем аэродром. Летели довольно долго, приземлились на аэродром Балхаш в Казахстане, рядом находилось озеро Балхаш, знаменитое на весь Советский Союз. Там наш полк разместился на базе одного из военно-воздушных подразделений, плоть до вылета войск в Афганистан.

Казармы у «летунов» были довольно просторные, чистые, теплые. Наконец-то мы хоть поспали в казармах и питались в

столовых, это такое счастье после холодных витебских лесов. В Казахстане было немного теплее, но на аэродроме постоянно дул холодный, пронизывающий степной ветер. Здесь же в Балхаше разрешили написать письма родным и близким, свободного времени было достаточно, занятия проводились, но не регулярно.

Это было последнее солдатское письмо домой, затем четыре месяца молчания, запрета. И как я узнал позже, моя мама все это время обивала пороги военкомата, пытаясь хоть что-то узнать, но они и сами ничего не знали. Строгая секретность, которая сейчас кажется глупостью, но тогда было такое время.

24 декабря уже под вечер дали команду в полной боевой готовности собраться на аэродроме. Построились и пошли на взлетную полосу, где нас уже ждали самолеты ИЛ-76, груженые техникой, с группой незнакомых офицеров. Они представились, оказалось, что это офицеры из штаба ВДВ. До сих пор помню одного из них - полковник Борисов, довольно пожилой человек. Уже после службы в Афганистане я узнал, что он участник Великой Отечественной войны. Вот тут то мы и узнали, что летим в Демократическую республику Афганистан выполнять интернациональный долг.

Для меня лично, несмотря на то, что я хорошо знал географию, слово Афганистан ни о чем не говорило, писали об этой далекой стране мало, как там жили люди, и что там творилось, никто из нас не знал, говорили, что это наш южный добрый сосед.

И вот приказ - летим в Афганистан, пробудем недолго, парашюты не надевать, в самолетах раздать и зарядить боевыми патронами автоматы Калашникова. Но больше всего мне запомнились глаза полковника, они были грустными.

Промерзшие насквозь от степного казахского ветра, мы быстро погрузились в самолеты. Летел один взвод, человек десять-двенадцать и две машины БМД на борту. Я первый раз почувствовал определенное уважение солдат, особенно старослужащих - «дембелей», как говорят в армии, потому что вскрыли цинк с патронами (это небольшой металлический ящик, немного напоминающий коробку из-под обуви) и мне, сержанту, поручили раздавать патроны, а солдаты подходили и просили побольше.

Летели мы довольно долго, была ночь, многие отдыхали, но мне не спалось, я несколько раз заходил в рубку к командиру самолета и спрашивал, когда прилетим. Никто не знал, что нас ждет впереди.

Афганистан: сколько уже написано, а сколько еще напишут. Афганистан у каждого свой, у каждого свои воспоминания, у солдата – свои, у старлея – свои, у генерала – тем более.

Для меня Афганистан, это как рубеж, как граница чего-то особенного – обострение всех высших человеческих чувств, особенная чистота взаимоотношений, взаимопомощи, взаимовыручки. Я с благодарностью вспоминаю те чистые светлые дни, они останутся в моей душе до конца моих дней.

25 декабря, раннее утро. Приземляемся на аэродром, вокруг горы, вдалеке непонятные кубики – строения, как потом выяснилось, это были дома афганцев, построенные из глины, соломы и еще чего-то. Крошечные окна, что бы жаркое солнце не попадало в дома, вокруг пустынно, ни лесов, ни полей, ни рек, ни озер.

Приземлились. Сидим в самолетах, поступила команда на выход, оружие к бою. Выбегали через заднюю рампу, боковые двери были закрыты. И первое мое ощущение Афганистана - яркое, теплое солнце, светлое, светлое, еще не было такой жары, которая преследовала нас в дальнейшем во время службы. В декабре не так жарко, скорее тепло, как в апреле в России.

Построились. Идем в бушлатах и шапках, каски болтаются на ремнях. Кажется, нет никакой войны. Как-то радостно стало на душе. Метров через двести пятьдесят увидели укрепления, обнесенные колючей проволокой. Боевые машины по башню зарыты в землю, только дула пушек торчат и немного видна башня. Люди в тельняшках неспешно ходят между палаток, кто-то дежурит у БМД с автоматами, кто-то умывается. Все такие загоревшие, даже темные, но лица наши - славянские.

В дальнейшем нам рассказывали, что это 345-й отдельный парашютно-десантный полк, который прибыл сюда раньше. Они уже успели пообжиться, вникнуть в ритм афганской

жизни и без удивления смотрели на происходящие события. Местность называлась – Баграм.

Прошли еще немного, остановились у какого-то ручья. Оказалось, что один наш батальон уже прилетел, и они уже успели поставить палатки, а третьего батальона еще нет, они только еще вылетают. Одновременно мы не могли лететь, самолетов очень много, а взлетная полоса в Баграме одна и не такая широкая, как на военных аэродромах в Союзе.

Получили задание ставить походные палатки, немного отдохнули, поели горячей пищи и выпили горячего чая, потому что походные кухни работали с утра и стали ждать дальнейших приказов. К вечеру без происшествий приземлился еще один батальон, а с ним управление и командование полка.

Первая ночь в Афганистане прошла спокойно и мирно, нам удалось немного передохнуть.

Следующий день был особенным, потому что поставил рубеж между миром и войной, между жизнью и смертью. С утра начиналось все как обычно, но уже к вечеру батальон получил первое боевое задание. Недалеко от нас, на пригорке за ручьем, стояла артиллерийская батарея.

Получили приказ, как только стемнеет, занять этот пригорок и захватить батарею. По сведениям, о которых нам доложили командиры, это батарея неприятеля. Приказ есть приказ. В горах темнеет быстро, только солнышко зашло за горы – сразу сумерки. Тихонько стали выдвигаться к батарее, сначала шагом, потом побежали, несколько человек закричали: «Ура». Мы уже не бежали, а просто неслись в неизвестность. У меня впервые было чувство внутреннего животного страха. То, что ты бежишь в неизвестность и стремление «лететь» вперед, не ощущая земли, не замечая времени.

Опомнился только тогда, когда почувствовал под собой землю. Осмотрелся, оказывается, добрался уже до пригорка, услышал свист пуль. Рядом со мной бежал старослужащий солдат, казах по национальности, смотрю, схватился за голову, закричал. Подбежал командир роты, крикнул санинструктора, а нам приказал залечь и не вставать, до особого приказа. Когда

свистели пули, казаха «чиркнуло» в голову, хорошо хоть не насмерть. Домой он вернулся живым и с наградой.

Лежали недолго, кто-то услышал с другой стороны пригорка русскую речь, что-то там кричали. Командир крикнул в темноту: «Не стреляйте, здесь свои». Начали разбираться. Оказалось, из-за отсутствия точных согласованных сведений и приказов, на это задание послали 1-й батальон нашего 357-го полка и роту 345-го десантного полка, который находился буквально рядом. Но поднимались на пригорок мы с противоположных сторон. Вот так бывает на войне, чуть друг друга не перестреляли, хорошо хоть вовремя успели разобраться.

В итоге, когда подошли поближе, там было три орудия и всего-то два афганских испуганных солдата, остальные или разбежались, или их вообще не было. Афганцев увели в штаб на допрос.

Это была моя первая атака, которую я запомнил на всю жизнь.

Не успели вернуться, прозвучала команда: «По машинам». БМД уже выстроились в ряд, пока мы в течение дня занимались подготовкой и проведением этой операции по захвату артиллерийской батареи. Другие полковые подразделения работали с боевой техникой, разгружались и вывозили ее из самолетов. Распределились, сели в БМД и колонной двинулись по направлению к Кабулу – столице Афганистана.

От Баграма до Кабула около семидесяти километров. Кроме боеприпасов, которые должны быть в боевой машине, четырех или трех человек команды, там было три-четыре комплекта боеприпасов сверх нормы, и еще офицер залез. Так что ехали мы «с ветерком» и, не разгибаясь, до самого Кабула без остановок.

Хорошо хоть мы никого не встретили на своем пути вплоть да Кабула. Иначе, если бы завязался бой, с таким «запасом» и в таком «скрюченном» положении шансы на жизнь были бы минимальными.

БМД, несмотря на свою легкость и быстроту, стремительность и маневренность, что относится, естественно, к достоинствам машины, имеет и недостаток. Дело в том, что она сделана из сплава алюминия и магния и сгорает вся в

течении полторы-двух минут. И в дальнейшем у своих однополчан, которые служили в Афганистане уже после меня, я уточнял эту информацию. Через два, три года их все пожгли. Но это было после. А в ночь с 26 на 27 декабря, колонна русских боевых машин стремительно неслась, поднимая клубы пыли в неизвестность или в бессмертие.

Бой идет в окрестностях Кабула

Кабул встретил нас тихим ранним утром. Нашему батальону было приказано занять позиции на подъезде к советскому городку. Так в Кабуле именовали квартал пятиэтажек, довольно благоустроенный микрорайон, в котором в основном проживали семьи советских специалистов и военных советников и некоторые руководящие работники правительства и партии ДРА.

Обстановка в столице была очень напряженная, и была большая вероятность, что многие из городка могут пострадать. Именно поэтому решено было взять под охрану советский городок. Несколько БМД выстроили таким образом, что бы их невозможно было объехать.

Не успели расставить боевые машины и взять под охрану весь городок, как послышался рев мотора, и появились танки. Командир подошел ко мне, дал в руки гранатомет «муха» и приказал лечь в русло, где весной течет арык, чтобы не было заметно и стрелять по гусеницам первого танка. На нас шла танковая рота. А в это время подбежал командир батальона, держа в руках автомат с белым платком. Они посоветовались и быстро пошли навстречу танкам, подняв автомат. Получалось, что-то вроде белого флага, а командиры были парламентариями.

Я в это время лежал в арыке с «мухой» и сосредоточенно наблюдал за происходящим. Поступок конечно для молодого солдата уже был геройский и очень отчаянный, а что было делать, если шли танки. Ведь все наши заграждения, которые мы успели установить, для танка были практически ничто. Но нам опять повезло. Его величество случай.

С той стороны от танков отходят тоже три человека, такие рослые и крепкие ребята. Несколько минут ожидания, скорее всего «мандража». И так ночь была бессонная, а тут еще лежишь в арыке и нужно все держать на контроле,

человеческие жизни на кону. Смотрю, один из них жмет руку комбату и идет с нашими офицерами по направлению к нам. Командир роты сзади машет флагом: «Не стрелять». Подошли, все улыбаются. Оказывается, афганец, командир танковой роты, учился в Советском Союзе в военном училище в Киеве и разговаривает на русском языке. Наши командиры не только уговорили его не стрелять, но и попросили прейти его танковую роту на нашу сторону. Через десять, пятнадцать минут разошлись, а танки повернули обратно.

За тем, что происходило, наблюдали из окон люди. И как только уехали танки, потихоньку стали выходить из домов. Сначала пришли три женщины к нашему герою-майору (комбату), обняли его, прослезились и через несколько минут ушли. Ну, а офицеры пошли договариваться, где бы нам расположиться в батальон связи, который был дислоцирован рядом с советским городком. Он стоял в Кабуле уже больше года.

Не прошло и часа, как из всех домов городка стали выходить женщины с ведрами, кастрюлями, корзинками, доверху наполненными фруктами, Некоторые фрукты мы видели впервые. А они идут, плачут, не скрывая слез и не стесняясь, обнимают нас, благодарят за спасение. Это были жены советских специалистов, работавших в Афганистане и военных советников. Они рассказали, что уже несколько дней не выходят на улицу, опасаясь уличных боев и перестрелок, которые к тому времени уже начались в столице Афганистана. Ночью они спали, кто с ножом под подушкой, кто с оружием, если кому оно полагалось. Мужчины почти не появлялись дома, сутками пропадали на работе. Видели, как исчезали афганцы, соседи по подъезду. Утром уходили на работу и не возвращались, как ночью приезжали за партийными деятелями и некоторыми руководителями афганского государственного аппарата. Все смотрели и ничего не могли поделать, сидели в своих квартирах, а впереди была неизвестность.

Вообще натерпелись бедные женщины и, наконец-то, видя, что здесь свои, советские солдаты, дали волю эмоциям. Конечно же мы не понимали, что мы для них сейчас значим, каким гарантом являемся. Мы многого тогда еще не понимали.

«Восток - дело тонкое», - говорил известный актер в популярном фильме. Поди разберись, кто прав, кто виноват.

Покушали мы плотно, соскучились по домашней пище. Женщины стояли рядом, смотрели на нас, плакали и говорили: «Кушайте, кушайте сынки». После обеда, не торопясь, расположили БМД вокруг советского городка, расставили караулы и командиры пошли договариваться насчет ночлежки в батальон связи. Стало темнеть, и где-то вдалеке раздавались автоматные очереди, орудийные выстрелы. У нас же около городка все было спокойно.

Ночью, я, как и мои сослуживцы, стоял в карауле вместе с солдатом-связистом, рассказывал ему, как мы добирались до Афганистана, какие новости в Союзе. Поэтому время дежурства прошло незаметно. А на утро командиры рассказали нам, что те выстрелы, которые раздавались вдалеке, это была боевая операция спецподразделений КГБ СССР «Гром» и «Зенит» под прикрытием «мусульманского батальона» по захвату дворца Тадж-Бек, в котором находилась резиденция Хафизуллы Амина - Генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана, Председателя Революционного совета ДРА. Все особо важные государственные объекты за эту тревожную ночь 27 декабря были захвачены.

На следующий день поступил приказ выдвигаться к крепости «Балла-Хисар», там стоял полк афганских десантников, где хранились афганские военные боеприпасы. В этой крепости и дислоцировался 357-й парашютно-десантный полк все время нашей службы в Афганистане. Здесь встретил я и Новый 1980 год.

Так уж произошло, что наша 1-я рота дежурила по полку с 31 декабря на 1 января. Конечно же мне «повезло», я заступил на дежурство с 23 часов до часу ночи. Так было обидно, что все празднуют, а ты ходишь тут с автоматом, в чужой стране, у каких-то ворот и пообщаться не с кем. Начинаешь вспоминать родных, близких и становится еще грустнее. Это был мой первый Новый год в Афганистане, второй был уже веселее.

С 357-м полком было связано еще одно яркое пятно моей афганской биографии. Буквально сразу же после Нового, я «загремел» на «гауптвахту», в солдатском сленге - на «губу». А история была такая. То, что наш полк располагался в средневековой крепости, это хорошо. Но автомобили, БМД и другую крупногабаритную технику нужно было где-то

определять, поэтому командование полка приняло решение, расставить и замаскировать боевые машины десанта согласно дислокации.

Случай произошел в карауле. Инструктировал караулы, первый месяц нашего пребывания в Афганистане сам командир полка - полковник Литовчик Константин Григорьевич. Говорил он долго и нудно, в моем солдатском понимании. И единственное, что я понял - нужна особенная бдительность, проверять работу будет сам лично, и машины БМД нужно маскировать.

Командир роты приказал закрывать машины. Когда заступили в караул, мне на пост дали еще двух солдатиков-новобранцев. Ходил с автоматом около БМД, а ребята, взяв лопаты, копали «капонир» - яму метровой глубины для маскировки техники.

Смотрю, они здорово устали. Я подошел и сменил одного их них, снял бушлат, автомат забросил на спину, подтянул плотнее, взял лопату и начал копать афганскую землю. Солдату же сказал, чтобы смотрел «в оба», то есть очень внимательно. Копаю землю с усердием, тороплюсь, вспотел даже.

Вдруг слышу, что кричит солдатик: «Товарищ сержант, скорее». Бросил я лопату, выпрыгнул из ямы. Впереди вижу тени трех человек уже близко. Кричу: «Стой, кто идет?» Так положено по уставу караульной службы. А они быстро идут ко мне, и я отчетливо вижу командира полка и еще двух сержантов из разведроты, которых он взял с собой для обхода караула. «Стой! Стрелять буду!» - крикнул я, как мне показалось довольно громко. Но как мне потом сказали солдаты, которые стояли рядом в яме, крикнул я еле слышно и очень растерянно. Командир подошел, скорее даже, подбежал, с криком: «Все, все расстреляны и убиты». Потом, немного успокоившись и взяв себя в руки, спросил: «Кто старший?» Я доложил, как положено: «Товарищ полковник. Старший поста, младший сержант Мельников, 1-я рота, 1-й батальон». «Почему копаете? Почему все отвлеклись? Вы же все уже убиты», - махнул рукой и пошел дальше. Ко мне подошел один из сержантов-разведчиков и пристыдил за невнимательность и «расслабуху». Но не мог же я ему сказать,

что пожалел солдата, который прозевал проверяющих. Раз я сержант, значит и вся ответственность на мне.

Вот так прошло это дежурство, но этим не закончилось. На утро полк был построен. Командир полка, назвав мою фамилию, а также еще троих, проштрафившихся, вызвал из строя: «Вот посмотрите, вояки. Все проспали. Всех на гауптвахту». Так я попал на «губу», первый и последний раз. Привели меня в комнатку, где-то в подвале, там было немного народу, прапорщики, один офицер и несколько солдат. Ну, думаю, хоть посплю немного, не тут то было. Уже вечером меня забрали обратно в роту, говорят, что надо работать, а не спать тут.

Дальше пошла обычная солдатская жизнь – подъем, умывание, завтрак на полевых кухнях, учения. В основном замполит роты рассказывал об Афганистане: что за страна, какие порядки, нравы, религия. В дальнейшем стали присылать брошюры, в которых была собрана вся необходимая информация.

Так прошел январь, начало февраля. А во второй половине февраля я и несколько моих сослуживцев были переведены из города Кабул на аэродром, где дислоцировался 350-й парашютно-десантный полк.

Так я попал в легендарный «полтинник» - как называют его «афганцы» (военнослужащие, прослужившие в Афганистане). Полк понес потери, о которых знали все. 26 декабря, во время ввода войск в ДРА, при заходе в Кабульскую долину врезался в горный хребет и взорвался один из самолетов ИЛ-76. На борту самолета было несколько «наливников» (машины с топливом) и 37 десантников, не считая экипажа. Это были первые потери полка. Всего же за всю продолжительную афганскую войну потери полка более 357 человек и несколько военных пропало без вести.

Полк считался одним из боеспособных в Ограниченном контингенте советских войск в Афганистане. Я благодарен судьбе, что попал служить именно в этот полк. С особой теплотой в душе вспоминаю командиров полка: полковника Шпака Георгия Ивановича и подполковника Семкина, начальника штаба полка майора Чиндарова А.А. Офицеры были очень образованные, подготовленные.

Шпак Г.И. на начальном этапе боевых действий сам дорисовывал карты по местности, потому что карт Афганистана просто не было, думали, что прилетели ненадолго. Георгий Иванович очень хороший педагог, в дальнейшем уже в России, став доктором педагогических наук, был всегда сдержан, вежлив, лаконичен, очень хорошо относился к солдатам, жалел их.

Совершенная противоположность - начштаба Чиндаров. Как построит полк, голос громкий, жестковатый, всегда с русским матерком. Мы все его побаивались. Сейчас это очень уважаемые люди России.

А служба шла своим чередом. Каждую неделю ждали приказа о выводе войск, а его все не было. Сначала командиры говорили, что после Нового года, затем – весной. А приказа все нет и нет. Начали обустраиваться, потихоньку вырыли ямы под палатками, глубиной примерно метра полтора. В палатках стало просторнее. Весной подвезли двухярусные кровати, умывальники, а то умывались снегом, пока он был. Ходили все чумазые, небритые.

Подвезли и установили полевые бани и высокотемпературные установки для просушки белья, для уничтожения микробов и насекомых, которыми изобилует земля Афганистана. Появились вши в белье, и эти установки оказались очень кстати. Привезли в марте-апреле полевую форму, а форму, в которой мы ходили в Советском Союзе, сдали. Так у нас появились полевые кители и брюки, ботинки вместо сапог, шляпа вместо берета. Единственное, что разрешили оставить, это тельняшку.

Весь контингент советских войск теперь был одет и обут одинаково, различали друг друга по звездочкам и лычкам на погонах, да по значкам. У кого парашют, у кого крылышки - «летун», у кого танки – танкист и т.д.

В середине апреля пришло разрешение написать письма родным, для них это четыре месяца неизвестности. Представляете себе состояние родителей и жен. Что тут началось. Помню, собрал полк начштаба Чиндаров и начал зачитывать посланные письма солдат. Кто-то отрезал ухо «душману», кто-то потерял ногу, руку и так далее. Солдаты, офицеры стоят и смеются. Чиндаров еще и с матерком так увлекательно рассказывает. Посмеялись, а потом начштаба

вдруг стал очень серьезным и говорит: «Я этих вот «писателей» выучу, мать вашу». И трясет письмами, а потом уже по-отечески добавил: «Вы думайте, что писать. Пожалейте матерей и жен, каково им там сейчас». Я его после этого очень стал уважать.

Весной нас ждала еще одна напасть - болезнь Боткина, в народе прозванная «желтухой». Почти треть боевого состава полка покосила. Командиры забили тревогу. Стали приезжать медицинские комиссии, приезжали даже из Москвы доктора и академики Академии медицинских наук. В чем же была причина? А причина была в воде, оказывается вода в Афганистане в десятки раз содержит больше микробов, чем у нас в Союзе.

Для афганцев дизентерия, как для нас россиян насморк. Что делать? Антибиотиков не напасешься, а пить хочется постоянно. Один из академиков предложил кипятить верблюжью колючку. Благо этой травы было много, нужно было просто собирать ее и кипятить минут тридцать, затем остужать и пить. Вкус этой желтой воды помню до сих пор. Эта верблюжья колючка содержит большое количество тахина - вещества антисептического действия. Вот и пили эту воду до завершения службы в Афганистане. Постепенно научились пить воды как можно меньше, особенно в жару. Болезнь пошла на спад.

Основные боевые действия начались весной. Зимой перевалы и горные тропы занесены снегом, а поставки оружия и мятежные группировки находились на границе между Афганистаном и Пакистаном в городе Пешаваре. Там были созданы, не без помощи США, лагеря подготовки и обучения бандформирований. Называли мы их «душманами» или «духами», на солдатском сленге. Часто выезжали за Кабул в район мраморного карьера на учебные тренировки. Там небольшое поле и относительно невысокие горы.

Декабрь 2008 года.

Мельничук Вячеслав Георгиевич

На «Точке»

Я родился 15 января 1968 года в Беларуси - в деревне Радощь Ивановского района Брестской области. Окончил восьмилетнюю школу, приехал в Москву, поступил в Профессионально-техническое училище №82, расположенное на улице Мельникова, дом 2. По профессии – электрогазосварщик.

После окончания училища был призван на военную службу. Я был призван 15 ноября 1986 года и направлен в «учебку» - в город Кушка. Мы долго туда ехали, целую неделю, наверное. Скорее всего, на военном эшелоне, потому что нам давали горячий паек. В Кушке, соответственно, прошел ускоренные курсы молодого бойца: как обращаться с оружием, как бросать гранаты, в общем, все объяснили, все показали примерно, в быстром темпе. И уже в феврале, в первых числах февраля, я был направлен в Афганистан.

«Учебка»

Когда попал в «учебку», часть призывников там уже была. Пять взводов, в каждом было по тридцать человек. В каждом взводе три отделения, брали по одиннадцать человек в

отделение, с запасом, на случай, если один заболеет. Того, кто второй раз проболел желтухой, туда не отправляли. В «учебке» была часть, в которой их оставляли служить.

Что в «учебке»? Маршировали, в общем-то, на плацу, песни пели, ходили строевой в сопке, как бы сказать. Через день занимались там всякими военными полевыми выходами, это у нас так называлось. Где-то кто-то прятался, мы его искали, имитировали какие-то боевые действия. Соответственно, марш-броски, и за всю практику, по-моему, только один раз были мы на стрельбище, когда мы стреляли боевыми патронами и бросали боевые гранаты, настоящие.

В принципе, это было под надзором сержантов. Были случаи, когда кидали гранату, вылезали из окопа, смотрели куда это она полетела, попал я в цель или не попал. Давали «по шапке» за это. Путались иногда, когда говорили: «Стреляй одиночными», а автомат, как правило, включается сразу на автоматический выстрел, и все патроны быстренько вылетали из магазина.

Были хорошие тенденции, были и плохие. Плохо отстрелял или плохо что-то метнул – приходилось кружок пробежать, там где-нибудь до заката, в сопочку сбегать, поштурмовать.

Климат там был сложный, в этой Кушке, азиатский. Пока мы там адаптировались, очень тяжело было для желудка. Пили воду, у нас во фляжках была, варили чай из верблюжьей колючки. Говорят, там как-то из нее варят воду, специально пьют, чтоб для организма было лучше.

Опять же, когда жарко – раны медленнее заживают. Где-то поранился, и все, могло целый месяц болеть. Там все прело и гнило.

Когда я уже служил на «точке», так вообще трудно было. Медсанчасти там не было, никто в мелких случаях тебя никуда не повезет. Только если совсем невмоготу, тогда везут в полк, к медикам, они уже что-то с тобой делают. Приходилось терпеть.

Еды постоянно в «учебке» не хватало, на еду время отводилось не так, что сидишь и в «расслабон» кушаешь – пришли, быстренько, схватили ложки. Вилок не было, ложками быстренько погремели, раздатчики все раздали, встали и ушли быстро. В общем, тренировали. В первые дни

бегаешь, ничего не понимаешь. «Учебка» - она и есть «учебка», полностью командуют сержанты.

Утром, соответственно, подъем, в шесть утра, все быстренько выбежали в спортивной форме, уже не помню, номер один, что ли? В общем, выбежали в спортивной форме номер один, построились на плацу. Рота построилась – и быстренько-быстренько марш-бросок, пробежка вокруг города этого Кушки, соответственно, был уже отработан какой-то маршрут. Быстрая пробежка, возвращаемся в спортгородок, легкая физзарядка, ну и, соответственно, заходим уже в казарму. Там умывание, одевание, построение на завтрак – все строем ходили – позавтракали и начинали дальнейшие занятия. Кто где, кто - на спортгородке, кто в классах занимается, кто-то еще где-то. В общем, время пролетело в «учебке», можно сказать, незаметно, потому что с утра до вечера такая нагрузка, что только бы до подушки донести голову. Отдыха почти в «учебке» и никакого нет, там не отдохнешь, там гоняют сержанты, гоняют – «от и до».

Еды не хватало, есть всегда хотелось почему-то, может, организмы молодые. «Тырили» со столовки хлеб – ну там, в противогазы, кто под шапку засунет. Ну, соответственно, после столовой сержант всех построит и говорит: «Так, теперь давайте все к осмотру». И если у кого находили, приносили тому буханку хлеба, он ее ест, а все остальные отжимаются. Ну, после обеда, после еды, отжиматься очень тяжело, поэтому, соответственно, отжимаешься и говоришь: «Да, в следующий раз я две буханки хлеба не съем». Ну, так, как бы воспитывали коллектив.

Там была еще такая Кушка - речка такая, каменная. Туда забежим, сержант в рюкзаки наложит нам кирпичиков, и с кирпичиками пробежки устраивали.

Ну, ничего, нормально. Да, были злые все – гоняют нас и прочее, но зато приобрели нормальную физическую форму. Ну, что на гражданке? Кто-то занимался спортом, кто вообще не занимался, были и нормальные ребята, были и хиленькие. Я не думаю, что был какой-то отбор – если тебя в Афган, то соответствовать должен каким-то там параметрам. Брали всех. Кто мог и кто не мог.

«Учебка» прошла быстро, почти незаметно. По-моему, Марах-нары город назывался, там был аэропорт, с Кушки мы

поехали туда, на самолете, соответственно, полетели уже в Шендант. Выдали нам с собой на дорожку паек, новую форму дали. И отпустили.

«Точка»

Прилетели мы в город Шендант. Жарко, аэропорт. Истребители гудят, двигатели прогревают, шум такой стоит!

Там стояли две палаточки, я так понял, все туда прибывали, ночь отбывали, а наутро уже всех распределяли по частям, кто куда.

Мы-то прилетели такие все, как бы сказать, с мамкиных пирожков, а там уже такие все черные, обстрелянные. И с утра были перенаправлены в сторону Герата в 101-й полк. Там, соответственно, опять прошел какой-то отбор, одних - налево, вторых – направо. За нами пришли машины. А нас-то было там – шесть человек оставили всего лишь.

Сложно сказать, то ли страшные впечатления были, то ли не страшные, там от этих истребителей такая шумиха стоит, такой гул.

Провели в палатках ночь, ночью холодно было, днем там жарко, прямо невозможно, а ночью очень холодно. Уже, я помню, ночевали мы, на улицу выходили, ползали там - где-нибудь найти хоть какое-нибудь бревнышко, чтобы топить буржуйку. Ну, и народу у нас там было - все палатки забиты, друг на друге спали.

А утром нас на двух БТРах отвезли в 101-й полк, в сторону Герата. Отвезли, а там, соответственно, опять кого куда. Четыре человека нас осталось с нашей «учебки», с нашей роты, которые попали вместе на «точку».

Пришла машина, всех загрузили и отвезли, соответственно, на эту «точку». За нами приехал старшина на машине. Старшина у нас был из Сибири, такой - «два-на-два», здоровяк.

Мы в «учебке», как солдаты, натренированные, в форме, все как положено. А здесь другая уже форма, мы такую и не видели, и все такое, не совсем к уставу относящееся. В кроссовках и форме он ходит. Для нас, конечно, было в начале как-то непонятно, потом это уже все стало обыденным явлением.

Приехали на «точку», нас, соответственно, покормили первым делом, столовка была уже сделана. Продукты туда раз в месяц из полка привозили, их складывали в специальный отсек землянки и хранили. Что могли из полка привозить? Сухари из белого хлебушка - это основное. Такие, в железных банках, скорее ведрах, квадратных. Тушенка, понятно, говяжья, свиная. Консервы. Килька. Картошка в трехлитровых банках, уже замаринованная и соленая. Водичкой заливаешь - готовое пюре. А если где-то старшина свежей картошки достанет - тогда уже был праздник. Что там можно в таком климате сохранить? Холодильника не было, все хранили в маленькой землянке. Сигареты выдавали нам, получали на всех, а некурящим – сахар.

Столовая, как и все остальные помещения, находилась у нас в землянке. Землянка делилась на отсеки.

Землянка, как она делается? Копаешь на метр землю, кирпичиками обкладываешь, буржуйку ставишь, и вот тебе землянка. Крышу из листов железа делали каких-то. Крыша метра на полтора над землей возвышалась, там даже окошки делали в стенах. Сначала-то мы в палатках жили, а потом перебрались в землянку. В палатках зимой холодно, а летом дышать невозможно, а в землянке зимой тепло, а летом прохладно.

В общем, помимо столовки, там уже была спальня. Казарма, как во всех воинских частях. Казармой это не назовешь, там не было второго яруса, поскольку не позволяли потолки поставить второй ярус. И импровизированная оружейка была, где хранилось оружие, патроны лежали, гранаты и автоматики стояли наши с пулеметиками.

На входе было одно помещение небольшое для дежурного – дежурный там постоянно сидел.

Все это было выкопано вручную, построено вручную. Стенки оббивали дощечками из ящиков от снарядов. Брали у артиллеристов или у танкистов, это все - просили. Они освобождали эти ящики, ящики все разбивались и получались хорошие дощечки. Этими дощечками обшивали стеночки. Получалось очень красиво. Порохом это все обжигаешь. Есть такой порох, длинный, как макаронина, ты ее с одной стороны поджигаешь, она горит, ты в нее дуешь, она огнем дощечки обжигает, и получается такая красивая штучка. Стена

обшитая, красивая получалась. Не знаю, с чем это сравнить, но в наших полевых условиях это намного лучше было, чем жить в палатке. И пыль, и если подует, допустим, ветер-«афганец» - это вот как сплошной песок, можно сказать, три метра ничего не видишь, задувает куда угодно и во что угодно. Ну, в принципе, на моей практике раза два он всего лишь дул, по-моему. Вообще ничего не видать, задувает во все щели! После него, если в оружие попадает, то это все - замучаешься очистить.

Оружие чистили постоянно, каждый следил за своим, с другой стороны, если увидит, что нечищеное, сержант или прапорщик, пока молодые, дадут вам по шее. Что значит «дадут по шее»? Что-нибудь покричат-покричат, да и успокоются.

Молодых нас человек двенадцать было, как раз одного призыва пришло. Ну, а их было двенадцать-четырнадцать человек. Самый старший у нас был лейтенант, и еще четыре прапорщика. Ну, в начале «старики» поясняли, как надо жить, как надо службу тащить, но ничего такого экстремального не было, во всяком случае, присматривали за молодыми, чтобы не лезли куда не надо.

У нас была еще банька построена из кирпичей, была бочка с холодной водой, бочка с горячей водой, сами грели ее. Было так сделано: туда заливаем солярку, поджигаем, и вот целый день (мы называли ее паровозом) горит. Соответственно, набиралась горячая вода. Могли, в субботу, допустим, устраивать банный день. Помыться с водичкой. Воду привозили с водокачки – приезжала машина с бочкой. Мы воду быстренько туда в бочки заливали ведрами и качали. И могли даже мыться раз в неделю, довольно-таки неплохо. Не каждый это смог бы.

На «точке» находилась станция тропосферная, стояли большие антенны, которые «качали» связь. На станции сидели связисты постоянно. А мы стояли в охране этих антенн, несли караульную службу, чтобы никто не проник. Соответственно, здесь же находилась еще «дизельная», где стояли дизель-генераторы, для того чтобы обеспечивать станцию электричеством. Электричество должно было поступать бесперебойно, чтобы связь могла работать. Если пропадет электричество, то пропадет и связь, которая идет между

Союзом и Кабулом. Все было обнесено колючей проволокой, бруствером. Это и была наша «точка».

Еще у нас в охране было два танка, в помощь, для поддержки. Они стояли там, откуда можно было в первую очередь ждать «гостей».

Рядом стоял трубопроводный завод. Там по ночам иногда взрывалось что-то, «трубачи» бегали, ремонтировали.

И вроде до Герата еще одна танковая точка была – афганских войск уже. В общем, беспокоились только за одно направление – сзади полк и «точка». А там - горы и степи кругом.

Служба

Первые три дня нас ставили в курс всех дел – где что, где как, пока познакомились. Три дня мы, в принципе, отдыхали. Выдали нам вооружение. Каждый его очистил, ходил за угол и проверял по мишеням - пристреливался.

Через три дня начали нести постовую службу, скажем так, заступали в караул. Сутки стоишь в карауле, сутки отдыхаешь. Давали поспать перед караулом, до заступления в караул давали после обеда отдых. Вечером старшина или дежурный из прапорщиков проводил развод. Объяснял все, где надо, получше смотреть. Заступали мы с восьми на сутки – два часа на посту, два часа отдых.

Еще у нас на «точке» была машина разведбатальона. Чем они занимались? По ночам пеленговали духовские станции, все это передавалось в полк, артиллеристам, которые по ночам же бомбили. Они вычисляют, откуда идет передача, команда поступает в полк, и этот сектор обстреливался. Иногда было тихо. Но редко. Четыре человека этого разведбата там было, и поначалу они жили отдельно, в палаточке. А когда народу поубавилось, они перебрались к нам. И ели вместе с нами, и жили.

Располагались мы по дороге на Герат. А Герат тогда делился на две части - Старый Герат и Новый Герат. В Новом Герате сидела афганская армия с нашими советниками. Это был нормальный город. А в Старый Герат, по слухам, наша армия даже не заходила. Сам я там не ползал, тоже все по слухам рассказываю. Старый Герат весь состоял из нор и ходов, и находиться для наших войск там было просто опасно. Для «духов» там был «клондайк». Они могли появляться в

любом месте. По осени был дивизионный рейд, пришли наши войска и начали бомбить этот Старый Герат, но непонятно, с каким результатом. Потому что там душманы как дома, они из этой норы вылезли и спрятались в другую нору. Там у них ходы такие были. Так говорят. Представляло большую опасность для наших войск там находиться.

Дивизионный рейд этот был вызван тем, что накануне по дороге на Герат обстреляли нашу колонну. Вечером было. Мы каждый занимался там своими делами, но место свое все знали, и, как только пальба пошла, мы все сразу по позициям. Постреляли в ту сторону тоже. Но, как мы потом узнали, четыре где-то они машины сожгли – грохот стоял такой, и полыхало ужасно.

Жизнь на «точке» очень отличается от жизни в воинской части, она больше так, к партизанам относится. Устав есть, но он немножко, как сказать, свой устав. Более отвечающий условиям. И не всегда так, как положено в уставе. Старались и старшина, и прапорщик, чтобы мы более-менее были похожи на бойцов, но, как правило, не всегда это получалось. Поскольку климат другой, в сапогах ты там не походишь.

Нам выдавали летнюю и зимнюю форму. Летом - панама и легкая «хэбэшная» форма. Как бы полусапожки были, но все равно было жарковато.

Нам, в принципе, платили, выдавали нам деньги в чеках, не помню, солдат то ли двадцать, то ли пятнадцать чеков получал. Вот когда мы этих чеков подкопили, тогда ездили в полк «трубопроводный». Там можно себе было приобрести кроссовки, и уже как бы намного проще было. Обувь легкая и удобная, в отличие от сапог. Но на развод всегда выходили в сапогах.

Неудобная форма была, но что поделаешь? Хотя сапожки были хорошие, если носить в зимний период. Нам еще кальсоны выдавали. Так как мы на «точку» приехали, у нас сразу эти кальсоны отобрали и переодели в трусы. Потому что там заводится какая-то гадость, потом очень трудно выводить. И «деды» от своего гардероба давали. Ну, а потом уже, как мы «дедами» стали, мы стали молодежь одевать.

Пробыл я там почти целых два года. Попал я туда…в феврале, где-то третьего, а уехал оттуда я тридцатого января. Пробыли мы там долго, потому что не давали нам замену. Мы

попали как раз тогда, когда заканчивалась уже эта война, все шло на вывод войск. Поэтому, когда у нас увольнялись, «дембеля» уходили домой, пополнения нам не давали. Нас где-то было двенадцать, моего призыва, и нам дали два человека, а потом еще два. То есть, сократили до пятнадцати человек. Кто-то оставался постоянно в «сфере», я уже и за дизеля, и за посты отвечал. Я уже был тогда сержантом, замком взвода, в общем, за все отвечал.

К выводу войск у нас совсем служба изменилась. Народ устал. Пополнения нет, все – «деды», все – «дембеля». Хозяйственные работы уже не велись – людей не хватало. Когда собирали на дивизионный рейд, хотели и от нас людей взять, а из кого? Своих мало, выходили в караул через ночь. Был я сержантом, и Богдан младшим сержантом был. Ночь я несу караул со своими ребятами, ночь – он. Ночь я отдыхаю, с моими ребятами, ночь - он.

Друзья у меня там были, конечно. Игорь Рязанов, с Питера. Он был кашеваром. Его назначили на кухню, первым делом. Там ведь выясняли, кто ты был, кем раньше работал, что делал, что умеешь. И, в соответствии с этим, тебя распределяли. До армии он учился на корабельного кока, поэтому ему «кликуху» сразу дали – Кок. И он с этой кухни не вылезал около года. Мы с ним и сейчас неплохо общаемся, вот, скоро хочу пригласить его к себе и ребят всех созвать. Марчел занимался станциями с первого дня. Нас там всех по кличкам в основном называли, ну как-то так в Афгане повелось. Мы с Богданом несли караульную службу. Еще был Плакса – тоже в карауле. Потом перешел на станцию. Строганов Вадим, Копченый, тоже в карауле. Нашим водителем был Хохол. У нас была машина, он ее постоянно чего-то чинил, она постоянно у него кипела. Какая-то старенькая машина, другой техники на точке не было. Потом уже, когда она у нас окончательно сломалась, мы брали машину у артиллеристов. Звонили, они за нами приезжали, и ехали, куда надо. Они нам давали свою технику на то, чтобы привезти воду или продукты.

Я должен был осенью уйти домой, но нас не отпускали, и продержали нас еще три месяца.

К концу действий стараются никаких особых боевых действий не вести, ну, с нашей стороны была легкая стрельба,

потому что пытались договориться, чтобы нам оттуда выйти тихо и спокойно.

Все имущество после ухода мы передавали этим сорбосам – афганской армии. Что после этого произошло, интересно узнать и увидеть. Скорее всего, после нашего ухода все «духи» захватывали. Так было, как правило. Когда с Кандагара войска уходили, следом уже шли «духи» и все, что осталось, подбирали.

В общем, два года и три месяца. Даже медали получал. Сложно очень рассказывать о войне, потому что даже и не знаешь, что рассказать. Открытых боевых действий не велось, в основном - партизанские войны. Вот и сидели все по «точкам» да по окопам.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Кривонос Светлана Александровна,*** *студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Мирхазиянов Равис Варисович

Дома у меня думают, что я служу в Германии

Родился я 19 марта 1965 года, в деревне Кура-Елга Азнакаевского района Татарской АССР (ныне республика Татарстан). В марте 1973 года переехали из деревни Кура-Елга в районный поселок Азнакаево (ныне город Азнакаево республика Татарстан). В 1982 году окончил Азнакаевскую среднюю школу №1. После ее окончания с 1982 г. по апрель 1983 г. работал слесарем-сборщиком автомашин, карбюраторных двигателей внутреннего сгорания. Работа шла хорошо, коллектив был сплоченный, все работали на совесть.

Мы с Фазлыевым Халимом (будет служить в республике Афганистан 56-ДШБ, ныне проживает в г. Азнакаево) учились в одной школе, в одном классе и после школы прошли подготовку в КУАЦ (Казанский учебный авиационный центр) парашютистов. Работа дала свои плоды. Мы из школы вышли с аттестатами об окончании средней школы плюс еще с УПК дипломом тракторист-машинист широкого профиля.

В конце марта 1983 г. получил повестку из райвоенкомата для прохождения службы в рядах Советской Армии. После медицинской и мандатной комиссии попал служить в ВДВ в г. Фергану.

Прямо с ж/д вокзала г. Ферганы увезли на «Уралах» в ВЧ 52788 г. Фергана-5. Всех собрали в летнем клубе части. Как помню: призывники были из нескольких регионов Советского Союза.

Наших солдат призывали в Парашютно-десантный полк ВДВ ВЧ 52788 Фергана-5 3-й батальон 7-я рота не только со слов командиров, но и по природе и по форме наших солдат, гвардейцев - десантников.

29 мая приняли присягу, потом все пошло своим чередом - прыжки с АН-2 и АН-12, горная подготовка, по выходным ездили убирать полковой сад, фрукты для полка. Было одно условие: или кушать мытые собранные фрукты, или пить воду. Дни тянулись долго, а ночь была короткой, отбой и как будто - подъем.

Мы знали и готовились выполнять интернациональный долг в ДРА. Каждое политзанятие роты нам казалось, что замполит говорил только об этом.

Но это меня не радовало, с кем переписывался, почти все говорили про Афганистан. Родителям писал, что мы останемся в Фергане после «учебки» или отправят в ГДР. Это моя хитрость взяло свое. Родители и друзья вроде поверили.

Отцы-командиры дали свое наставление. У них было желание, чтобы мы живыми, здоровыми вернулись в Союз. Особенно хочется вспомнить гвардии старшего лейтенанта Лаврентьева, гвардии прапорщика Березина, сержанта Шевеняна, которые вложили свою силу, опыт в нашу подготовку.

После окончания учебы нас отправили в Кабул. Перед тем как улететь разгрузили борт с Грузом-200. На замену - картошку, капусту и Нас.

В Афганистане проходил службу в 103-й гвардейской воздушно-десантной, ордена Ленина Краснознаменной, Ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР, 317-м гвардейском ордена Александра Невского полку.

Службу начал в полку ВЧ 24742. Учебное подразделение в сравнении с войсками было как детский сад. Здесь боевая обстановка всегда напряженная. Задача нашего подразделения была обеспечить охрану объектов полка, особенно КПП, где стояли мы и Афганские солдаты. Наша цель была: при

нападении на полк извне, удержать оборону до прихода основных сил.

«Духи» шли на любую провокацию, особенно перед праздником. Для нас перед заступлением в наряд в штабе полка проводили инструктаж у помощника начальника штаба. Особенно требовательным был гвардии прапорщик Пастушок.

В июне 1984 года улетели в батальон. Батальон стоял у Пакистано-Иранской границы Афганистана города Лашкоргах. Задача батальона была – поиск и захват поставщиков оружия и наркотиков на территории республики Афганистан. Держали тесную связь с местным населением «Билуджа». Ходили на операции в пустыню Регистан. Прилететь из полка и не участвовать в боевых действиях, было бы обидно.

Но в любой ситуации оставался верен своему обману, всегда писал письма родным как будто служу в ГДР. Когда служил в полку, попросил командира взвода прапорщика Пастушка Виталия, чтобы он не писал благодарственное письмо ко мне домой, так как дома у меня думают, что я служу в Германии.

На зло всему получилось так: сестра писала в письмах, что чьи братья служат в Германии, отправляют «наклейки», а ты редко присылаешь. Когда батальон ушел, стал реже посылать, потому что из полка «наклеек» мало оставалось, хотел дотянуть до дембеля свои запасы.

В августе 1984 года мы участвовали на боевых операциях под Кандагаром. «Духи» подбили из нашего батальона танк, а два БТРа подорвались на мине. Ранило нашего командира первого взвода гвардии старшего лейтенанта Мелишова Сергея.

На элеваторе, мы ремонтировали БТРы, сидели почти неделю. А там, какой техники только не было, место, куда свозили всю подбитую технику.

Благодаря упорству гвардии прапорщика Митрофанова (техника роты), сержанта Абдурахманова Айдара, Сергея из г. Мичуринска, механика из Прибалтики и танкистов, поставили в строй нашу технику. Вот тогда и пригодилась моя специальность, приобретенная до службы. С утра погрузились, тронулись в путь. Доехали до батальона обеспечения недалеко

от Кандагара, оттуда нас пустили только с бензовозами. К вечеру доехали до батальона, нас встретили радужно.

Это не были ни последние, ни первые боевые. Еще оставалось полгода до дембеля. В батальоне произошла плановая замена офицерского состава. К новому месту службы отбыл главный прапорщик Купрюшин Владимир Юрьевич, которого я знал с первых дней службы в батальоне. Его отъезд огорчил нас, мы не знали как сработаемся с новым. Но армейская дружба не ржавеет. Владимир Юрьевич оставил мне свой адрес, после демобилизации мы встретились с ним, общаемся до сих пор.

И хотя война осталась позади, все воспоминания живы до сих пор. И пусть скептики не верят, что мы были там по зову сердца – мы то знаем, что выполнили свой долг до конца.

Декабрь 2008 года.

Опалев Сергей Николаевич

Это был для них способ зарабатывания денег

Я родился 23 мая 1957 года в Магдебурге, ГДР. Русский. Православный. На момент прибытия в Афганистан состоял в КПСС.

До направления в Афганистан окончил в 1974 году среднюю школу в городе Киеве. Высшее образование получил в 1978 году, закончив Киевское ВОКУ.

В 1979 году в городе Борзя Читинской области проходил службу командиром взвода мотострелкового полка.

В 1987 году был направлен для прохождения службы в город Барановичи в звании капитана, командира мотострелковой роты.

25 декабря 1986 года меня известили о том, что после отпуска буду направлен для прохождения службы в Афганистан. В середине марта 1987 года отправили в Ташкент на пересылку, оттуда в Кабул - сборный пункт офицеров перед отправкой к месту службы.

В звании капитана был назначен на должность заместителя начальника штаба 3-го мотострелкового батальона (МСБ, горного) 177-го мотострелкового полка (МСП), размещенного на вершине перевала Саланг. Командир батальона – подполковник Федоров. Штаб 177-го

мотострелкового полка и отдельные подразделения размещались в населенном пункте Джабаль-Ус-Сарадж.

Боевой путь:

1. Саланг – 3-й МСБ (горный) 177-го МСП;
2. Кабул - 1 МСБ (горный) 181-го МСП, начальник штаба батальона;
3. Баграм - отдел комплектования штаба 108-й МСД.

Закончил службу в Афганистане 10 февраля 1989 года при выводе войск 40-й армии на своей технике. Закончил в должности старшего офицера отдела комплектования штаба 108-й МСД, майор.

Награды:

1. орден Красной Звезды в 1988 году.
2. орден «За службу Родине в Вооруженных Силах» 3-й степени в 1989 году.

Имел ранения - контузия при подрыве БТР на боевых действиях, лечение в госпитале в Баграме.

Долг солдаты исполняли с честью, офицеры, в общем, добросовестно, но в 90-е годы политики и отдельные граждане пытались их опорочить. Происходила подмена понятий. Во время службы в Афганистане воинский долг исполнялся в соответствии с приказами командиров, директивами командования и решениями Правительства.

Изначально было тяжело - к горным действиям не подготовлено большинство военнослужащих. Легче было солдатам и офицерам из народов, проживавших в горных и пустынных местностях (армянам, таджикам, казахам). Сказывалось слабое качество подготовки молодых солдат, но это быстро компенсировалось старослужащими, обучающими молодых солдат, и количеством офицеров, которые оказывали помощь вновь прибывшим.

Штаты были укомплектованы полностью. Батальон при штате триста человек имел в своем составе около пятисот. Это было связано с выполнением боевых задач и временным отрывом военнослужащих от исполнения своих обязанностей, например, с наличием раненых в госпитале, прибывших из госпиталей, увольняемых солдат, вновь прибывших, но еще не прошедших курс «молодого бойца». Старослужащие, увольняемые в запас, оставшееся время после приказа в

боевых действиях не участвовали, а занимались подготовкой молодых солдат в ППД.

Я военный в четвертом поколении

Я военный в четвертом поколении. Прадед, офицер, погиб в Первую мировую войну, дед погиб лейтенантом под Курском во Вторую Мировую, а отец дослужил до полковника.

Я уехал в Афганистан, когда у меня была жена и трехлетний ребенок.

Начал службу на перевале Саланг. Боевая задача батальона заключалось в обеспечении охраны тоннелей, галерей и горных дорог от нападения моджахедов. Батальон выставлял около сорока постов для круглосуточного наблюдения. Тоннель Саланг, находящийся на высоте 3000 метров и длиной более 1 км, на ночь закрывали, и выставляли посты.

Случайная лавина, сошедшая весной 1988 года, завалила весь военный городок, погибло трое военнослужащих, а пятнадцать человек были спасены, благодаря быстрым действиям всего гарнизона. Зимой ураганы заметали 10 небольших домов и электростанцию на 2-3 метра глубиной.

Часто с постов видны караваны с оружием контрабандистов, которые шли на недосягаемом расстоянии.

Дружественная банда

Были периодические стачки с моджахедами. В основном с местным населением отношения были добрососедские. Существовало такое понятие - “дружественная банда“ - мы знали, что есть вооруженные формирования, которые не настроены против советских войск, мы не воевали с ними. Были территории, свободные от боевых действий, куда не вводились наши подразделения, но и местные не пускали моджахедов. Трагические события происходили, когда чужие банды обстреливали наши подразделения (посты, городки, позиции), при этом гибло местное население.

Часто моджахеды устраивали засады, закладывали фугасы из артиллерийских снарядов, мин для нанесения потерь, за что

потом получали денежное вознаграждение из Пакистана от американцев. Гибли военнослужащие.

Так, однажды, в начале 1988 года погиб экипаж МТЛБ минометной батареи. «Духи» заложили мину там, где раз в два дня проезжали военнослужащие за водой. Погибли три военнослужащих. Договоренность с местным кишлаком о ненападении была нарушена. Саперы должны были проверить дорогу перед движением машин, но они поленились. И из-за этого погибли люди.

Там, где гибли военнослужащие, силами подразделения всегда оставлялись набольшие памятники, указывающие фамилию, имя, годы жизни. После окончания войны все памятники были отвезены в Союз.

Интересно, когда выезжали с перевала, упакованные как на Северном полюсе, с докладами или за продуктами и боеприпасами приезжаешь в штаб полка в майке и легкой «песочке» или камуфляже. Служба была для солдат сложной, напряженной, требовалось умение моментально вступать в бой, по несколько километров идти в гору до поста.

Поле собак

Были, конечно, и случаи, которые можно даже отнести к курьезным. По крайней мере наблюдать за этим было очень интересно.

К нам прилетал самолет из собачьего питомника, который готовил служебных собак, он на тот момент был единственный и находился в городе Дмитрове. Весь самолет был полон собак. У бойца была палка, похожая на кий, а на конце стержень становился толще. Эта палка была длиной 3-4 метра, на конце ее был крюк, к которому и привязывалась собака. После выгрузки всех военнослужащих с собаками, на поле была совершенно удивительная картина - огромное поле, покрытое собаками, привязанными к палкам на расстоянии 3-4 метров друг от друга. Собаки были очень нужны для саперов (минно-розыскные собаки) и для охраны складов и городков (сторожевые собаки).

Кому нужна война

Война была не нужна, но ввод войск прикрыл на длительное время активность американцев на этой

территории. Напомню, что в это время шла “холодная война“. Так как было важно прикрыть границы страны, следовательно, ввод войск был необходим.

То, что произошло на рубеже двадцать первого века, случилось бы тридцатью годами раньше. Государственная власть в Афганистане не контролирует большую часть своих территорий, в масштабах страны осуществляется производство наркотиков, полудрагоценных камней, а во время войны было производство овощей, зерновых и фруктов.

Вопрос ведения боевых действий целиком и полностью на совести политиков, которые не смогли разрешить конфликт власти государственной и власти племенной. Например, в Панджшерском ущелье погиб Ахмад-Шах Масуд, который много лет управлял этим богатым полезными ископаемыми ущельем, как отдельным государством, добывая драгоценные и полудрагоценные камни, выращивая сельскохозяйственную продукцию. Во время боевых действий в Панджшерском ущелье государственная власть устанавливалась на некоторое время, но активистов убивали, и все возвращалось к прежнему управлению.

Боевые действия, как способ зарабатывания денег

Если говорить о моем отношении к афганцам, то они нормальные граждане, нормальные люди, поставленные в рамки родоплеменной подчиненности и нищеты, что и заставляло их вести боевые действия против нас. Это был для них способ зарабатывания денег. За уничтожение БМП или танка с экипажем они могли получить деньги на приобретение или открытие дункана – небольшого магазинчика в глиняном домике или в железном контейнере.

Очень часто племенные вожди организовывали нападения на колонны, на автотехнику для получения денег на развитие своего племени. Народ был крайне нищим, работали круглосуточно, чтобы прокормить семью. Условия для демографического роста были чрезвычайно благоприятны. Все семьи были многодетными, потому что ислам запрещает ограничение деторождения.

На вооружении у офицеров и солдат были автоматы Калашникова, а у специалистов - СВР, РПК, ПК, РПГ, АГС, ПТУРС. У минометчиков – переносные 82-мм минометы,

которые использовались при отражении нападении моджахедов.

Часть личного состава батальона сопровождала колонны, нападение на которые происходило несколько раз в месяц. Вдоль дороги на Кабул был проложен трубопровод, из которого перекачивали дизтопливо для бронетехники и керосин для авиатехники. От нищеты местные жители простреливали трубу и сливали солярку и керосин в ведра и бочки для обогрева жилищ. Специальные подразделения часто под огнем ремонтировали трубопровод. Были случаи, когда эти точки минировали.

Кабул

В июле 1988 года меня перевели в Кабул начальником штаба батальона 181-го полка. До меня начальником штаба был майор Балясников, который на боевых действиях при взрыве мины получил перелом позвоночника. Его отправили на лечение. Через несколько лет он смог ходить, но остался инвалидом.

1-й МСБ (горный) 181-го полка участвовал в боевых действиях два-четыре раза в месяц. Боевые действия проходили от трех дней до двух недель, но некоторые операции, такие как "Магистраль", длились около трех месяцев.

За срок службы в батальоне (около года) я участвовал в 11 боевых действиях, потому что начальник штаба отвечает за службу войск, но во время длительных боевых действий организовывал службу из оставшихся военнослужащих. В пункте постоянной дислокации было уже 150 человек, из них были солдаты, офицеры, вышедшие из госпиталей, переведенные из других подразделений, вышедшие из отпусков и увольняемые в запас.

Все зависим друг от друга

Коллектив батальона (штаб, роты, минбатр, отдельные взводы) был крепкий и хороший. Это немаловажно, потому что все зависит друг от друга, и за год не было ни одного случая дезертирства солдат или офицеров, ни разу не было оставления поста. Иногда на боевых голодали, когда сбивали

вертолет, или когда не возможно было привести продовольствие из-за обстрелов. Тогда было тяжело.

Бывало мы не могли снять вертолетом военнослужащих в горах из-за буранов, при этом мы несли потери. Вертолетчики, которые были на боевых - мужественные офицеры, они вывозили раненых, привозили питание под огнем. Осенью 1988 года был сбит вертолет, погибших не было, люди успели выпрыгнуть из подбитого вертолета.

Но зимой, когда были метели и снежные заносы, подразделения на боевых могли нести потери. Тяжело было ходить в горы, штатное оборудование и одежда не соответствовали горным действиям и были очень неудобные. Мы старались использовать кроссовки, трофейные, американские, вещмешки и спальники, средства для очистки воды, малазийские и китайские «лифчики», теперь они имеются в штатном вооружении под названием «разгрузки», мы пользовались трофейными. Все это было поставлено моджахедам из Пакистана.

В горах радовал горный паек, который включал в себя консервированное сало, свежий хлеб в целлофановом пакете и высококалорийные пакеты малого веса. Мы всегда старались брать больше боеприпасов, но и без питания тоже было нельзя.

Декабрь 2008 года.

*В подготовке текста воспоминания оказал помощь **Новицкая Кристина Сергеевна,** студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Палкин Сергей Николаевич

Остановились мы в метре от обрыва

Я родился 1 июня 1962 года в городе Выру, Эстония. В настоящее время состою в общественной организации «Объединение воинов-интернационалистов Афганистана Басманного района».

В 1979 году окончил среднюю школу № 2 г. Карталы-6 Челябинской области. В 1981 году поступил в Ярославское высшее военно-финансовое училище им. генерала армии Хрулева А.В., которое закончил в 1985 году.

После окончания военного училища в звании лейтенанта был направлен для дальнейшего прохождения службы в Киевский военный округ. Службу начинал в должности начальника финансовой службы отдельного понтонно-мостового батальона, который в то время находился в г. Днепродзержинске Днепропетровской области. Наш батальон напрямую подчинялся танковой армии, штаб которой находился в городе Днепропетровске.

Мне не пришлось управлять вертолетом, не гоняться за душманами. Душманы – враги, более известны как «духи» - советское название участников вооруженных формирований, сражавшихся с советскими войсками в Афганистане в 1979-1989 гг.

Сами душманы называли себя - моджахедами, а советских воинов называли - шурави. У меня остался свой Афганистан, который никогда не забудется, не забудутся те офицеры и прапорщики, с кем пришлось быть рядом этих два года.

Когда меня направили служить в Демократическую республику Афганистан (ДРА), я понимал, не за чинами и наградами посылала меня Родина на Афганскую войну, а чтобы, как тогда принято было говорить, «защищать ее южные рубежи от врага». И пусть сегодня это решение посчитают ошибкой, но тогда мы были молодыми и действительно ехали в чужую страну с искренним желанием защитить афганский народ, его законную власть от «международного терроризма».

Боевые действия начинал в должности начальника финансовой службы 425-го отдельного автомобильного батальона 59-й бригады материального обеспечения в городе Пули-Хумри с 30.03.1986 года. Командовал батальоном в это время подполковник Беликов В.З..

Боевые действия закончил 22 апреля 1988 года в составе той же части, под командованием подполковника Кучумова А.П.

За время службы в составе колон батальона побывал в городах: Хайратон, Баграм, Кабул, Джабаль-Уссарадж, Газни, Гардес, Хайратон.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1988 года награжден медалью «За боевые заслуги». Как написано в наградном листе «За умелые, инициативные и смелые действия бою, способствовавшие успешному выполнению боевых задач подразделением». Медаль мне вручили только 19 ноября 1988 года, в это время я проходил уже службу в должности начальника финансовой службы реактивного артиллерийского полка в п. Солотвино Закарпатской области.

В это время уже седьмой год шли боевые действия в республике Афганистан. В январе 1986 года меня вызвали в штаб танковой армии и сообщили, что по плановой замене мне предстоит отправиться для дальнейшей службы в Афганистан. И уже 16 марта 1986 года я был на пересыльном пункте в г. Ташкент в штабе Туркестанского военного округа.

22 марта вместе с такими же офицерами, гражданским персоналом после двух часового перелета на транспортном

военном самолете, мы оказались на военном аэродроме в Кабуле, где находился пересыльный пункт. В Кабуле также находился и штаб боевой 40-й армии, которая совместно с афганской армией вела борьбу с «душманами».

Мне до Афганистана приходилось летать на самолетах различных типов, но такого полета и, особенно, посадки мне испытывать не приходилось. Полет проходил на высоте приблизительно 10000 метров. Ракеты моджахедов достать его не могли, однако посадка или взлет - самое уязвимое место во всей цепочке воздушного сообщения между Ташкентом и Кабулом. И чем быстрее будет осуществляться посадка, либо взлет, тем лучше для тех, кто летит. Поэтому, когда самолет резко завалился на крыло и стал падать, нам, ребятам, которые еще не знали всех тонкостей афганской жизни, показалось что-то «не очень уютно», побледнели лица и костяшки на пальцах рук. Пошли отстрелы ракет, время падения с высоты 10000 метров составило около 5-7 минут. И вот наконец-то самолет удачно приземлился.

После двухдневного ожидания в Кабуле получил предписание убыть в г. Пули-Хумри, где мне предстояло теперь проходить военную службу в должности начальника финансовой службы батальона. Пули-Хумри – город на севере Афганистана, центр провинции Баглан. Город находится на пересечении главных транспортных магистралей. Здесь расположен выход к тоннелю Саланг – самому короткому пути на Кабул и является торговым транзитным городом, тянущимся на 10 км с юга на север вдоль трассы Кабул-Мазари-Шариф.

В часть попал только лишь 30 марта. Пришлось добираться сначала до Кундуза самолетом, а потом на вертолете в сам гарнизон Пули-Хумри. Правда из-за плохой погоды авиация в это время не летала, и нам пришлось почти неделю жить на аэродроме Кундуза, где нас поселили в старой мазанке, в которой находились одни кровати. Каждое утро приходили на аэродром и до обеда ждали появление вертолета.

И вот, наконец-то, 30 марта я в своей части, где меня с нетерпеньем ждет офицер, которого я должен был заменить, а он убыть в Союз.

Так началась моя служба в войсковой части п/п 13354 или

425-й отдельный автомобильный батальон материального обеспечения, который входил с состав 59-й бригады материального обеспечения.

Командовал в это время батальоном подполковник Беликов Виктор Зиновьевич, сейчас проживает в г. Гусев Калининградской области.

Наш батальон был введен в республику Афганистан почти с начала боевых действий - 20 марта 1980 года и выведен в феврале 1989 года. В батальон входили три роты, 1-я возила боеприпасы, 2-я и 3-я роты занимались подвозом продовольствия, медикаментов и вещевого обмундирования. Доставлять все это приходилось как на армейские склады в Кабул, так и в другие гарнизоны. Бывало, в период ведения боевых операций, доставлять боеприпасы прямо на боевые позиции.

О масштабах транспортировок свидетельствует тот факт, что только горючего для 40-й армии требовалось около 1 миллиона тонн в год. Приплюсуйте сюда еще доставку продовольствия, боеприпасов, медикаментов, гуманитарной помощи, многих тонн других грузов военного и гражданского назначения.

Гарнизон Пули-Хумри – это тыл 40-й армии. Здесь ее арсенал и бригада обеспечения, куда входил и мой автомобильный батальон. Тыл, естественно, охранял пехотный полк. Здесь же стояли танки, на возвышенностях раскинулись заставы. По горам периодически била наша артиллерия, не давая приблизиться душманам. Но временами, по ночам, «духи» обстреливали их реактивными снарядами.

Это же место называлось «Килагайская долина», вокруг которой расположились горы. В 1919 году во время англо-афганской войны на этом же месте стоял 30-тысячный английский экспедиционный корпус. Когда в Килагайской долине случилась эпидемия холеры или чумы, весь корпус вымер, так как все проходы через перевалы были заблокированы афганскими повстанцами.

И на этих костях пробурили скважины и качали воду. Даже в наше время в воде находили «трупную палочку». Потому наши ряды и косили болезни: гепатит, паратиф, амебиаз. Амебиаз - это вообще такая редкая зараза, описывать не буду, которая встречается чуть ли не только в Хумрях. Кто-

то заболевал порой всеми тремя сразу, в народе это называлось «Килагайским букетом». Даже просто здороваясь за руку можно было всё это подхватить, что некоторые, из опасения, и не делали.

Кроме нашей бригады и мотострелкового полка, в гарнизоне стояли и другие мелкие части, был свой госпиталь, армейские склады, КЭЧ, и даже гарнизонный дом офицеров (ГДО), где по выходным показывали фильмы и проводились дискотеки.

Мой друг, старший лейтенант Сергей Ермак, в то время начальник финансовой службы бригады, много написал стихов и песен про Афганистан. Написал он и про нашу «Килагайскую долину».

Килагайская долина

Пули-Хумри, долина, как мертвая пустыня,
И только нить дороги проходит сквозь нее.
Здесь друга повстречаешь и многое узнаешь,
И радости и горя хлебнешь тут через край.

Припев:
Возьми, мой друг, гитару,
Пусть струны не смолкают,
И сердце замирает,
Ведь сердце понимает гитару и любовь.
Ты помнишь, друг мой старый,
Как мы сюда летели,
Как мы с тобой хотели
Попасть в Афганистан.
Пули-Хумри, долина - безводная пустыня.
Куда ни глянь - все горы закрыли нам просторы,
Но все же это место нам было всем не тесно,
И всем, кто долго был здесь, останется родным.

Славился наш гарнизон и своей пылью. Летом, в жару, земля высыхала так, что становилась как мука. И как только подует ветерок, то от стоящей в воздухе пыли видимости в радиусе двух метров никакой. Когда дул этот «афганец», то все знали, что вертушки не прилетят, а, значит, не будет такой

долгожданной почты и к кому-то опять не доберется «заменщик». Из-за этого по всему Афганистану ходила поговорка «Если хочешь жить в пыли, поезжай в Пули-Хумри».

Вдруг «афганец» завеял над нами,
Это ветер афганский такой.
Он закрыл путь почтовым вертушкам,
Шурке сделал опять выходной.

Поселили меня в модуль (такие щитовые сборные бараки), где в комнате проживало по два человека. Жить мне почти два года пришлось со Славиком Приваловым. Он был в нашем батальоне секретарем комитета комсомола, а также был отличным гитаристом. Он даже организовал ансамбль «Контраст», который вместе с «Голубыми беретами» и «Каскадом» знали во многих точках ДРА.

Особенности службы в Афганистане мне пришлось испытать уже на вторую ночь. Проснулся среди ночи от того, что кровать подпрыгивает. Но очень хотелось спать, и я, так и не поняв в чем дело, опять заснул. Только утром узнал, что городок обстреляли ракетами душманы. Потом такие обстрелы случались часто, и все уже к ним привыкли.

Через несколько месяцев, приняв дела и разобравшись в особенностях своей работы, мне захотелось посмотреть и на другие места Афганистана. А то служба идет, а я так еще ничего и не увидел. Это сейчас мы привыкли, что в армии на три машины чуть ли не полковника назначать старшим, а тогда колоннами (это от 80 до 100 машин) командовали командиры рот в званиях лейтенантов и старших лейтенантов.

С каждой колонной в рейс ходил старший, назначаемый из числа офицеров управления. Попросил командира батальона отправить меня в рейс. И вот в средине сентября 1986 года сбылась моя мечта, меня назначили старшим колонны 1021 (1-я автомобильная рота нашего батальона).

Всего на всю колонну было 2-3 офицера и прапорщика. Один, командир роты, ехал в головной машине и возглавлял колонну, второй руководил техническим замыканием в конце, а в середине двигался старший. В колонне 2-3 автомобиля охраны с зенитными пулеметами, направленными в сторону

гор. Иногда для охраны выделяли бэтээры.

Все командировки были похожи друг на друга: подъем в 4 часа утра, завтрак, и, в парк - за автомобилями. Выход в 6 утра.

Провожал колонну лично комбат. Он долго и нудно инструктировал, рассказывал о том, какую дистанцию надо держать между машинами, как обгонять и когда («обгоны запрещаю»), что делать при обстрелах. Водители, по году и более ходившие в колонну, пересмеивались, нетерпеливо ожидая команду «по машинам». Наконец изрядно затянувшийся инструктаж закончился, прозвучала долгожданная команда, водители неспешно разбрелись вдоль техники.

И вот машины начали движение. Мне пришлось ехать на «зенитке», Это КамАЗ, в кузове которого установлена зенитная двуствольная установка ЗУ-23-4. Они же служили и автомобилями охраны, при обстреле колонн эти автомобили «душманы» старались вывести из строя в первую очередь. Водителем у меня был старший сержант Гавриленко – зам. командира взвода, он к этому времени служил в Афганистане уже второй год и считался «асом» - водителем.

От Пули-Хумри до Кабула дорога в основном все время идет по горам. С одной стороны - нависающие горы, с другой - пропасть. На обочине дороги - сожженные машины, часто попадаются столбики со звездами в память о погибших здесь воинах.

Летом трудности испытывали из-за жгучей жары, а зимой крутые горные дороги покрывались льдом, что требовало от водителей максимума внимания и выносливости. Прошли первые десятки километров. В управление части шел доклад: «На участке ответственности все в порядке, колонны проходят согласно графику движения».

По пути изредка попадаются мелкие селения. Между селениями стелются зеленые поля пшеницы — на удивление низкой, местных сортов. Плантации сои. По полям проложены оросительные канальчики. Высятся потрепанные пугала на шестах. Дехкане, опершись на рукоятки мотыг, распрямляют спины и провожают взорами проезжавшие машины. Отчетливо видны межи, разделяющие крестьянские наделы.

Проезжали Доши. По обеим сторонам дороги впритык

один к другому стояли дуканы, которые расположились в контейнерах. Дуканы – скромные магазинчики с традиционным набором платков, «вареных» джинсовых костюмов, ручками на любой вкус, солнечными очками и «ногтегрызками» – маникюрными щипчиками, которые почему-то в Союзе оказывались лучшим сувенирчиком; можно было и бутылку водки купить на «крестике» в любое время суток. Дуканы украшали безграмотные надписи на русском языке, типа «Мища-лавк-дукан», плакаты с индийскими чернобровыми, черноглазыми красавицами и героями американских боевиков, типа Рембо, с горноподобными бицепсами и накаченным торсом, с пулеметными лентами крест-накрест. Здесь сделали короткую остановку и снова в путь.

Ряд дуканов закончился, и сразу же закончился Доши. В это время свора босоногих пацанов «атаковала» колонну. Наиболее ловкие цеплялись за борт, откидывали брезент, принимались выкидывать на дорогу все, что попадалось под руку. Бегущие за грузовиком мальчишки мигом хватали сброшенные из кузова вещи и, сверкая пятками, неслись в проулки.

Происходили эти пиратские набеги на советские колонны грузовиков часто и так молниеносно, что никто из водителей, как правило, не успевал среагировать.

Снова потянулся безжизненный, на первый взгляд, простор, упиравшийся в подножье приближавшихся гор. Кругом усеянные разнокалиберными камнями поля с редкой и чахлой растительностью, редкие стада тощих овец и коз. Неширокая речка, берущая свое начало высоко в горах, была совершенно прозрачна и холодна, как лед, от которого она берет свое начало.

Все чаще стали попадаться встречные афганские машины. Это были, в основном, немецкие «Мерседесы», разукрашенные и переделанные так, что в них с трудом угадывалась заводская марка. У афганцев все дорого - и машины, и топливо, и запчасти, поэтому они выжимают из техники максимум дохода. Редко можно видеть машину, едущую порожняком. Обычно они набиты под самый верх кузова, наращенного высокими бортами, а на мешках и ящиках еще и дрова навалены. Даже машины, перевозящие

топливо в многокубовых цистернах, обычно украшают лежащие сверху дрова, стянутые веревками. И так по всему Афганистану - куда-то едут, что-то везут. У них своя жизнь - торговля!

К обеду колонна преодолевает половину пути и после небольшого перекура снова в путь. Впереди перевал Саланг, в котором пробит тоннель.

Вдоль дороги, метрах в десяти от обочины, лежал мусор войны – подбитая «духами» в разное время советская техника. Кто-то когда-то принял здесь последний бой: катки разбросаны повсюду, разворочены борта, сорваны башни, дыбятся остовы грузовиков, коричнево-черный от ржавчины и пламени сгоревший танк с опущенной, как у импотента, покривленной пушкой, зияют дюжины пробоин, мелкими, от пуль, и рваными, покрупней, от гранатомета, бока наливников, пустая кабина «КамАЗа» с разбитыми лобовым и боковыми стеклами. Огромная свалка, отходы сражений неравных, здесь они над нами взяли верх.

Грузовичок нашел свою мину, и она раскурочила ему весь передок, и походит он теперь на побитого в пьяной драке чудака с разбитыми губами, сломанным носом и свороченной челюстью. Сожженный бронетранспортер напомнил гигантскую черепаху. Такую картину я видел потом по всей дороге. И по всей дороге памятники и обелиски погибшим солдатам и офицерам.

О Саланге, самом высокогорном перевале мира, знает каждый солдат и офицер, побывавший на Афганской войне. Саланг - название, которое знали все афганцы без исключения. Стокилометровая трасса, сжатая горными вершинами, утопающими в облаках и вечных снегах, с трёхкилометровым тоннелем, пробитым в каменной толще Гиндукуша, соединяет север Афганистана с его столицей. Караванный путь, доступный для передвижения не более трёх месяцев в году, в шестидесятых годах был преобразован афганскими и советскими специалистами в автомобильную трассу.

Особое значение он приобрёл в годы десятилетнего военного противостояния. Продовольствие и боеприпасы, гуманитарная помощь мирному населению – так дорога помогала выжить людям. За это Саланг уважали, прощая ему погодные капризы и массу неожиданностей за каждым витком

серпантина, которых не могли предвидеть даже опытные военные водители, исколесившие трассу вдоль и поперёк. Именно там, на Саланге, устраивали самые опасные засады «духи».

Ты помнишь, брат, дорогу на Саланг,
Где вьётся длинный "Терешковский" серпантин,
Где взрыв, как ненависти бумеранг,
Ежеминутно мог нас извести,
Где было жарко - на броне не усидеть,-
Где было горько - поглотай-ка пыль с моё,-
Где было так же плохо, как везде
В местах, где обернулась быль быльём...

Вот позади остался Уланг. Похолодало. Дорога карабкалась вверх, к перевалу. Колонна, поминутно тормозя, жалась к отвесной скале, пропуская встречные бэтээры комендантской бригады.

Затяжной подъем до главного тоннеля составляет примерно 60 километров. Грузовики движутся со скоростью четыре-пять километров в час как вверх по серпантину, так и вниз. Перепады высот очень велики. Никакие тормоза не удержат груженый «КамАЗ», если он вдруг покатится вниз. А если мотор «не вытянет» на подъеме, то фура покатится вниз и будет мять и сбрасывать в пропасть идущие за ней грузовики.

Перед подъемом остановились, вышло что-то вроде короткого отдыха; надо было дать возможность подтянуться отставшим, а людям пора было пожевать что-нибудь наскоро, справить нужду, размять ноги. Водители, воспользовавшись нечаянным отдыхом, паузой в движении, не сговариваясь, поочередно лазали под капоты, заглядывали в движки машин.

Саланг уже покрылся снегом, здесь началась зима. Машины ползли по галереям, с трудом одолевая каждый метр. Только дизелям под силу этот нелегкий путь, карбюраторные же обычно проходят перевал на буксире. Даже бэтээры - универсальные боевые машины - и те захлебываются от недостатка кислорода. С подъемом толстый слой жидкой грязи и мокрого снега под колесами постепенно твердеет. Все плотнее становится снежный покров. Однако сцепление с дорожным полотном, уходящим вверх лентой серпантина, еще достаточно прочное. Уверенно поднимаемся туда, где на

высоте около 4 тысяч метров предстоит пройти 16 тоннелей и среди них главный, пробитый сквозь самое сердце Саланга.

Перед въездом в тоннель всем раздают гапкалиптовые патроны к противогазам, на случай, если машина заглохнет в тоннеле.

Проходим первый тоннель, второй, третий. Начинают сказываться разреженная атмосфера, скопившиеся в тоннелях выхлопные газы, бессонная ночь. Тянет ко сну. Входим в мрачное чрево главного тоннеля. У всех сейчас одна мысль - только бы не затор! Загазованность такая, что лишние минуты пребывания здесь таят в себе смертельную опасность. Засекаю время - через тринадцать минут впереди замаячило светлое пятно выхода, С жадностью вдыхаю свежий воздух. Слегка кружится голова.

Только выехав из туннеля, замечаю стоящий на обочине наш КамАЗ, двигатель которого никак не хотел заводиться. Техническое замыкание колонны еще не прошло туннель, и, чтобы не задерживать колонну, цепляем неисправную машину к моей «зенитке». Начали спуск, и здесь я впервые почувствовал всю «прелесть» зимних горных дорог. На одном из поворотов 10-ти тонная махина перестает слушаться на скользкой дороге, и машина начинает тащить нас к обрыву. Еще через мгновение становится ясно, что машина, вопреки усилиям водителя, неумолимо сейчас сползет в обрыв. Тело инстинктивно группируется, руки мертвой хваткой сжимают расположенный над головой поручень. Не знаю, каким чудом мой водитель сумел справиться с машиной и не потерять управление, но остановились мы в метре от обрыва. Нервно закуривая, вылезаю из кабины, и тут замечаю бегущих в нашу сторону двух зенитчиков, они за это время успели выпрыгнуть из кузова.

Дальше спуск с перевала прошел без происшествий. Двигатели машин в начале пути грелись на подъеме, а теперь перегреваются на спуске.

Вот, за поворотом, показались черные от сажи и копоти скалы. Я уже по слухам знал: там, внизу среди камней, лежат на боку исковерканные и обгоревшие бензовозы. Три дня тому назад здесь, на Саланге, было совершено нападение душманов на колонну бензовозов, следующих из Термеза.

После Саланга дорога опять вилась вдоль раздолбанных

еще четверть века назад городков и кишлаков. Колонна начинает набирать скорость, чтобы к вечеру добраться до Кабула.

Вот промчались мимо Джабаль-Уссарадж, Баграма, а дальше Чарикарская «зеленка». Вдоль дороги пошли виноградники, огороженные низкими заборами из глиняных кирпичей. А на них висели наливные грозди спелого винограда. Чарикарскую «зеленку» все колонны пролетали на большой скорости. Сколько солдат, студентов, офицеров, вольнонаемных погибло в этих проклятых зарослях, которые навсегда останутся в нашей памяти как «зеленка».

Для советских военных колонн такие районы были очень опасными. «Духи» обстреливали наши колонны, после чего скрывались в сплошном ковре виноградников – понять, откуда стреляли, и куда скрылись эти стрелки - было практически невозможно. Это сейчас виноград продается в каждом продуктовом магазине, а в то время мы его мало видели. Жажда поесть «диковинки» пересилила чувство опасности, и я приказал остановить машину. На всякий случай развернули зенитку в сторону «зеленки» и с моим водителем натаскали полную кабину винограда. Ел я его до самого Кабула и на обратном пути, пока он уже не набил оскомину. С тех пор я стал к нему равнодушен.

И вот наконец-то долгожданный Кабул. Остановились в Теплом Стане. Прибыли топливозаправщики, чтобы сразу заправить машины на обратную дорогу. Дальше двинулись по городу к месту, где располагался штаб армии и склады. Там в течении следующего дня разгрузились и на следующее утро опять в обратную дорогу на Пули-Хумри.

Таким мне запомнился мой первый рейс в составе колонны. Затем за два года их было более 40. Потом это стало для меня обычным и рядовым заданием, хотя и сопряженное большим риском нападения душманов. Не всегда они были такими спокойными. Были и обстрелы, когда приходилось брать в руки автомат и отстреливаться от «духов», когда на пробитых пулями колесах, водители гнали свои «КамАЗы» выжимая их все возможное, чтобы уйти из зоны обстрелов. Подорванные на минах машины сами же сталкивали в пропасть. Были и потери. Мой первый водитель, с которым я шел в свой первый рейс, потом погиб. До приказа об

увольнении, которого он так ждал, не дожил неделю, пуля попала ему в сердце через незащищенное бронежилетом место. Не обошел меня и гепатит, с которым я слег в госпиталь почти перед самой заменой.

Так и пролетели эти два года. Наступил март 1988 года, и вот в часть прибыл мой «заменщик», а мне предстояло убыть в свой последний рейс, только в одну сторону до Хайратона и дальше в Термез, Ташкент и после отпуска - новое место службы. Но что-то не хочется уезжать и оставлять тех, с кем провел эти годы.

Когда плечом к плечу месяц за месяцем находишься с кем-то рядом, а тем более в боевых условиях, волей-неволей становишься друг другу близок, а если кого-то и нет уже в живых, они остаются в памяти навсегда.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Кузнецова Дарья Александровна,*** *студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Панкин Сергей Александрович

Амин бережно поддерживал его под руку

Родился я 28 июля 1958 г. в славном городе Москве на Автозаводской улице. До восьмого класса учился в 479-й школе, что находится рядом с метро «Коломенская». После окончания восьмого класса окончил Московский автомеханический техникум и в 1977 году поступил на 1-й курс Высшего технического учебного заведения при заводе им. Лихачева. Но так как я поступил на его вечернее отделение, то отсрочки у меня не было и 4 ноября 1977 года меня призвали в Вооруженные Силы.

Попал я в войска связи в в/ч 41700, которая располагалась в поселке Ватутинки Московской области.

Прошло четыре месяца и в марте 1978 года, отобрав в части группу солдат, ее начали возить на медкомиссию. В конце марта мы уже знали, что готовят нас на замену узла связи, который находился в Эфиопии. Но все изменилось 1 мая. Всю группу солдат нашей части, прошедшей медкомиссию собрали и по тревоге отправили в Москву в район Речного вокзала. Так мы оказались на территории 14-го полевого узла связи Генерального штаба.

Началось формирование нашего батальона. Сначала нас отвезли на вещевой склад и переодели в гражданскую форму.

Выдали: рубашки, галстуки, костюмы, пальто, ботинки и т.д. все без бирок изготовляющих фирм.

Потом фотографировали в гражданке. Как потом выяснилось для всех солдат и офицеров изготовили загранпаспорта. Только 7 мая мы узнали, что полетим в Афганистан.

10 мая я второй группой вылетел с аэродрома «Чкаловский», и 11 мая рано утром мы приземлились на аэродроме Баграма. Еще сутки ждали третью группу нашего батальона. От непривычной жары и в целях маскировки весь день провели в бетонных ангарах. Ночью прилетела третья группа. После разгрузки из самолета техники и раздачи оружия батальон выстроился в колонну, и мы тронулись в сторону Кабула. Ехали долго, часто останавливались на постах афганской армии и рано утром на рассвете прибыли на место своей постоянной дислокации клуб «Аскари» афганской армии, что через дорогу от Американского посольства. Так, на пятнадцатый день Афганской революции, наш батальон, переодетый в гражданскую форму, и с загранпаспортами советников по культуре, спорту и профсоюзной работе вошли первыми в Демократическую Республику Афганистан.

С этого момента мы приступили к своей непосредственной задаче – установке связи между нашими двумя странами. Не прошло и одного месяца, а в нашей части побывали наш посол в Афганистане, главный военный советник в Афганистане генерал-лейтенант Горелов. Конечно, не забуду первый визит Афганского руководства. На телефонные переговоры с руководством СССР приехали глава ДРА Нур Мухаммед Тараки и его заместитель Хафизулла Амин.

Помню, как к нашему зданию шли два пожилых человека. Видимо, Тараки плохо видел, потому что уже был вечер. Х. Амин бережно поддерживал его под руку. Кто бы мог подумать, что не пройдет и одного года и охрана Х. Амина, по его приказу задушит подушкой первого президента Афганистана.

Я рассказал только про первый месяц службы, из проведенных 1,5 лет в Афганистане. А дальше был командирован в Баграм, Хост, Газни, Гардез, первая операция по деблокаде Хоста, которую летом 1978 гола курировал

командующий сухопутными силами СССР генерал армии Павловский, но это уже другие истории.

Декабрь 2008 года.

Петров Петр Петрович

Был стреляющим замполитом

Родился 6 июля 1956 года в селе Ташла Тюльганского района Оренбургской области. Православный.

Окончил Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище в 1980 году, Военно-политическую академию имени В.И. Ленина в 1990 году. Полковник запаса.

Жена - Петрова Нина Николаевна, 5 марта 1960 года рождения. Сын - Петров Денис Петрович, 11 января 1987 года рождения, лейтенант, слушатель 5-го курса Московского университета МВД. Дочь - Петрова Анна Петровна, 24 июня 1991 года рождения, студентка 1-го курса Российского государственного торгово-экономического университета.

Награжден: орденом Красной Звезды (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1984 г.), медалями «За боевые заслуги» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3.03.1983 г.), «За отличие в военной службе» 1-й степени, «За укрепление боевого содружества», награды Республики Афганистан и более 15 ведомственных, юбилейных и памятных медалей.

Семья наша была большая: четверо детей - три старшие сестры и я. Родители работали учителями в средней общеобразовательной школе № 44.

Отец, Петров Петр Григорьевич, участник Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, в армию был призван в предвоенные годы, с 1939 г. по 1946 г. проходил службу и воевал в артиллерийской бригаде резерва Главного командования Красной Армии. Награжден боевыми орденами Красной Звезды, Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., медалью «За отвагу», был ранен под Курском. После демобилизации работал учителем начальных классов.

Пример отца, его военная служба повлияли на всю мою дальнейшую жизнь и, главное, на выбор профессии, стать военным. Мама, Петрова Анна Петровна, участница трудового фронта в годы войны, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в дальнейшем работала преподавателем математики в старших классах.

В 1973 году я окончил среднюю школу и поступал в Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище, но не прошел по конкурсу, не хватило всего-то пол балла.

С 1973 года по 1974 год работал фрезеровщиком на Паневежском автокомпрессорном заводе (Литовская ССР), где в эти годы по распределению работала инженером на заводе старшая сестра Петрова Лидия Петровна, а младшая из сестер Громова (Петрова) Любовь Петровна с мужем, офицером-ракетчиком, жили в военном городке под Каунасом.

В 1974 года я был призван в армию и проходил службу в Вооруженных Силах СССР, в начале в артиллерийском учебном подразделении под Челябинском в поселке Чебаркуль, где нас готовили на командира 120-мм полковых минометных расчетов.

После окончания учебного подразделения тем, кто закончил учебу на отлично, присвоили воинское звание сержанта и направили для дальнейшего прохождения воинской службы в Группу советских войск в Германии. Я попал в 8-ю гвардейскую общевойсковую армию (бывшая 62-я стрелковая армия, которая в годы войны под командованием генерала Чуйкова воевала под Сталинградом).

Наш мотострелковый полк находился на юге Германии, в пригороде Лейпцига в населенном пункте Шинау, меня назначили командиром 3-го, основного минометного расчета, в 3-ю минометную батарею, 3-го мотострелкового батальона.

Мысль, которая сформировалась еще в школьные годы под влиянием военных рассказов отца и других фронтовиков, связать свою судьбу с армией не оставляла меня никогда. В 1976 году я поступил в Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище.

Когда мы учились на четвертом курсе, произошли события, связанные с вводом советских войск в Афганистан: к нам приезжали выпускники предыдущих выпусков, которые участвовали в этих событиях и рассказывали о боевых действиях наших воинских частей и подразделений при вводе войск в Афганистан.

Под впечатлением этих рассказов мы все написали рапорта с просьбой для дальнейшего прохождения воинской службы направить нас, молодых лейтенантов, в воинские части, которые выполняют интернациональный долг на территории республики Афганистан. Однако, после выпуска из училища в 1980 году, по распределению попал в Прибалтийский военный округ, город Калининград, заместителем командира батареи управления по политической части начальника артиллерии и ракетных войск 1-й танковой дивизии.

Батарея размещалась в военном городке артиллерийского полка, в котором проходили службу несколько офицеров, которые прибыли из артиллерийских частей ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Их скупые рассказы о боевом применении артиллерии, подрывах нашей техники, рейдах мобильных групп, о быте воинских частей и подразделений, о первых погибших и раненных солдатах и офицерах мы слушали с замиранием сердца.

Воспитанные на примерах героизма, мужества, отваги, офицерской чести, верности воинскому долгу, преданности Родине, мы, молодые офицеры, в том числе и я, не думали о возможности погибнуть на войне и тем более не задумывались о целесообразности ввода войск в Афганистан и во имя чего наши солдаты и офицеры ценою своей жизни там должны выполнять интернациональный долг. Каждый

военнослужащий стремился попасть в команду, направляемую в Афганистан, или попасть в список на замену офицеров, проходящих воинскую службу в составе ОКСВА.

В течение 1980-1981 годов я написал три рапорта с просьбой направить в Афганистан или включить в список для замены по своей должности. В сентябре 1981 года меня срочно вызвал начальник политического отдела дивизии полковник Захаров Н.И., поинтересовался моей службой, делами, семейным положением, в то время я был еще холостой. В конце беседы он сообщил, что на дивизию пришла одна разнарядка для замены должности заместителя командира батареи по политической части в составе в ОКСВА, а так как в дивизии всего одна такая должность, то замена предстоит мне.

С одной стороны я был доволен, буду служить в воинской части, которая ведет боевые действия, буду достоин своего отца-фронтовика, и он не будет краснеть за меня, с другой стороны смущала и даже как-то даже страшило впереди неизвестное, новое, непривычное. Это все было внутри меня, а внешне держался гордо, достойно: многие завидовали, что я еду в «Афган».

Согласно установленных приказом правил я должен был использовать очередной отпуск, затем сдать должность и убыть со сформированной командой Прибалтийского военного округа в Туркестанский военный округ, город Ташкент, на пересыльный пункт в Тузель.

Отпуск я провел у родителей, помог им по дому, хозяйству, они были рады, что я впервые никуда не спешил, был рядом. Сердца наших родителей всегда чувствуют любые изменения и переживания своих детей. Я им, естественно, ничего не сказал о командировке в Афганистан и постарался окружить их заботой и лаской по время своего отпуска. Отец и мама чувствовали, что я изменился, стал, наверное, серьезней. Папа только спросил: «Как ты, сын?», а материнское сердце труднее обмануть и она все время спрашивала, почему я стал задумчивым, спокойным. Как мог, я скрывал свою командировку, они узнали, что я в Афганистане только через несколько месяцев.

Первые дни

Итак, в ноябре я оказался на пересыльном пункте в Ташкенте и через двое суток на пересыльном пункте на

Кабульском аэродроме. Здесь, впервые я услышал треск автоматных очередей, свист и разрыв мин, взлет транспортных самолетов с отстрелом тепловых ракет на случай стрельбы «стингеров», уход на боевое задание вертолетов огневой поддержки и транспортных десантных вертолетов, залпы реактивной батареи по противнику, находящемуся где-то за ближайшими горами.

Неизгладимое впечатление на нас, вновь прибывших офицеров, произвели прибывшие из-под Кундуза вертолеты. Как позже нам сказали, рота попала в засаду «духов», и несколько вертушек привезли раненых солдат и офицеров в Кабульский госпиталь, всем офицерам была дана команда помочь с разгрузкой раненых. Наверное, после этого с нас, в том числе и с меня, слетели последние остатки мальчишеской бравады и самоуверенности, начинали осознавать, что здесь идет война. В памяти всплыли рассказы отца о первых днях Великой Отечественной войны, и я четко осознал, что прибыл в реальную боевую обстановку, где бывают раненые и погибшие.

На второй день нас повезли в штаб 40-й армии на инструктаж и распределение по воинским частям к члену Военного совета армии генералу Меркушеву А.А. Под впечатлением всего увиденного и услышанного все мы были собраны, немногословны и сосредоточены, что не ускользнуло от опытного глаза нашего начальника. Узнав причину нашей замкнутости, он сказал, что это наше первое боевое крещение. Теперь мы должны понять и осознать, где находимся, и от каждого из нас во многом зависит сохранение жизни и здоровья подчиненных.

Я получил назначение в 28-й реактивный армейский полк (РЕАп) войсковая часть 85615 на должность заместителя командира 9-й реактивной батареи по политической части (артиллерийская система залпового огня «Ураган»). В полку уже проходили службу несколько офицеров - лейтенантов моего выпуска: Рубцов В.А.. Бобырь С.Л., Рибен Ю.А., Чучалов А.А..

Первые месяцы я изучал новую для себя боевую технику, правила стрельбы. Повседневная армейская жизнь была похожа на полевой выход в Союзе только тем, что жили в палатках, а в остальном все было другое: невыносимая

дневная жара, воинские части стояли в пустыне, ночью холодно, вокруг части постоянное боевое охранение, воду пили только заваренную на верблюжьей колючке, систематические боевые стрельбы, особо обращал внимание на себя дружный, сплоченный коллектив личного состава батареи и опять на память приходили рассказы отца, что на войне отделение, взвод, батарея - это единый кулак, все друг за друга.

Война накладывала свой отпечаток на всех, кто туда попадал. Много хороших и добрых слов можно сказать о командире батареи капитане Шилине Владимире Александровиче и его заменщике Ланине Владимире Николаевиче, командире взвода управления старшем лейтенанте Михайлове Геннадии Николаевиче, командире 1-го огневого взвода старшем лейтенанте Курдюкове Юрии Николаевиче, командире 2-го огневого взвода старшем лейтенанте Логине Михаиле Дионисовиче.

Ураган

В начале 1982 года под Гератом проходила боевая операция 5-й мотострелковой дивизии по уничтожению бандформирования, которая постоянно нападала на наши автоколонны и не давала покоя 101-му мотострелковому полку, дислоцированному в Герате. На каком-то этапе операции произошла заминка, днем наши войска брали определенные рубежи, на ночь отходили на исходные позиции, а на утро приходилось по новой вести бои за взятые накануне рубежи. В связи с этим командованием 40-й армии было принято решение направить в район операции и применить реактивную артиллерию залпового огня «Ураган».

Не знаю по каким критериям рассматривался вопрос выбора реактивной батареи, которой предстояло выполнять боевую задачу, но приказано было подготовиться к выходу нашей, 9-й реактивной батареи, 3-го реактивного дивизиона. Я считаю, наша батарея была лучшей. Подготовка батареи, шесть боевых и шесть транспортно-заряжающих машин, к совершению марша и выполнению боевой задачи заняла несколько часов, полностью укомплектованы были все расчеты, в связи с тем, что подобная система применялась

впервые, на каждый расчет был назначен офицер из дивизиона. Я отвечал за второй расчет.

Наши системы считались секретными, поэтому для сопровождения колонны батареи был придан танковый взвод, мотострелковая рота на БМП, они потом стояли в боевом охранении вокруг огневых позиций батареи, в воздухе сопровождали два вертолета огневой поддержки.

Первый огневой налет по позициям бандформирований был нанесен ранним утром, каждая установка выпустила по восемь снарядов из шестнадцати.

Результаты стрельбы нашей реактивной батареи были впечатляющими, танковые и мотострелковые подразделения заняли намеченные районы и в целом зону влияния «душманских» группировок без потерь личного состава, боевой техники и организованного сопротивления противника. Главное артиллерийским огнем были уничтожены штабы, система оповещения и пути отходов бандитов через систему киризов, подземных колодцев.

После взятия нашими войсками района действия бандформирований, я совместно с офицерами батареи и дивизиона летал на вертолете оценить результаты нашей стрельбы и точность попадания снарядов по полученным разведданным. Эффективность и прицельность стрельбы системы залпового огня «Ураган» была универсальной, все цели были полностью уничтожены, после такой огневой поддержки о сопротивлении «душманов» не могло быть и речи, в какой-то мере это для них был и психологический шок.

После первой боевой операции, была вторая, третья и т.д., в которой была применена система залпового огня «Ураган», все батареи реактивного дивизиона участвовали в боевых действиях по всему Афганистану. Были сложные и тяжелые боевые операции в Панджшерском ущелье, под Кабулом, в Газни, но всегда залп реактивной артиллерии предвещал успешное выполнение боевых задач общевойсковыми подразделениями. Однако приходилось терять личный состав и боевую технику.

Царский ужин

Вспоминается один курьезный случай, который произошел на одном боевом выходе. Наша реактивная батарея

стояла на огневых позициях в пустыне больше десяти дней, командир батареи капитан Ланин В.Н. и командир взвода управления старший лейтенант Михайлов Геннадий были на передовом командном пункте, координируя огонь батареи. Рядом с КНП был водоем, на огневой позиции находились старший офицер батареи Курдюков Ю.Н., командир 2-го взвода Логин М.Д и я, замполит батареи старший лейтенант Петров П.П.. Недалеко от огневой позиции размещался ПХД (кухня), где кошеварили повара.

Вечером личный состав с КНП прибыл на огневую позицию в расположение батареи. Михайлов Гена пообещал сделать нам царский ужин, мы все знали, что он любит сам готовить вкусную еду. Обычная полевая еда с консервами или тушенкой нам порядком надоела, и обещанное нам жаркое из мяса было для всех пределом мечтания. На ужин было жаркое с гречкой, все ели с удовольствием, только мясо было какое-то странное на вкус и очень жесткое, но в начале никто не спросил, откуда Геннадий достал свежее мясо. Когда уже пили чай, я спросил, где взяли мясо, Михайлов сказал, что на КНП.

После ужина проходя мимо кухни, я увидел ведро полное длинных костей, у повара спросил, откуда такие длинные кости, он мне доложил, что это цапли, теперь стало ясно, откуда жаркое с мясом. Когда все выяснилось, то оказалось, что Гена Михайлов вместе с командиром отделения разведки сержантом Кузнецовым Александром у водоема на КНП выловили три цапли и, никому не говоря, решили накормить весь личный состав батареи свежим мясом.

Когда все узнали, что ели на ужин, то последствия были для некоторых бойцов неприятными, пришлось вызвать врача и санинструктора, а утром убирать территорию огневой позиции. Особенно возмущался командир дивизиона майор Хубиев Магомед Хангериевич, мы его и заместителя командира полка майора Егорова Игоря Павловича тоже угостили мясом из цапли с лягушачьими лапками. В итоге все обошлось, на здоровье никто не жаловался, но в полку часто шутили над нами, личным составом 9-й батареи, любителями жаркого из мяса цапли с заправкой лягушатиной.

Пять опорных пунктов

В феврале 1983 года за успешное выполнение боевых задач и отличные показатели личного состава батареи я получил новое назначение, повышение по должности. Меня перевели в 5-ю мотострелковую дивизию, 1060 артиллерийский полк, войсковая часть п/п 71205 и назначили заместителем командира 3-го артиллерийского дивизиона по политической части. На вооружении дивизиона находились 122-мм гаубицы, буксируемые многоцелевым тягачом легким бронированным (МТЛБ).

Главная особенность дивизиона состояла в том, что в артиллерийском полку, дислоцированном в Шиндандском гарнизоне из всех подразделений дивизиона находился только взвод управления. Все остальные подразделения нашего артиллерийского дивизиона были приданы или поддерживали другие воинские части и подразделения.

Одна артиллерийская батарея в полном составе была придана воздушно-десантному батальону и находилась в населенном пункте Гиришк и располагалась на господствующей высоте у моста через реку Гильменд. Вторая артиллерийская батарея располагалась повзводно. Первый огневой взвод стоял в горах, на перевале под Диларамом, обеспечивая безопасный проход наших автоколонн, когда они медленно преодолевают крутые виражи на подъеме и спуске. Второй огневой взвод занимал круговую позицию на дальнем приводе Шиндандского аэродрома, между кишлаками, не позволяя «душманам» вести обстрел самолетов при посадке и взлете. 3-я артиллерийская батарея также была рассредоточена повзводно. Первый огневой взвод занимал позиции совместно с мотострелковым взводом на сопке над населенным пунктом Адараскан, где располагался гарнизон саперного батальона 5-й мотострелковой дивизии. Это был очень неспокойный район, зона действия бандформирования, вокруг находились кишлаки, со стороны которых постоянно велся пулеметный, минометный или из безоткатный орудий обстрел, проходящих по «бетонке» наших автоколонн или саперного батальона. Огневой взвод был в постоянной боевой готовности, а бойцы дежурного расчета ни на минуту не могли отойти от своего

орудия, так как команда «Огонь» могла прозвучать в любую секунду. Второй огневой взвод занимал линию боевого охранения на удалении до 5-и километров от расположения воинских частей Шиндандского гарнизона.

Такая разбросанность подразделений нашего дивизиона накладывала большие и серьезные требования к командному составу всего дивизиона, от командира расчета до командира дивизиона. Организация самой боевой стрельбы была сложной: горная и ночная стрельба, осветительными и дымовыми снарядами, постоянная пристрелка целей, доставка снарядов на огневую позицию, должно было быть на каждое орудие не менее 3-х боекомплектов, устройство скрытых складов для боеприпасов. Командир дивизиона и все его заместители постоянно находились на одной из точек, где располагались подразделения дивизиона, организовывая не только боевую работу, но жизнь и быт личного состава. На меня была возложена не только воспитательная работа среди личного состава, но и обеспечение жизнедеятельности подразделений на всех пяти объектах.

Главные задачи, которые стояли перед нами, это доставка в расположении подразделений чистой воды, организация питания, включающая в себя доставку продуктов питания, их хранение, особенно в летнее время, приготовление пищи, соблюдение санитарных норм в местах общего пользования, личная гигиена солдат и офицеров и сотни других вопросов. В полку вопросами обеспечения занимались соответствующие службы, а мне приходилось самому решать возникающие задачи или поручать офицерам и прапорщикам дивизиона, а порой и сержантам.

В моем непосредственном подчинении находился экипаж БРДМа (бронированная разведывательно-дозорная машина) младшего сержанта Кузнецова Андрея, это был для меня и дом и средство передвижения. На каждом объекте я находился 5-7 дней, чтобы в течение месяца побывать на всех точках, где расположены наши подразделения.

Все солдаты и офицеры на опорных пунктах и боевых охранениях с нетерпением ждали моего прибытия еще по одной причине, я был «почтальоном», доставлял из полка письма личному составу дивизиона от родных и близких. Эта связывающая почтовая ниточка с Родиной, «большой землей»,

родными местами была главной и основной ради чего мы стойко переносили все трудности войны.

Со мной постоянно ездили по все точкам полковые и дивизионные медицинские работники, это было вызвано тем, что в маленьких подразделениях, расположенных вдали от основной базы полка, очень сложно было организовать и поддерживать на должном уровне необходимые санитарные нормы и гигиену личного состава. Особенно тяжело складывалась ситуация в подразделениях дивизиона из-за болезней солдат и офицеров. В основном борьба шла с гепатитом, и это требовало постоянного внимания на три основных источника заболевания: качество питьевой воды, приготовление и прием пищи на кухне, чистые руки личного состава.

Все принимаемые меры командованием дивизиона и полка не могли в полной мере устранить возможность заболеваний военнослужащих и остановить возникающие вспышки инфекционного гепатита, поэтому часто расчеты не были полностью укомплектованы согласно штатного расписания, более того на некоторых опорных пунктах, где находились наши подразделения, не оставалось ни одного офицера или прапорщика. Такие случаи были не единичными.

Принял командование огневым взводом

Однажды в сентябре 1983 года в огневом взводе дислоцированном в населенном пункте Адраскан, командир 2-го огневого взвода, прапорщик, убыл в Союз в очередной отпуск, командиром на опорном пункте был назначен старший офицер батареи старший лейтенант Чернобривченко Владислав Михайлович, один из опытнейших и грамотных офицеров дивизиона. Прошло несколько дней, я в это время находился во взводе на дальнем приводе Шиндадского аэродрома, и мне сообщили, что Чернобривченко тяжело заболел гепатитом, а заменить его не кем и командир дивизиона приказал мне принимать командование огневым взводом на этой точке.

Через несколько часов я со своим экипажем уже был в расположении подразделения, взвод занимал огневую позицию на господствующей горе над населенным пунктом.

Хозяйство взвода осмотрел и принял быстро, так как я его знал очень хорошо, сам принимал участие в создании условий для жизни и быта военнослужащий.

Основная задача, которая стояла передо мной, изучить установленные цели стрельбы и произвести по ним пристрелку основного орудия. Мне было легко выполнять все специфичные артиллерийские задачи, потому что я был стреляющий замполит, то есть как и все офицеры дивизиона мог выполнять артиллерийские задачи, большая заслуга в моей артиллерийской подготовке принадлежит командиру нашего дивизиона майору Кондратьеву Эдуарду Александровичу.

С начальником гарнизона, командиром инженерно-саперного батальона я согласовал время артиллерийской пристрелки, в назначенное время произвели выстрелы из гаубиц осветительным снарядом по трем разным направлениям и выпустили три красных ракеты. У нас была договоренность об этом с муллами и старшими в близлежащих кишлаках, что после этого предупреждения мы начинаем артиллерийский огонь по намеченным целям и жители не должны там появляться до завершения стрельбы, окончанием артиллерийской пристрелки было три зеленых ракеты.

Пристрелку старых и вновь намеченных целей провели примерно за один час, каждый командир расчета записал на специальном бланке номера целей и их координаты. Схема артиллерийской стрельбы по возникающим огневым точкам противника складывалась примерно так: гаубица могла стрелять по кругу и цели были пристрелены по кругу. Если откуда-то велась стрельба по нашей автоколонне или расположению инженерно-саперного батальона, подавалась команда «цель №5» именно та, которая находилась на этом направлении, и открывался артиллерийский огонь, далее уже корректировалась стрельба до полного подавления огневой точки.

Повседневный жизненный уклад на опорном пункте складывался по своим законам и особенностям, личный состав расчетов жил в оборудованных землянках, рядом с орудием, здесь же в капонире находился орудийный боекомплект. Один артиллерийский расчет в полном составе круглосуточно был дежурным и находился около гаубицы, по графику чередуясь с

другими расчетами. Один или два наблюдателя постоянно вели наблюдение за местностью, отмечая в журнале все заслуживающее какого-либо внимания. Один пост находился на въезде на огневую позицию в окопе, в ночное время назначался один или два двойных патруля по периметру занимаемых позиций, соответственно служба складывалась и днем и ночью, соответственно и отдых личного состава также был днем и ночью.

Конечно, всем было тяжело, но я никогда не слышал стонов или недовольства бойцов. Командир же на опорном пункте был ответственным естественно за все, представьте себе боевая работа, организация питания, учебные занятия, здоровье подчиненных, материально-техническое обеспечение, охрана и оборона расположения опорного пункта и т.д. Здесь хочу отметить огромную роль сержантского состава, именно младшего звена командиров расчетов и отделений.

Именно в те моменты я часто вспоминал фронтовые рассказы своего отца о себе, он в годы войны был помкомвзвода, старшиной батареи и находился всегда среди своих солдат. А еще я вспоминал слова Маршала Советского Союза Жукова Г.К. сказавшего: «Армией командую я и ефрейтор». В сложных и тяжелых ситуациях в памяти всплывали воспоминания фронтовиков, я их сравнивал, сопоставлял с событиями и ситуациями возникающими вокруг меня. Более того, я сам был сержантом полтора года срочной службы и четыре года в военном училище, поэтому психология младших командиров, их роль и возможности мне не понаслышке были знакомы, и я всегда это реально оценивал и использовал в своей работе.

Прибывая на опорные пункты, где дислоцировались наши подразделения, я всегда собирал сержантский состав и разговаривал с ними именно как с командирами, без которых сложно выполнить ту или иную задачу, давал им возможность самостоятельно принимать решения, что порой вызывало недовольство офицерского состава.

Может быть весь сержантский состав дивизиона относился ко мне с особым уважением потому, что я прошел сержантский путь, но и в отношениях с ними старался быть уважительным, поднимать их значимость и авторитет.

Настоящими младшими командирами, помощниками офицеров, был весь сержантский состав на этом опорном пункте.

Например, командир одного расчета сержант Николенко Андрей, командир 1-го расчета, отвечал за всю караульную и дежурную службу, другой сержант отвечал за пункт приема пищи, третий за материально- техническое обеспечение подразделение и т.д. Мне порой приходилось у них перенимать отдельные моменты организации работы на том или другом направлении. С таким сержантским составом была по плечу любая боевая задача, и мне оставалось только контролировать все вопросы жизнедеятельности подразделения, внося необходимые изменения, исходя из складывающейся ситуации.

Мины подбрасывают специально обученные собаки

Однажды при подъезде к опорному пункту, БМП-2 (боевая машина пехоты) мотострелкового взвода, который стоял на сопке вместе с нами, подорвался на мине, несколько бойцов были ранены. Весь периметр опорного пункта на сопке был заминирован и установлены замаскированные, незаметные растяжки к сигнальным ракетам, наши бойцы это знали и за установленную границу не выходили. Противник незаметно к нам не мог подобраться, сразу на какой-либо сигнал наткнулся и был бы обнаружен. Мы стали разбираться, как такое могло произойти, дорога к нам от основной трассы, где стоял саперный батальон и кишлак, весь этот отрезок пути просматривался двумя постами круглосуточно, на въезде на огневую позицию и от мотострелкового взвода, по бокам дороги били на растяжках стояли сигнальные ракеты.

Главное у нас существовала договоренность со старшими в кишлаке, что если хоть одна машина подорвется, отвечать придется жителям этого кишлака, мы будем вынуждены строго запретить любое передвижение людей в этом направлении даже в дневное время, и сразу встанет вопрос, где пасти им овец и коз.

Примерно в эти же дни произошли несколько подрывов около инженерно-саперного батальона, где тоже была малая вероятность установки «душманами» мин. Естественно, мы с

командиром батальона доложили в штаб дивизии о всех подрывах боевой техники и понесенных потерях, через несколько дней прибыла оперативная группа с переводчиками и разведывательной бронегруппой, сотрудниками царандоя (афганской милиции), хатовцы (особый отдел) и еще какие-то наши люди бородатые, в гражданской одежде, явно не войсковая разведка. Они несколько дней на броне колесили по всем населенным пунктам нашей зоны ответственности и всего близлежащего района.

Мы в это время с переводчиками и спецпропагандистами дивизии встречались с духовенством и главами ближайших кишлаков, беседовали, выслушивали их претензии к нам, доводили наши пожелания, договаривались по большинству вопросов, по другим проблемам просто информировали их. В это время наш врач проводил медицинский прием населения - мужчин и детей, а две медсестры из госпиталя осматривали женщин. Особо бедным и нуждающимся, по представлению глав кишлаков и муллы, выдавали бесплатно муку, крупу, консервы, чай. В целом, на мой взгляд, нас понимали, и свои обещания выполняли, хотя так было не всегда и не везде.

Разведывательные данные, полученные в ходе рейдов разведгрупп, и наши встречи с населением кишлаков подтвердили поступившую к этому времени информацию, что мины подбрасывают специально обученные собаки, афганские овчарки. Поступила команда, около военных городков и опорных пунктов бродячих собак уничтожить, об этом мы предупредили местное население, хозяева забрали своих собак, а остальные были ликвидированы. Наблюдатели за местностью мне докладывали несколько раз, что видели на удалении 3-5 километров от огневых позиций на дальней дороге между двумя кишлаками, со стороны которых постоянно велся минометный и пулеметный огонь, в одно и тоже время появляется собака с какой-то ношей на спине.

В дальномер я тоже наблюдал эту собаку, было принято решение уничтожить ее, но дело оказалось не простым, в зоне видимости она появлялась на короткое время, когда бежала по пригорку, автоматы и пулеметы не доставали по дальности стрельбы, пушка с БМП-2 не успевала ее накрыть. На этом направлении у нас была пристрелена цель для стрельбы, на другой день я дал команду командирам расчетов, сержантам

Николенко Андрею и Слепцову Николаю зарядить две гаубицы осколочными снарядами, рассчитал вилку стрельбы по фронту, примерно за час до появления этой собаки дал три красные ракеты, информируя всех, что буду вести пристрелку целей. Как только она появилась на пригорке, дал команду: «Огонь». Больше мы ее не наблюдали, после всех принятых профилактических мер подрывы боевой техники в зоне нашей ответственности прекратились.

Там, там - не знаем что!

Вспоминается на этом же опорном пункте еще один случай. Ночью как обычно два двойных патруля несли службу по периметру огневых позиций. В одном двойном патруле были рядовой Скворцов, второго фамилии не помню, но оба большой храбростью не отличались.

Моя землянка находилась в центре пункта, недалеко располагался кухонный блок, как там оказался патруль и что они там патрулировали, не знаю. Ночь была очень темной, в землянке было жарко, я сидел на скамейке около входа и дремал, вдруг раздался испуганный крик и мимо меня в направлении дежурного расчета, со скоростью пули пролетели два бойца. Тут же в небо взлетели две осветительные ракеты.

Весь личный состав кинулся на свои места, как по боевому расчету, соседи тоже все всполошились, все небо осветили ракетами. Каждый подумал, что произошло нападение на опорный пункт, быстро заняли круговую оборону, только стрельбы не было никакой. Сразу сообразив, кто стал причиной тревоги, спросил, где патруль и что случилось, оба бойца были бледные и могли только произнести: «Там, там - не знаем что!»

Медленно цепью стали приближаться к ПХД (пункт хозяйственного довольствия). Сержант Николенко и повар мне говорят: «Вы не ходите туда мы сами разберемся, что там, наверное варан». Оказалось там около ведра с отходами стоит и ест остатки нашего ужина ослик. Попал к нам очень просто, днем дежурил 1-й расчет сержанта Николенко, увидели у подножия сопки ослика и едой его заманили к нам, спрятали в блиндаже, а ночью с поваром решили его накормить, и туда случайно заглянул патруль. Конечно, как требует устав, со

всеми разобрались, но смеха и шуток было вдоволь, а в патруль вместе наших храбрецов больше не назначали.

Есть чем гордиться

За годы, проведенные в Афганистане с ноября 1981года по апрель 1984 года, было много боевых эпизодов, но и невозможно было представить всю нашу жизнедеятельность без юмора и шуток.

Оглядываясь сегодня в наше боевое прошлое, я могу сказать, что это были годы нашего становления и взросления, годы мужания и жизненной закалки, годы проверки и оценки своих человеческих качеств, годы осмысления, кто мы, к чему стремимся и кем станем. Наша память будет вечно хранить годы, проведенные на афганской войне, эту память мы передадим своим детям и внукам.

Мне есть чем гордиться. Уже после возвращения прошли годы, многие события этой войны стали общеизвестными, и в одной из моих бесед с отцом, он мне сказал: «Сын, я горжусь тобой, ты достойный защитник нашего Отечества». До сих пор для меня это высшая похвала из уст моего отца, учителя, фронтовика.

Не забудем мы тебя, в памяти всегда храня,
Близкий и чужой, нищий, но родной – Афганистан!

После Афганистана я получил назначение в Закавказский военный округ, затем поступил в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (ВПА). В период обучения в ВПА в 1987-1989 годах стоял у истоков создания движения ветеранов войны в Афганистане. Совместно с единомышленниками Шпоть В.Ф., Мельниковым А.Н., Пешковым Н.А., Опалевым С.Н., Матиевичем А.А., Такниашвили З.Б., Михеевым О.К. была создана одна из первых районных ветеранских организаций «Объединение воинов-интернационалистов» Ленинского района (в настоящее время района «Хамовники»).

В 1998 году по нашей инициативе и непосредственном моем участии было образовано Московское объединение организаций ветеранов локальных войн и военных конфликтов, где в настоящее время я являюсь членом Правления, сегодня эта организация объединяет более 50

ветеранских организаций города Москвы. Сейчас Московское объединение организаций ветеранов локальных войн и военных конфликтов, это передовая, самая активная региональная организация в структуре Российского Союза ветеранов Афганистана.

На VII съезде Российского Союза ветеранов Афганистана, который проходил 13 февраля 2006 года в городе Москве я был избран заместителем Председателя Центрального Правления Российского Союза ветеранов Афганистана по Центральному федеральному округу.

Декабрь 2008 года.

Попов Дмитрий Игоревич

А танка-то нет, только гора снега

Пусть время проходит и годы летят,
Но этих двух лет не забудет солдат.

Я родился 9 сентября 1968 года в Москве в Бауманском (ныне Басманном) районе, в семье инженеров. Окончил школу №83 (ныне №1204). После школы поступил в Московский автомеханический институт. После окончания 2-го курса меня призвали в ряды вооружённых сил. Интересно то, что это был последний день призыва – 15 июля 1987 года. Проводы были быстрыми, скромными, в кругу семьи.

Мой прадед и дед, по материнской линии, были кадровыми офицерами и участвовали в Первой и Второй мировых войнах, соответственно. Дед по отцовской линии был начальником пограничной заставы и охранял от басмачей границу с Ираном на реке Аракс. Отец служил на крайнем севере, в бухте Тикси.

У моего поколения было другое воспитание. Считалось позорным избегать службы в армии. Идти служить тогда считалось логичным, правильным. Служба в армии – это отличная школа жизни, обучающая юношу дисциплине, самоорганизации, умению преодолевать трудности и

достигать поставленных целей, прививающая чувство товарищества и взаимовыручки. Пройдя через это жизненное испытание и выполнив свой гражданский долг, юноша возвращается совершенно другим, взрослым самостоятельным мужчиной, способным разбираться во многих жизненных ситуациях и готовым нести бремя ответственности не только за себя, но и за других. По-другому начинает оценивать себя и свое отношение к окружающему миру. Правда, понимание этого приходит гораздо позже.

Я - солдат

Первое воспоминание, которое приходит в голову - привезли нас, новобранцев, на сборный призывной пункт на Угрешской ул., построили, офицеры личные дела просматривают. Вдруг подходит ко мне полковник, отец одного из призывников, и спрашивает: «Это у тебя команда 20-А?». «Да, а что?» - ответил я. Он добавил: «Да ничего, удачи тебе сынок».

Не придал я тогда этому значения, так как был уверен, что попаду в ВДВ, поскольку имел разряды по легкой атлетике, лыжам и боксу. От военкомата за год до этого отправляли на недельные сборы обучаться прыжкам с парашюта и на моем личном деле, в правом верхнем углу, красовался нарисованный красным карандашом парашют.

По призыву попал в Ленинградское учебное училище, в/ч 45935, во 2-ю батарею, готовящую специалистов по ремонту 152-мм гаубиц Д-20 и 120-мм полковых минометов. За год до этого, впервые попав в Ленинград, решил посмотреть город. Через полчаса после того, как я отошел от московского вокзала, я вышел на какой-то пустырь. Вдалеке увидел забор со звёздами. Поразился, что из центра буквально за полчаса вышел на какие-то окраины. Каково же было моё удивление, когда нас, новобранцев по прибытию в Ленинград построили и повели к тому самому забору в звездах. Я понял - это судьба!

А уже через день после этого я принимал присягу. За три месяца, что я там провел, изучил Устав, строевую и караул. Немного познакомился с устройством гаубицы и миномета, так как изучать их не было ни сил, ни возможности, ни желания. Гоняли так, что никаких посторонних мыслей не возникало, единственное, о чем мечталось - выспаться и

наесться до отвала! В середине сентября, когда небольшую группу курсантов вместе со мной отправили на медкомиссию, я узнал, что означает команда «20-А».

Очень многие на войну рвались и огорчались, когда их туда не брали. Причиной этому было желание проверить себя и, в принципе, основной движущей силой было желание быть героями, как их отцы или деды. Действительно, многие ребята писали рапорты о том, что хотят служить в Афганистане. Но, конечно, не всем было суждено. Брали самых подготовленных, самых физически крепких.

За неделю до отправки в ДРА, приехали навестить родители. Отец пытал меня, куда меня направят после «учебки», но я молчал как партизан. Знал, что будут безумно переживать. Дальше события развивались стремительно: Пулково, Ташкент, Кабул, Баграм. Поселили на два дня в какую-то глиняную хижину. Ночевали на земле подстелив одну шинель, а другой укрывались. Все вокруг чужое, непонятное. Днем жара, ночью холод. Вокруг безжизненное плато, окруженное горами. Самолеты, при посадке и взлете пускающие ракеты. Дома, сделанные из глины. Тучи пыли, поднимавшиеся от проезжающей техники и разносимые ветром повсюду, так что невозможно было дышать. Необычная форма одежды наших солдат и офицеров. Военная техника, которую раньше я никогда не видел, и огромное количество оружия и боеприпасов. Практически каждый солдат был со своим автоматом и пристегнутым рожком, к которому изолентой был примотан запасной магазин. Наконец, на третий день, вспомнили и о нас. Построили в один ряд и прибывшие офицеры из разных частей и соединений по нашим личным делам и внешним данным стали отбирать себе пополнение.

Помню, подошел ко мне старший лейтенант и спрашивает: «Пойдешь ко мне в десантно-штурмовую бригаду?». «Так точно!» - ответил я, а сам внутренне радуюсь, – это ведь еще круче, чем ВДВ.

Не знаю, что там дальше было, как нас «тасовали», но через несколько дней я оказался в разведроте войсковой части № 51863 177-го мотострелкового полка 108-й Невельской дважды Краснознаменной мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Джабаль-Уссарадже.

Что ж, разведка тоже не плохо.

Месяц ушел на адаптацию к местному климату, воде, еде и изучению правил и порядков несения службы в боевых условиях. Любая царапина начинала гнить, разрастаться, угрожая заражением крови. От воды, которой даже в полку не всегда можно было разжиться, всех мучила слабость желудка.

От еды - жуткая изжога. Фляга, наполненная чаем из верблюжьей колючки после завтрака, предательски быстро заканчивалась, заставляя мучительно отсчитывать часы, оставшиеся до обеда. Эти первые бытовые испытания позволили понять, кто рядом с тобой, а дружба, которая там завязывалась, пронесена до сегодняшних дней.

В начале декабря вызывает меня командир разведроты и сообщает, что переводит меня в ремонтную роту. В расстроенных чувствах спрашиваю: «За что, почему?». Сначала ДШБ, потом разведка, а теперь вообще – ремрота! «Ты, - говорит, - не кипятись, ты человек образованный, из Москвы, за плечами 2 курса технического ВУЗа, ленинградскую «учебку» по ремонту артвооружения заканчивал, «пушечного мяса» у нас и так хватает. Нам специалисты нужны! А проявить себя можно в любом месте». Так я попал в ремроту, во взвод по ремонту вооружения, где опять пришлось выстраивать отношения.

Надо признать, что «москвичей» там не жаловали, отношение к ним со стороны сослуживцев было изначально предвзятое. То, что ты не хуже других, приходилось доказывать делом, словом и кулаком – для каждого свой аргумент.

Снаряд заклинило

За две недели до нового года, вызывает меня командир взвода старший прапорщик Васильев Н.В. и говорит: «Срочно собирайся, поедешь в артиллерийский батальон в Гульбахар. Необходимо отремонтировать две гаубицы. Даю тебе два ящика абсолютно нового ЗИПа (запчасти, инструменты, принадлежности) – головой за него отвечаешь».

Еду я на броне БТРа с ребятами с этой батареи, про жизнь и службу говорим, а самого гложет мысль – что делать? Как с задачей справиться? В учебке знания-то поверхностные получил, там ведь больше внимание строевой, караулу и

хозработам уделялось!

Несмотря на то, что все мужики там были старшего призыва, встретили меня как родного: и стол накрыли, и кровать в землянке лучшую дали. А лучшее место в землянке – у самого выхода, потому что тому, кто в самой её глубине, очень сложно по узким проходам выбираться, да и засыпать может.

Если чего-нибудь надо, только скажи, главное помоги, отремонтируй – ты ведь специалист. Да, думаю, попал, так попал. Стал я проверять гаубицы. Две из четырёх работали нормально, а у двух других были проблемы с давлением в накатнике, с тормозом отката и затвором. Делать нечего, пришлось спрашивать у командира батареи, есть ли литература, которая помогла бы мне разобраться в ремонте гаубиц. Есть, говорит. Книги дал и заверил, что при первой же просьбе предоставит людей и всё необходимое. Чинить надо было срочно, потому что огонь батареи не в полной мере мог подавлять очаги сопротивления противника. К тому же, практически каждую ночь шёл обстрел с чарикарской зелёнки (зелёная часть низины). В течение двух дней я изучал строение гаубиц, и совместными усилиями задача была выполнена. Когда я вернулся в свою часть, то узнал, что обо мне уже сообщили как о хорошем специалисте и перед строем вынесли благодарность.

А сразу после Нового года меня ждало новое задание: надо отремонтировать пушку танка. А уж это определённо было тем, что я даже близко не изучал... Дали напарника – Темченко Александра, с которым мы приехали на танковую заставу. Танк, пушку которого необходимо было отремонтировать, уже давно был без двигателя и служил просто стационарной пушкой. Я быстро нашёл неполадку: сломался механизм отката снаряда. Выстрел не произошел, снаряд заклинило, и, пока он ожидал нас, успел покрыться ржавчиной. Прежде чем чинить, надо удалить снаряд. А как его удалить? Решили с помощью домкрата откат полностью произвести, вытащить снаряд. Доложил о нашем плане командиру роты этой танковой заставы. «Нет, - говорит, - рабочих домкратов». Держи ключ от сарая, может, там найдётся что-то пригодное». Так, из нескольких нерабочих домкратов мы с напарником собрали один рабочий. Наш план

сработал, и снаряд мы вытащили. А дальше дело уже само пошло.

Эти примеры иллюстрируют, как приходилось включать солдатскую смекалку, чтобы выполнить поставленную задачу. И подобных эпизодов можно рассказать много. Пришлось освоить ремонт всего стрелкового оружия от автомата до систем реактивного залпового огня «Град». Попадалось и трофейное оружие: непонятно как оказавшийся у них наш ППШ времен Великой Отечественной войны и английская дальнобойная винтовка «Бур» со времен англо-афганской войны. Часто приходилось делать практически невыполнимые задания.

Однажды командир моей роты принёс останки нашего автомата АК-74. Автомат мало того, что сгорел, его потом и танк переехал. Главная проблема была в стволе автомата: он был погнут, а выгибать приходилось, можно сказать, на коленке. Но автомат мы сделали, и он даже стрелял. Правда, точность и прицельность у него оставляли желать лучшего, но он же работал!

Когда на каких-то отдалённых заставах ломается оружие, для них это смерти подобно. Особенно, если это крупнокалиберный пулемёт или миномет «Василек», которые в основном и использовали для подавления противника.

Помню, отправишься на заставу, расположенную на вершине горы часов в шесть утра, а дойдёшь до этой точки только к вечеру. Поднимаешься по горной тропе, озираешься, как бы на мину не наступить или в засаду не попасть. Идешь «весь в мыле», по пути скидываешь теплую одежду, а когда до заставы рукой подать и бронежилет оставишь, но главное – инструмент и крупнокалиберный пулемет в разобранном виде за спиной тащишь. Наконец дошел, сил нет, темнеет, но надо работать. Мокрая, после подъема, от пота х/б, на ледяном ветру превращается в ледяной панцирь, заставляя с сожалением вспоминать об оставленном где-то на половине пути теплом бушлате.

Но время не ждет, надо все сделать до сумерек! Спускаться приходится уже в кромешной темноте. Люди, конечно, безумно были благодарны, потому что без исправного оружия невозможно было ни защищаться, ни вести боевые действия. Так что ремонтников оружия очень уважали

и ценили. Нас было не много, тех, кто мог, справится с нестандартной задачей. Возможно, поэтому я был представлен к медали «За боевые заслуги».

Война такая штука, что никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Но и находиться в постоянном напряжении, никаких человеческих сил не хватит. Помню, был однажды случай. Едем на нашей ремонтной «летучке», «ЗИЛ-131», на задание. Видим, по дороге идут двое местных в форме «Царандоя» (народная милиция). Вдруг один из них резко скидывает с плеча гранатомёт, целится в меня. Я понял, что физически никаких действий предпринять не успею. Оставалось только наблюдать. В ту минуту для меня всё замерло. Ну всё, думаю, приехали! И вдруг этот человек подмигнул мне, опустил гранатомёт, и мы спокойно продолжили наш путь в некотором шоке.

Если вспомнить, поймать пулю можно было везде. Например, когда орудие отремонтировано, его надо испытать: стреляет или нет. А куда? По зелёнке, больше некуда. И тут раз – свист мимо ушей, шлепки металла по броне. Значит, с зелёнки снайпер работает. Одно время даже собирал эти кусочки свинца, вспоминая слова из песни Юрия Визбора: «…уже изготовлены пули, что мимо тебя пролетят…» Пуля, которая свистит, всегда летит мимо. Пулю, которая летит в тебя, никогда не услышать.

Госпиталь

В общем – везло и, хотя ранений не было, в госпитале я побывал. Эпидемии желтухи в Афганистане проходили, как правило, осенью. Людей косило массово. 25 октября 1988 г. заболел и я. Попал в Баграмский госпиталь. В госпиталях под каждую болезнь был свой модуль, но меня поместили в модуль для больных тифом, поскольку для больных гепатитом был уже переполнен. Мне повезло, потому что я был в палате, но так как больные все продолжали поступать, их располагали прямо на матрасах в коридоре. Прямо там ставили капельницы, кололи лекарства. Десять дней я отлежал в госпитале, на одиннадцатый с утра поставили последнюю капельницу, меня – на броню, и я снова был в полку с предписанием диетического питания, режима и так далее. Но какой уж тут режим да диетическое питание!

Красный день календаря

Это было как раз 7 ноября, в день Октябрьской революции. В полку на праздник решили устроить различные турниры, в том числе шахматный. Шахматам я научился, наблюдая за игрой взрослых мужчин, в старшей группе детского сада. От чего бы и не поучаствовать? К тому же призом за первое и второе место был набор продуктов: колбаса, сгущёнка, печенье и конфеты. Другими словами, стимул огромный. Участников было очень много, но так как играли по принципу: проиграл-выбыл, к полудню осталось четыре человека: два офицера, один вольнонаёмный и я.

Сначала я обыграл вольнонаёмного и уже с уверенностью, что сегодня будет пир, продолжал играть за первое место с майором-медиком. И вдруг произошёл разрыв снаряда. Осколком, «прошившем» фанерные стены модуля, ранило нескольких человек, наблюдавших за нашей игрой. Партия осталась незаконченной, праздник был испорчен.

Обстрел продолжался до ночи. «Духи» вели огонь с минометов, стреляли фугасными и фосфорными минами. Фосфорные мины опасны тем, что их невозможно потушить. Ногами и подручными средствами, «зажигалки» отбрасывались подальше от казармы. Потом, в темноте, сапоги ярко светились. Множество светящихся ног, снующих среди всполохов огня и грохота разрывов, со стороны выглядело как дискотека - «убойная» дискотека! Но об опасности никто и не думал, каждый выполнял свою чётко поставленную задачу. Следующие несколько ночей пришлось ночевать в окопах, вырубленных в горе, где одеялом служил - бронежилет, а подушкой – каска.

Письма

Сослуживцы старались привезти из Афганистана домой сувениры, небольшие подарки. Платок матери, электронные часы или браслет - отцу. Единственное, что мне удалось привезти оттуда - письма. Письма родных и друзей, весточки от которых, были счастливейшим событием и ожидались с особым нетерпением. Только сейчас, спустя 20 лет, понимаешь, какую ценность удалось сохранить. Ведь именно

письма связывали с родителями, сестрой и близкими людьми, давали ни с чем не сравнимый всплеск радостных эмоций и навевали грусть и тоску по дому. Именно эти «заряженные» прямоугольники побуждали жить и бороться с трудностями и невзгодами!

Врезался в память один эпизод, связанный с моим другом Леонидом Лозовенко. Мы были одного возраста, но он уже был женат, когда его призвали, и жена его была беременна. И первым делом после рождения девочки жена прислала ему листочек, на котором была обведена маленькая ручка его дочки. И я видел, как слезы капали у него, когда он смотрел на этот листок и понимал, что он все готов отдать, за возможность хоть на миг прикоснуться, обнять ее. В подобные моменты приходит понимание всей хрупкости этого мира и осознание того, что всё это может просто оборваться на полуслове. Начинаешь очень остро ощущать ценность семьи и продолжения рода.

Даже спустя годы, перечитывая письма матери, с пожеланиями скорейшего возвращения домой и словами «Живем ожиданием твоих писем», ощущаешь переживания и тревогу, которыми они пронизаны. Каждое мое письмо нумеровалось, и велась подробная статистика их прихода. Трудно было объяснить, что даже когда выпадала свободная минута, и появлялся настрой, писать было просто не на чем! Поэтому, среди присланных мною писем, немало таких, которые написаны на клочках бумаги или старых «боевых листках».

А мой дядя, командир подводной лодки, Ю. В. Сохацкий, узнав, где я служу, посвятил мне и моим товарищам стихотворение «Письмо солдату»:

Афганистан, конечно, не конфета,
Стреляют гады, могут и попасть,
Ни разу в жизни не писал памфлета,
А вот, поди ж ты, набрела напасть.

Попал ты в самый кратер заварушки,
В далекий край истерзанной земли,
Уж ты давай, готовь получше пушки,
Чтоб снайперский огонь они вели.

Хочу, чтоб путь триумфом обернулся,
Скажу тебе, без всяких «ох» и «ах»,
Хочу, чтоб ты быстрей домой вернулся,
Живым, здоровым и при орденах.

А если в героизм не окунулся,
Наказ тебе, племянник, мой не нов:
Чтоб все равно скорей домой вернулся,
Живым, здоровым и без орденов.

Я убежден, не влюбишься в барханы,
Ведь вырос ты в прохладе и снегу,
А про зверье, которое – душманы,
Сказать открытым текстом не могу.

Я слышал, всех вас выведут с чужбины,
Там будут примиряться тет-а-тет,
А мы на коньяке настой рябины
При встрече разопьем а-ля-фуршет.

20.01.1988 г.

Письма позволяют заглянуть в прошлое, увидеть, о чем ты думал и размышлял, находясь там. В этом плане интересно письмо, которое я написал бабушке за две недели до моего 20-летия: «У нас здесь все по-прежнему, 50-ти градусная жара стала проходить, лето подходит к концу. Когда наш полк будет в Союзе – вопрос неопределенный, т.к. дорога Хайратон – Кабул, считай, охраняется всего двумя полками: нашим и ДШБ с Кабула. Сейчас, когда часть войск вывели, «духи» передислоцировались в зону ответственности наших полков и сейчас их здесь около трех тысяч человек. На наших пока не нападают, зато громят и вырезают посты и заставы «царандоя» и «хатовцев» (их аналог КГБ), пускают под откос их колонны с продовольствием и стройматериалами. Чем все это кончится, не знаю, но, похоже, наш вывод задержится до зимы. Сейчас готовим часть техники, имущество, жилые помещения к передаче Народной армии.

Хотя тут никакого толку не будет, и эта искусственная

революция пойдет крахом. Для нас же эта война - бессмысленная трата тысяч жизней и миллионов рублей!»

Вот пуля пролетела и ага

Командир ремроты, старший лейтенант Кошелев В.Ю., оказался очень порядочным и мудрым человеком, постоянно заботился и обучал нас правилам самосохранения. «Как правило, люди гибнут в первые три месяца службы и - в последние. Сначала потому, что ничего не знают, в конце - потому, что полагают, что уже все знают!» - учил он нас. В конце любого инструктажа, он всегда повторял поговорку: «Спасение утопающих - дело рук самих утопающих». При нем в нашей роте не было ни одной потери.

Мне запомнился один товарищ из разведроты. Случайно ему в ногу попала шальная пуля. Ранение совершенно несерьёзное. Спустя пару месяцев он вернулся из госпиталя, и я заметил, что он хромает. Друг заверил меня, что всё нормально. А ещё через пару недель я узнал, что он умер от заражения крови. Казалось бы, шальная пуля – такая ерунда, а человек в итоге умер.

17 июня 1988 г., стоял я в наряде дежурным по парку. Выпускал из парка еще одного своего друга из разведки, механика-водителя БМП – Александра Синицу, и он рассказал мне, что придумал закрепить на броне большой зонт и так спасаться от жары. Это был наш последний разговор. Пуля попала в единственное не защищенное место водителя – голову.

Рядом с казармой располагалась санчасть. Перед входом в нее был устроен, длиной около 5-ти метров, деревянный настил. Когда происходили потери, убитых привозили в полк, устраивали на этом настиле, укрывая белой простыней. Иногда он был полностью занят.

Природа

Афганистан – это ожившее Средневековье. Они жили, словно в 14-м веке и это совпадало с их календарем, где шел 1368 год. И мулы, запряжённые в деревянные плуги, которыми пахали землю, не давали в этом сомневаться. Тем не менее, страна очень красивая. Красивая по-своему. Горы зацветали

тюльпанами, когда наступала весна. Зрелище необыкновенное. Стоял, бывало, на посту, смотрел на всю эту невообразимую красоту и думал: «До чего хорошо! Как хочется вернуться сюда, когда здесь будет мир». Тюльпаны были разных оттенков, но преобладал красный. Целое море красных тюльпанов. К тому же, за один день можно было побывать в нескольких климатических зонах. Вроде, выезжал из пустыни, а к вечеру уже в ледниках, где люди тепла не видят.

Живы будем – не помрем!

С этими снегами связан интересный случай. Поднимались мы на нашей «летучке» на перевал Саланг. Дорога не только узкая, но еще безумно скользкая от выпавшего снега. С одной стороны - скалы, с другой - пропасть. Машины еле едут, скользят, того и гляди, в пропасть сорвутся. Впереди танк идет, дорогу прокладывает, забуксовавшим машинам помогает, ну и конечно, колонну охраняет. И вдруг сошла лавина. Мы остановились, обрадовавшись тому, что нас не задело. Смотрим, а танка-то нет, только гора снега. Понадеясь на удачу, стали раскапывать то место, где был танк. Оказалось, что танк не снесло. Танк не снесло, но мужики-то в нём переживают! Они же откопаться не могут! Откопали мы их спустя часа четыре. Вылезли они чумазые, но счастливые.

Сейчас я рассказываю об этом с юмором, а тогда, когда это происходило, было совсем не до улыбок. Однако, нельзя не сказать, что было действительно забавно смотреть на тех чумазых ребят.

Трудности климата

Весной в воздухе иногда появлялось что-то, похожее на мошкару. Как только такая букашка кусала, на месте укуса появлялся большой красный след. Потом это место начинало гнить. Чаще всего на вылеченных местах оставались чёрные пятна.

Дело в том, что там, в Афганистане, любая царапина начинала гнить. И гниение это расширялось, увеличивалось, а в итоге - солдаты и получали заражение крови. Самым доступным способом лечения было постоянное вскрытие раны – больно, но эффективно. Именно так многие лечились.

Крыс там были целые полчища, а отдельные экземпляры достигали размеров жирного кота. В караульном помещении было страшно спать, потому что крысы копошились на фанерных потолках, и казалось, что потолок вот-вот не выдержит и вся эта визжащая масса свалится прямо на тебя!

Вши, болезни, страдания, голод – неизменный атрибут любой войны.

Война войной, а обед - по расписанию

Кормили отвратительно. Постоянные щи из консервированной капусты, которые жутко воняли, да каши. Манка, перловка, пшенка, редко рис и гречка. Если, например, не успел поесть пшенку пока она теплая, она слипалась в такой плотный комок, что ложку из котелка не выдернуть. Готовили их явно на воде, да и тушенку на кухне не докладывали. Иногда давали картошку. Поступала она в трехлитровых банках, плавая в той же воде, в которой была сварена несколько лет назад. Белый хлеб был большой редкостью. Но и он чем-то был обработан для очень длительного срока хранения.

Поэтому в командировки, на боевые задания, уезжали с радостью! Провизию на складе, согласно нормам расчета, получишь и вкусная еда обеспечена!

Раз в месяц выдавали денежное довольствие. От 17 до 27 рублей чеками, в зависимости от должности и звания. Все тратили в полковом магазине на леденцы, печенье и сгущенку. Хватало на 2-3 дня.

Если нормальную картошку и репчатый лук иногда можно было раздобыть, то фрукты довелось один раз, на Новый год, поесть. Новый командир роты на собранные с нас деньги у местных на базаре купил.

Перед выходом

Очень тяжело было в самом конце, когда очередной призыв уволился, а нового призыва не было. Вышло, что меньшему количеству людей надо было выполнять те же задачи, что и раньше. В караул стали ходить только две роты вместо трех - разведка и наша ремрота. Я был тогда уже на должности заместителя командира взвода, в звании сержанта,

в которое произвели еще летом, сразу из рядовых.

Поставили меня дежурным по роте. Как оказалось потом – бессменным. Дневального только одного дали, да и того через четыре дня забрали - настолько не хватало людей. Ночью спать нельзя, а днём не удавалось – то выдать оружие надо, то принять. Даже если днем ложился, мозг не отключался, постоянно контролировал происходящее вокруг – шумы, хождение людей, их разговоры. Будить меня не было никакой надобности. Как только появлялась необходимость открыть оружейную комнату или выяснить какой-то вопрос – сам вставал, шел и делал. Люди от усталости валились с ног. В связи со сложившейся ситуацией по полку вышел приказ: «Никаких ночных передвижений», что, конечно, облегчало мне задачу по охране роты. Ответственность свою, за «мертвым» сном спящую роту, я прекрасно понимал! Случись что – я последняя инстанция, охраняющая их жизнь!

Моим личным оружием был ручной пулемёт Калашникова. Я ставил напротив входной двери в казарму стол, на стол – пулемёт. Свет везде погашен. Патрон – в патроннике, пулемёт снят с предохранителя. И, держа пальцы на спусковом крючке, я всю ночь сидел за этим столом. Любой, кто вошёл бы в дверь, был бы немедленно убит, потому что весь полк знал - ночью ходить нельзя! И это был единственный вариант не пропустить врага.

Домой, в Союз!

Это продолжалось одиннадцать дней подряд. И когда по утру мы, наконец, погрузились, выстроились колонной и тронулись в путь на Термез, можно было расслабиться. К сожалению, не получилось. Начались безумные головные боли, сознание по-прежнему не отключалось и не давало забыться сном младенца. А после того, когда ночью, при прохождении перевала Саланг, открыв глаза - будто кто-то толкнул, я с ужасом увидел, что водитель спит, свет фар растворился в темноте пропасти и передние колеса уже на обочине – от сна вообще следа не осталось! Резко вывернув руль и сказав пару «ласковых» слов водителю-рядовому Урмонову, подумал - явно ангел хранитель помогает.

По пути, в последний раз всматривался в дорогу, пытаясь сохранить в памяти картины покидаемой страны. Вот, слева,

тянется нитка топливного трубопровода, а справа, останки наших автомашин и бронетехники. На некоторых участках дороги, груды обгоревшего и искореженного металла достигают километровой длины. Вот, внизу ущелья, лежит многотонная не взорвавшаяся авиационная бомба, и быстрая горная речка, разбиваясь об нее, образует облако брызг. А вот стоит памятник нашему погибшему солдату. По дороге их много, одиночных и групповых. Стоят и как бы говорят: «Не забудьте о нас и наших семьях». Невольно приходит мысль, а что с ними станет после нашего ухода?

Пусть приснится: водки таз и от Язова приказ

Постояв пару недель в Пули-Хумри, ожидая, когда подтянутся остальные войска, 7 февраля двинулись на Термез. Переночевав на берегу Аму-Дарьи, утром 8 февраля, захлестываемые радостными эмоциями, мы пересекли границу, пройдя по знаменитому мосту! Мосту между разными жизнями.

Встречающих было не много, в основном это были родители ребят из Узбекистана. Они сидели вдоль дороги, пристально вглядываясь в лица проезжавших солдат. В руках у них были картонные таблички с именем своего ребенка и номером войсковой части, где он служил. Каждое утро они приходили к границе в ожидании встречи с сыном. Наблюдая за периодически происходившими встречами, когда отцы, не в силах сдержать своих чувств, чуть не душили в своих объятьях не по годам повзрослевших сыновей, комок подкатывал к горлу и невольно наворачивалась слеза.

Прошло еще полтора месяца, но уже совсем другой службы. Наконец, 28 марта выходит долгожданный приказ об увольнении. То, что на следующий день я окажусь на борту транспортного самолета, идущего на Москву, даже в голову не могло прийти!

Приземлились ночью на Чкаловском аэродроме. Темно, холодно, снег идет. А одеты-то все по-летнему и до первой электрички – часа четыре. Но мысль, что служба кончилась и совсем скоро увидишь родных, грела лучше любой одежды. От Казанского вокзала до дому ноги сами несли. Немногочисленные прохожие с удивлением смотрели в след,

на явно не по сезону одетого, молодого загорелого человека в странной военной форме. Квартира, дверь, звонок: «Здравствуйте мои дорогие, я вернулся!»

Эпилог

В своих воспоминаниях я умышленно рассказал только о своих впечатлениях и эмоциях, моем изменившемся восприятии окружающего мира. Война – это не боевик с постоянными перестрелками. Любой бой скоротечен, а победитель заранее не известен. Гораздо важнее выиграть бой с самим собой. Победить в себе страх, трусость, подлость, предательство и другие слабые стороны, присущие человеку. Именно от результатов этой внутренней битвы отдельно взятого солдата и зависит общий исход сражения. Афганистан мы покинули с гордо поднятой головой!

Афганистан разделил всю мою жизнь на две части: «до» и «после». Из того периода я извлёк много жизненного опыта. Я не знаю, кем бы я был, чем бы я занимался, если бы не прошёл войну, и я ни о чём не жалею.

Воспоминания об Афганистане не давали покоя, потребность в общении с теми, кто прошел это пекло, и оказание помощи тем, кого коснулась эта война, вылилось в создание в 1990 году Объединения ветеранов войны в Афганистане Бауманского района, председателем которого меня избрали. На моих глазах разворачивались судьбы людей, жизнь которых складывалась по-разному. Но это уже совсем другая история.

Декабрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Ендро Елизавета Николаевна****, студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Пупко Александр Борисович

Они уже лежат вокруг Вас и ждут начала лекции

Я родился 3 мая 1937 года. Полковник в отставке, доктор философских наук, профессор кафедры философии Военно-политической академии, участник войны в Афганистане, инвалид 1-й группы.

В декабре 1984 года меня вызвал начальник Главного политического управления МО СССР генерал-полковник Лизычев А.А. К этому времени я уже почти двадцать лет служил (с 1966 г.) преподавателем философии и успел защитить кандидатскую и докторскую диссертацию по философии и получить звание профессора по кафедре философии.

Мой путь в философию был довольно труден – по начальному образованию я инженер по радиолокации. В 1958 году закончил Киевское высшее инженерное радиотехническое училище войск ПВО, после чего был направлен на соответствующие должности в Одесском и Ленинградском военных округах. Но ещё в училище я увлекся философией, точнее, тогда очень был популярным вопрос философских проблем - кибернетика.

В 50-х годах внимание большого числа ученых, как общественников, так и естественников, было направлено на различные аспекты изучения этой формирующейся в то время науки, сыгравшей, да и в настоящее время играющей в определенной степени громадную роль в развитии не только науки, но и всего человеческого сообщества.

Как известно, в это время существовали различные споры вокруг её проблем, что в частности привело к публикации в различных источниках, в том числе и в «философском словаре», «Кибернетика – лженаука, «продажная девка» буржуазной философии». Сейчас мы только смеемся над этой формулировкой, но тогда она выражала официальные взгляды советских ученых-общественников и нанесла громадный вред развитию советской науки. Если лженаука, то и денег на развитие не давали и кадры не готовили, что и привело к нашему отставанию в этой области на десятки лет.

Но в 60-х годах наука уже разобралась, что кибернетика не лженаука, а именно неразвитость в нашей стране ее философских проблем и привело к тупиковой ситуации, к крупным реальным просчетам. Соответствующих философских кадров в стране не было, и каждая отрасль науки выбиралась своими силами. Правда при Академии наук СССР был создан «Совет по проблемам кибернетики», возглавляемый выдающимся ученым, вице-адмиралом Акселем Ивановичем Бергом – но это была капля в море.

Министерство обороны избрало в этой ситуации самый рациональный выход. В войсках было «отловлены» несколько инженеров, работавших на различных, имеющихся на тот момент видах вычислительной техники, и направлены на усовершенствование своих знаний в этой области на кафедру философии ВТА. Среди них был и я. Окончив в 1968 году адъюнктуру при данной кафедре, был оставлен преподавателем академии, ориентированным на разработку философских проблем военной кибернетики. В дальнейшем пришлось расширить круг своих интересов, распространив их на общие закономерности развития военной техники в вооруженной борьбе.

К моменту моей встречи с генералом Лизычевым я уже был автором нескольких книг, в том числе и популярной в то время в войсках книги «Система-человек и военная техника».

Поговорив со мной об актуальности этой проблемы, начальник Главного политического управления СА МФ предложил мне поехать в Афганистан, где можно было на конкретных примерах из боевой практики убедиться в правильности тех или иных теоретических выводов.

Надо сказать, что к этому времени тема афганской войны была чрезвычайно популярной. В армии до 70 % выпускников военных училищ и Вузов писали рапорта с просьбой отправить их в Афганистан. Да, что бы потом, да и сейчас не говорили недоброжелатели, патриотический дух в Советской армии был чрезвычайно высок. Предложение было принято не только с радостью, но и с гордостью офицера и военного ученого.

Придя домой, я сказал жене: «Меня посылают в Афганистан». На что она мне ответила: «Не тебя, а нас!». И все два года пребывания в Афганистане, а затем и все годы пребывания в горячих точках - в Нагорном Карабахе, в зоне Осетино-ингушского конфликта – моя «верная боевая подруга» была рядом со мной.

Итак, весной 1985 года мы с женой прибыли в Кабул, где меня определили на должность советника, начальника кафедры общественных наук в военный университет Харби-Пухантун. По совместительству я работал в аппарате начальника Главного политического управления (Главпур) афганской армии генерал-лейтенанта Мухаммеда Ясина Садыки, с которым нас и до сих пор соединяет боевая дружба и глубокое уважение.

Узнав, что в Кабул прибыл профессор из Военно-политической академии, меня немедленно пригласил личный советник Президента Афганистана доктора Наджибулы, генерального секретаря ЦК НДПА, Виктор Петрович Поляничко.

Я счастлив тем, что в жизни встречал много интересных, умных, честных и порядочных людей. Но лучшим из них был «большой», интеллектуально развитый человек, который воплощал в себе качества партийного работника, большого государственного деятеля и настоящего человека. Он был направлен в Афганистан с должности председателя сектора по делам межнациональных отношений ЦК КПСС, пройдя перед этим сложный путь от комсомольского вожака до секретаря

Челябинского обкома КПСС. И все лучшее, что было присуще людям его поколения, что было им почерпнуто из сложной работы политического и государственного деятеля, он передавал афганскому руководству, лично президенту Наджибуле.

Страна была отсталая, до 90% неграмотных, низкая обеспеченность медицинских работников, низкая экономическая развитость, вдобавок страна вела войну с моджахедами, которых открыто поддерживали страны капиталистического Запада, снабжая их деньгами и оружием, и все-таки страна сражалась за светлое будущее. Работал Кабульский университет, педагогический и политехнический институты, многочисленные колледжи и ПТУ и везде русские педагоги, готовя кадры для подъема культуры и экономики страны Афганистана. И все это нужно было защищать и охранять.

Изощренная пропаганда лучших западных последователей работала с неграмотной массой афганских крестьян, против афганской национальной армии и Советских войск в Афганистане. Запад снабжал моджахедов оружием – превратив Афганистан в полигон для использования новейших средств вооружения.

В то время Поляничко и его аппарат, в который для работы был привлечен и я, работали над теорией и практикой решения вопросов национального примирения, над совершенствованием экономики и созданием современной армии. Работая в Кабульском военном университете, я воочию убедился в мудрости афганского народа, особенно молодежи – насильно собранные из дальних кишлаков, никогда не видевшие кровать и зубную щетку, они на глазах преображались, понимая, что им предстоит воевать за светлое будущее своей страны.

Боясь за жизнь своих родителей, которых убивали душманы, если узнавали, что их сыновья воюют за правительственные войска, эти ребята во время наших рейдов, подходили и просили: «Арестуйте меня, пожалуйста, чтобы все видели, что меня взяли в армию насильно». И потом воевали с душманами – храбро, честно, мужественно. Достаточно сказать, что афганская национальная армия

научилась под влиянием наших примеров воевать грамотно, серьезно.

Душманские агитаторы предрекали, что уйдет Советская армия, и они за два дня войдут в Кабул. Как известно, вывод советских войск, произошел 8 февраля 1989 года. И вся масса душманских войск бросилась на небольшой город Джелалабад. И три года не могла его взять. Армию развалили изнутри – западные специалисты по пропаганде натравливали друг на друга две основные нации, составляющие армию – пуштуны во главе с Наджибулой и таджиков и узбеков во главе с генералом Душтумом.

Национальный фактор и здесь сыграл решающую роль. Не зря мудрый советник президента Поляничко В. П. уделил ему такое большое внимание. К сожалению, работы его, посвященные проблеме национального примирения, не получили должного внимания ни со стороны нашего государства, ни со стороны ученого сообщества. Они, видимо, были утеряны в лихие 90-е годы или преднамеренно уничтожены теми силами, которые боялись и боятся успешного решения этой проблемы. Но нашей стране, нашему народу они сослужили большую службу в самой известной «горячей точке» России – на Северном Кавказе.

Как признанный авторитет в этой области, Поляничко В.П. был в 1993 году назначен в ранге вице-премьера РФ, председателем комитета по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта в Северную Осетию, в город Владикавказ. Жертвами этого конфликта стали сотни мирных жителей – как стой, так и с другой стороны. Для предотвращения подобных столкновений нужен был мудрый, грамотный, известный человек.

Таким и был В.П. Поляничко. Враги мира, снова готовы столкнуть два народа, поскольку поняли, чем грозит его присутствие. И 1 сентября 1993 года в селе Тарское пригороде города Владикавказа В.П. Поляничко попал в засаду и был убит вместе с командующим 29-м армейским корпусом генералом Корецким. Их похоронили в Москве, на Новодевичьем кладбище, и в день их смерти у их могилы собираются все, кто знал их – и участники войны в Афганистане и люди из Нагорного Карабаха, и люди из Северной Осетии.

Проблема межнациональных отношений, проблема национального примирения, актуальна и сейчас. Это проблема – «ахиллесова пята» сегодняшнего мира и России. Совсем недавно, 8 августа 2008 года разразился вооруженный конфликт на Кавказе. Никогда, за почти 300 лет вхождения Грузии в состав России никому и в голову не приходило, что грузин, которых от полного уничтожения персами и турками спасли русские солдаты, будут стрелять в российских миротворцев. Как тут не вспомнить стихи гениального русского поэта Лермонтова: «И Божья благодать сошла на Грузию, она цвела не опасаясь врагов за гранью дружеских штыков!». Как же сильно и изощренно постарались враги России, враги Грузии, враги мира, стравив эти народы. А ведь наши отцы и деды вместе воевали в Великой Отечественной войне, да и в том же Афганистане.

В связи с этим в преддверии праздника двадцатилетия вывода Советских войск из Афганистана, я вспоминаю один эпизод из богатой событиями жизни в Афганистане, который имеет отношение к конфликтной проблеме.

Шел 1986 год. Только что кончились бои за душманскую крепость «Джавара» - «осиное гнездо», громадный укрепленный форт на границе с Пакистаном, набитый оружием, откуда оно караванами расползались по всему Афганистану.

Враг был разбит, но мы понесли большие потери. Уныния не было, была скорбь по товарищам, которых в цинковых гробах в «черном тюльпане» отвезли на Родину. Нужна была какая-то духовная поддержка, весточка от близких. И такая весточка была получена. В Афганистан с концертом приехала певица Нани Брегвадзе.

Нани Брегвадзе

Надо сказать, что в Афганистан приезжали многие артисты - добрым словом мы вспоминаем их концерты. Но это был особый случай. Нани Брегвадзе обладает особым голосом, который передает нежность, доброту – всю палитру музыки, будящую в человеке любовь к Родине, любовь к жизни. Да и репертуар у нее всегда изысканный – это добрые старые русские песни и романсы, которые пели наши деды и прадеды,

в которых отражена душа русского и грузинского народов, населяющих нашу необъятную Родину.

Я был знаком с Нани давно. Дело в том, что как профессор я читал лекции по этике и эстетике в Большом театре, и моими слушателями были такие видные артисты – грузины, как Зураб Соткилава и Маквалы Касрашвили. Через них я и познакомился с Нани. Когда она прилетела, я вместе с курсантами Харби-Пухантун был на боевом задании – мы громили банду душманов недалеко от Кабула – в 30 км от города. Это место было излюбленным местом отдыха в знойные летние месяцы для афганского короля и афганской знати. Там всегда было прохладно – этот городок стоял над озером. Это был необыкновенный красивый город, полный дворцов и замков.

Когда нам позвонили и сказали, что приехала Нани Бригвадзе, шла тяжелая операция и меня отпустили всего на 3 часа – туда и обратно. Я был очень доволен, как встречу Нани, извинюсь, что не смог побывать на концерте и главное подарю ей букет «алых роз». Грузинские женщины появление мужчины без цветов воспринимают как обиду - так оно собственно и есть. Я вспомнил, что в расположении штаба 40-й армии, где остановилась Нани, находится громадный розовый сад с необыкновенно большими и яркими розами – величиной с шапку. Но когда я приехал на КПП и поехал вдоль серпантина, вдоль которого и находились розы, я вдруг к ужасу увидел, что возле каждого куста находятся небольшая малозаметная табличка – «Осторожно, заминировано!» Времени было в обрез, и нигде больше цветы я сорвать не мог.

Пришлось идти без цветов, на что Нани милостиво не обратила внимание. После приветствия и недолгого воспоминания об общих знакомых (кстати, в Кабуле находится один из близких родственников Нани, которого она собиралась навестить), меня вдруг осенило – можно сделать простой подарок. Ведь мы на войне! Достал из кобуры пистолет, вынул из обоймы один патрон и сказал Нани: «Пусть этот патрон напоминает Вам о мужестве маленькой грузинской женщины, приехавшей вестницей любви и уважения нашей великой Родины к своим воинам».

Несколько лет назад в Большом театре, в дни российско-грузинской дружбы я вновь увидел Нани. Она меня узнала и

сказала: «Ваш патрон я привезла в Тбилиси, храню до сих пор – как символ дружбы людей, населяющих нашу великую Россию».

Лекция на поле боя

Еще об одном эпизоде на войне в Афганистане – о лекции, которую я прочел советским солдатам на поле боя. Это, пожалуй, наиболее яркое воспоминание о днях, проведенных в Афганистане, о событиях, произошедших со мной в этой войне.

Лектор я, смею полагать, опытный. В это время по путевкам Центрального Дома Советской армии преподавательский состав Военно-политической академии должен был выступать с лекциями на различные, и прежде всего политические темы во многих частях и подразделениях армии и флота, выполняя важную пропагандистскую задачу.

За много лет моей преподавательской деятельности мне пришлось объездить с лекциями буквально всю страну – от Запорожья до Средней Азии, от Белорусского военного округа до Приморья, до нашей восточной границы. Поэтому, отправляясь в Афганистан, я знал, что выступать придется много – как перед советскими войсками, так и перед личным составом афганской армии сначала с переводчиком, а по мере овладения языком – самостоятельно. Более того, когда я только собрался в Афганистан, из Москвы уже позвонили в политуправление 40-й армии: «К вам едет профессор из Москвы, используйте его на всю катушку».

Членом Военного Совета 40-й армии в это время был мой ученик по Военно-политической академии Валентин Григорьевич Щербаков – я его знал еще капитаном, а тут встретил генералом. И сразу после трогательной встречи в штабе, после объятий я получил от него первую просьбу – прочесть лекцию на передовой, в уже упомянутом местечке Пагман, в 30 км от Кабула, где шли бои с многочисленной бандой душманов, обстреливающих с этой позиции Кабул ракетами. В этой боевой операции участвовали и курсанты Кабульского военного университета, где я был советником.

Учеба в университете Харби-Пухантун часто прерывалась – и тогда курсанты танкового факультета садились на свои

танки, курсанты артиллеристы выкатывали свои учебные пособия – орудия различных калибров, а курсанты-пехотинцы грузились в свои транспортные средства. И в бой – а на следующий день оставшиеся в живых курсанты снова «грызли гранит науки». Так что подразделения советских войск, где мне пришлось читать эту первую для меня лекцию в Афганистане, находились рядом и афганские войска, в которых находился я, дислоцировались рядом, решали сходные боевые задачи.

Но приезд профессора из Москвы политработники (хотя тоже мои ученики) обставили с помпой – прислали БМП и даже танк сопровождения. Лекцию надлежало читать ночью, после ужина. Стояла тихая южная ночь, было абсолютно темно, поскольку небо было закрыто тучами. В абсолютной темноте мне помогли выбраться из БМП и, поддерживая с обеих сторон, поскольку я ничего не видел, повели к штабной машине.

Там был накрыт поистине «королевский» ужин – накануне одному из разведчиков посчастливилось подстрелить горного козла, и полковой повар соорудил нечто похожее на жаркое. Бедный парень, он немного перестарался, (а может козел был преклонного возраста), но жаркое по вкусу напоминало подошву кирзового сапога. Но разве это было главное – ведь принимали как посланца Москвы, как посланца Родины, и разве каждому лектору выпадает честь быть накормленным мясом горного козла, специально для него убитого?

После такого ужина, опять в кромешной тьме меня повели на лекцию. Проинформировали, что подразделение заняло позицию в котловине, а на окрестных холмах расположились душманы, громкое слово, кашель или вспышка огня может вызвать шквальный огонь – с соответствующими последствиями. Поэтому надо читать тихо и аплодисментов – не будет. По узкой тропинке, поддерживаемый по бокам офицерами, я в темноте шел несколько минут и внезапно ощутил под руками стул, на который тотчас и опустился.

«А где же аудитория?» - недоуменно спросил я.

И получил гордый ответ: «А они уже лежат вокруг Вас и ждут начала лекции».

И только тогда, прислушавшись, я услышал сдерживаемое дыхание нескольких десятков (может быть сотни) человек.

Я, повторяю, считаю себя опытным, неплохим лектором. Но в этот вечер я, видимо, превзошел самого себя. Я даже не помню тему лекции, я не помню сколько она длилась – для меня это было одно мгновение. Стояла звонкая тишина, и только в некоторых, наиболее «ударных» местах вместо аплодисментов слышалось сдерживаемое одобрительное дыхание. Лекция кончилась, по традиции я поблагодарил слушателей за внимание, и снова, поддерживаемый с обеих сторон, прошел по тропинке до штабной машины, а от нее – на БМП и в расположение своей части.

Короток век человеческий, и придет мой черед отдавать отчет о прожитой жизни. Но самым ярким воспоминанием моей жизни, которое я хочу увидеть перед кончиной, будет эта лекция, прочитанная на поле боя. Наутро произошло ожесточенное сражение, и многие из тех, кому я читал эту лекцию, слышали голос московского профессора в последний раз. Но они свято верили, что это Родина из Москвы прислала профессора именно для того, чтобы в час испытания он сказал те слова, которые объяснили бы им, почему они тут находятся, что они тут делают и почему должны отдавать свои молодые жизни за малознакомый, но ставший им родным народ Афганистана.

Я был свидетелем вывода наших войск из Афганистана - был приглашен в Термез на главную трибуну и стоял рядом со своим учеником – очередным членом Военного совета 40-й армии Александром Иммамутдиновичем Захаровым. Войска шли походным маршем из Хайратона через Аму-Дарью. Шли победители, с гордо поднятой головой, с развернутыми знаменами.

Мы не проиграли этой войны, мы выполнили свой интернациональный долг перед этим благородным народом, перед всем человечеством. Против нас воевал весь капиталистический Запад, они не дали нам до конца выполнить задачу помощи этому народу. Но историю не обманешь, сейчас, спустя 20 лет со дня вывода наших войск из Афганистана все мировое сообщество видит, кто и что принес на его землю, кто помогал искренне этому народу.

Известный среди участников Афганской войны поэт и композитор генерал-майор Куценко Виктор Петрович очень

верно подметил в одной из своих песен: «Время выбрало нас, закружило в афганской метели».

Тот, кто побывал в Афганистане, вспоминать о нем не перестанет.

Декабрь 2008 года.

Рязанцев Юрий Иванович

Довелось «заехать» к душманам

Я родился 16 января 1938 года в городе Пушкин Ленинградской области. Русский, православный. Состоял в КПСС.

В 1955 году окончил школу №9 города Москвы, а в 1958 году окончил Одесское артиллерийское училище. В 1969 году окончил Военную инженерную академию имени Ф.Э. Дзержинского (в настоящее время Академия РВСН имени Петра Великого).

С 1990 года - Председатель совета Межрегиональной общественной организации «Федерация ветеранов воинов-интернационалистов», которая до 1995 года называлась «Ассоциация ветеранов воинов-интернационалистов».

О вводе войск в Афганистан в 1979 году узнал по долгу службы. В стране (СССР) был мир, спокойствие и стабильность, поэтому имевшие место, первоначально редкие, а затем все более частые и усилившиеся боевые конфликты в Афганистане замалчивались, а потери в личном составе скрывались. В общем, мир и спокойствие.

Как военнослужащий, я, конечно, знал о происходящем в Афганистане, поэтому предварительная беседа о направлении меня в Афганистан заслуживает внимания.

В это время службу я проходил в одном из главных управлений Министерства обороны (МО) в звании – полковник.

В феврале 1985 года меня вызвали к заместителю начальника управления генерал-полковнику Гончарову В.А.. Представившись ему, я сел. Жду, что ему от меня надо. Спросил, как дела дома, как семья. Я ответил, что все нормально. И вдруг он спрашивает: «А ты умереть боишься?» Естественно от такого внезапного вопроса было легкое внутреннее замешательство - на мгновение.

Я ответил дословно: «Товарищ генерал-полковник, я заканчивал и учился в артиллерийском училище, а не в кулинарном техникуме, поэтому первоначально я знал, куда шел и знал, что могу рисковать жизнью и отдать ее в любой момент». «Молодец! – ответил он, - Пойдешь в Афганистан. Готовься».

Так я попал в Афганистан, в Вооруженные силы республики Афганистан в качестве советника.

Надо сказать, что ждал я долго и уже думал, что начальство передумало, но в декабре того же года поступила команда на убытие, и 14 февраля 1985 года я был на аэродроме в Шереметьево.

Должны были вылететь поздно вечером, но рейс почему-то откладывали, и улетели только утром 15 февраля.

Прилетев в Кабул, мы узнали причину задержки рейса. Оказывается, всю ночь аэродром обстреливался ракетами.

Итак, 15 февраля началась моя служба в Афганистане, которая продолжалась ровно 3 года и 3 месяца, без отпусков.

Первые впечатления

Прилетев в Кабул солнечным теплым днем 15 декабря 1985 года, мы увидели мирный город, живущий своей мирной жизнью. Работали базары (магазинов в Кабуле было раз, два и обчелся), работал основной транспорт – ишаки, ходили редкие автобусы и толпами мирные жители. Войны не чувствовалось. Да позднее и в провинциях Афганистана мы видели то же.

Надо отметить, что дружественные связи с Афганистаном наша страна (Россия) традиционно поддерживала столетиями на фоне того, что там все время «баламутила» Англия, пытаясь

завоевать Афганистан и превратить его в свою колонию, как Индию.

Войны, как таковой, по меркам военных теоретиков, в Афганистане не было. Проводились диверсионно-партизанские операции против власти Демократической республики Афганистан (ДРА) на местах, против армии ДРА и советских войск, стоящих гарнизонами.

Ни армия, ни народ в Афганистане против нас не воевал. При финансовой поддержке Соединенных Штатов Америки (США) через Саудовскую Аравию и Пакистан были созданы группы наемников, которым платили большие деньги за каждого убитого, за подбитый вертолет и танк. Все это снималось на видеопленку и, как вещественное доказательство, предоставлялось заказчикам.

Именно оттуда в Чечне и пошел порядок все снимать на видеопленку. Там были такие же группы, и в каждой был советник-иностранец. В Афганистане это были американцы, англичане и даже французы. Создавались базы оружия, боеприпасов, продовольствия в глухих местах. Отряды под видом местных жителей проводили нападения и обстрелы городов и военных гарнизонов. То есть были эти формирования, которые нашим приходилось уничтожать. Сам народ не воевал.

В России говорят: «Лицом к лицу, лица не увидать. Большое видится на расстоянии». То есть на «большом» расстоянии времени события оцениваются более объективно. Вот почему слова афганского генерала о том, что в Афганистане есть вся таблица Менделеева и есть то, чего в ней нет, сегодня актуальны. И вот почему США сейчас уже в Афганистане «находятся» своими войсками. США нужны природные ресурсы, чтобы жить за счет других стран как паразитам.

Вот истоки войны в Афганистане. Уже в 70-е годы США хотели быть там. Мы их опередили, потому что, как ни странно, Афганистан находится у наших границ, рядом с нами. И нам не безразлично, что там будет происходить.

США находятся за тысячи километров от Афганистана и, тем не менее, руками своих наемников полезли туда. Забегая вперед, скажем, что получили то, что и должно было случиться. Международный терроризм в лице Бен Ладена –

это их «дитя», и они «расхлебывают» плоды собственной политики.

Наши войска вошли туда по неоднократным просьбам правительства Афганистана, США вошли же в Афганистан и Ирак после жестких «ковровых» бомбежек населенных пунктов и без всяких просьб с чьей-либо стороны.

Кто такие военные советники?

Теперь о военных советниках, которые находились в армии Афганистана. После революции 1917 года, когда был еще жив В.И. Ленин, с Афганистаном были установлены дипломатические отношения. Поэтому в момент ввода наших войск в Афганистан военные советники уже давно находились почти в каждой воинской части Афганистана.

Их задача была не воевать, а готовить армию к боевым действиям, так же как и военных советников в Испании, Китае, Кубе и т.д. Однако, возникали ситуации, когда советникам приходилось вступать в боевые действия, хотя еще раз подчеркиваю – официально им это было запрещено.

Наши солдаты и офицеры в тот период были воспитаны очень патриотично на примерах своих дедов и отцов – участников Великой Отечественной войны.

Как один из примеров – действия полковника Коршунова Владимира. При проведении операции афганской армией по очистке провинций Гардез-Газни от бандформирований в один из моментов ему – советнику командира афганской дивизии – пришлось лечь за пулемет, чтобы отразить атаку. Атака была отражена, положение восстановлено. Владимир при этом получил тяжелые осколочные ранения в область живота. Спасти его могла только срочная операция. Ущелье, где шли бои, накрыл густой туман, и вертолеты для вывоза раненых с поля боя не смогли приземлиться. И только через сутки вертолет с экипажем из Афганской армии смог в густом тумане приземлиться в глубокое ущелье и эвакуировать Коршунова в Кабул. Но было поздно, и от полученных ран он скончался. Его семья, жена и двое дочерей проживают в городе Рязани. И таких случаев, когда советники советской армии, находясь в рядах армии Афганистана, своим примером воодушевляли в боевых условиях и показывали, как надо действовать, не единицы.

Все наши воины в тот период показали высокий русский воинский дух, что было оценено как афганцами, так и нашими врагами. Ведь не случайно в наше время все, кто ездил в Афганистан, отмечали теплое и дружественное отношение народа к нам. Почти всегда звучали вопросы: «Шурави (русские), когда вернетесь к нам?»

Жили советники с семьями в городах, гарнизонах, совместно с афганцами. Жили дружно, ходили в гости друг к другу. Отмечали праздники совместно. Не случайно в наше время всех наших, приезжающих в Афганистан, всегда спрашивали про войска НАТО, находившихся там: «А что это за люди? Сидят обособленно. В гости к нам не ходят, нас не приглашают». Их просто там не понимали и, соответственно, не любили.

Праздники мы тоже, конечно, отмечали. Вот, например. Это был 1988 год. Мы отмечали день рождения Олега Иваненко. Ему исполнялось 50 лет. Он пригласил меня. Это была оперативная группа генерального штаба. Там же был генерал-лейтенант Запоненко.

Жили они в казарме, как солдаты. Мы собирались уходить, были сплошные обстрелы. Олег говорит: «Юра, приезжай». Ехать надо было вечером, часов в 9. А Запоненко сказал: «Как в военное время! Чтоб окна все были закрыты». Приезжаем. Койки стоят, посреди пола стоят столы, все окна плотно задраены черными одеялами, на которых они спали. Так в войну все делали, чтобы свет не проходил, чтобы не били прицельно. И вот мы в казарме отмечали в такой обстановке 50 лет. Потом ночью я ехал обратно.

Была там, в Афганской армии, десантно-штурмовая бригада (ДШБ), в которой советниками были наши десантники. В 1987 году ДШБ была высажена в Хост для захвата крупного укрепленного района. По разным причинам высадка прошла неудачно. Высадились они прямо на позиции, поэтому большинство было расстреляно еще в воздухе. ДШБ практически перестала существовать. Но в течение года солдаты и офицеры, выжившие и сбежавшие из плена, возвращались к месту службы. Вот воспитание наших советников-десантников!

Как я уже говорил, моя служба в аппарате Главного военного советника в ДРА не предполагала непосредственного

участия в боевых действиях против отрядов бандформирований. Наша задача заключалась в становлении армии Афганистана как боевой силы против вмешательства из-за границы, откуда появлялись вооруженные и обученные отряды.

Хотя находиться в стране, где велись боевые действия, и не принимать участия в этих условиях практически невозможно. Другое дело, в какой «форме» принимать участие.

Например, при поездке в город Джелалабад по горной дороге с крутыми серпантинами попали в засаду, отбились без потерь, слава Богу, и поехали дальше.

При приземлении и высадке с вертолетов в Панджшерском ущелье попали под артиллерийский обстрел. Назад возвращались на вертолетах с ранеными, отбивались «НУРсами» (неуправляемые ракеты) от обстреливающих нас крупнокалиберных пулеметов.

Был случай, когда возвращались в Кабул, самолет идет на снижение к земле, уже виден аэродром, а на пути остановились машины, вышел человек и из автомата ведет по нам огонь.

Снайпер

В самом Кабуле при въезде в наш госпиталь напротив горы и на склонах целые аулы из глинобитного материала.

Въезжаю я на автомашине «Волга» в ворота, увидел, что стоит начмед госпиталя, и говорю водителю Володе: «Тормози! Мне поговорить надо». Он резко затормозил, я выхожу, слышу перед радиатором машины «чмок», и никто на меня не смотрит. Все смотрят на горы, в том числе и начмед. Я спрашиваю: «Что, стреляли?» Он говорит: «Да». И все, и охрана ищут, откуда стрелял снайпер. Но разве его найдешь в массе построек?! Так что рассчитал он (снайпер) правильно. Если бы резко не тормознули, в машину точно бы попал.

Ярко-красная пожарная машина

В экстремальных ситуациях всегда случаются курьезы. Пример. Вблизи с границей Ирана находится небольшой город Фарах. По нашим меркам, небольшой районный центр с

одноэтажными глинобитными домами. Как и все города Афганистана, он систематически подвергался ракетным обстрелам.

Поскольку Советский Союз оказывал Афганистану гуманитарную помощь, то кто-то додумался прислать в Афганистан партию пожарных машин, ярко-красного цвета с выдвижными лестницами. Одну из таких машин и привезли в Фарах. Там долго думали, зачем она, и решили поставить ее в небольшой овраг на окраине города. Поскольку цвет ее был ярко-красный, лестницы напоминали издалека направляющие, установленные на пусковых установках знаменитых «Катюш», то эта пожарная машина произвела соответствующее впечатление, и обстрелы города Фарах надолго прекратились, пока душманы разбирались, что это такое.

В нашей армии, как и в каждой другой, существует «курс молодого бойца», когда призванные в армию проходят основу, необходимую для того, чтобы понять, что такое армия. Тем более, в Афганистане, в особых условиях боевых действий и особенностях Востока. Курс проходил около месяца. Так же было и у меня. Однако с войной пришлось столкнуться раньше, чем через месяц. Сразу после Нового года при ведении боевых действий погибло 7 советников (1 офицер, 2 сержанта и 4 солдата). И мне поручили проводить их в последний путь. Так я впервые узнал, что такое «Груз 200». Утром, причесываясь перед зеркалом, я вспомнил книги и кинофильмы, когда увидел на своей голове абсолютно седую прядь волос. Ну и так началась военная тяжба.

Служил в Министерстве обороны армии Афганистана, ходили в афганской форме, ездили, летали, воевали, питались вместе с афганцами в военных частях. Непосредственно в боевых действиях участвовать мне было не положено по должности, но вот в подготовке войск я участвовал. За 3 с лишним года пришлось объездить весь Афганистан, кроме Хоста и Файзабада. За это время бывал во многих частях афганской армии (готовили боевые действия). Неоднократно бывали под обстрелами, попадали в засаду.

Совещание душманов

Однажды, под Кандагаром довелось «заехать» к душманам в их лагерь на «совещание». Дело было так.

Проверяли посты афганской армии вокруг Кандагара, а надо сказать, они все располагались на сопках. И поскольку указателей, как на наших дорогах ехать, не было, мы крутанули и заехали на их совещание. Благо была Джума, то есть выходной, что нас спасло. Приняли нас хорошо, поили чаем в течение 40 минут, так что мы не сразу поняли, где мы. Вернее, я-то сразу понял. Все это время, оказывается, они решали, что с нами делать. Об этом мы узнали позже через нашего переводчика. Помог один старейшина. Он сказал: «Ну зачем мы их убивать будем? Опять полетят боевые самолеты. Давайте отпустим». Очень понравилось им то, что перед входом я снял ботинки, что считалось знаком уважения и знания традиций. Мы попили чай, поблагодарили их и вышли. Я спокойно зашнуровал ботинки, не показывая страха, и попрощался.

Поездка в аэропорт

Был еще вот какой случай. Надо было ехать в аэропорт из Кандагара. 14 км пути. Водитель, переводчик и нас двое. Мы рванули в аэродром на «УАЗике» в Кабул. Дорога пустынная, высокая трава и камыши. Когда мы выезжали из городка, обратили внимание, что слева стоят два бензовоза. Наша машина мчалась и остановилась только на пригорке. Мы увидели два горящих факела – горели эти бензовозы. Мы поняли, что они нас спасли. В Афганистане одна из главных ценностей – бензовозы, которые развозили горючее. А без него техника мертва. Оказывается, люди на бензовозах увидели, что мы едем, и нас не трогают, решили тоже проскочить. А засада там, естественно, была. Только они, пока думали, что с людьми на одинокой машине делать, увидели бензовозы и ударили по ним. Хорошо, что все остались живы. Люди с бензовозов соскочили, а тут бронегруппа подскочила. Это я уже узнал потом, по рации из аэропорта.

Как это? Дивизия моя пошла, а я в госпитале лежу!

Если говорить о воинском долге, хочу рассказать о человеке, которого я знал. Он проявил себя как герой. Володя Кайдаш, полковник, советник командира восьмой пехотной дивизии (ПД). 9 мая 1986 года он был у меня в гостях, мы

отметили с ним праздник. Поскольку он болел, то лежал тогда в Кабуле в госпитале. А 11 мая мне сообщают, что Володя погиб. Я говорю: «Как так? Он же в госпитале!» Я даже не знал, что он сбежал оттуда. Дивизия его уходить должна была, ну и он хотел вместе с ней: «Как это? Дивизия моя пошла, а я в госпитале лежу!» Пытались они перейти по горной речке, а она вся заминирована фугасами была. Душманы тогда уже научились воевать. И машина, где Володя сидел, подорвалась. Володю отбросило, оторвало обе ноги, и он умер от потери крови. Героев таких много в войну было.

Впечатления по возвращении

Во-первых, договорились не теряться и встречаться. Что ежегодно и делаем. Во-вторых, и главное. Негативные перемены, происходящие в стране, нас как-то обходили стороной. И вернувшись в Союз, мы были слегка удивлены порядками, уже тогда царившими в стране. То есть уезжали из одной страны, вернулись в несколько другую. В Афганистане думали, что, слава Аллаху, все закончилось, оружие больше в руки брать не будем. А будем отдыхать, наслаждаться покоем. Получилось не так, и многим из нас пришлось участвовать практически во всех конфликтах от Таджикистана и Приднестровья до Чечни.

Так что мечтали о покое в Родной стране, а, как говорится, в жизни «покой нам только снится».

Трудные условия во все времена всегда сплачивали людей. Плохие люди «отсеивались» жизнью, хорошие – сплачивались. Так и у нас. Когда еще в Афганистане узнали, что войска выводятся, и мы разъедемся по всему Союзу (о развале СССР даже в страшном сне никто не знал), мы договорились, что последнее воскресенье мая месяца ежегодно встречаемся у Главного входа ВДНХ. И с 1989 года ни одного раза не было, чтобы мы не встречались.

Ежегодные майские встречи стали традицией, и каждый год последнее воскресенье мая мы собираемся со всех городов России. Хотя с каждым годом это все труднее. Но, тем не менее, собираемся. Проводим торжественную часть, обмениваемся мнениями, даем концерты и сами, и с нашими «бардами» афганскими. Вспоминаем. В общем, друзья есть

друзья. Васягин Анатолий, Волощенко Александр, Тиунов Валерий, Черноусов Олег и многие, многие другие.

Награжден 17-ю медалями, а также орденами:

- «Знак Почета» (Указ ПВС СССР от 22 февраля 1977 г.);

- «За особые заслуги» (в разработке проведения испытаний и принятия на вооружение новой военной техники);

- «За храбрость» (Указ Президента ДРА от 10 января 1988 г.);

- «За мужество и отвагу» (при выполнении интернационального долга).

Я уволился из рядов Вооруженных Сил СССР в августе 1989 г. А 26 мая 1990 г. я избран председателем Межрегиональной общественной организации «Ассоциация ветеранов воинов-интернационалистов», в настоящее время - Межрегиональная общественная организация «Федерация ветеранов воинов-интернационалистов».

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Шупикова Ирина Владимировна****, студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета).*

Середюк Александр Анатольевич

Меня вытащили из горящего автомобиля

Я родился 31 мая 1962 г. в селе Большие Юначки Красиловского района Хмельницкой области в Украине. Украинец, православный.

Член общественной организации общества воинов – интернационалистов Афганистана района «Басманный», Российского союза ветеранов войны в Афганистане, член партии «Единая Россия».

В 1979 г. окончил Кременчуковскую среднюю школу, в 1981 – Каменец-Подольский сельхозтехникум по специальности зоотехника.

4 ноября 1981 г. был призван в ряды Советской армии. С 4 ноября по 17 апреля проходил службу в учебной школе г. Черновцы. По окончанию учебной части («учебки») по ремонту автомобильной техники было присвоено звание сержанта.

В апреле нам сказали, что нас готовят в учебной части для службы в Чехословакии. Нас погрузили в вагоны и повезли в Волынскую область. Мы думали, что нас везут в Чехословакию, но когда мы доехали до Волынской области, нас встретили «загорелые ребята», после чего мы поняли, что не знаем, куда едем. Далее нас долго везли на поезде. Пока мы

ехали, я даже увидел по пути свое родное село, в котором родился. Пытался помахать кому-нибудь рукой, но понятно, что меня никто не увидел.

В конце концов, нас привезли в Афганистан. Тогда мы еще не знали, что там происходят какие-то конфликты. Меня определили в московский батальон. Наша воинская часть находилась в г. Пули-Хумри. Мы там возили керосин для вертолетов и самолетов, поэтому нас называли «наливники».

Первое время был в ремонтной зоне, где я проходил службу. В июле дали автомобиль ЗИЛ-131, на котором начинал ездить по Афганистану. Работал в «эвакум»-группах, то есть ездил за техникой, которая поломалась.

В конце сентября через перевал Саланг был проведен трубопровод до г. Баграм и нашу часть перебросили в этот город, где мы начали свою службу. Для нас была выделена земля, где-то 300x300 метров, которую нам пришлось обустраивать. Мы делали бетонный фундамент, натягивали палатки, ставили кровати.

В октябре мне дали другую машину КАМАЗ, на которой стояли две большие бочки по 6 кубических метров, в которых мы возили керосин на аэродромы в г. Кабул, Газни, Гардез, Джелалабад. Часто нас обстреливали из кишлаков и гор, были небольшие потери.

Однажды на своей машине я с четырьмя солдатами поехал за песком в степь. Машина застряла в песке. Нас сразу заметили и начали по нам стрелять. Мы спрятались за машину, но одного солдата душманы все-таки ранили в ногу. С нами был парень, Игорь Железняков, который очень метко стрелял. Он заметил, с какого места стрелял душман и выстрелил в него, попав прямо в автомат. Душман начал убегать от нас, и мы его пристрелили. Это первое место, где я увидел в душманах своих противников, где нас заставили отстреливаться.

Уперевшись краном в песок, который находился на кузове, приподняв машину, я выехал. Приехав в часть, сразу отправили раненного парня в санчасть. Оказалось, что пуля не задела кость, поэтому его довольно быстро выписали. На вопросы командира: «Что случилось?», мы придумывали

разные истории, так как реальную историю было рассказывать страшно.

Когда мы ездили по степи, обращали внимание на то, как образуются весной временные речки, и по краям их выкопаны землянки-«дувалы». Как-то раз ехали двумя машинами ЗИЛ-131 и ГАЗ-66 по степи и увидели впереди человека, но продолжали ехать дальше. Затем увидели еще несколько человек, все они были вооружены. Мы начали разворачиваться, по нам начали стрелять. Одна из машин застряла в песке, и мы продолжали отстреливаться. Я на скорости ударил в кузов ГАЗа, чтобы он выехал. Приехав в часть, доложили о своих действиях командиру. Начальство сразу же сообщило летчикам координаты этого места, чтобы они начали обстрел.

Как-то зимой на перевале Саланг сошла лавина прямо на нашу колонну автомобилей и завалила снегом 5 наших КАМАЗов. По чистой случайности, там не было водителей, и никто не пострадал. Когда автомобили вытащили из-под снега, их надо было, так как они были побиты снегом, отвезти в нашу часть на ремонт. Я и мой товарищ получили приказ отвезти эти машины в воинскую часть. Мы на двух машинах, ЗИЛ и УРАЛ, поехали на перевал Саланг забирать эти автомобили. Дорога была тяжелая: снег, гололед – пришлось надевать цепи на колеса. Когда мы добрались до них, был уже поздний вечер. Нам пришлось ночевать прямо на дороге. Так как было очень холодно, автомобили не глушили целую ночь. На утро, когда мы проснулись, у нас заканчивался бензин. Но нам повезло, что недалеко от нас снегом замело бензовоз с бензином. С водителем мы договорились, что если мы ему поможем выбраться на дорогу, он нас заправит.

Когда мы возвращались в часть и везли на буксире 2 поломанных автомобиля, мы проезжали за городом Черикар виноградники, которые мы называли «зеленкой». По нам открыли стрельбу. В автомобиль товарища попало несколько пуль, и надо было быстро проехать это место, чтобы уйти от обстрела. Это был первый обстрел в моей жизни.

Мне было поручено отвезти неисправные двигатели в город Пули-Хумри. Так как была зима, мы очень долго поднимались на перевал. Когда мы все-таки поднялись на него, перед туннелем метров за 300 стоял автомобиль

«Ураган». Я подъехал поближе, и, так получилось, что из-за гололеда, он начал катится назад, мне пришлось включить заднюю скорость и отъехать. И я вдруг почувствовал удар. Выбежал подполковник и подбежал к моему лейтенанту. Я не заметил сзади «УАЗ». Он сказал, что пока я не починю его автомобиль, я никуда не поеду. Отремонтировав этот «УАЗ», я со своим командиром поехали дальше.

Не доезжая до города Даши, мы остановились возле шлагбаума. Я спросил у солдата, почему он закрыт. Оказалось, что это место обстрела душманами. И вдруг, я со своим командиром увидел, как свистят и отскакивают от асфальта пули. Мы испугались и быстро спрятались под машину, где пролежали полтора часа. Потом, когда обстрел закончился, мы поехали дальше до города Пули-Хумри, где находилась часть. Когда мы туда приехали, мне пришлось переночевать в машине. И вечером возле нее я увидел маленького черного щенка. И я решил его забрать с собой. Накормил в машине, и обратно мы поехали уже вместе.

Был интересный случай про моего щенка. Животные сильно привыкают к человеку. Моя собака была со мной везде. Однажды она пошла со мной в туалет и провалилась в туалетную дырку. Взяли у командира фонарик, проволоку, и достали ее за голову. Потом носились от нее по всей части, пока не залезли на кузов автомобиля. Много у нас было ребят, у которых животные жили. И обезьянки у некоторых были. Очень интересно, что если обезьянке конфету в фантике дать, то она укусит и есть не станет, а если без фантика - съест.

Кстати животный мир Афганистана поражает своим разнообразием. На открытых пространствах равнин и плато водятся пятнистые гиены, куланы, сайгаки, в скальных местностях – леопарды, горные козлы, горные бараны. В тугайных зарослях по долинам рек встречаются лисица, кабан, камышовый кот. Широко распространены волки, наносящие немалый ущерб отарам овец, особенно зимой. Богато представлен мир пресмыкающихся: вараны, степной питон, ядовитые змеи (гюрза, кобра, эфа). Много ядовитых и вредных насекомых: скорпионы, каракурты, саранча, пауки (фаланг) и др.

Теперь я расскажу немного о том, чем мы питались. Нам готовилась пища на перевозных кухнях. Она работала на

солярке, из-за этого вся пища ею «отдавала». После службы в Афганистане, я не мог видеть тушенку, сгущенное молоко и рыбные консервы. Иногда хотелось обычной картошки, которая хоть чуть-чуть напомнит нам о Родине.

До службы в Афганистане, я никогда не видел бананов. На одном из перевалов был опрокинут гражданский автомобиль с зелеными бананами. Мне они не понравились, но я все равно взял с собой пару связок бананов. Пока ехали до части они созрели, стали желтыми и на самом деле оказались очень вкусными. Вот так я узнал о существовании бананов.

Расскажу еще об одном случае, связанном с пищей. Когда мы ехали на перевал, по пути мы увидели опрокинутую машину с мешками сахара. И мы забрали себе мешков пять. Мы долго думали, что с ними делать. У нас в перевозной кухне была большая бочка с водой. Нам дали на хлебозаводе дрожжей, и мы засыпали их в эту бочку вместе с сахаром. Пока мы ездили в Джелалабад и обратно, это все забродило. И мы приехали и всей ротой напились. Ближе к вечеру на построении, никто на ногах устоять не мог. Командир не понимал в чем дело, пока не пошел умываться из этой бочки.

Прежде чем рассказать о сражении, где меня сильно ранило, опишу природу и жизнь мирных жителей. Мне очень запомнились весной поля, усеянные дикими желтыми и красными тюльпанами. Жители выращивают пшеницу, кукурузу, рис, ячмень, хлопчатник. В садах выращивают всевозможные плодовые культуры: абрикосы, персики, гранаты и цитрусовые, виноград.

Жили мирные жители очень бедно. Афганистан имел ограниченные торговые связи с другими государствами. Основные статьи экспорта – героин, сухофрукты, а также ковры, свежие фрукты.

Ислам остается мощной силой в Афганистане, где почти все население придерживается мусульманской веры.

Установлен жесткий контроль за исполнением женщинами традиционных норм поведения. В Афганистане закрылись школы для девочек, а женщин заставляют отказываться от работы вне дома и обязывают выходить на улицу в чадре. В 1983 году в Кабуле уже появлялись женщины, которые ходили в черном, но без паранджи.

Население Афганистана живет преимущественно большими семьями в деревнях. Преобладают прямоугольные в плане дома с плоскими крышами, построенные из сырцового кирпича и обмазанные глиной. Усадьба обносится стеной. В высоких горах возводят также строения из камня.

Главные элементы костюма почти у всех этнических общин Афганистана – длинная, до колен рубаха и плотно подпоясанные кушаком широкие шаровары (камис). Поверх мужчины надевают куртку или прикрывающий шаровары халат. Характер головного убора, например чалмы, нередко отражает принадлежность мужчин к определенной национальной группе и географическому району.

Один раз, я наблюдал интересный случай. Ехал в другой город и увидел жителя, сидевшего на корточках на камне. Еду через десять часов обратно, а он также сидит на этом камне.

Продолжу рассказывать про боевые действия. Однажды мы везли керосин из Баграма в Джелалабад. Нас в колонне ехало 80 машин вместе с охраной. С нами также была радиостанция, которая вела связь с ближними воинскими частями. Ближе к вечеру, когда оставалось тридцать километров пути, мы попали на заминированную дорогу. С одной стороны была речка, а с другой – горы.

Я ехал пятой машиной, и она попала на самодельную контактную мину (фугас). Произошел взрыв, осколки мины пробили кузов, кабину и бензобак, и машина загорелась. Меня два товарища вытащили из горящего автомобиля и положили под скалу, так как с гор нас еще обстреливали душманы. Так я пролежал там без сознания, пока меня не отвезли в военный госпиталь в Баграме. Привезли меня в госпиталь с осколочным ранением в позвоночник, контузией и с сильными ожогами на ногах. Оклимался я только через двое суток. Когда очнулся, ноги и руки были привязаны к кровати, ноги все перебинтованы, а рядом сидела медсестра. Я сначала очень испугался, есть ли у меня вообще ноги. Но, переборов страх, пошевелил пальцами и понял, что все в порядке. В позвоночнике у меня до сих пор находится осколок мины.

В этом бою с душманами погибло 8 человек из 100, и 13 было ранено. В день нашего сражения - 20 марта, у афганцев есть праздник жертвоприношения. А мы, солдаты, для них равнозначны животным, вот они и решили нас взорвать.

В госпитале я находился с 20 марта до конца июля. Организм сильно ослаб, и я заболел брюшным тифом. Поднялась температура до 40 градусов, и меня перевели в другое отделение. Желтуха и тиф в то время были очень распространены. В октябре-ноябре от воды половина батальона болели желтухой, а зимой от грязи и волнения - брюшным тифом. Так же, как на любой войне, появлялись вши, и нам каждые три дня приходилось мыться и стирать бензином одежду. Вши являлись одними из переносчиков брюшного тифа.

После лечения от брюшного тифа, мне был положен отпуск: должны были отправить в Союз на 60 суток. Пока я ждал документов из СССР, начальник отделения предложил поработать медбратом, так как в госпитале не хватало медсестер. Я согласился и месяц там проработал. Колол всем уколы.

На меня были поданы документы о награждении за отвагу, но медаль я получил уже в военкомате, когда уволился.

После того, как я выписался из госпиталя, меня пытались вновь посадить за автомобиль, но я отказался, так как после того случая мне было уже страшно. И мы с товарищем делали кирпичи из глины в части (замешивали глину и выкладывали на песок на солнце сушиться). Половину дня работали, а остальное время отдыхали, так как на улице жара 50 градусов, и, не то чтобы работать, даже лежать было невозможно. Даже, если куриные яйца в песок закопать, они сварятся. В «тихий час», который длился с 12 до 16 дня, мы накрывались мокрыми простынями, чтобы не было так жарко.

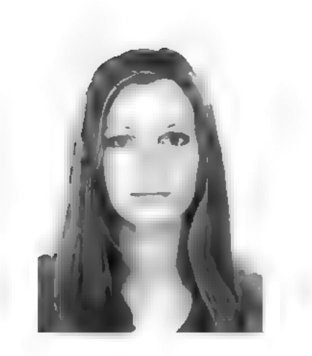
15 июля пришли документы о том, что меня отправляют дослуживать в СССР, в город Самарканд. После того, как я прослужил еще 3 дня, пришли документы об отпуске. Я уехал на 60 суток на Родину.

После отпуска служба шла очень легко. Наша ракетная часть находилась в Душанбе. Там ко мне, как ветерану Афганистана, относились очень лояльно.

Через год после армии женился. Жена 2 года ждала меня. Всего за время моего отъезда, я написал примерно 80 писем.

В общем, в Афганистане я пробыл с 9 мая 1982 года по 15 июля 1983 г.

Ноябрь 2008 года.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Волкова Александра Михайловна,** студентка 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Соколов Александр Константинович

Если бы я не повернулся…

Я родился 9 августа 1951 г. В Ивановской области в семье рабочих. Отец, Соколов Константин Никонорович, участник Великой Отечественной войны с 1943 по 1945 гг., войну закончил в Вене.

После окончания восьмилетней школы, поступил в Ивановский энергетический техникум. В 1970 году поступил в Московское высшее общевойсковое командное училище им. Верховного Совета РСФСР. В 1974 году с отличием окончил училище и был направлен для прохождения службы в Группу советских войск в Германии (ГСВГ) на должность командира мотострелкового взвода 81-го гв. мотострелкового полка (мсп) 6-й мотострелковой дивизии (мсд) 20-й общевойсковой армии (ОА).

В 1979 году с должности командира мотострелковой роты заменился в Туркестанский военный округ в 180-й мсп 108-й мсд на должность командира 9-й мотострелковой роты (мср). В декабре 1979 года в составе передового отряда дивизии полк вошел в Афганистан.

В 1980 году был назначен начальником штаба 781-го отдельного разведывательного батальона 108-й мсд (Баграм).

В Афганистане досрочно получил капитанские погоны из рук начальника штаба 108-й мсд полковника Б.В. Громова.

После Афганистана проходил службу в Уральском военном округе, Генеральном штабе Вооруженных Сил.

Участвовал в ликвидации землетрясения в Армении. Принимал участие в событиях по наведению конституционного порядка в Закавказье, в контртеррористических операциях на территории Северного Кавказа, в составе российского воинского контингента в Косово выполнял миротворческую миссию.

В 1986 году окончил военную академию им. М.В. Фрунзе, а в 1994 году военную академию Генерального штаба ВС. Награжден орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР», государственными и общественными медалями, медалью ООН за миротворческую операцию в Косово.

Получил осколочное ранение в Афганистане. Вспоминаю службу в Афганистане, как лучшие годы своей жизни.

Назначение

Проходя службу в мотострелковом полку на БМП в ГСВГ, получил хорошую практику как офицер. Постоянно проводились дневные и ночные стрельбы, занятия по вождению боевой техники, изучению материальной части вооружения и техники. Неоднократно участвовал в соревнованиях, как в составе подразделения, так и индивидуально на уровни полка, дивизии, армии и группы. Прибыв по замене в 108-ю мсд Туркестанского военного округа (г. Термез) поставил себе задачу служить в полку на БМП (180-й мсп – «пятерка», так его тогда называли местные старожилы).

Был представлен командиру дивизии генерал-майору К.А. Кузьмину. Перед беседой с ним накануне мое личное дело изучил начальник разведки дивизии майор А.Б. Султанов и предложил командиру дивизии направить меня в разведывательный батальон. Командир дивизии во время беседы со мной предложил служить в разведывательном батальоне, на что я категорически отказался, сославшись на то, что желал бы служить в мотострелковом полку на БМП, где принесу больше пользы, чем явно поставил в тупик командира

дивизии (бывшего десантника), слово которого не обсуждалось. Он просто отправил меня еще раз подумать.

На следующий день начальник кадров довел до меня решения командира дивизии направить меня на должность командира автороты. Но я стоял на своем. После долгих мытарств назначили меня командиром 9-й мср 180-го мсп.

Рота была многонациональная – русские, украинцы, казахи, узбеки, таджики, туркмены, калмыки и уйгур. Укомплектована была специалистами из Таманской дивизии (командиры отделений, наводчики-операторы и механики-водители БМП). Из трех командиров взводов два в 1979 году окончили училище - лейтенанты Е. Березин и С. Майданюк, а третьим командиром взвода был капитан И. Васильев, переведенный из штаба округа. Заместителем командира роты по политической части был выпускник Новосибирского политического училища лейтенант В. Лобода, старшиной роты - прапорщик Г. Насиров, техником роты - сержант срочной службы Р. Оздоев.

В начале декабря части дивизии были подняты по тревоге и выведены на учебный центр. Начался прием приписного состава. В основном это были местные из Сурхандарьинской области, те, кто прошел службу во внутренних войсках. Все они не имели такого опыта и знаний ведения боя, которым владеют мотострелки.

Пришлось наряду с практическими действиями солдата на поле боя проводить и индивидуальные занятия по изучению материальной части стрелкового вооружения. Этим занимались наиболее опытные военнослужащие срочной службы, сержантский состав и командиры взводов. Во второй половине декабря провели боевое слаживание в составе отделения, взвода, роты, батальона.

Термез стал напоминать город военного времени. Откровенно говоря, у младшего командного состава и мыслей не было, что мы готовимся к вхождению в Афганистан. Все думали, проведем ряд предписанных мероприятий и на этом закончим. Но все вышло иначе.

Вход в Афганистан

23 декабря вечером всех офицеров от командира роты и выше, собрал командир полка подполковник Т.Ю. Касымов и

поставил задачу по подготовке к совершению марша по маршруту Термез – Хайратон-Пули-Хумри.

Задача поставлена – приступили к ее выполнению. Полк - передовой отряд дивизии, а второй взвод моей роты (командир взвода Е. Березин) тыловая походная застава (ТПЗ) полка. Все то, что кто-то упустил или не сделал надлежащим образом, пришлось наверстывать и устранять. Большую помощь оказывало командование батальона во главе с капитаном А.М. Гулевским. Из трех командиров мотострелковых рот – двое прошли службу в ГСВГ (я и командир 8-й роты ст. лейтенант П.И. Чертков). Командир батальона имел хороший опыт командованием подразделениями, полученный в ГСВГ. Подчиненные все это видели и верили нам.

25 декабря 1979 года в 15.30 полк за разведывательным батальоном дивизии по наведенной паромной переправе через реку Амударья начал пересекать границу. Головная машина роты - в 16.50, а второй взвод роты, находящейся в ТПЗ в 18.00.

Колонна дивизии походила на «цыганский табор» - на технике было загружено все необходимое для автономной деятельности подразделений – дрова, печки буржуйки, трубы к печкам, маскировочные сети, ящики с боеприпасами, матрасы, одеяла, палатки и т.д. После пересечения границы колонна техники двигалась по бетонке. Её, в свое время, построили советские специалисты. Поначалу техника вела себя «как корова на льду», сказалось отсутствие опыта вождение у механиков. Резкий порот штурвала, рычагов и машина уходит в кювет, резкое увеличение скорости, торможение - удар в впереди идущую машину.

Механиком-водителем командирской машины был молодой солдат Марат Ускембаев, казах, родом из Джамбульской области. Когда я принял роту, механика-водителя командирской машины не было. Временно за машиной был закреплен техник роты Р. Оздоев. Мне приглянулся молодой, смышленый, шустрый солдат. В разговорах с ним оказалось, что он из многодетной семьи, до армии работал на тракторе, любит технику, и хотел бы быть механиком-водителем. Его любовь к технике и искреннее желание управлять боевой машиной, горящие глаза тронули

меня, я назначил его старшим механиком-водителем роты. Стал заниматься с ним индивидуально.

Еще проходя службы в ГСВГ, в полку из-за нехватки специалистов были организованы трехмесячные курсы подготовки из солдат, ранее имеющие опыт работы на технике. Своим упорством и желанием быть механиком, Марат за месяц достиг того, что должен уметь специалист после «учебки». За его познание и владение БМП к нему прислушивались и военнослужащие старшего призыва. За время службы в Афганистане он стал специалистом высокого класса, настоящим солдатом.

Проехав несколько километров, механики почувствовали технику, стали увереннее чувствовать себя. Колонна полка стала похожей на воинскую часть на марше. Наступили сумерки, а ночь хочу сказать в тех краях темная. Колонна техники с включенными фарами похожа на текущую речку. Зрелище неописуемое. Впереди должен быть город Пули-Хумри.

В нашем понимании это должен быть освещенный город с улицами и современными домами. Когда же мы пересекли мнимую границу города, перед нами предстала другая картина. Глинобитные дома с еле заметным освещением, жители в национальной одежде, крохотные магазинчики. Обыкновенный узбекский кишлак, а не город. Прошли Пули-Хумри, за ним остановились на ночной привал, проверили и дозаправили технику, установили палатки, выставили охранение. Личный состав после совершенного марша, особенно механики, «отрубились» моментально.

Утром позавтракав, получили задачу на продолжение марша по маршруту Пули-Хумри-Саланг-Кабул. Тогда-то и наступило осознание, а что же нас ждет впереди?

При подходе к Салангу колонна двигалась в гору. Справа и слева красивый горный пейзаж. Кристально чистой белизны снег. По мере приближения к туннелю колонна замедляет скорость, почти ползет. Наконец то входим в туннель. Включенный свет, дым работающих машин, запах дизельного топлива. Мы медленно продвигаемся вперед по туннелю, порой останавливаясь. Глаза жжет, воздуха не хватало. Некоторые пробуют надевать противогаз, не помогает. Помогает тряпка, смоченная водой. Становится не много легче

дышать. Все время на связи, запрашивал, как чувствуют механики водители, на коротких остановках приказывал проверить десант внутри машин. Впереди появляется просвет туннеля.

При выходе нас встречал начальник разведки полка и на ходу доводит информацию: «Двигаться на первой замедленной передаче». Впереди дорога резко сворачивает влево. Посыпана песком для исключения заноса. Сидя на броне сверху, видишь глубокое ущелье, дух захватывает. Становишься единым целым – машина и человек. Мы тогда вспоминали песню о шофере: «А дорога серую лентою вьется, крепко за баранку держись шофер».

Машины медленно шли по самому краю дороги, которая серпантином спускалась вниз от одного портала к другому. Рядом с дорогой бежала, журча, горная река, как бы стремясь обогнать нас. Внизу каменные домики, видно как местные жители рассматривали нас. От портала к порталу колонна набирала скорость, приближаясь к «равнинной дороге». Встречные люди радостно приветствовали нас: «шурави». Мы им отвечали взаимным русским уважением. От этого становилось легче и спокойнее на душе. В это время, кто-то из колонны сообщил: «По просьбе Афганского правительства советские войска вошли в Афганистан». Никто не знал в то время, что будет война на протяжении почти десяти лет.

Термез-Кабул

В зоне ответственности 108-й мсд находилась автомобильная дорога Термез-Кабул. По ней доставлялись материальные средства для Афганистана и обеспечения жизнедеятельности соединений и частей 40-й армии. Дорога являлась стратегическим объектом. Командование уделяло ей особое внимание. Вся дорога была распределена на зоны ответственности соединений и частей. За участок дороги от Саланга до Кабула отвечала 108-я мсд.

Дорога от Джабалля-Уссараджа до Кабула проходила через густые растительные насаждения, так называемую «зеленку». На этом отрезке дороги размещались заставы 177-й и 181-й мсп дивизии, которые обеспечивали безопасность движения колонн на своих участках ответственности.

Дорога притягивала и душманов. Они использовали для нападения на наши колонны естественный природный ландшафт, осуществляли минирование дороги, особенно в ночное время.

Для обеспечения безопасности прохождения колонн периодически, по мере поступления данных о деятельности душманов, проводились операции по их нейтрализации.

В начале октября 1981 года участились случаи обстрела колонн и подрыва машин на участке от населенного пункта (н.п.) Чарикара до Шакандары. По разведывательным данным боевые группы душманов осуществляли подготовку в районе н.п. Исталиф.

Для уничтожения душманов в этом районе была спланирована операция с привлечением разведывательного батальона и подразделений 177-го мсп дивизии и 345-го опдп. В целях введения противника в заблуждения от истинного направления действия наших подразделений, была спланирована дневная зачистка района в предгорьях Кабула.

За день до начала проведения операции с командирами разведывательных групп было проведено взаимодействие на ящике с песком. Детально отработаны действия разведывательных групп исходя из предполагаемых действий противника. Особое внимание было уделено скрытому выдвижению групп в ночное время и занятию ими огневых позиций на господствующих высотах, блокирующих выход душманов и подход их резервов.

В полдень колонна разведывательного батальона начала выдвижение. Впереди головная походная застава в составе танкового взвода 1 разведывательной роты. Разведчики разведывательных групп были размещены в МТЛБ артиллерийского дивизиона для скрытия их посторонних глаз. В замыкании колонны как всегда находился танковый взвод 2-й разведывательной роты.

Такое построение колонны было апробировано практикой. В предыдущих операциях личный состав танковых взводов получил навыки действия при подрыве боевой техники на мине и обстреле из гранатометов. Первоначально на восстановление подорвавшегося танка уходило несколько часов, но в последующем, благодаря слаженным действиям танкистов и разведчиков, привлекаемых для защиты экипажа

танка от огня душманов, на это уходило несколько минут. Да и экипаж танка быстро приходил в себя от подрыва боевой машины.

2-й танковый взвод постоянно обстреливали из гранатометов, экипаж, как юла, вел наблюдение за обстановкой и, в случае опасности, немедленно реагировал на критическую ситуацию.

Около 16.00 колонна прошла Баграмский поворот и повернула в сторону Кабула. Через 20 минут колонна остановилась. Впереди был видимый участок заминированной дороги. Видно было, что минировали совсем недавно и успели замаскировать. Пришлось мины стянуть «кошкой», а затем подорвать. Эта заминка не повлияла на выход в заданный район.

При подходе к месту проведения операции бронегруппа заняла пути выхода и подхода душманов, а разведчики приступили к прочесыванию района. Разведывательные группы скрытно выдвинулись в исходный район выдвижения. Замаскировались. К началу сумерек закончилась зачистка района.

Результаты работы были налицо. Много было изъято стрелкового вооружения, в основном английские буры и китайские АКМ, а так же боеприпасы к ним. Командиры доложили о наличии личного состава, вооружения и готовности к движению. Колонна батальона начала движение в обратном направлении, оставив нас для ночных действий.

С наступлением темноты разведывательные группы начали движение. Шли бесшумно, обходя населенные пункты. Особенно, чтобы собаки не почуяли нас. Выдерживать намеченный маршрут в горах, а еще ночью, чтобы не обнаружить себя, очень сложно. Каждую сотню метров приходилось ориентироваться по компасу. Два разведчика накрывают тебя палаткой - при свете фонарика уточняешь маршрут. Очень трудно привязаться к местности. Большая ответственность за поставленную боевую задачу и подчиненных, которых ты ведешь. Приходиться сверяться по небесным светилам. Большая и Малая медведица так же светят и на малой нашей Родине. В это время ощущаешь себя в родном краю. Это придает силы и уверенность.

Ближе к полуночи пришлось форсировать горную речку. Все мокрые, пока не ощущаешь холода. Но чем выше к горным вершинам, тем становится прохладней. К часу ночи мы заняли высоты. Здесь когда-то были душманы. Оборудованы огневые позиции, валяются стреляные автоматные и пулеметные гильзы. Земля схвачена морозом, вода замерзла. Холод неимоверный. Снимаешь с себя одежду, вдвоем выкручиваешь ее. Одеваешь и такое ощущение, как будто ты надел сухую и теплую одежду.

Каждый занял свою определенную позицию с учетом, что ты отвечаешь за сектор в 180 градусов, а твой товарищ за вторую половину. К рассвету разведывательные группы заняли господствующие высоты. Доложил в дивизию о занятии и оборудовании огневых позиций, готовности групп.

Начало светать, с подъемом солнца становиться теплее. Перед нами н.п. Исталиф. Где-то начали топить, дым поднимался вертикально вверх. Лаяли собаки. Население просыпалось. Впереди, сквозь утреннюю дымку, вдалеке просматривалось движение колонны. Через час-полтора колонна вышла на исходные рубежи. Приближение колонны начинало ощущаться среди афганского населения. Были видны вооруженные люди. Закрывались двери домов. Напряжение нарастало. Приказал быть внимательней.

Восходящее солнце давало о себе знать. Становилось теплее. Клонило в сон. Мой сосед по сектору наблюдения прямо «валился с ног». Обратил его внимание на это. Прошло буквально несколько минут, повернулся в его сторону и вижу в 100-120 м душмана, готового открыть по нам огонь.

Срабатывает внутреннее чувство самосохранения, открываю по нему огонь из автомата. Толя резко просыпается: «Что такое?». Показал на лежащего с автоматом «духа». Если бы я не повернулся в сторону товарища, лежать бы нам вдвоем в нашем окопе. Этот случай остался в памяти на всю жизнь. При каждой очередной встрече боевых друзей он вспоминает этот эпизод.

Подразделения дивизии начали прочесывать населенный пункт. Все местные жители, кто имеет оружие или причастность к душманам, пытались уйти в горы. На их пути оказываемся мы. Огнем из автоматов не даем им вырваться из района. В воздухе работают наши вертолеты – «вертушки».

Авианаводчик, приданный разведгруппе, давал целеуказания на уничтожения душманов.

Средства связи работали постоянно. К полудню начали разряжаться аккумуляторные батареи. Радиостанции работали только на прием. Чтобы понять, где находятся разведывательные группы, командир дивизии генерал-майор В.И. Миронов приказал обозначить себя дымами. Артиллерийский корректировщик внес поправки в нанесении артиллерийских ударов по противнику с учетом нашего нахождения.

С каждым метром продвижения наших войск огневое противодействие со стороны душманов нарастало. Со стороны гор экипажи вертолетов наблюдали выдвижение конных душманов. По ним был нанесен огневой удар дивизионной артиллерии и в промежутках между ударами работали вертолеты. Тем не менее, часть душманов уже начали вести огонь с противоположной стороны. Нам приходится отражать атаки и спереди и сзади. Так продолжалось около 2-3 часов.

К 16 часам все заканчивается. Много пленённых. С ними уже работает местный Царандой и ХАТ. Мы спустились с гор к основным силам дивизии.

После напряженного боя ощущение такое, как после трудного экзамена. Усталость валила с ног. Скамейка в БТР – как спальная кровать в гостинце люкс. За полтора часа движения до дислокации разведывательного батальона успеваешь выспаться и прийти в форму.

По прибытии в расположение заместитель по тылу А.К. Терехин уже подготовил баню. Это был неписаный закон: при возвращении с задания первым делом баня, а потом прием пищи.

При прохождении Баграмского поворота на узел связи разведбата давали информацию – прошли поворот. Теперь начинала работать «машина» под руководством Кузьмича - баня, столовая. Баня, обыкновенная машина ТДА, подавала пар и теплую воду в построенное помещение из ящиков для снарядов. Эта баня была для нас, как «Сандуны» для москвичей. В последствии построили кирпичную баню с бассейном, но эта осталась в памяти на всю жизнь.

При возвращении всех встречала наша единственная женщина в батальоне – Наташа Ратушняк. Она была, как

талисман для всех разведчиков. Находила для каждого своё, неповторимое, родное и близкое слово. Каждый разведчик старался, со своей стороны, сделать для нее доброе и хорошее.

Жизнь разведчиков показала и доказала, что только вместе, думая о каждом в повседневной жизни, прикрывая в бою товарища, мы живем и сейчас одной боевой семьей. По мере возможности встречаемся. Кто-то живет уже в другом государстве, кто-то стал большим начальником, открыл свой бизнес, но, все равно, мы - одна единая семья 781-го отдельного разведывательного батальона 108-й мсд.

Декабрь 2008 года.

Храмцов Вячеслав Иванович

Странный треугольник

Я родился 2 августа 1951 года в поселке Игри Тоншаевского района Горьковской области. Русский. Образование – высшее.

Окончил в 1968 г. Тоншаевскую среднюю школу, в 1972 году Калининградское высшее военно-инженерное училище имени Жданова, в 1977 году – командный факультет Военно-инженерной академии.

В настоящее время - Начальник факультета Военно-инженерной академии

Имею награды:

- два ордена Красной Звезды;
- орден Красного Знамени;
- медаль «За боевые заслуги».

Все награды были получены при выполнении интернационального долга в Афганистане.

В боевых действиях на территории Афганистана участвовал в должности начальника штаба 45-го инженерно-саперного полка 40-й армии в 1986-1988 гг.

О начале война в Афганистане узнал при прохождении службы в должности начальника штаба батальона в г. Бобруйске Белорусского военного округа. Информации о

начале военных действий было мало. В декабре 1979 года в Афганистан военным советником уехал командир батальона майор Дятел В.Н., я принял командование батальоном. В марте 1983 года приходит распоряжение об отправке в Афганистан командира взвода - уезжает лейтенант Лабур Н.Г, окончивший с отличием Каменец-Подольское высшее военно-инженерное училище. В 1984 г. при разведке маршрута движения полка взвод попал в засаду и лейтенант Лабур Н.Г. был убит.

В 1984 году я был назначен начальником штаба 10-го гвардейского инженерно-саперного полка в г. Могилеве.

В 1986 году мне было предложено поехать в Афганистан на должность начальника штаба 45-го инженерно-саперного полка.

Уже 5 августа 1986 года я прибыл в Кабул, представился начальнику инженерных войск 40-й армии полковнику Поварчуку Т.П. и далее убыл в г. Чарикар, где дислоцировался полк.

Командовал полком полковник Антоненко Николай Георгиевич, который был моим наставником и учителем на начальном этапе моей службы в Афганистане. С ним я ходил на свою первую боевую операцию. К тому времени он имел большой опыт в организации выполнения поставленных задач и старался передать его вновь прибывшим офицерам. А замена офицеров проходила через каждые два года. Приходили по замене офицеры, не имеющие опыта ведения боевых действий, выполнения поставленных задач. А это приводило к потерям личного состава и техники.

Всего я участвовал в 12 операциях, но самой запоминающейся для меня осталась первая Алихелевская операция.

Поход на Алихель

Операция у крепости Алихель по доставке боеприпасов и продовольствия в один из афганских гарнизонов, прикрывших границу с Пакистаном, была моим первым боевым выходом, реально показавшим как страшна, коварна и масштабна была минная война, развернутая против Советских войск. На Алихель полк вышел под командованием в то время полковника Николая Георгиевича Антоненко. Я действовал во

главе отряда обеспечения движения наших подразделений. Маршрут проходил через Кабул, Гардез и на восток к крепости Алихель.

Особенно тяжелыми оказались последние 17 км от горы Нарай к крепости.

Забегая вперед, скажу, что нам удалось пройти этот короткий участок, ширина которого в среднем не превышала 200-250 км, только за трое (!) суток. И то, благодаря мужеству, беспримерной самоотдачи рядовых саперов и грамотному руководству офицеров. Вдоль всего ущелья бежала небольшая горная речушка. Только в ее границах и не было, пожалуй, мин и фугасов. Вся остальная территория, пригодная для прохода людей и техники, была буквально нашпигована смертельными снарядами взрывчатых веществ.

Большие проблемы доставляли двойные фугасы, установленные на большой глубине мина на мину. Миноискателем обнаружить их было крайне тяжело. Против боевых машин разминирования на этих фугасах использовались специальные взрыватели, которые приводили в боевое положение только после наезда трала. Таким образом, вся сила взрыва приходила на саму БМР. На одной из таких ловушек подорвалась машина сержанта Виктора Синицкого. Взрывом вырвало практически всю правую ходовую часть БМР. К счастью, Виктор Синицкий остался жив, вместе с ремонтниками уже через три часа вернул машину в строй и продолжил выполнения боевой задачи.

Впоследствии сержант Синицкий принимал участие в 17 операциях. И столько же раз он подрывался на минах. Лишь 5 раз заряды взрывались под тралом. Еще трижды духи просто поджигали его машину из гранатометов.

За мужество и героизм Виктору было присвоено звание Герой Советского Союза.

Очень большую работу проделали расчеты минно-розыскных собак капитана Александра Зотова. Могу сказать, в общей сложности на их боевом счету чуть больше четверти всех обнаруженных мин.

На одном из широких участков ущелья наша передовая группа натолкнулась на странный треугольник, выложенный на земле из камней. В составе нашего отряда также шла группа ученых Нахабинского научно-исследовательского института

инженерных войск во главе с подполковником Владимиром Алексеевым. Благодаря ему, по меньшей мере, мы разгадали назначения этого знака. Оказалось, именно таким образом, моджахеды обозначали для себя еще одно особое минное поле. Как потом выяснилось, выполнено оно было с соблюдением всех классических канонов искусства постановки трех-четырехядерного противотанкового минного поля: мощный заряд, а вокруг две-три пехотные мины. Алексеев первый разгадал классический алгоритм и подсказывал саперам, где вероятно очередная мина.

Работа продолжалась. Как обычно, под руководством начальника штаба батальона Валерия Мацкевича очень активно трудились ребята из батальона разграждения. Здесь особенно пригодился навыки таких опытных саперов, как старший офицер инженерного отдела Армии Игорь Жеребный.

Тем не менее, продвижение шло очень медленно. В итоге. Чтобы не терять время, было принято несколько нестандартное решение: на этом участке пустит колонну по реке.

Здесь она немного разливалась, мелела. Дно было каменистое, но достаточно ровное. А чтобы предупредить возможный сплав противником мин в нашу сторону по течению, в верховьях соорудили специальное заграждение.

Прошли порядка полутора км по реке. Вернулись на дорогу. Теперь мин было поменьше, но работы хватало.

Как правило, и этого, собственно, требовали все приказы вышестоящего командования, минные фугасы категорически запрещалось разминировать. Поэтому мы подрывали их накладными зарядами. Однако, на пути к Алихелю, нам пришлось изменить этому правилу.

На одном из участков, река резко меняла направление и пересекала путь. Через это водяное колено дорога шла по небольшому мосту, который ясное дело, тоже был заминирован с использованием 250-килограммовой авиационной бомбы.

Последствия подрыва такого мощного заряда в горной местности просчитать было очень сложно. Поэтому решили его обезвредить. Достаточно быстро нашли замаскированные провода, по которым духи собирались привести в действие

фугас при проходе колонны. Обезвредили пару дополнительных мин-ловушек - путь свободен.

На подходе к Алихелю наш отряд подвергся массированному обстрелу реактивными снарядами. Благо, рядом была отвесная сказала, под которой мы и укрылись. Но часть бойцов все-таки получила ранения. Двое - тяжелые.

Под непрекращающимся обстрелом медики, которые шли в нашем отряде обеспечения, оказали пострадавшим ребятам помощь. Среди них была и прапорщик медслужбы Нина Коцур, которая приехала в Афганистан вслед за мужем.

Ждем окончания обстрела. Но огонь моджахедов не стихает. Я связался по радиостанции с командующим, который отдал приказ артиллеристам подавить огневые точки противника.

Чуть позже к нам вылетела вертушка, чтобы забрать раненых. К сожалению рядового Степана Болдырева спасти не удалось. Но если бы не своевременная помощь медиков во главу с Ниной Коцур, которая по итогам операции была награждена медалью «За боевые заслуги», думаю, потери могли быть большими.

К Алихелю, как я уже сказал, добрались к исходу третьих суток. За нами сразу же пошли колонны с боеприпасами, продовольствием, горючим. В целом же, 1986 год оказался очень напряженным для нашего полка. Кроме Алихеля, нас еще 25 раз привлекали к боевым операциям в составе соединений и частей 40-й армии. А за 9 лет войны в Афганистане 45-й инженерно-саперный полк привлекался к боевым действиям 152 раза. Более трех тысяч саперов в разное время награждались орденами и медалями.

За операцию на Алихеле я был награжден первым орденом Красной звезды

В Файзабад

Очень тяжелая операция была на севере Афганистана - проводка колон в Файзабад, где дислоцировался наш мотострелковый полк.

Нужно было пополнить запасы файзабадского полка продовольствием, боеприпасами, запчастями и боевой техникой.

Участок маршрута от населенного пункта Кишим до Файзабада был буквально весь заминировал фугасами и минами. Очень хорошо справились с задачей саперы нашего полка. На одних участках использовались машины боевого разминировании (БМР), на других привлекались собаки минно-розыскной службы, а где-то приходилось вручную миноискателями вести разведку маршрута и уничтожать мины и фугасы.

А их оказалось немало: 32 фугаса, 226 противопехотных и 84 противотанковых мины. Если бы все эти средства сработали, то можно было бы себе представить, какие были бы потери. 23 сапера были представлены к государственным наградам, а сержант Воронцов П.А. - механик-водитель БМР к ордену Красной Звезды.

Основная моя заслуга заключалась в том, что при проведении этой операции не было ни единой потери среди личного состава полка. За умелое руководство при выполнении поставленных задач я был представлен к ордену Красного Знамени.

Магистраль

В памяти навсегда останется операция «Магистраль». Эта крупная операция советских войск и ВС ДРА, проведенная в Афганистане. Она началась в ноябре 1987г и закончилась в январе 1988.

Целью этой операции было деблокирование дороги Дортез-Хосид, проводка колонн с продовольствием и вооружением в гарнизон г. Хоста. За девять лет войны на Хост не прошла ни одна колонна и нога советского солдата не ступала дальше перевала Санту-Кандав (в переводе «толстое дерево» или «перевал толстых деревьев»). Все снабжение осуществлялось по воздуху. Моджахеды говорили: перевал Санту-Кандав неприступен, кто прилетит на перевал - обожжет крылья, кто придет пешком - потеряет ноги. Русские обломают об него зубы.

Дорога на перевал представляла собой завалы из железобетона и крупных камней, сплошь заминированная. В некоторых местах маршрут проходил по полкам в горах в скалах, и эти полки были полностью разрушены. Очень хорошо действовали саперы батальона майора В. Мацкевича.

Мужество и героизм проявили при выполнении поставленной задачи майоры Владислав Козловский, Олег Бот, старший лейтенант Игорь Коцур и многие-многие другие.

Благодаря их усилиям, находчивости и мужеству поставленная задача была выполнена. Особо хочу отметить заместителя командующего 45-го полка Проворова Юрия Андреевича, много сделавшего для успешного выполнения этой операции.

Уже после возвращения в Советский Союз в Москве за успешные действия в операции «Магистраль» начальником инженерных войск МОСССР генерал-полковником Кузнецовым В.П. мне был вручен второй орден Красной Звезды.

Впечатления о войне

Афганская тема многие годы была закрытой. Уже в последние год появилось множество изданий, книг, публикаций с оценкой этой войны. Мое личное убеждение в том, что она нам была не нужна, и многие политические цели в данном регионе можно было бы решить мирным, а не военным путем.

Было совершено руководством множество ошибок при вводе Советских войск в Афганистан. Очень слабо велась разъяснительная работа о наших целях, об истории и культуре ислама. Мы часто попадали в нелепые ситуации, не зная обычаев этой страны. В 1979-80 году нас встречали цветами в городах Афганистана, а потом начали боевые действия против наших войск.

Но это не вина солдата, офицера. Личным составом было сделано все что, чтобы поставленные задачи были выполнены, и мы с гордостью можем об этом сказать. Требования, приказы командующих 40-й армии Дубинина В.П., Громова Б.В. при выполнении любой задачи сделать все возможное, чтобы не допустить потерь, были для командиров святыми и всегда лежали в основе их деятельности.

Мужество и героизм - отличительная черта тех, кто воевал в Афганистане, и нельзя об этом забывать. Именно за героизм, самоотверженность личного состава при выполнении боевых

задач 45-й инженерно-саперный полк награжден вымпелом МО СССР «За мужество и военную доблесть».

Афганская война наложила свой отпечаток на всю мою последующую жизнь.

Осталось глубокое уважение к тем, кто прошел Афганистан, появилось желание помочь тому, кто остался инвалидом или не нашел себя в мирной жизни.

Особенно трудно было выжить в 1990-1998 годах, когда отношение к афганцам со стороны представителей власти было плохим. Развал, реформы, негативное отношение к участникам Афганской войны со стороны средств массовой информации, а главное - равнодушие власти - вот, что получили те, кто целой своей жизни, потерей здоровья выполняли военную присягу, интернациональный долг. Эта война стала в первую очередь их трагедией, их болью.

Навсегда останется наше боевое братство. Ежегодно, 10 мая ветераны инженерных войск, участники боевых действий в Афгане и других горных точках, встречаются возле Большого театра и возлагают цветы к памятнику «Воину-интернационалисту» на Поклонной Горе, а затем едут в Николо-Урюпино, где создан мемориальный комплекс с именами всех погибших участников Афганской войны, проводится митинг, обед у солдатской кухни. На эту встречу приезжают ветераны инженерных войск из различных регионов РФ, Белоруссии, Украины, Казахстана и других бывших союзных республик.

И организация Фортпост, которую я возглавляю, прилагает все усилия, чтобы эти встречи состоялись, чтобы мы еще могли вспомнить события Афганской войны, вспомнить не вернувшихся боевых товарищей.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Крысанова Кристина Олеговна,*** *студентка 1-го курса Аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Цветков Владимир Григорьевич

Живыми хотят взять

Родился 17 июня 1940 года в селе Рождественское Иваньковского района Костромской области. Русский.

В 1957 году окончил школу и в этом же год поступил в Горьковское военное училище техников связи (в настоящее время - Рязанское высшее военное училище связи), которое окончил в 1960году.

Далее служба в армии: Группа советских войск в Германии (ГСВГ), Белорусский военный округ (г. Минск).

В 1970 году поступил в Военную ордена Ленина Краснознаменную академию связи (г. Ленинград), которую окончил в 1974 году и был направлен для прохождения службы в Московский военный округ.

10 декабря 1979 года, в связи с обстановкой в Демократической республике Афганистан, был направлен в составе оперативной группы в г. Термез, для подготовки частей связи к работе в экстремальных условиях.

25 декабря 1979 года войска перешли границу с Афганистаном – это было началом войны.

О войне мы, молодые офицеры, знали только из кинофильмов и, частично, из рассказов ветеранов. Но все, чему учили нас педагоги в училище и академии, было связано

с нашей работой в боевой обстановке. И спасибо им за то, что мы, в какой-то степени, были готовы выполнить свой долг в условиях военных действий. Поэтому, решение отправить оперативную группу генералов-фронтовиков, которые помогли нам осознать положение дел, принимать грамотные и своевременные решения, было очень правильным.

Такие учители, как генерал-полковник Меримский В.А., генерал-лейтенанты Куликов И.А., Анашкин И.Н. и другие словом и делом помогали нам в этой сложной обстановке.

В Кабуле мы развернули полевой узел связи, организовали управление войсками и первое боевое крещение приняли 23 февраля, во время восстания душманов в Кабуле.

Далее был марш - бросок в Джелалабад и Бедадкалай, штурм крепости Асмар. Война продолжалась для меня до 1981 года, до моего возвращения домой.

В одной из характеристик, выданной в ДРА, написано: «Участвовал в большинстве боевых операций, проявил при этом…» Не буду описывать весь путь, а в своих воспоминаниях попробую изложить то, что сохранилось у меня в записях тех времен. Конечно, это не писательские заготовки, но когда я их читаю и вспоминаю те дни, то понимаю, насколько трудно было сразу перестроить свое восприятие действительности.

Личные блокнотные записи

Марш в Джелалабад, сразу после событий 23 февраля (восстание в Кабуле).

Все идет нормально, настроены по-боевому. В БТР все есть - пулеметы, автоматы, гранаты. Дорогой подъемы, спуски, тоннели, горы, горы. Мосты охраняют афганцы. Мы не высовываемся, не боимся, но на всякий случай – опыт уже есть. Вдоль дорог разбитая 23 февраля техника: автомобили, радиостанции, бульдозеры (видимо были баррикады). Аэродром: прибыли вовремя, здесь наши. Организовали свою охрану.

В ночь 27 февраля началась стрельба со всех сторон - автоматы, гранатометы, пушки. Кому-то не понравилось наше прибытие. До утра перестрелка. Врага определяем по их трассирующим. Ребята молодцы - не паникуют.

Утром сбор и, вперед на Асадабад. Вертолеты прикрывали с воздуха, дорогой по данным разведки - две засады душманов. Слава Богу, отбились. С прибытием!

Батальон 180-й дивизии

С командиром полка Касымовым готовим людей. Он по своим вопросам, я по связи. Штурм Асмар. Это действительно крепость. С башни крепости огонь из пулеметов. Ответили «громом». Впереди взрывы - горит БМП командира батальона и БРДМ разведки. Вошли в крепость, связались с главным, определили место – аэродром. На аэродроме сгоревшие вертолеты. Говорят, что душманы вызвали командира афганской дивизии из Кабула и на аэродроме расстреляли его после посадки.

Утро. Крепость в другом виде. Душманы хорошо устроились. Как там в других местах? Если так же, то тяжеловато нам будет. Пока ходил, попал под обстрел душмана, затаившегося среди своих убитых. Он стрелял из карабина и пистолета. Пуля прошла в миллиметрах от головы - я ее сохранил на память.

На следующий - день, вперед в Дангам. Бой. Пули по броне - как горох. Медлить нельзя, впереди гибнут ребята. Убит начальник артполка подполковник Харченко. Нас окружили - мы отошли по горам. Забрать восемь тел убитых наших ребят не смогли. Вернемся, заберем. Раненых несли на себе, донесли живым только одного, остальные дорогой скончались. Стреляют, сволочи, в пах и в ноги. Живыми хотят взять.

Если восстановить картину возвращения молодых солдат с этого боя, станет понятное многое. Они встретились с врагами, с гибелью своих товарищей и ничего удивительного, что многие просто падали от нервного напряжения. Разве можно спокойно переносить то, что эти звери убивают детей, женщин, жгут школы, дома, вешают учителей. На всю жизнь запомнились их уезды Кама, Сурхут, Лангман, откуда они вывозили людей, а непокорных сотнями расстреливали.

10 апреля. Операция подходит к концу. Возвращение домой, если это можно назвать домом, но все же к своим. Дорогой встречаю нашего инженера, полковника Липского - бесстрашного человека, восстанавливающего дороги,

разрушенные бандитами, не боявшегося ничего и никого. Встретились как братья - значит живы, значит будем жить.

У каждого свое мнение, суждение, понятие, но мне кажется, что воспоминания ветеранов не должны носить печать восхваления своими действиями, подвигами. Тем более это не доступно в большей степени для понимания и восприятия нашей молодежью. И для меня это понятно, т.к. то, что случилось, то, где нам пришлось пережить и радость и трагедии - все в прошлом.

Мне, кажется, говорить нужно о другом. Это моя позиция. И я никогда не решусь написать книгу воспоминаний, потому, что это очень тяжело. И поэтому я не смотрю фильм «Девятая рота».

Ну, а далее возвращение домой с орденами, наградами и самым ценным для меня документом - боевой характеристикой за подписью маршала Соколова и генерала армии Ахромеева. Вручили так же характеристики, по-моему, семи офицерам, я был в их числе. При вручении маршал сказал: «Такие характеристики мы выдавали в годы Великой Отечественной войны – они ценнее орденов и медалей».

Его слова сбылись. Я был направлен на учебу в Академию Генерального штаба и после её окончания прошел путь Начальника войск связи армии, войск связи Северной группы войск. Был вызван в Москву, где и закончил службу в должности заместителя начальника связи ВС в звании генерал-лейтенанта.

Награжден четырьмя орденами и более 20 медалями, в том числе: орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах», «За личное мужество», «За трудовую доблесть».

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Воронцова Тая Ибрахимовна,*** *студентка 1-го курса Аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Чернобай Юрий Павлович

Я в подобные приметы перестал верить

Я родился 19 августа 1963 года в поселке Старая Полтавка Волгоградской области. В 1980 году окончил Старополтавскую среднюю школу. Некоторое представление об Афганской войне у меня имелось, так как мой двоюродный брат Райко Алексей Владимирович попал в Афганистан первым набором в начале 1980 года, службу проходил в Кундузе.

Я был призван 8 ноября 1981 года. Путь в разведроту 66-й ОМС бригады был следующим.

Первоначально предполагалось, что я буду служить где-то в Европе, так как номер команды, в которую я был определён, это определяло однозначно.

Но, прибыв 9 ноября 1981 года в расположение Красных казарм г. Волгограда, каким-то образом я был перераспределен в команду, которая привела меня по маршруту Волгоград-Астрахань-Орджоникидзе в г. Минеральные Воды, откуда самолетом мы были доставлены на пересыльный пункт, который назывался «кадушкой», в г. Ашхабад.

Нужно отметить, что уже находясь в г. Орджоникидзе, мы понимали что через 4-5 месяцев мы практически все будем в

Афганистане. Это говорили в Орджоникидзе все - от рядовых до офицеров.

Таким образом, в г. Ашхабад я попал на 6-е сутки. Двое суток провели в «кадушке» - это пересылка в пустыне под Ашхабадом, очень мрачное место. Потом первый учебный городок в Ашхабаде, где я попал в учебную роту, в которой готовили сержантский состав по специальности командир разведотделения.

Подготовка проходила очень интенсивно. Помню первый марш бросок, который был организован за три дня до нового года. Проходил он таким образом: нас вывезли рано утром за 60 км от города, высадили в пустыне, при этом объяснили, что скоро должны подвести палатки с прочей амуницией для организации лагеря. Прождали мы около двух суток, естественно никакой обоз не подошел, напряжение в рядах было очень накалено, к концу вторых суток прибыла походная столовая и ротный на «Урале».

Нас очень скромно накормили, после чего ротный сообщил, что мы выдвигаемся в расположение зимних квартир. И вся рота, а это порядка ста человек двинулась за «Уралом», в котором сидел ротный. В Ашхабад мы входили со стороны военного полигона, прошли мимо госпиталя. При упоминании слова «госпиталь» около десятка курсантов рухнули, их тут же и занесли в госпиталь. Вышли на улицу Худайбердыева, зрелище было не для слабонервных, до расположения военного городка оставалось не более километра. Следующие трое суток, включая Новый год, нас вообще не трогали, дали отдохнуть.

Позже, находясь в составе разведроты 66-й бригады, я понял, для чего нас подвергли такому истязанию: просто дали очень высокую планку нагрузки, чтобы мы могли хотя бы немного представить те нагрузки, которые предстоит в скором будущем нам всем испытать.

Потом два месяца учебного горного лагеря «Кейлята», которые сопровождались топографической подготовкой, горной подготовкой, ну и конечно интенсивными учебными стрельбами (автомат, гранатомет, пистолет, орудие и пулемет БМП-1), четыре дневных и одна ночная (каждую неделю, в течение двух месяцев).

Время прошло на удивление быстро, и 21 апреля 1982 года от нашей учебной роты пять человек отправили в 66-ю омс бригаду, куда я и прибыл 23 апреля 1982 года. При этом, успел побывать в Кандагаре, правда не долго около двух часов на аэродроме, так как Кабул не принимал. Соответственно, в Кабуле на аэродроме я стал более ясно понимать, куда я попал.

В бригаду я попал, как уже говорил, 23 апреля 1982 года. Джелалабад встретил убивающим зноем – жара уже была за тридцать в тени, пальмы ну и т.д.

Перед тем как попасть в расположение роты, с нами, молодыми, пообщался начальник политотдела бригады полковник Шкварко. Рассказал историю бригады, её зону ответственности, ну и соответственно, что мы здесь делаем. После чего нас определили в разведроту и передали прапорщику Батуеву Николаю, который нас и привел в расположение роты.

В течение часа нам было выписано и выдано штатное оружие, после чего мы уехали на 2-й блок-пост, который находился на пересечении трассы Джелалабад-Кабул и дороги на г. Михтерлам (административный центр провинции Лагман), которая входила в зону ответственности 66-й бригады.

На 2-м посту мы пробыли до 16 мая 1982 года, не считая коротких отъездов в бригаду. Здесь мы прошли дополнительную подготовку, которая заключалось в стрельбе и наставлениях старших товарищей. Там же нам сказали, что бригада готовится к армейской операции, которая будет проходить с середины мая по июнь включительно в Панджшере. За полторы недели до начала этой операции начались интенсивные учения, которые включали в себя отработку высадки с вертолетов, а также тактические занятия.

Вспоминать и рассказывать об Афганской войне можно очень много и долго. У каждого парня, который прошел через Афган есть первая операция или события, которые в памяти фиксируются очень чётко в силу первого наиболее сильного впечатления от происходящего. Самое главное, осознаешь, что ты непосредственный участник этих событий, и эти события называются – война.

Для меня таким событием была Панджшерская операция. 16 мая нас перебросили с Джелалабада на авиабазу в Баграм,

откуда на вертолетах высаживали в Панджшер. Славная операция. Очень хорошее место этот Панджшер. В составе разведроты я провел в Панджшере с 16 мая до 22 июня, когда мы на своей броне вышли из Панджшера в районе перевала Суруби на дорогу Кабул-Джелалабад и ушли на зимние квартиры.

Один из ярких эпизодов этой операции связан с выносом раненых товарищей. Разведчик Ряхин Сергей был ранен в ногу и два бойца из минометного взвода (отделение было придано к нашей роте, к сожалению их имен бойцов я не помню). Под обстрел мы попали при переходе по небольшому мостку, который был перекинут через горную реку (неширокая, но очень быстрая, и со сложным береговым рельефом). Сергей и минометчик были ранены одной пулей, при этом у минометчика было очень серьезное ранение в голеностопный сустав, у второго минометчика при сходе камней были повреждены шейные позвонки (он все время находился на пирамидоле).

Раненым требовалась срочная медицинская помощь, поэтому было принято решение раненых товарищей доставить до основной брони бригады, которая находилась в долине, а это примерно 25-30 км. Была сформирована группа из пяти человек - это Кочкин Анатолий, Паксяев Сергей, Маматьев Сергей, Минжаев Виктор (наш санинструктор), ну и соответственно я. Определили маршрут движения и место переправы.

Передвижение было очень трудным. Пытались использовать ишаков, которых нашли в одном из встреченных по пути дувалов, но так как опыт использования данных животных отсутствовал напрочь, ничего хорошего из этого не вышло. Пришлось изготовить что-то наподобие носилок и таким образом мы и перемещались. С Сергеем было проще, он был в сознании и в принципе в некоторых местах мог передвигаться самостоятельно. К месту предполагаемой переправы через реку вышли уже под вечер.

Переправились на противоположный берег, когда поднялись примерно на 200-300 метров, попали под обстрел, который велся с противоположного берега. В результате этого наша группа бала разделена на две: в одной оказался я с

Сергеем, в другой остальные. Обстрел продолжался, пока не зашло солнце, при этом движение мы не прекращали.

Не знаю, откуда у Сергея брались силы, но в тот момент он перемещался, несмотря на то, что у него была прострелена нога. На вершину мы вышли уже поздно ночью. Ориентировались по звуку реки в долине, в принципе нам туда и нужно было. Через некоторое время вышли на огонь – это оказался наш бригадный пост охранения, при этом вторая группа уже была там. Спуск в долину на броню естественно решили проводить утром с восходом солнца.

После подъема сидели на вершине, пили чай, и очень бурно обсуждали все детали прошедшего мероприятия. Выяснилось, что у Анатолия Кочкина пуля прошла вскользь по левой щеке, оставив весьма заметный след, а у Сергея Паксяева пуля пробила со стороны спины разгрузочный жилет (в простонародье - «лифчик»). На что мы все дружно заявили, что это хорошая примета, долго будете жить. Анатолий Кочкин через полтора месяца погиб. При сопровождении радиотехнической разведки из Кабула в Джелалабад мы попали в засаду в районе «мертвой деревни». Машина, на которой находился Анатолий, подорвалась, в результате - он погиб. Сергей Паксяев погиб в начале января 1983 года, на тот момент он был переведен из разведки в 1-й батальон, который находился в Асадабаде, административном центре провинции Кунар. Он с взводом попал в засаду, в результате из взвода остался в живых один человек. После этого я в подобные «приметы» перестал верить.

Конечно, рассказывать можно долго, но я уже отмечал, что это было мое первое знакомство с этой войной, и оно самое яркое. Кстати за этот боевой эпизод я с ребятами был представлен к ордену Красной Звезды, но где-то в штабных инстанциях это было потеряно, но это не самое главное. То же самое произошло с нашим первым ротным Гапоненковым, очень легендарная личность, он один из первых был представлен к званию Героя Советского Союза, но, к сожалению это также где-то затерялось.

После этого было ещё восемь армейских операций и множество засад и рейдов.

Моя боевая служба закончилась 26 октября 1983 года на аэродроме в Джелалабаде, где мы днем отдыхали, а по ночам

ходили в засады в окрестностях аэродрома. К тому времени сильно участились обстрелы позиций аэродрома и самолетов, в основном, на взлете. Одна из таких засад 20 октября в районе Сурхруда увенчалась успехом.

Из бригады вылетели 30 октября 1983 на Кабул. В Союз прилетели 1 ноября, в Ашхабад, откуда я улетал в Афганистан. Домой добирался перекладными. Сначала поездом до Куйбышева, далее до Волгограда самолетом. Домой пришел 8 ноября 1983 года. Дома меня не было ровно два года.

Ноябрь 2008 года.

Чугунова Нина Константиновна

Жизнь в Кабуле была опасна и трудна!

Я родилась в Осташевском районе (ныне Волоколамском) в семье рабочих. Закончила школу в 1948 г., дальше училась заочно в институте, работая в школе преподавателем биологии.

Была активной комсомолкой, в 19 лет избрана Первым секретарем райкома комсомола, где проработала 5 лет. В 18 лет была принята в КПСС.

Мы пережили очень много. Немцы заняли наше село 16 октября 1941 г. – бои были страшные. Потом в ноябре месяце женщин и детей угнали, загнали в сараи, разбитые школы – не кормили, не лечили, издевались, охраняли с собаками. Женщин заставляли валить, и возить лес, и строить укрепсооружения. И так мы стали узниками.

Но мы верили, что нас не забудут, освободят. Так как такой круглосуточный обстрел выдержать тяжело. Освободили нас 19 января 1942 г. Когда мы вернулись в село - его уже не было, оно полностью было уничтожено немцами. Женщины и дети начали строить своими руками жилище.

Вспоминая все это, хочется много раз сказать – сколько же надо иметь физических и моральных сил, чтобы выдержать

все это! Но Россия для нас мать, которую мы любим и будем защищать в любой обстановке.

Мое поколение сильных духом людей, много переживших и много сделавших для страны – я горжусь этим!

Мой муж Чугунов Анатолий Изотович служил в армии с 1943 по 1946 г., закончил Московский автомеханический институт и был направлен в село директором МТС. Через 7 лет его перевели в Москву, где закончил еще два института и защитил диссертацию.

До Афганистана мы жили в 2-х странах. Летом 1979 г. муж был направлен в Афганистан советником посольства по экономическим вопросам, затем прибыла туда и я.

Обстановка была спокойная. Мы женщины без охраны выезжали в город за покупками, ходили в ближайшие магазины.

Затем после смерти Президента Тараки обстановка стала ухудшаться. Наша жизнь стала очень беспокойной.

Вдруг по нашему радио объявили - из домов, квартир не выходить, так как на посольство движется танковая дивизия стражников Тараки. Вокруг посольства поставили танки, вдоль забора залегли афганские солдаты. Президентом был Амин. Было очень страшно, но танки до нас не дошли. В конце декабря 1979 г. в Афганистан было много введено советских солдат.

28 декабря начался штурм Президентского дворца, который находился не далеко от посольства. Во всех окнах Дворца горел свет, стрельба была очень сильной.

Поскольку въезд в город (госпиталь) был заблокирован стражниками Амина, наших раненых стали привозить в посольскую поликлинику.

Я была председателем женсовета советской колонии. Ночью мне поступил звонок - нужна помощь женщин. Я прозвонила быстро по домам. Через минуту женщины бегом прибежали в поликлинику. Они делали все - перевязывали раненых, меняли грязное белье, переодевали, стирали, тут же гладили, сидели около раненных, поили их, успокаивали.

Я с медсестрой перевязывала раненых: к нам в кабинет принесли раненого, у которого были тяжелые ранения: перебита нога, плечо, рана в живот. Сняли грязную окровавленную одежду, перевязали.

А он все плакал и говорил: «Мама! Я всех люблю, за что же меня так – за что?» Мы плакали вместе с ним. Потом раненых увезли в Союз.

8 марта, когда я делала доклад в посольстве - я поклонилась всем дорогим женщинам и поблагодарила их за душевную щедрость, сердечность, доброту и заботу!

Когда я вернулась из поликлиники, узнала что наша правительственная делегация, в которой был мой муж, захвачена. Они пытались на вертолете улететь, но их обстреляли и посадили на землю. И только на следующий день им все-таки удалось улететь в Кабул. Далее обстановка была постоянно напряженная. Бомбили, обстреливали.

23 февраля 1980 г. душманы устроили вокруг посольства психологическую атаку. На полную мощность была включена музыка на всех окружающих виллах с дикими криками, ревом, душераздирающим смехом и т.д. Все это длилось с вечера до утра.

Я 1 год 5 месяцев по контракту работала в Министерстве сельского хозяйства Афганистана. Потом из опасности, которая грозила мне, я вынуждена была прекратить работу.

В мои обязанности как председателя женсовета советской колонии входило делать все, чтобы мы, женщины, не чувствовали себя отшельниками за забором. Для детей мы постоянно со школой проводили праздники, утренники, дарили подарки. Для женщин устраивали новогодние праздники, кружки, выставки изделий, лекции, беседы и т. д.

Больше всего я переживала не за себя, а за мужа. Он отвечал за экономическое сотрудничество Союза и Афганистана. Он постоянно на военных самолетах, вертолетах, БТР, машинах ездил, летал в губернии, так как у него там работали наши специалисты в тяжелейших условиях, их надо было поддерживать. Какая бы сложная обстановка ни была, он всегда был там.

Мужа уже нет в живых. Но у меня появилась потребность общаться с теми, кто был в Афганистане, как с родными - слишком много нами было пережито!

Ноябрь 2008 года.

Швырёв Борис Иванович

Мы до сих пор не хотим из него выходить

Я родился 19 декабря 1954 года в селе Дёмкине Чаплыгинского района Липецкой области. Русский. Православного вероисповедания. Член КПСС с 1975 года.

В 1972 году закончил Колыбельскую среднюю школу Чаплыгинского района и в том же 1972 году поступил в Костромское высшее военное командное училище химической защиты. В 1976 году закончил его и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Белорусский военный округ командиром взвода радиационной и химической разведки 317-го гвардейского ордена Александра Невского парашютно-десантного полка 103-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени воздушно-десантной дивизии (далее - вдд), дислоцированной в г. Витебске. Командир дивизии полковник - Рябченко Иван Федорович, начальник штаба дивизии - Петряков Николай Васильевич.

С декабря 1979 года по февраль 1982 года проходил службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан. Командиром огнеметного взвода и отдельной огнеметной роты 103 вдд в воинских званиях гвардии старший лейтенант и гвардии капитан, соответственно.

Принимал участие в оказании интернациональной помощи афганскому народу в провинциях Кандагар (1981 г.), Герат (1981 г.), Шинданд (1981 г.), Гур (1981 г.), Кундуз (1982 г.). В феврале 1982 был по замене переведен для дальнейшей службы в Советский Союз. В июле 1982 года поступил в Военную академию химической защиты и в 1985 году окончил её с «отличием».

В период с августа 1985 года по сентябрь 1990 года проходил службу на различных командно-штабных должностях в группах советских войск в Чехословакии, Польше и Германской Демократической Республике.

В 1990 году, возвратившись в СССР, был назначен начальником кафедры «Тактики войск РХБ защиты» в Костромском высшем военном командном училище РХБ защиты.

С началом операции «по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике» был откомандирован 3 января 1995 года в г. Моздок в распоряжение командования объединенной группировкой войск на Северном Кавказе. В дальнейшем исполнял обязанности командира огнеметного батальона, который, в составе подразделений армейского корпуса генерал-майора Льва Яковлевича Рохлина штурмовал медицинский комплекс и комплекс основных правительственных зданий в г. Грозном.

23 января 1995 года в ходе артиллерийского налета в районе троллейбусного парка получил осколочное ранение в голову и контузию. 25 января 1995 года, после подавления основных очагов сопротивления сепаратистов, батальон был выведен из города на переформирование и отдых (при штатной численности 45-50 человек в ротах оставалось по 8-10). Пройдя в феврале 1995 года курс лечения в гарнизонном госпитале г. Костромы, в марте того же года вновь приступил к исполнению обязанностей начальника кафедры КВВКУ РХБ защиты.

В январе 1998 года был переведен для прохождения дальнейшей службы в Федеральное управление по безопасному хранению и уничтожению химического оружия (в/ч 70855, г. Москва) начальником 127-го отдела уничтожения аварийных химических боеприпасов.

До увольнения в запас в 2006 году принимал участие в строительстве первого опытного объекта по уничтожению химического оружия, а также организовывал и проводил уничтожение малых партий химических боеприпасов отечественного производства, хранение которых было не возможно по техническим причинам.

2 февраля 2006 года приказом Министра обороны Российской Федерации по состоянию здоровья был досрочно уволен в запас в воинском звании полковника. Личный номер - М-419930.

Правительственные награды:

- медаль «За боевые заслуги» (1981 г., вручена командиром дивизии генерал-майором И.Ф. Рябченко в июне 1981 г. в г. Кабуле «за успешное освоение новых образцов боевой техники»);
- медаль «За отвагу» (1982 г., вручена командиром дивизии генерал-майором А.Е. Слюсарем в январе 1982 г. в г. Кабуле «за мужество и отвагу, проявленные в ходе оказания интернациональной помощи народу Афганистана»);
- орден «За военные заслуги» (№ 790, 1995 г., вручен начальником Войск радиационной, химической и биологической защиты генерал-полковником С.В. Петровым «за образцовое выполнение специальных заданий Правительства, связанных с риском для жизни»);
- одиннадцать медалей различных стран и ведомств.

Боевая тревога, аэродромы «подскока», Баграм

25 декабря 1979 года в составе дивизии мы были десантированы посадочным способом на аэродром Баграм и 26 декабря в 16.00 по московскому времени приняли участие во «втором этапе апрельской революции».

До этого, в начале декабря дивизию подняли по сигналу «Боевая тревога» и около трех недель мы ждали дальнейших команд на «аэродромах подскока» в г.г. Смоленске, Орше, Балхаше.

24 декабря 1979 года, совершив промежуточную посадку на аэродроме стратегической авиации в г. Энгельсе, что на реке Волге напротив г. Саратова, мы приземлились на аэродроме Баграм, около 40 км севернее г. Кабула в ДРА.

Запомнилось радушие хозяев аэродрома в г. Энгельсе, которые сделали максимально комфортными последние часы на Родине. В общем-то, до последнего момента основная масса даже офицеров точно не знали, куда и зачем мы летим. Хотя общее настроение (тогда говорили «морально-политическое состояние») было действительно боевое.

Мои командиры (командир роты и командир батальона) уже участвовали в операциях по наведению порядка в Венгрии и Чехословакии. Кстати, чтобы там ни говорили сейчас, а слова благодарности и в Будапеште и в Брно (это города, куда мы десантировались) они не раз слышали в то время. Поэтому нам было на кого равняться и стараться быть не хуже. Когда рядом с тобой есть тот, кто уже слышал как свистят пули, всегда можно проверить себя «на вшивость», сравнивая своё поведение с его. То, что шутки начинают заканчиваться, мы поняли тогда, когда перед взлетом в Энгельсе начали выдавать боеприпасы и доводить боевые приказы до подразделений.

Как мы поняли в дальнейшем, полученный опыт, это и хорошо и плохо, так как он ориентирует нас в целом на прошлое. В прошлом солдаты и офицеры дивизии выполняли функции полицейские и демонстрации силы. Здесь же силу пришлось применять. А такого не было ни в Венгрии, ни в Чехословакии.

15-й век

Эта страна, Афганистан, жила и, кажется, продолжает жить до настоящего времени в 15-м веке. Соль, спички и сахар – вот всё, что им надо было привезти, а не эфемерные идеи марксизма-ленинизма. Но гордость за свою страну и понимание, что мы участвуем в великих делах, нас окрыляла. Кто не мечтает о ратных подвигах в 25 лет? Кстати, сейчас испытываешь тихую радость от того, что ныне туда, в Афганистан, вляпались американцы. Все по поговорке: «Не рой яму другому…»

Мы никогда не жили богато, но их нищета даже нас смутила. Поэтому, тушенка, сгущенка, галеты, сигареты и прочая мелочь, которая у солдат всегда лежит в рюкзаке, тут же начала раздаваться местным пацанам («бачам»). Правда, когда все эти подарки мы потом стали видеть на рынках Кабула, охоты «пожалеть» местных заметно поубавилось.

Эти бытовые моменты мне кажутся более значимыми, нежели какие-то боевые эпизоды. «Чем дальше от моря, тем больше моряков». Это о героях той войны. Сейчас, спустя почти 30 лет уже можно заявить, что «мы (это около 100 человек) взяли дворец Амина». Хотя достаточно только увидеть это сооружение, место, где оно находится, чтобы понять: это, мягко говоря, не совсем так.

Штурм

То, что произошло тогда, наверное, правильнее называть «войсковой операцией». Непосредственно в штурме дворца участвовало два парашютно-десантных полка, усиленных артполком. Кроме того, специальные задачи решались группой «Альфа» и «мусульманским батальоном». Если о группе «Альфа» все, благодаря ТВ, слышали как об основном (и главном!) участнике тех событий, то о другом активном участнике событий той ночи говорят гораздо реже.

Так называемый, «мусульманский батальон» в ходе боя за дворец Амина ударил в тыл обороняющимся там гвардейцам и тем облегчил задачу наступающим с фронта и десантникам, и группе «А».

Батальон был сформирован из ребят, представителей среднеазиатских республик (отсюда и название). Летом 1979 двух таджиков, которые служили у меня во взводе, и служили очень неплохо, перевели без всяких объяснений в Фергану (в те времена там была одна из дивизий ВДВ).

Исмаилжона Усманова я потом встретил в «мусульманском батальоне», их, оказывается, полгода готовили к этой операции. Привезли их в Кабул за долго до всех нас и «определили» в охрану дворца. Выполняя свою задачу с началом штурма, эти ребята оказались под перекрестным огнем гвардейцев Амина и штурмовавших советских частей. Информацию об опознавательных знаках, если они и были у них, видимо до всех не довели, а форма на них была такая же как на гвардейцах…. Миша (Исмаилжон) рассказал, что другого нашего солдата, Раджабова, нашли среди тяжело раненых только по записке, которая лежала в его ботинке.

Смешно и одновременно неудобно перед этими пацанами за тех дяденек, которые спустя 30 лет продолжают

геройствовать в одиночку перед телекамерами, утверждая, «что если бы мы не взяли дворец за 40 минут, то нас накрыли бы «Градом» свои же».

В октябре 1979 года небольшая группа офицеров нашей дивизии была направлена в Кабул на рекогносцировку, естественно, под видом туристов. Слово «рекогносцировка» понятно всем военным людям. Ночью и днём командиры батальонов и полков, которые должны были взять «мосты, телефон, телеграф и банки», проехались по городу и уточнили свои боевые задачи. Естественно, все это было сделано без особой огласки. И если бы не иностранные презервативы, которыми поделился со мной мой командир после этой поездки, я бы тоже не знал об этом мероприятии.

Таким образом, то, что произошло 26 декабря 1979 года, было хорошо продумано и спланировано. Армия (103-я вдд) свою задачу выполнила.

На аэродроме Баграм, куда мы десантировались 25 декабря, нас ждали наши «братья по разуму» из ферганской дивизии, по-моему 105-й вдд, они «караулили» аэродром. Там же я впервые увидел Бабрака Кармаля в резиновых галошах и «пуштунке» - национальном головном уборе. Оказывается, мы летели в одном АН-22, но этого парня «пасли» специалисты из КГБ.

Суха теория, мой друг…

«Суха теория мой друг…» Все планы требуют корректировке. Поэтому вечером того же дня «ездовые и повара» участвовали в уничтожении отдельных групп, оказавших сопротивление на аэродроме приземления в районе командно-диспетчерского пункта. Не могу понять, почему они (афганцы) сразу не сдались и вздумали открыть по нам огонь. Первая огневая стычка началась и закончилась в течение самое большее 20 минут.

«Как в кино!», - только эта одна глупая мысль и была в голове. Животный страх, наверное оттого, что своего живота не чувствуешь, начал приходить позже, когда начал понимать, что может произойти, если «это свистящее» попадет в тебя. Впервые для себя отметил, чем спокойнее профессия (финансист, повар, медик), тем более воинственнее ведут себя её носители после боя. Утром командир дал команду убрать

трупы афганцев вдоль взлетной полосы. Набралось около двух машин. От «обозников», желающих сфотографироваться на фоне ГАЗ-66, забитого трупами афганцев, не было отбоя.

Лето 1980 года прошло в ожидании вывода из Афганистана. 11 ноября 1980 года 103-ю вдд наградили орденом Ленина. Воинские ритуалы красивы и торжественны. А тут ещё и сам участник. Я и мои ребята (огнеметная рота) были в знаменной группе, то есть стояли под Боевым Знаменем. Маршал Советского Союза Соколов С.Л. прикрепил орден Боевого Красного Знамени.

Гордость за всех нас дополнялась ожиданием скорого возвращения на Родину. Тут мы, конечно, ошиблись. Командующий ВДВ, генерал армии Д.С. Сухоруков сказал, что замена офицеров будет в плановом порядке, а дивизия останется в ДРА до окончания выполнения «интернационального долга». После этого народ пил «в темную» дня три. Мы поняли, что здесь будем не месяц и не два. Но даже самые продвинутые не могли предположить, что мы здесь останемся на 10 лет.

Когда говорят, что «контрактная армия лучше чем…» люди или врут, или не знают предмета разговора. У меня в огнеметном взводе, а потом роте, не было ни одного случая отказа выполнения приказа. Конечно, речь идет не о мытье полов или о чем-то подобном. Ни раз и ни два мои солдаты просили отправить их на «боевые», так как их «годки» уже ходили в горы, а они еще нет. Большего оскорбления они тогда не знали. Причем это касалось солдат различных национальностей и конфессий, этим тогда мало кто интересовался, и сроков службы.

Уверен, людьми моего тогдашнего круга общения, руководило не желание заработать, а стремление служить некой высокой идее, интересам страны, видя, в конце концов, в этом свой офицерский или солдатский долг. Вслух этих слов никто и никогда в моем окружении не говорил. Более того, мы старались держаться подальше от тех, кто трещал об этом на каждом углу, считая это дурным тоном. Интересно, что в людях искреннее стремление служить высоким целям легко уживается с разгильдяйством и желанием «сачкануть». В этом, мне кажется, проявляются главные качества российского офицера: отсутствие громких слов в речах, частая небрежность

в делах мелких, незначительных, и полная самоотдача в ходе боевой работы.

В 1980 году мы готовились к боевому применению реактивных пехотных огнеметов. Боевая мощь этого оружия равна выстрелу из гаубицы калибра 152 мм, которую в горы, конечно, не затащишь. Это сразу понравилось всем командирам парашютно-десантных подразделений и вскоре слово «химик» перестало носить оскорбительно-снисходительный оттенок.

Начиная с 1981 года наша «интернациональная помощь» заключалась в уничтожении бандформирований в составе 3-го батальона 350-го пдп 103-й вдд в провинциях Гур и Герат (запад Афганистана) на границе с Ираном.

Впервые за год службы в Афганистане попали в безысходную ситуацию: Ми-6, на котором мы летели из Кабула в Шинданд, начал разваливаться прямо в воздухе. Если в тебя стреляют, можно залечь, укрыться. А тут только надеяться и ждать… Вертолетчики - молодцы, посадили, точнее, уронили машину на склон горы. Слава Богу! Да, вот так вот, с большой буквы, потому что там и начал верить в Бога.

Вечером другим бортом все-таки добрались до Чагчарана (административный центр провинции Гур). Вертолетчики, видимо зная и понимая больше нас, напились до бесчувствия. Таких пьяных я даже в колхозе трактористов за рулем не встречал.

Числа 18-20 июля 1981 командир батальона получил команду на уничтожение руководителей бандгрупп, которые должны были собраться на какое-то торжество (кажется даже на свадьбу). Так как за базовым лагерем следили, и мы это знали, выход колонны боевой техники из лагеря прошел в обычном порядке. А затем, километров через 10, не останавливая движения колонны, мы спешились с бронетранспортеров и пошли в нужную нам сторону.

Наверное, тогда я впервые понял, что на войне воюют в первую очередь головой. «Духи» вели нашу пустую бронегруппу до тех пор, пока мы не «накрыли» всех их главарей в другом месте. Уже сейчас, спустя много лет, понимаешь, чем больше думаешь перед боем, тем меньше стреляешь в бою. Спасибо нашим отцам-командирам за это: в

первые 2,5 года, боевые потери в дивизии составили «всего» около 240 человек. Огнеметная рота не потеряла в это время ни одного человека, хотя раненые и больные были.

Весь август 1981 года вели поисковые и засадные действия вдоль границы с Ираном в провинции Герат. Работая автономно, наша тактическая группа парашютно-десантная рота, усиленная инженерным, огнеметным и гранатометным взводами, вертолетами раз в 10-15 дней получала топливо, боеприпасы и продукты. В пустыне главной проблемой была пресная вода. В двух колодцах, в которых мы надеялись найти питьевую воду, лежали туши убитых коров. Поэтому, приходилось терпеть и экономить.

В засаде у озера взяли в плен бандгруппу численностью около 15 человек, которые на двух лодках вышли прямо на нас. Допросили. Что делать потом, не знаем. Отпускать тоже нельзя. Так как желающих расстрелять не нашлось, командир назначил исполнителей. Убить человека в бою или расстрелять его после боя две большие разницы. Командир роты не устает повторять: «Пусть плачут их матери, а не наши». Командир всегда прав. Сейчас я тоже горжусь тем, что все мои солдаты вернулись живыми с той войны.

Последняя операция была в январе 1982 года в провинции Кундуз (северо-восток Афганистана). Скорее это была не боевая операция, а тренировка на выживание. Для блокирования возможных путей отхода бандформирований нас десантировали с вертолетов на перевалах в отрогах Гиндукуша, где высота над уровнем моря была более 3000 метров.

На дворе январь… Там летом-то зуб на зуб не попадает. Целую неделю мы среди голых камней в расщелинах при температуре - 10°С и ниже ждали эти самые формирования. Для того, чтобы хоть как-то согреться, пришлось дать команду ротным специалистам расснарядить огнеметные выстрелы и достать из них огнесмесь, которую мы потом и жгли. В базовый лагерь мы вернулись без боекомплекта и без насморка.

И еще о находчивости солдата. Как-то отправили команду на разгрузку «борта» (грузовой ИЛ-76 из Союза) с брикетами мороженого мяса. Солдаты утверждали, что это кенгурятина из Австралии. Прапор, толсторожий и наглый начальник

продсклада, сразу нам не понравился. Старшина роты, сержант Руслан Ражбадинов, говорит: «Товарищ гв. капитан, мы его накажем, Вы только не мешайте». Солдаты быстро встали в цепочку от рампы самолета до кузова КАМАЗА и под бдительным оком прапорщика стали разгружать 20-килограммовые брикеты мяса.

Через полчаса, когда разгрузка закончилась, разразился скандал: не хватило 2 брикетов. Прапор утверждал, что он лично в Фергане грузил самолет и все было на месте. «Это твои! Воры!» - брызгал он слюной. Хотя ни он, ни я в то время, не понимали, куда могли деться эти брикеты – кругом чистое поле и горстка солдат посредине.

Пришлось объяснить ему, что в порядочных войсках принято младшим обращаться на «Вы» к старшим по воинскому званию. Это привело кладовщика в полное изумление. Он хлопнул дверцей КАМАЗа и отчалил восвояси, подсчитывая упущенную выгоду. Как только машина скрылась вдали, Руслан дал команду, и ребята достают из пыли, в которой по щиколотки стояла цепочка разгружающих мясо солдат, те самые недостающие брикеты «кенгуриного» мяса. В ходе разгрузки они оказывается просто «уронили» их туда.

13 февраля 1982 по замене был направлен в СССР. Покидая не очень дружелюбную страну, я ещё не знал, что расстаюсь с одним из лучших времен своей жизни. Такой определённости в жизни, искренности и чистоты в отношениях между людьми я не испытывал и не встречал в дальнейшем. По этому, войдя 25 декабря 1979 года в Афганистан, мы до сих пор не хотим из него выходить.

Чечня

В Чечне я оказался сразу после празднования Нового Года, когда стало понятно, что просто так, боевики не уйдут из Грозного, а потому нужны люди, которые хоть что-то помнят и знают. Командировка была непродолжительной, всего месяц, но очень богатой событиями и впечатлениями.

Огнеметный батальон разбросан, по военному «придан» пехоте
20-й мотострелковой дивизии. Кто где, никто не знает, так как

буквально за пару часов до боя люди получали боевые задачи. Ни связи, ни управления. Бардак и героизм идут рука об руку.

Ст. лейтенант Илья Панфилов заменил двух убитых командиров разведроты, которой были приданы его огнеметчики. Не получая ни от кого приказов, самостоятельно целую неделю удерживал здание библиотеки возле дома правительства. Чудом выжил со своими подчиненными в этом аду. Как-то по детски, очень виновато, объяснял мне почему остался жив - пуля попала в приклад автомата. Получил звезду Героя.

Мы, однополчане (сказать «ветераны» язык не поворачивается, ведь ветераны – это те, кто «от Волги и до Берлина») 103-й вдд, которые участвовали во вводе войск, ежегодно встречаемся в конце декабря: либо на День части, либо на День ввода войск, не очень жалуя официальный праздник - 15 февраля. Между собой шутим: «Адольф Алоизович Шикльгрубер, если б был жив, вряд ли стал праздновать 9 мая».

Меня бы повесили 12 лет назад за причинное место, если бы узнали, что солдаты не видели горячей еды хотя дня два. Здесь это в порядке вещей. Нет воды. Вместо неё пьем компот и коньяк с разграбленного консервного завода. Это - агония советской армии, а российской армии еще нет.

Город Грозный от консервного завода, вдоль проспекта, по-моему, Ленина, и до самого центра весь в развалинах. Два нефтеперегонных завода: им. Ленина и им. Шарипова стоят как новенькие, там боевые действия не велись.

В ходе прочесывания наткнулись на русскую бабульку: «Сынки, дайте поесть, неделю хлеба не видела». У солдат руки затряслись.

Внутренние войска (вевешники) ездят на бетеэрах верхом, так как десантные отделения забиты барахлом. Мародеры.

Здания больничного комплекса раза два или три переходили из рук в руки. В промежутках между стрельбой народ упражняется в разговорном жанре, переругиваясь с «гоблинами», т.е. боевиками, которые сидят буквально через стенку. Много чего интересного услышали и сами наговорили своим оппонентам.

Как это часто бывает у нас, получив по морде и утеревшись, начали воевать с умом. Залпами по 3-4 выстрела

разрушаем, а затем поджигаем первые этажи домов. Боевики либо поднимаются на верхние этажи, где мы их и добиваем, либо отходят. Что нам и нужно, в конце концов.

Где-то числа 19, после взятия президентского дворца бои сместились в сторону площади Минутка, батальон получил команду готовиться к выходу из города. 23 января надо было забрать 2 роту (в ней осталось всего 8 человек) из троллейбусного парка. Когда перебежками пошли к БТРу, начался артналет, которым нас и накрыло. Я очнулся уже в БТР под капельницей. 25 января остатки батальона были выведены в Моздок.

Война для нас закончилась. Надеюсь, это моя последняя война.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Швырёв Максим Борисович,*** *студент 1-го курса Аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Шипачёв Константин Анатольевич

Загорелись почти все табло серьёзных отказов систем

Родился 7 августа 1961 года в с. Смуравьево Гдовского района Псковской области,.

Окончил Сызранское ВВАУЛ в 1982 году с отличием, ВВА им. Ю.А. Гагарина и военную академию Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации.

В основном я служил в Джелалабаде, а также в Кандагаре, был командировках в Кабуле, Кандагаре, Шиндаде и Герате.

Домой возвращался на самолете ИЛ-76 рейсом Кабул-Ташкент - Новополоцк (Белоруссия).

Награжден орденами:

- Мужества (За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания в условиях, сопряженных с риском для жизни. Указ ПРФ 15.09.1995 г.);
- Красного Знамени (За успешное выполнение задания по оказанию помощи ДРА. Указ ПВС СССР 12.11.1987 г.);
- Красной Звезды (За успешное выполнение задания по оказанию помощи ДРА. Указ ПВС СССР 25.05.1987 г.);
- Святого князя Александра Невского 2-й степени (За выдающиеся заслуги и большой личный вклад в укрепление

обороноспособности государства Российского. Президент АБОП 10.03.2005 г.);

- Святого князя Александра Невского 3-й степени (За выдающиеся заслуги и большой личный вклад в укрепление обороноспособности государства Российского. Президент АБОП 5.04.2004 г.)
- Знак Почета (За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания и активную общественную деятельность. Боевое братство 5.12.2006 г.);

Награжден медалями:

- За заслуги (За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания и активную общественную деятельность. РСВА 13.02.2006 г.);
- 300 лет Российскому флоту (Указ ПРФ 07.06.1996 г.);
- За воинскую доблесть 1-й ст (МО РФ 26.08.2005 г.);
- За отличие в военной службе 1-й ст (МО РФ 04.03.1999 г.);
- За отличие в военной службе 2-й ст (МО РФ 30.03.1996 г.);
- За безупречную службу 3-й ст (МО СССР 07.01.1989 г.);
- 60 лет Армейской авиации (ГК ВВС 28.10.2008 г.);
- 70 лет ВС СССР (Указ ПВС СССР 28.01.1988 г.);
- За заслуги перед ветеранской организацией ББ (Президент ББ 19.12.2006 г.);
- За ратную доблесть (Президент ББ 13.04.2004 г.);
- 15 лет вывода Советских войск из ДРА (Аушев, 2004 г.);
- 20 лет вывода Советских войск из ДРА (Аушев и Громов, 2009 г.);
- Знак воину-интернационалисту. Красный (Указ ПВС СССР 1987 г.);
- От благодарного афганского народа. Синий (Указ Президента РА 15.05.1988 г.).

Издал 70 научных и учебно-методических трудов, из которых около 50 книг. В ближайшее время планируется выпуск новой книги об Афганистане.

Другие публикации о ветеране: печатался в Военно-историческом журнале, журнале «Воздушно-космическая оборона», «Братишка», «Солдаты России», «Вестник воздушного флота».

Личный состав моего звена МИ-24:

1. Шипачев К.А. - командир звена, ст. лейтенант, 1961 г.р.
2 Ефимов С.М. - техник звена, капитан, 1953 г.р.
3. Мешков В.В. - штурман звена, ст. лейтенант, 1963 г.р.
4. Пихтин С.М. - бортовой техник, ст. лейтенант, 1963 г.р.
5. Грязнов А.А. - командир экипажа, ст. лейтенант, 1962 г.р.
6. Лущан Н.А. - лётчик-оператор, ст. лейтенант, 1963 г.р.
7. Заикин В.Н.- бортовой техник, ст. лейтенант, 1958 г.р.
8. Киселев А.Н. - старший летчик, капитан, 1957 г.р.
9. Степанец И.Ю. - лётчик-оператор, лейтенант, 1964 г.р.
10. Дудчак К.В. - бортовой техник, ст. лейтенант, 1962 г.р.
11. Клочков С.В. - командир экипажа, ст. лейтенант, 1957 г.р.
12. Камусев Ш.Ф. - лётчик-оператор, лейтенант, 1964 г.р.
13. Бобков В.М. - бортовой техник, ст. лейтенант, 1962 г.р.

Нашу эскадрилью военно-транспортным самолётом, перебросили на аэродром базирования Джелалабад (ДРА). Эскадрилья вошла в состав 335-го отдельного боевого вертолётного полка ВВС 40-й армии.

Аэродром был расположен на южной окраине города Джелалабад: полоса длиной 1600 метров, превышение над уровнем моря 500 метров, курс посадки - 310 градусов, позывной - «Омар». Обеспечивался прием всех вертолётов и самолётов типа Ан-26 и Ан-12.

После прибытия к новому месту базирования нас познакомили с экипажами, которые нам предстояло заменить, и разместили вместе с ними в их комнатах. Сразу же началась дополнительная подготовка: мы изучали район предстоящих боевых действий, разведывательные данные, осваивали полёты в новых условиях.

Учитывая реальность боевой обстановки, каждый лётчик получил пистолет, бронированный защитный шлем (ЗШ) и автомат АКСУ. Кроме этого, всем экипажам выдавались специальные комплекты НАЗ-И, которые включали: жилет со специальными карманами для четырёх магазинов к автомату, для пистолета и магазинов к нему, портативную аварийную радиостанцию, сигнальные ракеты,

индивидуальную аптечку и две гранаты. Пластиковая кобура для автомата крепилась к бедру, а фляжка с водой - к поясному ремню.

При необходимости мы брали на борт вертолёта ручной пулемёт и ящик с гранатами. Как я шутил тогда, если наш экипаж собьют над территорией небольшого враждебного государства, то приземлившись там, мы с лётчиком-оператором могли бы устроить крупный вооруженный конфликт.

Первый вылет

25 июня моему звену доверили первый вылет. Это был полёт на сопровождение колонны Кабул-Джелалабад. Общее время полёта - два часа на высоте 4500 метров. В тот период мы летали на большой высоте. Считалось, что в этом случае противодействие ПВО противника будет меньше, и это действительно было так, пока душманам не поставили новые для того времени ПЗРК «Стингер».

Полёт был хотя и первым для нас боевым вылетом, но происходил штатно. Взлетели мы с моим ведомым Андреем Грязновым (сейчас полковник инспектор Центральной инспекции по безопасности полётов ВС РФ) как обычно, и сразу перешли в набор высоты над аэродромом. Набрав максимальную высоту, пошли в район встречи со сменяемыми нами экипажами, которые сопровождали колонну. Установили связь с командиром колонны и приступили к сопровождению двигающейся техники.

Наша задача заключалась в барражировании над колонной, ведении наблюдения, а в случае обстрела колонны - и в поддержке своих войск огнём. По мере выработки топлива нас сменяли в воздухе очередные экипажи.

Сам по себе полёт на сопровождение являлся несложным, но здесь были и свои особенности. Вертолёты Ми-24 оснащены кислородным оборудованием для полётов на высотах более 2000 метров, однако лётчики предпочитали его не использовать. Считалось вполне нормальным провести в кабине вертолёта в разреженном воздухе полтора - два часа на высоте 4500 метров, а по мере выработки топлива и облегчения вертолёта выше 5000 метров. Я даже видел в этом некоторый шик. Только мой друг и подчинённый, штурман

звена Валера Мешков, жаловался, что в полете голова устаёт от тяжёлого бронированного ЗШ.

Встреча в эфире

В один из таких полётов меня, видимо по голосу в эфире (на больших высотах дальность УКВ радиосвязи значительно возрастает), узнал мой первый лётчик-инструктор Сергей Донович Пряников. Он, в нарушение всех законов радиообмена передал мне привет из Баграма, где был командиром эскадрильи и пригласил в гости. Я очень удивился, услышав его голос в небе Афганистана, но впоследствии узнал, что из учебного полка он перевёлся в боевой. Этого человека я очень уважал и, естественно, всеми силами стремился попасть в командировку в Баграм. Однако увидеться с ним мне так и не удалось...

Командир эскадрильи, его заместители и другие летчики, для которых война была не первой, охотно делились с нами секретами летного мастерства на конкретных примерах. Когда требовалось вылетать на реально опасные задания, наш уважаемый комэск (командир эскадрильи) Сергей Васильевич Прохоров и замполит Василий Карташов любили, шутя, говорить – в бой идут одни старики. Они лично выполняли такие полеты.

Асадабад

30 июля, в районе населённого пункта Асадабад, нашему звену предстояло осуществлять авиационную поддержку мотострелкового батальона, который вёл тяжелые бои с несколькими бандами общей численностью до 420 душманов. Позывной авианаводчика - «Кобра». Одновременно с нами действовали и штурмовики Су-25.

В тот день пришлось сделать три вылета общей продолжительностью четыре часа. Каждый экипаж в вылете расходовал до 40 неуправляемых ракет и 50 снарядов к пушке. Работали по отдельным целям в районе высоты 1515. На цели нас наводили авианаводчики. Но, видимо, взаимодействие было недостаточно отработано, да и опыта, чтобы поразить все требуемые объекты, у нас пока не хватало. Мотострелки были недовольны результатами, да и

мы, впрочем, тоже. Однако в последующие дни, совместными усилиями экипажей и пехоты, бандиты были уничтожены и частично рассеяны. Батальон вернулся на базу, как нам сообщили, без потерь.

Распорядок

Распорядок дня вертолётного полка был размерен и довольно суров. Экипажи должны были быть готовыми к выполнению любых задач с рассветом. В связи с этим, за полчаса до начала светлого времени, а это в зависимости от времени года 4.30-5.30, одним из заместителей командира полка проводились предполётные указания.

Постановка задач на следующий день производилась командиром полка в 18.00, в присутствии всего лётного состава. Здесь же проходил разбор выполненных к этому времени полётов за день, доводились разведывательные данные и различные указания. Особое внимание уделялось анализу действий экипажей: при высадке десантов в горах; нанесении ударов по наземным целям и действий при боевых повреждениях. Эти навыки я старался довести у лётчиков своего звена до автоматизма. Каждый случай боевого повреждения вертолёта, которые подробно доводились нам на занятиях, старался примерить к себе и оценить, как бы наш экипаж сработал в подобной ситуации. Мой штурман Валера, хотя и не сильно любил всякие теоретические изыскания, вопросам отработки действий в особых случаях и тренажам отдавался с серьёзной настойчивостью.

Ночью

К выполнению боевых задач ночью экипажи нашего звена приступили в августе. Основной целью таких полётов являлось патрулирование района аэродрома в радиусе до 50 километров на высотах 1500-4000 метров.

Звено вылетало ночью отдельными парами. Первая пара взлетала с заходом солнца и сменялась другой по мере выработки топлива, и так до рассвета. Полёты ночью вносили свои коррективы в подготовку лётчиков. Особое внимание уделялось технике пилотирования, контролю

за своим положением с помощью радиотехнических средств и световых ориентиров, которых, учитывая положение в Афганистане, было совсем немного. Нами активно отрабатывалась посадка на аэродром по посадочным огням без использования наземного прожектора и фар вертолётов. Впоследствии опыт экипажей так возрос, что в лунную ночь нам удавалось производить заход и посадку по приборам, вообще без включения руководителем полётов огней полосы. Без использования лётчиком инфракрасного оборудования и бортовых фар, это было довольно рискованно и являлось нарушением инструкции.

Точно сыпят, гады!

В одно из наших обычных ночных дежурств мы находились у себя в «модуле». Команды на взлёт не поступало. Через некоторое время после захода солнца раздался рёв и страшные взрывы. Вообще к взрывам и стрельбе за это время мы привыкли, но тут снаряды, казалось, рвались прямо под окнами. Не дожидаясь сигнала с командного пункта, я дал команду экипажам: «По вертолётам!». Быстро похватав автоматы и ЗШ, мы выскочили из «модуля» и действительно услышали и увидели разрывы душманских реактивных снарядов. Они рвались прямо на взлётной полосе и между стоянками вертолётов, которые находилась в 50-100 метрах от нашего жилья. Пригибаясь, мы побежали к своим Ми-24. В это время я с удивлением думал: «Точно сыпят, гады!». Заняв своё место в спасительной бронированной кабине, сразу приступил к запуску. Сложнее было бортовому технику, который был обязан контролировать процесс запуска двигателей снаружи. Почти лёжа на земле, он жестами подавал нам установленные в таких случаях сигналы.

Обстрел аэродрома продолжался, но несмотря на это наша пара быстро вырулила на полосу и произвела взлёт. Набрав безопасную высоту и получив доклад от ведомого, Андрея Грязнова, «349-й справа на месте», я осмотрелся. Внизу черно, только видны отдельные огоньки да пожар на стоянке от разрывов реактивных снарядов. Душманы, услышав рокот вертолетов, прекратили обстрел, но

оперативный дежурный КП по радио дал нам приказ на уничтожение бандитов.

Мы приступили к выполнению задачи. Связались с одной из 15 застав, обеспечивающих безопасность аэродрома, и запросили у них информацию. Застава подтвердила, что видели точку, откуда производился пуск ракет, но достать душманов своим огнём они не смогли. Показав трассирующей очередью из крупнокалиберного пулемета направление и сообщив дальность до цели, командир заставы достаточно точно нас сориентировал. Находясь на связи с ним, наша пара произвела сброс двух осветительных бомб САБ-250 с таким расчётом, чтобы осветители загорелись на земле, обозначив цель. Командир охранения ещё раз ориентировал нас о положении цели относительно горящих на земле факелов бомб. Теперь мы смело могли приступать к поражению душманов. Выполнив 3 боевых захода в этом полёте и 5 заходов в следующем, сменив вертолёты на другие, наша пара израсходовала 6 бомб, 160 неуправляемых ракет и два боекомплекта пушек. Банда была уничтожена. Это был один из наших первых эффективных боевых вылетов.

Караван

9 сентября нам поставили очередную задачу: обеспечить эвакуацию десятерых спецназовцев из района их действий. Первыми взлетели два Ми-8, следом мы с ведомым на наших Ми-24. Группа пришла в заданный район, транспортные вертолёты успешно забрали 10 разведчиков и произвели взлёт. Мы уже собиралась ложиться на обратный курс. Пересекая неглубокое ущелье, тянувшееся вдоль русла реки на плоскогорье, один из экипажей восьмерок сообщил в эфир: «Обнаружили караван, захожу на посадку, будем высылать досмотровую группу». Тут и я увидел этот караван, идущий, скорее всего, из Пакистана в сторону Чёрной горы. Я понял следующее. Или действительно наши спецназовцы отчаянные ребята, или ведущий восьмерок не совсем понимает, что делает. Караван состоял приблизительно из 300 гружёных верблюдов и лошадей, которые растянулись в ущелье на расстоянии почти два километра. Сопровождали это стадо почти столько же людей.

Оперативный дежурный КП поздно сориентировался и команду на запрет посадки выдал, когда досмотровая группа уже пыталась осуществить проверку всех этих людей и груза на наличие оружия. Однако, гордые пуштуны не противодействовали отчаянной попытке спецназа досмотреть караван. Проверка была только обозначена и мы, похоже, расстались с ними довольные друг другом.

Обеспечение постов

Одной из задач, которые часто приходилось выполнять армейской авиации в Афганистане, были вылеты на обеспечение постов. Цель полёта заключалась в сопровождении и прикрытии транспортных вертолётов доставлявших людей, продукты, почту и боеприпасы на заставы. Они находились, как правило, на высотах 800-1200 метров, окружавших наш аэродром.

Выполняя полет, транспортный вертолёт заходил на такую небольшую по размерам площадку, что на ней иногда даже нельзя было поставить все три колеса. В таком полувисячем положении, когда вертолет опирался на одно колесо, выгружался весь груз, и мы уходили на следующий пост. Вертолёты прикрытия в это время барражировали на уровне высоты площадки, осматривая окрестности на предмет отсутствия душманов и находясь в готовности немедленно нанести ответно-встречный удар. 24 сентября мы выполнили четыре таких полёта общей продолжительностью около трёх часов.

Стрелять было нечем

25 сентября, завершая обычный успешный полёт на поиск и уничтожение караванов с оружием, группа из восьми транспортных и боевых вертолётов осуществляла над аэродромом снижение с высоты 4500 метров. Остальные лётчики в это время находились в классе на постановке задач на следующий день. Я со своим звеном тоже находился там. Неожиданно мы услышали довольно сильный взрыв, затем ещё и ещё. Пытаясь понять, в чём дело, мы выскочили на улицу и увидели следующую картину: прямо над нами спиралью снижались шесть

вертолётов, а на земле, на удалении 100-300 метров от полосы горел сбитый Ми-8. В воздухе ещё снижались на парашютах выпрыгнувшие лётчики.

Как потом выяснилось на разборе: по группе, заходившей на посадку, произвели 8 пусков ПЗРК «Стингер» с расстояния 3800 метров от ВПП.

После первого же пуска, руководитель полётов дал команду экипажам на включение средств защиты и открытие огня по банде душманов, однако стрелять было нечем, весь БК был полностью израсходован, и боевые вертолёты даже не смогли нанести ответный удар. Все, кто своевременно включил отстрел тепловых ловушек, защитились от ракет. Однако, два экипажа душманам удалось сбить. Ми-8 взорвался в воздухе, выжил только правый лётчик, которого выбросило взрывом из кабины, парашют раскрылся автоматически. Командир повреждённого Ми-24, дав команду экипажу на покидание, сам посадил вертолет. Однако при приземлении он получил серьёзные травмы, был срочно доставлен в госпиталь, но спасти врачам его не удалось. Этим командиром был один из наших молодых лётчиков Евгений Погорелов. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, он был награждён орденом Красного Знамени посмертно.

Остатки ракеты

В период с 9 по 12 ноября продолжали выполнение различных задач. В эти дни произошёл интересный случай. Ми-8 братской эскадрильи выполнял полёт по поиску и эвакуации лётчика, катапультировавшегося со сбитого Су-25. Когда экипаж благополучно забрал пилота и набрал высоту, душманы произвели по вертолёту два пуска ПЗРК. Однако, благодаря грамотным действиям лётчиков, первая ракета была уведена в сторону активными помехами и тепловыми ловушками. Вторая всё-таки долетела до борта, но, благодаря тем же помехам, попала в одну из бомб, подвешенных к балочным держателям, и повредила её. В таком виде экипаж и привёз на аэродром остатки ракеты.

Первые боевые награды

Наш уважаемый комэск тщательно анализировал эффективность лётной работы подчинённых экипажей. В эскадрилье велся специальный график боевых вылетов. По мере его заполнения командир активно представлял нас к наградам. В этом проявлялась его забота о личном составе.

К своим первым боевым наградам наши экипажи были представлены 13 ноября. Тогда мы совершили очередной успешный вылет и поразили душманские миномёты на позиции, обстреливавшие транспорт мирных жителей на дороге Кабул-Джелалабад и наш 21-й пост. Эти миномётчики давно беспокоили мирных жителей на дороге, но долгое время оставались неуязвимыми.

Основываясь на том, что лётчики звена неоднократно участвовали в выполнении опасных боевых заданий и, по докладам разведки, с хорошими результатами, командир эскадрильи представил нас всех к правительственным наградам. А 14 ноября мы уже приступили к подготовке и проведению очередного этапа операции «Кордон», целью которого являлось уничтожение мощных, укреплённых бандитами районов на Афганской территории недалеко от границ с Пакистаном. В процессе этой совместной с войсками ДРА операции, наш экипаж произвёл 16 вылетов. Находясь в составе ударных групп, мы уничтожили две душманские крепости и прикрыли высадку и действия более 1200 человек десанта. Потерь лётного состава и техники в этой крупномасштабной операции у нас не было.

В небе и на земле

Наша командировка в Кабул была прервана сообщением о том, что 28 ноября два наших экипажа Ми-24 были сбиты пятью пусками ПЗРК. Произошло следующее. После того как возникла ситуация, когда «духи» стали сбивать вертолёты над аэродромами при заходе на посадку, командованием части были разработаны «безопасные» зоны снижения после выполнения заданий по прикрытию автоколонн и др. с последующим подходом к посадочной полосе на предельно малой высоте и посадкой. Пара боевых вертолётов, где командирами были мои друзья (холостяки,

как и я в то время) старший лейтенант Ксензов Володя, его лётчик-оператор лейтенант Алексей Неунылов и лейтенант Козловский Игорь, его лётчик-оператор лейтенант Сосин Евгений выполняли задачу по прикрытию группы с десантом. Завершая задание они отстали от основной группы Ми-8 и начали снижение в «безопасной» зоне в 20-30-ти километрах севернее аэродрома.

На высоте 2000-1000 метров экипаж ведущего, старшего лейтенанта Ксензова, был сбит двумя пусками ПЗРК. Получив команду на покидание вертолёта, оба лётчика выпрыгнули с парашютами, но неуправляемо падающий вертолёт своими винтами, нанёс им смертельные ранения в воздухе. Ведомый, защищая своих товарищей, приступил к обстрелу душманской банды, сбившей ведущего, и выполнил несколько боевых заходов, но силы были явно не в его пользу.

Произведя ещё три пуска ПЗРК, бандиты серьёзно повредили вертолёт Козловского, но он не растерялся и произвёл аварийную посадку. Однако после неудачного приземления вертолёт загорелся и впоследствии полностью сгорел. Экипаж благополучно выскочил из горящей машины и продолжал обстреливать душманов из стрелкового оружия. Тотчас же проведённой спасательной операцией, тела погибших лётчиков Ксензова и Неунылова были эвакуированы вместе со спасшимся экипажем Козловского. Все лётчики этой пары Ми-24, в том числе и погибшие, за проявленное мужество были представлены к награждению орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

В середине декабря нам довели приказ Министра обороны СССР о присвоении мне и ряду других офицеров квалификации «Военный лётчик первого класса».

Операция «Круг»

Операция «Круг» началась 10 марта в районе н.п. Джикдалай. Здесь разведка зафиксировала активность более 1000 душманов, которые были вооружены 13 установками ПЗРК, 60 гранатомётами, 40 крупнокалиберными пулемётами и 10 зенитными горными установками. Замыслом операции предусматривалось одновременной высадкой 611 человек

десанта (103 вдд, 108 мсд и 66 бр) блокировать район и уничтожить противника ударами артиллерии, авиации и действиями специальных групп.

За период с 10 по 20 марта при проведении операции наше звено выполнило около 20 боевых вылетов. За этот период нами было выпущено 12 управляемых ракет и неисчислимое множество других боеприпасов, в результате чего мы уничтожили несколько огневых точек противника и два склада боеприпасов.

Душманы тоже не сидели без дела и активно оборонялись. 10 марта выстрелом с близкого расстояния из гранатомёта бандит повредил правое крыло вертолёта Толи Киселева, а 16 марта наши вертолёты получили повреждения от разрывов снарядов ЗГУ, когда группа шла прямо над «Чёрной горой». В боковое зеркало мне удалось своевременно заметить шапки от разрывов снарядов позади вертолётов, о чём я сразу доложил замполиту полка Александру Малахову, замыкавшему боевой порядок на Ми-24. Он и уничтожил эту зенитную установку. Кстати, наши замполиты лозунгу «Делай, как я говорю», предпочитали лозунг «Делай, как я». Особенно это было характерной чертой Александра Малахова.

Вертолёт Ми-24 Павла Винника

Метеоусловия к середине марта стали ухудшаться, поэтому командование 40-й армии приняло решение передать основную роль в завершении разгрома противника наземным войскам.

4 апреля мы активно приступили к полётам. В тот день наш экипаж выполнил один полёт на поиск и уничтожение караванов в качестве ведомого у комэска, так как моё звено временно распалось: два экипажа улетели в профилакторий, а ведомый Андрей Грязнов - заболел. Кроме этого я выполнил 8 полётов на проверку молодых лётчиков-операторов. Казалось, очередной день близится к спокойному завершению, однако ближе к обеду я увидел клубы чёрного дыма на западе, недалеко от аэродрома, и сразу понял - что-то случилось.

Командира эскадрильи и меня срочно вызвали на КП. Там мы увидели ещё двух командиров транспортных

вертолётов и группу спецназа, ожидавших постановки задачи на боевой вылет. Задачу ставил командир полка Крушинин в присутствии начальника армейской авиации Григорьева. Оказалось, упал и сгорел вертолёт Ми-24 Павла Винника (моего земляка из г. Костополя Ровенской области), выполнявший бомбометание.

По поводу происшедшего возникла следующая версия. При выполнении экипажем Ми-24 сброса 250 килограммовой бомбы с предельно малой высоты (50 метров), она взорвалась с замедлением не в 40 секунд, как положено, а сразу же после сброса, под фюзеляжем.

В результате взрыва вертолёт был сильно повреждён и загорелся, однако система управления и двигатели работали, экипаж травм не имел. Но молодой командир экипажа видимо растерялся и продолжал выполнять полёт, хотя надо было производить экстренную посадку на ближайшую площадку. Пролетев около трёх километров, он всё-таки сел. Удаление от аэродрома составляло 12 километров. Однако драгоценное время было упущено. Вертолёт был объят пламенем, дверь командира уже не поддавалась аварийному сбросу. Стали взрываться боеприпасы. Выскочить после посадки успел только лётчик-оператор. Помочь погибающему командиру он не успел, вертолёт сгорел полностью.

Командованием сразу же были отправлены в тот район два БМД, офицер и 10 молодых солдат-десантников для боевого патрулирования. Экипажам транспортных вертолётов была поставлена задача: перевезти в район катастрофы командира полка, начальника армейской авиации, выявить причины происшествия и забрать тело погибшего. Нам на боевых вертолётах надлежало прикрыть их с воздуха от ударов противника.

Перед вылетом мы с моим штурманом Валерой, анализируя ситуацию, в очередной раз проиграли свои действия при боевом повреждении такого рода, в том числе и на случай гибели командира (т. е. меня). Мы пришли к выводу, что при более чётких и слаженных действиях экипажа, Павел Винник смог бы спастись.

Взлёт производили как обычно. Первыми пошли транспортные вертолёты, за ними мы на боевых.

Транспортные вертолёты произвели посадку рядом с местом гибели Винника и находились на земле без выключения двигателей. Мы на боевых вертолётах отошли в сторону от площадки на 3-5 километров и, барражируя на высоте 30 метров и скорости 250 км/ч, наносили редкие удары по точкам, указанным разведчиками для поражения.

Не прошло и 15 минут полёта, как я почувствовал, увидел и услышал сильный взрыв в районе левого борта своего вертолёта. Загорелись почти все табло серьёзных отказов систем. Честно говоря, в первые сотые доли секунды у меня наступило небольшое грустное оцепенение. Но когда автоматические системы вертолёта выдали женским голосом чёткие сообщения: «Борт 44 ПОЖАР», «Борт 44 опасная вибрация левого двигателя», «Борт 44 выключи левый двигатель», и когда мой верный друг Валера, перекрикивая матом речевой информатор, заорал «Пэ-Зэ-эР-Кааа...», мои мысли и действия вошли в нужное русло. За очередную секунду, оценив ситуацию и выбрав место для посадки на плоскогорье, я уменьшил режим двигателей, резко погасил поступательную скорость и перешел на снижение. Продублировал включение системы тушения пожара, сбросил бомбы и ракеты на «невзрыв» и выпустил шасси. Когда колёса почти касались земли, отстрелил дверь для аварийного покидания, бросил в эфир «Я, 348-й, произвожу вынужденную посадку», а затем быстро выключил двигатели, аккумуляторы, и уже выскакивая из кабины, зафиксировал тормоз колёс. Все эти действия заняли несколько секунд, все делал автоматически и практически одновременно.

Мы с Валерой отбежали метров на 30 и стояли с автоматами наизготовку. Я справа, а он слева от вертолёта. Тяжёлая машина, нехотя подчиняясь тормозам и замедляя вращение винтов, всё ещё катилась к небольшому оврагу впереди.

Как показали потом результаты дешифрирования системы автоматической регистрации параметров полёта, «чёрного ящика», посадка была произведена через 7 секунд после срабатывания аварийных табло в результате поражения вертолёта ПЗРК «Стингер». Больше всего такой шустрости удивился я сам и, когда позже встретился с

друзьями, сказал сам про себя по этому поводу: «Надо же, как лётчика напугали!».

Бегло осмотрев вертолёт, мы обнаружили многочисленные повреждения. Экранирующе-выхлопное устройство было разорвано в клочья. У лопаток последних ступеней двигателя были вырваны огромные куски - ещё несколько секунд работы и двигатель бы взорвался. Весь левый борт, изрешеченный осколками ракеты, был похож на сито, однако наиболее важная часть двигателя и гидросистемы была защищена имеющейся наружной бронёй. Тяги несущего винта в некоторых местах были прожжены осколками насквозь, а у нескольких отсеков основания лопастей вырваны большие куски. Было перебито семь топливо- и маслопроводов, а также частично повреждена электропроводка.

Всё это заняло не более пяти минут. Услышав в эфире такой ералаш, к нам на помощь с площадки уже летел Ми-8 нашего товарища, Хорева (ныне полковник, лётчик-испытатель Ростовского вертолётного завода). Мы подбежали к спасительному вертолёту и пытались погрузиться, но, открыв дверь, борттехник жесткой рукой отодвинул нас от борта. Я пытался возмущаться, но это не помогало. Показав знаками следовать за ним, борттехник подвёл нас к нашей повреждённой машине, поставил под её левым бортом и сфотографировал. До сих пор с благодарностью вспоминаем мы с Валерой наших спасителей и храним подаренную ими фотографию «У своей подбитой машины, через 5 минут».

Вертолёт Хорева произвёл взлёт, однако не пошёл на аэродром сразу, а стал выполнять какие-то подлёты и посадки. Когда я спросил, в чём дело и почему мы не летим на базу, борттехник ответил нам, что пока мы сидели на земле, мой ведущий (комэск) стал наносить последовательные удары по расчёту ПЗРК. Они тоже произвели по нему четыре пуска «Стингера». Но Прохоров был похитрей и поопытней нас, он ушёл в сторону солнца, использовал активные помехи, и ракеты одна за другой вошли в землю рядом с его низколетящим вертолётом. Увидев такой поворот событий, я сел за бортовой пулемёт Ми-8 и тоже открыл огонь по душманам.

Валера подавал ленту. Мы вели огонь такой интенсивности, что чуть не сбили любимого комэска.

Наконец КП полка опомнился и дал команду на прекращение всей этой круговерти. После нашего взлёта с аэродрома прошло не более 40 минут. К подбитому Ми-24 выдвинули два БМД с десантом.

Наш Ми-8 взял курс на площадку, где погиб Павел Винник, произвёл там посадку и молотил на земле ещё минут 10. Наконец Хорев сказал, чтобы я подошёл к командиру полка и уточнил у него дальнейшую задачу.

Я сразу поспешил к командиру, который стоял вместе с начальником армейской авиации у сгоревших останков вертолёта Павла. При виде меня, идущего к нему по земле, в глазах невыспавшегося, измотанного стрессом командира полка, отразилась лихорадочная работа мысли. Он спросил меня, что я здесь делаю. Я ответил: «Сбили, товарищ подполковник». Он, видимо имея в виду Павла, ответил: «Знаю, что сбили, а ты что здесь делаешь?». Я повторил: «Сбили меня, товарищ подполковник», но он опять ничего не понял.

Тут в разговор вмешался начальник армейской авиации, который до этого полчаса отчитывая командира за потерю экипажа Винника, спросил: «Ты что здесь делаешь, Шипачев?». «Сбили, товарищ полковник», - опять ответил я. Начальник понял сразу и всё. «Да что у вас тут творится?! Одного сбили, твою…, другого сбили. Не полк, а сплошной бардак, ё………».

Я поспешил назад в вертолёт, залез в грузовую кабину и говорю: «Ну, Валера, сейчас нам с тобой достанется на орехи, суши сухари». Вынужденная посадка была быстро забыта, а в глазах маячили перспективы наказаний, которыми может нас «одарить» вышестоящий начальник. Мы ждали всего - от снижения в должности до снятия с лётной работы и позорной высылки в Союз. Рядом с нами, в грузовой кабине, лежало обуглившееся бронекресло с останками командира экипажа Павла Винника.

Через 3 минуты в вертолёт заскочил озабоченный Григорьев, за ним грустный Крушинин и расселись по разные стороны грузовой кабины. Начальник АА бросил командиру Ми-8: «Летим домой». Потом, обратившись ко

мне, спросил: «А далеко ли сбит твой вертолёт?». Я ответил: «Да нет, километра три отсюда». Тогда он приказал командиру Ми-8: «Летим к сбитому вертолёту».

Хорев выполнил энергичный разворот вправо. Через 1-2 минуты Григорьев опять обратился ко мне: «А чем тебя сбили?». Я коротко ответил: «Ракетой». Тогда он опять скомандовал: «Летим домой», и вертолёт развернулся влево. По прошествии ещё пары минут мне опять последовал вопрос: «А как ты думаешь, можно ли его восстановить?». Я ответил: «Думаю, что можно, но необходимо заменить левый двигатель и часть основных агрегатов». Григорьев опять скомандовал: «Летим к вертолёту».

После его вопроса, какой ракетой меня сбили, и моего ответа, что «Стингером», опять последовало изменение маршрута. Но, в конечном итоге, поступила завершающая команда: «К вертолёту». Пролетев ещё немного, мы высадились недалеко от моего сбитого борта в низине. С воздуха нас прикрывала дежурная пара боевых вертолётов.

Сбитый вертолёт стоял 400 метров впереди, на пригорке. Поднимались к нему втроём. Григорьев и я, с автоматом в левой руке, шли рядом. Правее, метрах в 50 от нас, шёл измученный свалившимися на полк бедами Крушинин, но тоже с автоматом и в жилете НАЗ-И с гранатами. Невдалеке были слышны пулемётные очереди. Пытаясь разрядить и смягчить обстановку, я сказал примерно следующее начальнику АА: «Товарищ полковник, вы не волнуйтесь, мы же не знали, что там душманы с ПЗРК засели, а вертолёт мы восстановим». Он ничего не ответил, только хмуро посмотрел на меня. Затем подойдя и быстро осмотрев повреждённую машину, Григорьев смягчился. Он коротко бросил мне: «Молодец!», и приказал всем быстро возвращаться.

Ноябрь 2008 года.

Ширяев Валерий Геннадьевич

Нас мечтали либо похитить, либо зарезать

Я родился в 1959 году. Воинское звание - майор. Проживаю в Москве.

Закончил 529-ю школу города Москвы в 1977 году. В том же году меня призвали в армию, отслужил 2 года в ракетных войсках стратегического назначения (РВСН), демобилизовался осенью 1979 года.

В этом же году поступил на факультет "Институт стран Азии и Африки" при МГУ. О вводе советских войск в Афганистан я услышал по радио 27 декабря 1979 года, у себя дома, сидя на кухне.

В 1980-м году было распределение по языкам, я получил персидский, а вторым языком - дари (официальный язык Афганистана). В феврале 1985 года отправили на языковую практику. Обстоятельства сложились так, что после распределения, мы с удивлением обнаружили, что все служившие в армии (большинство студентов в этих группах) и принявшие присягу оказались сосредоточены в 2-х персидских группах. Тогда стало ясно, что нас всех, целенаправленно, послали учиться на войну.

В Афганистан прибыл в середине февраля 1985 года, был распределен переводчиком, при военном советнике 76-го

полка 8-й пехотной дивизии ВС ДРА (вооруженные силы Демократической республики Афганистан) - полковнике Владимире Ефимовиче Никоненко.

Всего в полку было четыре советника: советник командира, советник по артиллерии, зампотех и замполит. И я, военный переводчик. Если они ходили в боевые операции поочередно, по двое, то мне, как переводчику приходилось на каждую. Поменяться возможности не было, боевые действия шли беспрерывно, сразу после первой операции начиналось планирование второй. Всего в своей кабульской квартире я прожил только 3-4 недели. Все остальное время на войне.

Как выяснилось позднее, мы были на территории ДРА незаконно. Погибший Владимир Твиров, из следующей группы, при похоронах, в Москве, не имел даже права на почести и оплату похорон за счет военкомата (при командировке в Герат автоматная очередь ему снесла пол головы).

Министерство обороны впоследствии признало, что это была ошибка. Из 12 человек целым не вернулся никто. Несколько человек получили ранения и все перенесли различные заболевания, такие как: гепатит (им переболела половина), малярия, холера.

По возвращению в СССР всем нам было отказано в праве получить удостоверение участника боевых действий. Оказывается, мы не имели права воевать! Отправляли - нормально, а обратно - ничего.

Всего в нашей группе 2 тяжелых ранения, 6 легких, 2 компрессионных перелома позвоночника и испорченная печень, кровеносная и нервные системы у половины ребят.

Советский Союз проводил гигантскую работу по восстановлению страны: строительство дорог, школ, больниц и т.п. До ввода войск, в Афганистане, к гражданам СССР, отношение было удивительно теплое. Мы были лучшими друзьями, никого там так не любили как нас. Все эти усилия пошли прахом после ввода войск. Мы сразу стали самыми главными врагами, самыми ненавидимыми людьми.

Интересно обосновывался ввод войск в Афганистан. Все советские военнослужащие должны были, с точки зрения партии и правительства, понимать, для чего их посылают воевать. Поэтому была выдвинута такая идея, что в

Афганистане была революция, развиваются социалистические преобразования, но какая-то часть общества, в основном богатые и состоятельные люди, воспротивились этой революции, началась гражданская война. СССР находился на одной из сторон, помогая угнетенным афганцам, а международный империализм, во главе с США, уже был готов ввести в страну свои войска.

Подобная легенда пользовалась большой популярностью среди советников и офицеров. Тысячу раз слышал, что мы опередили американцев на один день. Поразительная живучесть мифологии, которую люди сами себе придумывают, в этом случае проявилась потрясающе.

В первый же день, как я прилетел, на попойке с офицерами в честь прилета, я спросил у офицеров: «А для чего мы вообще ввели войска? Ведь Афганистан - нищая, аграрная страна, разобрались бы они сами между собой».

«Да что ты! Что ты! - даже руками замахали – мы же американцев на один день обогнали! Они уже были готовы вводить свои войска», - последовали возражения.

Я продолжаю: «Товарищи, вы вообще заканчивали высшее учебное заведение?»

Они стали называть - кто и где учился, академии и т.п.

«А вот откуда бы американцы вводили войска? - настаиваю я, - Вот вы военные, давайте нарисуем план операции».

Взяли лист и стали с энтузиазмом считать: количество войск, сколько нужно для переброски. Выяснилось, что в Пакистане военных баз нет, ближайшая - остров Диего-Гарсия посреди Индийского океана, да и то там только стратегические бомбардировщики Б-52. Нужно строить порты или новые аэродромы в этой стране. А сколько времени необходимо потратить? Тут же подсчитали силы и средства нужные для высадки сто тысячной армии - у всех получилось от полугода до года.

По истории проходили, что высадка союзников в Нормандии (учитывая, что Англия в 35 километрах от континентальной Европы и видна оттуда при хорошей погоде) готовилась год. На таком малом расстоянии и такое огромное время! Да еще практически невозможно скрыть подготовку. Как можно захватить страну бод боком у гигантского СССР?

В дальнейшем, мы убедились, во время операции в Персидском заливе, что переброска войск в Кувейт - грандиозная операция.

А тут один день! У всех были озадаченные лица, никому не приходило в голову просто посчитать.

В 1991 г. американцы вводили свой 300-тысячный контингент полгода. Советская же группировка войск насчитывала 115 тысяч человек.

Вообще, мифов существовало множество. Еще один, довольно распространенный, про женщин снайперов, «белые колготки», «черные платки». Все это липа, придумка солдат. Женщины не могут терпеть такие нагрузки. К примеру, 20-километровый ночной марш, при освещении «люстрами» (такие осветительные бомбы, спускаемые на парашютах, горят так ярко, что читать можно). Солдаты падают в изнеможении от нехватки глюкозы, доходят до места, на теле живого места нету, падают и засыпают часов на 5-6, какой тут бой? Женщины-снайперы, конечно, были. Взять, к примеру, Людмилу Павлюченко, которая убила более трехсот фашистов, но передвигалась она вместе с колонной, на технике, да и боевые действия были на равнине. Кроме того, подобные случаи единичны. Кто-то все это «вдалбливал» нам в голову: пропагандисты, замполиты.

Когда распределили меня в полк, пошло распределение переводчиков к советникам. Боевые операции начались через неделю после прибытия в Кабул. В первый день стала понятна нищета организации, на которую мы опирались, армия Афганистана ничего из себя не представляла. Это была очень слабая армия. Она может вести заградительный огонь, отстреливаться, когда не видно противников, да и все, пожалуй. А по большому счету ее и негде использовать. Это было прикрытие действий советской армии - афганцы как инициаторы.

До конца мая занимались проводкой колонн с грузами, а потом начались задания по прочесыванию, блокированию и разоружению повстанцев, но всегда рядом были советские части.

Наш полк принимал участие в боевых операциях почти на всей территории Афганистана, проще будет сказать, где я не был. Это Мазари Шариф (север), Фаррах, Герат.

При штатном составе полка 1200 человек, реальная численность не превышала 250. Это объяснялось массовым дезертирством афганцев. Всего в полку было семеро советских военнослужащих: советники, переводчик, солдат-ординарец и водитель БТР-70 – остальные афганцы.

Дезертиров отлавливали и сажали, в так называемый, «черный воронок», потом их возвращали в воинское подразделение, а они опять бежали и так далее.

Все старшие офицеры полка прилично говорили по-русски, все учились в СССР. На афганцев было нельзя положиться, нам приходилось охранять себя самим, в связи с тем, что за головы советских советников главари банд назначали большие деньги, равняющиеся примерно стоимости калыма (выкуп за жену). Один сторожил, остальные спали. Из подслушанных на привалах разговоров, выяснилось, что каждый третий мечтает нам отрезать голову и сдать за деньги. Афганистан страна нищая, у большинства мужчин не хватает денег на калым (половина мужчин не женаты), нас хотели либо похитить, либо зарезать, на худой конец.

На ночь старались ложиться как можно ближе к солдатам 40-й армии (так называлась советская группировка войск в Афганистане), если была такая возможность.

БТР-70 машина хорошая, очень надежная, 2 двигателя, к ней нареканий нет. Во время войны она стала для нас вторым домом. Был такой случай, возвращаемся из Лагара, на подъезде к Кабулу (40 километров до него), все на броне и тут переднее правое колесо натыкается на мину "итальянку". Его вырывает вместе со ступицей, и отбрасывает метров на сто по дугообразной траектории. Нас раскидывает как «ботву» по придорожным кустам, у всех легкая контузия. Пришли в себя, поменяли водителя (у того сильная контузия), залили в систему маслопровода плакирующие смазки и на семи колесах до Кабула.

БТРы оказались самыми надежными. Хотя в целом, советская техника оказалась не рассчитана для боевых действий в горах (вела себя неплохо, но и не отлично - 25% поломок на некоторых операциях). Для равнин она хороша, но

в горах совсем другие условия: разреженный воздух, крутые подъемы, жара. В нашем полку было 4 танка Т-62, довольно часто ломались: едет в гору, угол подъема до 35 градусов, двигатель от нагрузки ревет, из моторного отсека валит дым. На двигатели БТР приходилось выливать ведро воды. БМД (боевая машина десанта) вообще ломались через одну, БМП (боевая машина пехоты) были понадежнее, но до БТРов им было далеко.

В основном использовали 152-мм и 120-мм осколочно-фугасные снаряды, которые вязли в глиняных дувалах, как в пластилине.

Местная милиция, набираемая из афганских земледельцев, была вооружена устаревшим оружием (ППШ, СКС, МГ-42) и плохо обучена. Притом, что они не отличались высоким воинским духом. Душманы же признавали только советское оружие. Также была популярна британская винтовка British Universal Rifle (BUR), принятая на вооружение еще в англо-бурскую войну. У нас была одна такая трофейная, на которой было выгравировано 1903. Мне она понравилась. Мощное и надежное оружие, в патронах к ней трубчатый порох, на дальних дистанциях ей нет равных. Часто была эффективнее автомата. Духи стреляли из нее очень метко: зрение у них оставалось отменным до старости, так как не пьют, не читают, учатся стрельбе с детства. В горных племенах пуштунов мальчик получает личное оружие в 10-12 лет.

У меня было одно тяжелое ранение. Случилось это ночью, в конце августа 1985 года, во время боевой операции на границе с Пакистаном, в округе Хост.

Спал на броне, был сброшен с нее взрывом снаряда, покатился в пропасть и падал по крутому откосу примерно 40 метров. Попутно ударяясь о скальные выступы, ломая ребра. Осколок снаряда вошел под коленную чашечку и раздробил голень. Мне очень повезло: спазм мышцы от болевого шока пережал артерию, что замедлило кровотечение, приземлился на карниз 2x3 метра поросший густой травой.

Взлетела осветительная ракета, смог увидеть ущелье, в которое провалился: общая глубина составляла примерно 70-80 метров, внизу гигантские валуны.

В течение 2-х часов ко мне подбирались сослуживцы, наконец, они смогли сбросить мне импровизированную

подъемную систему из 3-х связанных одеял, на которую я заполз и меня подняли.

В том бою был смертельно ранен советник командира дивизии Веретенников – лежал на БТР, рядом с нашим, прилетела пуля, вошла сзади справа и вышла из-под колена, намотав кишки и порвав все мягкие ткани вдоль кости – вены, сосуды, мышцы… Его оперировали 14 часов, все сшили, даже ногу не отрезали. Женщина анестезиолог 2 раза падала в обморок, выкурила 2 пачки сигарет. Через какое-то время организм адаптировался, почки стали выделять мочу - нужен аппарат чистить кровь. Его срочно доставили в Ташкент, вынули из самолета, занесли в «Рафик», но забыли встретить. В результате он полтора часа пролежал там, на солнцепеке, началась гангрена. В конце концов, Веретенникова доставили в клинику, где его осмотрел дежурный врач, но к аппарату искусственной почки так и не подключили из-за того, что было воскресенье - и он скончался. Кабульские врачи его спасли, а ташкентские убили.

Ногу мне восстанавливали методом остеосинтеза (аппарат Иллизарова). Этому человеку надо поставить памятник: он вернул ноги и руки тысячам людей. Ребята предлагали взять с собой в СССР пистолет. На ногах же куча железа. Рамка зазвенит всяко, а как прилечу из Афганистана, обыскивать не будут. Взяли тогда «Беретту», здоровенная, прикрутили пластырем к железкам, под чехлом, на ноге, в Москве тогда прохладно уже было. Походил, на костылях, ничего не звенит, но потом решил не брать, зачем она нужна? Вообще из Афганистана привезти можно было много чего. А когда прилетел из Афганистана, на таможенном пункте, меня быстро обкатили вокруг рамки: «Не надо проверять…» Мог с собой хоть атомную бомбу провезти.

И когда я эвакуировался в Москву, в кабульском военном госпитале лечащий врач расстроено сказала: «Увозишь еще один аппарат, к себе, может, ты поговоришь, чтобы прислали еще запчастей, а то их очень мало присылают?» В самолет разрешали брать 20 килограмм личных вещей. И вот, возвращаясь из отпуска, все хирурги кабульского госпиталя везли не любимый черный хлеб и селедку, а везли аппараты Иллизарова. Чтобы потом «сшитые» люди вывозили их обратно в СССР, в себе. То есть государство, просто не

снабжало наши войска в ДРА нужным количеством медицинского железа, вот врачи за свой счет и везли его из отпусков.

Вообще, тыловые службы работали из рук вон плохо, отношение к человеку на личном уровне отвратительное, а врачи – святые люди. Я не видел с их стороны и намека на плохое.

За легкое ранение выплатили 123 рубля (было пропито за 3 часа), за тяжелое ранение выплатили 500 рублей - поход в ресторан. Фантастика! Творили что хотели! Живы остались, ура! Ни одного трупа в группе. А в 1984-1985 погибал каждый третий советник в Афганистане.

Награды: орден Красной Звезды, орден ДРА (аналог ордена Красной Звезды).

Несколько слов о снабжении. Был такой курьезный случай, приходит мой друг Сергей Кирилов получать боеприпасы и говорит: «Нам нужно боеприпасов на 14 дней, то есть столько-то ящиков». Снабженец (афганец) считает на калькуляторе и выдает: «Нет, на 3 ящика меньше».

И так несколько раз. В итоге, Серега берет карандаш и считает на бумаге в столбик. У снабженца, между прочим, в звании подполковника, широко раскрытые глаза, нагибается через прилавок и шепотом спрашивает: «Что, вас и этому учат?!» Шок был таким, что оставшиеся три ящика отдал без промедления.

Вообще у афганцев можно было купить практически все. Ночью за 2 пачки сигарет я опробовал немецкий трофейный пулемет МГ-42 (фигурирует во всех фильмах про фашистов). Хороший пулемет, расстрелял 2 коробки патронов.

Каждое утро афганские военнослужащие начинали с тщательной чистки оружия, иногда затягивавшейся на часы. Это обусловливалось отнюдь не заботой о боеспособном состоянии, а из-за того, что, в случае попадания в плен, следы стрельбы служили доказательством военных действий против душманов и практически не оставляли шансов на жизнь, их расстреливали или ножами резали, убивали по-зверски.

Бойцы нашего полка боялись душманов как огня, даже пленных. Был у нас советник командира соседнего полка, молдаванин, звали его Василий, был отчаянный трус. Когда

начиналась перестрелка, а он был при этом еще и на голову больной, прыгал в БТР и лежал там на дне. Потом, когда бой заканчивался, он вылезал и говорил, что помогал набивать пулеметные ленты.

А потом начинались долгие и томительные часы переходов и прочесываний. Огневые контакты были через день, в основном обстрелы на пределе дальности.

Бой всегда начинается неожиданно, бежишь по склону, рядом бегут твои товарищи, расстояние 10-15 метров, о пролетевшей пуле узнаешь по свистку, пролетела - не твоя, свою не слышишь - летит быстрее звука. Косит кусты вокруг, иногда понимаешь, что обстрел, по шевелению растительности. Залегаешь, перебегаешь, потом останавливаешься, такая плотность огня, что нельзя идти вперед. Идем в обход, душманы отходят, их догоняешь, да все это при спуске с горы, градусов под 30, расстояние до них 1,5 км, поросшее кустарником, вот это медленное тягучее движение, вспышки стрельбы, трупы иногда валяются. Душманы своих убитых утаскивали, раненых, если были сложные ранения, добивали.

Проблем у командира десантной дивизии, которая высадилась в тылу противника три: где брать боеприпасы, провизию и куда девать пленных.

Десант рассчитан на короткий промежуток, так же как и оккупационная армия. Если взял пленных – браво! Таскаешься с ними по горам, а у тебя по графику еще 2 недели впереди. По технологии пленных мы должны были сдавать афганцам, те вызывают своих особистов, нам их трогать нельзя - иностранные граждане. Мы не должны были этим заниматься. Если пленных 2-4 их можно переслать, а если человек 10? А если есть раненые, таскать его что ли, кормить? Приходилось расстреливать. Это не преступная жестокость, тут простая дилемма: кого спасать своих раненных или пленных? Это на равнинах можно погрузить в грузовики и вывезти, но там, где выйти можно только при помощи вертолета, тут шутки в сторону.

Душманы применяли всегда одну тактику – обстрелял и бегом. До прямого столкновения не доходило – в руки не давались. Главный принцип - ударил и убежал. Первый удар всегда готовился очень тщательно и даже, если в колонне

загорелись первая и последняя машины, и она полностью стала, духи ее расстреливали сколько могли, но потом очень быстро уходили, так как понимали, сейчас вызовут авиацию и им всем «кирдык» будет.

Был такой случай: десантная операция, вылетаем в провинцию Пактия, с центром в городе Гардез. На аэродроме полк рассаживают по вертушкам (МИ-8). В каждый вертолет может поместиться либо 12 человек с боеприпасами, либо 10, но с минометом. Для облегчения полета в высокогорных условиях, с корпуса, под хвостом сняты полусферы - салон заканчивается дыркой, которая прикрыта маскировочной сетью.

Я разбил бойцов по заданию командира полка, по 12 человек, зачитал инструкцию поведения в вертолете: держаться двумя руками за скамейки, не вставать, не передвигаться по салону. Но афганские солдаты – сущие дети, стали заглядывать в отверстия, ходить друг к другу «в гости» поболтать. В начале я пытался орать, но турбина все заглушает, никто ничего не слышит. Вскоре с земли протянулась цепочка трассеров из КПВТ (калибр 14,5 мм) летчик тут же в маневр – ввалиться в ущелье, зигзаги.

Зашли на гору, высадились. Я их пересчитал. Из одной машины вылетел миномет, а в моей вместо десяти человек – восемь, пересчитывали три раза. Когда они вывалились из вертолета и куда, я так и не смог вспомнить. «Ржали» до упаду, в итоге написали, что они дезертировали.

Хорошо запомнился мой первый бой. Это было десантирование, и нас выбросили прямо на пристрелянные позиции. Про нашу высадку уже знали, нас всех продали в штабе армии ДРА. Агентура была у душманов хорошая. Короче говоря, нас ждали. Стали высаживаться из вертолетов, пули вокруг нас свистят - пристрелялись капитально. Из вертолетов сделали дуршлаги, тем не менее, машины все ушли, с дырками, но ушли на базу.

Все мы выпрыгнули, стали строить вокруг себя каменное обвалование, искать какие-то укрытия, забиваться в щель: невозможно было голову высунуть. Потом выяснилось, что это один и тот же пулемет. Дело в том, что находились мы на высотке, посреди схождения трех отрогов, а внизу проходит дорога. Но эхо, отражаясь от стен ущелья, перекрывало само

себя, ну, наверное, раз 5-6 и шло с разных направлений и понять, откуда стрелял пулемет, было просто невозможно. Но потом стало понятно, что это ДШК (калибр 12,7 мм).

Стало понятно, что пулемет один. Потом он прекратил стрельбу, наши начали движение, чтобы спровоцировать его, он опять открыл стрельбу, начали следить откуда. Часа полтора ушло на то, чтобы его вычислить, все глаза в бинокли проглядели, а высадилось человек 150, смотрели во все глаза, да плюс еще рядом была советская рота, немного дальше от нас, тоже залегли, смотрят – ничего не видно. Пройти по дороге было невозможно - один пулемет все контролировал.

Но пулеметчик совершил роковую ошибку, он плохо продумал зону обстрела и график стрельбы. Сместилось солнце на один из отрогов, и на амбразуру нашла тень, густая и темная, солнце-то очень яркое. И сразу же, как бенгальский огонь, стал виден выхлоп из канала ствола, тут все заорали, обрадовались.

Вызвали вертолет (а вертолеты раза три уже прилетали, все кружили, кружили, да не видят ничего) и он туда всадил с первого же выстрела управляемую ракету, по-моему, «Фагот» и оттуда все вылетело наружу. Амбразура была в пещере, душман мог там сидеть неделю.

Это все к тому, что такое война в горах: можно вводить спутниковое слежение, можно аппаратуру, улавливающую звуки, можно определители баллистики, которые пытаются вычислять. Но условия в складках местности настолько тяжелые, что несколько хорошо замаскированных пулеметных гнезд будут держать весь перевал. Ничего не увидишь даже при самых современных средствах. Техника не способна справиться с теми преимуществами, которое есть у талибов - это горы. Тут самое главное - вовремя обнаружить противника, его место и вызвать авиацию или артиллерийский огонь.

Летчики летали очень хорошо, потрясающе. Опыт был такой, что не верилось, как такое можно вытворять в воздухе. Но при всем притом, когда началась война в Чечне, по всей России набралось только шесть подготовленных, слетавшихся экипажей, хотя не такой уж и большой промежуток времени между 1989 и 1995 годами.

Из-за того, что большинство боевых действий шло вдоль дорог, все придорожные кишлаки опустели и жители, сами по себе, перебрались в другие населенные пункты. И эти брошенные дувалы, сплошь и рядом, использовались для засад. Конечно, часто бывало, что душманы начинали обстрел, прямо из густонаселенной зоны, преднамеренно вызывая обстрел по гражданским целям.

Вот, к примеру, идет колонна, начинается обстрел, дистанция - полкилометра. Пули свистят: один раненый, второй… и тут «бах!», вспыхивает «КАМАЗ» - его быстро сбрасывают в кювет. Идем дальше, еще попадание, еще - колонна то длинная, идет медленно, максимум километров 20 в час. Наконец-то кричат в наушниках: «Замыкающей группе – вы что там, заснули, что ли?!».

А в конце идет тяжелая бронетехника, в начале колонны обычно шла легкая техника, танки и БМП шли всегда в конце, чтобы могли подбитую машину в кювет столкнуть, на буксир взять, идут и контролируют всё поле боя, чтобы с безопасного расстояния расстреливать врага из тяжелых пушек, а впереди колонны - саперы. И вот танки разворачивают башни - залп по месту обстрела, хотя не факт что по колонне именно оттуда стреляют, может так, для острастки. А кто знает, есть там мирные жители или нет? Но преднамеренных массовых убийств, которые чинили американцы во Вьетнаме, не было. Мирные жители гибли, но случайно, неправильно определили цели… и т.п.

Вот сейчас в новостях слышу, в провинции Хост, там, где меня ранили, погибло в результате американского обстрела 50 мирных жителей. Американцы, так же как и мы, «лупят в белый свет, как в копеечку» и их техника их не спасает.

В 1985 году проводилась самая большая операция советских войск на территории Афганистана – Кунарская. Цель: очистить сельскую местность от душманов, где они создали свободную зону. Как в Белоруссии были целые районы, свободные от немцев, свои суды и т.п. Вот так же и у душманов, в районах Кунар, Хост, Пактия (в меньшей степени) огромные куски сельской территории принадлежали моджахедам.

Я принимал в Кунарской операции участие, дошел горами до Асад-Абада – крупного города провинции. Принимало

участие невероятное количество техники, огромное количество людских ресурсов, несколько советских и афганских дивизий. Операция делилась на несколько этапов, имела различные задачи. И вот там впервые я увидел «черных аистов», исламских добровольцев со всего мира, воевавших за идею, говорят их создал сам Бен Ладен. Видел я их в бинокль, с расстояния метров в 600, ходят во всем черном. С ними был бой, очень мощный, настоящее столкновение с атаками, контратаками, отступлениями, наступлениями. Закончилась операция в Хосте. Пробили дорогу на Хост - он всегда «отрезанный» был, только по воздуху туда попасть можно было. Вывели войска, и эта «трясина» опять замкнулась. Американцы, сейчас в таком же состоянии. Территорию Афганистана контролируют только те, кто на ней живет.

Афганский опыт не давал мне потом покоя, я все думал: насколько, вообще, войну с партизанскими движениями можно выиграть? Если партизанам противопоставить самую современную технику, то она вязнет как в болоте - нет противника, он аморфный, не с кем воевать, нет линии фронта. Внезапно появляется по ночам, его оружие минимально: стрелковое, безоткатки, пулеметы - это максимум, а против них «Шилки», тяжелые танки, авиация…

Вот, к примеру, Панджшерское ущелье. Проводилось несколько операций по его освобождению. Там стояло несколько советских частей, а вокруг них душманы. Наши стоят, и духи стоят, так и будет через пять лет и через десять. Специально пригоняли Ту-22м из Ташкента, те сбрасывали тысячи тонн боеприпасов, самых современных. Их огонь корректировали люди с земли, какой там спутник, это как удар штыком: наводчик сидел в 500 метрах от шлемофона пилота. Бомбили ущелье безостановочно, все боеприпасами изрыли – и безрезультатно. Если взять любую гору один километр высотой и шириной километр на километр, и ее развернуть, как салфетку, со всеми складками и т.п. то там площади раз в 10 будет больше, причем взаимное перекрывание отрогов хребта такое, что гасит осколки, взрывную волну.… Чтобы одну гору накрыть, надо заходить с разных сторон и сыпать, сыпать снарядами.

Очень сложная обстановка с распространением радиосигнала, не всегда можно было благополучно связаться, были и такие случаи что сигнал не проходил.

Приходилось не только воевать, но и просто жить. Несколько слов о бытовых условиях.

Мыли лобовую броню хозяйственным мылом и давали ей прогреться, потом из хлебного мякиша лепили бортик, капали масла и разбивали туда яйцо – за 5 минут оно запекалось. А внутри боец сидит с такой температурой, и тепловые удары случались постоянно, но, тем не менее, ездили и воевали. Часто бывали такие случаи, что во время переходов солдаты падали от нехватки глюкозы в крови. Что делали: по цепи проносились медики и собирали по куску сахара, и заливали в рот сладкий чай.

Носили мы афганскую форму: толстая серая одежда из войлока, чешские ботинки с высокой шнуровкой, «лифчик» (разновидность разгрузочного жилета) с подсумками для гранат и магазинов.

Питание. За нашим полком, как за средневековой армией шла отара баранов, машина с крупами, апельсинами, мандаринами, все возили с собой. Были болгарские сухпайки - банка риса с мясом, ели, но плохо.

Основная пища была шурпа – могучий наваристый очень сытный суп, который заправляли картошкой, луком, большим количеством перца, морковью. Но это только офицерам и советским. Солдат кормили просто - рис с горохом, хлеб, чай. Хлеб чем-то походил на наш серый, но был очень плохого качества.

Был такой, довольно забавный случай с техникой. На горе стоял танк ВС ДРА Т-62, а может еще и более ранний, охранял высоты. Тут часть снимается с места, пошла ракета, движение – «Все, давай вниз, пошли». А он стоял кормой вниз, наклонен, танкист его заводит, а у танка плохой аккумулятор, не может завестись. Ему говорят: «Давай мы тебя подтолкнем, и ты с толчка вниз по горе и заведешься». Придумал это наш зампотех, афганцы поняли, кивнули, подъехали на втором танке, толкнули его вниз. Вот только толкнули в «лоб» и танк поехал задом наперед. Есть, оказывается, такой режим работы

дизеля, когда воздух стал затягиваться через выхлопную трубу, а выбрасываться через форсунку. Танк окутался черным дымом, съехал и замер – мотор начисто сгорел.

Или еще, в провинции Хост за 2-3 суток до моего ранения увидели мы антенну на горе, подумали - станция, решили обстрелять. Подготовили пушку ЗИС-3, времен Великой Отечественной. Вот только снаряды к ней взяли из-под 76-мм горной пушки раздельного заряжания (вот такие у нас тыловики), снаряд вогнали, а картуз с порохом никак не лезет. Подошел зам по артиллерии: «Ну что вы сделали?! другие боеприпасы взяли. Его же там перекосило и заклинило».

Афганский воин говорит: «Нет проблем».

Берет банник, это такая палка с утолщением для чистки, заходит со стороны дульного тормоза и начинает толкать внутрь ствола, прямо во взрыватель, чтобы вытолкнуть снаряд. Все попадали, лежат, орут: «Уйди дурак!»

А он все бьет и бьет, его счастье, что не сработал взрыватель. Снаряд можно было извлечь только в условиях рембата. Так и таскали 2 недели мертвую пушку с собой - врага попугать.

Ноябрь 2008 года.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Еременко Виктор Александрович,*** *студент 1-го курса Аэрокосмического факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Юрко Станислав Пантелеевич

В живых остался только я и механик-водитель

Я родился 24 июля 1963 г. в Харькове. Кишинёвскую среднюю школу № 17 "А" ("Аэропорт") закончил в 1980 году. После неудачных попыток поступить в ГИТИС и затем в Кировоградское высшее лётное училище гражданской авиации, чтобы не болтаться без дела год - отучился в радиотехническом училище (ТУ-1) и стал радиомонтажником.

26 сентября 1981 года я получил повестку из военкомата и на следующий день уже должен был явиться на призывной пункт с вещами. У меня было всего четыре часа на то, чтобы успеть собрать всех друзей и родственников для торжественных проводов в ряды СА. Спас меня в этой непростой ситуации мотоцикл, взятый без спроса у старшего брата Серёги.

Торжество прошло весело и организованно. Ведь до меня на службу уже провожали трех моих старших братьев, и я был счастлив, что теперь настала и моя очередь служить Родине. Мы, мальчишки тех лет, были воспитаны на книжках и фильмах о Великой Отечественной войне. Ещё были живы наши деды-герои тех сражений, мы с замиранием сердца слушали их рассказы о войне и мечтали о том времени, когда и

сами наденем военную форму и сможем проявить себя на ратной службе.

Но казалось, что война осталась далеко в прошлом, и люди никогда не допустят больше повторения тех событий. И была у нас даже легкая грусть от того, что негде нам будет проявить себя. Ведь над нами мирное небо. Вот только фильмы о десантных войсках («В зоне особого внимания», «Ответный удар» и др.), не давали нам, мальчишкам, спокойно спать. Там было все: и риск, и отвага, и романтика… Выбор был сделан. Я иду служить в ВДВ. Мой выбор был сделан не на пустом месте и не вдруг. Я шел к этой цели не один год.

К 18 годам я был мастером спорта международного класса по дзю-до, занимался легкой атлетикой, бегом на короткие и длинные дистанции, играл в футбол, баскетбол, волейбол, ручной мяч. Наша школьная команда была лучшей в городе на всех спортивных соревнованиях. В клуб ДОСААФ я записался в 16 лет, и к моменту призыва в армию на моем счету было 29 прыжков с парашютом. Моим инструктором был Александр Зинченко, чемпион мира по парашютному спорту.

Начинал службу я в спортроте, в десантном полку, дислоцирующемся в городе Кишиневе. Но, спустя две недели, нарушив дисциплину (подрался с сыном тренера Усиком Олегом, который жил не в казарме, как мы, и пытался качать свои права) был отправлен в «учебку», в город Гайжунай, в Литовскую республику. Из «учебки» я был выпущен досрочно после 7-ми суток «губы», за уход в самоволку с 3-мя сослуживцами и неподчинение патрульным комендатуры, а позже оказание сопротивления наряду милиции с нанесением телесных повреждений (опознали нас в части на разводе).

Тогда было не до смеха, грозил дизбат. Нас, особо отличившихся курсантов, построил командир 226-го УПДП и сообщил о том, что мы прошли на «отлично» курс молодого бойца, что для нас нет необходимости полгода напрасно протирать штаны в «учебке» и что мы уже готовы к подвигам и славе.

Таким образом, в декабре 1981 я прибыл в ДРА.

Когда наш переполненный солдатами ТУ-154 вылетел из Самарканда и взял курс на Афганистан, мы не знали, куда именно мы летим, и что нас там ждет. Как выяснилось позже,

мы приземлились в провинции Кандагар, на аэродроме «Ариана».

Ступив на трап самолета, первое, что мы услышали, были взрывы и выстрелы, доносившиеся с близлежащих гор. А на земле нас встречали дембеля, которые должны были улететь на нашем самолете на Родину.

«Вешайтесь салаги!» - этот приветственный крик под канонаду надолго врезался в мою память. Курсантов из Гайжуная оказалось 6 человек. Нас отвели в сторону и вскоре мы уже ехали в сторону расположения боевой части.

Нас привезли в мотострелковую бригаду, в/ч №71176, провинции Кандагар. Я оказался во 2-м десантно-штурмовом батальоне 56-й ДШБ. В наши цели и задачи входило обнаружение и ликвидация караванов с оружием, шедших из Пакистана. Также приходилось сопровождать советские колонны с продовольствием, ГСМ и вооружением. Но это все стало понятно не сразу, прошли долгие дни военной службы в изнурительной жаре, порой без воды (отвар из верблюжьей колючки - основное питье), нормальной пищи и сна. Тогда я написал свою первую песню, посвященную Афганистану.

НАША РОЛЬ

Откуда-то с небес на горы лег туман,
По горным кручам вниз бежит река.
Наш взвод залег и ждет здесь караван,
Который день без пищи и без сна.

И не даёт уснуть все, что осталось там,
Где Родина, где мама, детства дом
И боль в груди от свежих, незаживших ран,
И тех, что в сердце врежутся потом.

И выстрел прозвучал, как громовой удар,
Кому-то повезет, кому-то нет.
Доносятся лишь крики «Аллах-акбар»,
Но шквал огня и русский мат в ответ.

Сжимают руки сталь заветного ПК
Взамен желанных плеч жены, детей.
Безвыходная боль присяжного греха

В плену кому-то выгодных идей.

Прошло три месяца с начала моей службы в Афганистане. Как-то на утреннем, общебригадном построении командир бригады обратился к строю солдат с вопросом о том, кто умеет играть на барабане.

Меня тут же буквально вытолкнули вперед. Ребята знали, что на гражданке я играл на ударной установке в школьном ансамбле. В ту же минуту, без всяких репетиций, с барабаном в руках я шел по плацу в составе военного оркестра. На следующий день, по приказу комбата, я был откомандирован в штат бригадного оркестра.

Потянулись самые тяжелые, в моральном плане, месяцы моей службы. Мои товарищи уходили на боевые задания, они воевали, а я ходил с барабаном и ловил на себе их невольные насмешки. Так продолжалось почти три месяца, а дальше больше. Дирижер оркестра, переводясь в армейский ансамбль песни и пляски, взял меня с собой как способного барабанщика.

В Кабульской крепости, где располагался ансамбль и 317-й полк ВДВ, я прослужил месяц. Дальше произошло следующее. Во все времена были люди, для которых «война – мать родна». Оказалось, что дирижер присваивал себе жалование солдат. В результате борьбы за справедливость, в качестве наказания, я, наконец-то, был отправлен назад в свой родной ДШБ.

Мне вернули мой ПК (пулемет Калашникова), и я вновь стал ходить на боевые задания со своими товарищами. На войне обостряются все чувства, становишься похожим на зверя, который вышел на охоту, но при этом сам в любой момент можешь стать добычей. Со мной произошел случай, после которого я стал верить в высшие силы, в ангела-хранителя и в себя.

Мы с товарищем, Костей Калиманом, шли разведдозором. Слева – арык, справа – дувал. Вокруг безлюдно, лишь шум бегущей воды. Мой ПК был установлен на режим стрельбы одиночными. Вряд ли я увидел что-то боковым зрением, скорее почувствовал опасность справа от себя. Не задумываясь и не целясь, резко повернувшись, я произвел свой единственно возможный выстрел. В проеме дувала навзничь лежал душман, убитый мною наповал. Дырка зияла у него в

голове ровно между глаз. Он целился в меня, но мне удалось его опередить. Доли секунды решили судьбу каждого из нас.

Много раз, возвращаясь мысленно к этому событию, я переживал смесь ужаса, восторга и благодарности. Судьба хранила меня. А своему верному боевому другу ПК я посвятил песню.

ПК

Далеко от родных мест
Я несу свой крест.
Нелегка ноша моя,
Хранитель, ангел мой – ПК.

До зари, знаю, дойдем.
Высоту, верю, возьмем.
Пули – в цель, иного не жди.
Хранитель мой ПК, не подведи!

Небо мое – родимое.
Знаю, что ты – единое для всех.
Смог бы понять это иной
И не было бы бед, рожденных войной.

Доживем мы до весны.
Будем жить в любви.
А пока ночь темна.
Спаси и сохрани, мой Бог – ПК.

Конец января 1983 года. Наш БтРД, шедший в составе колонны, подорвался на фугасе. Я сидел сверху, свесив ноги в люк механика-водителя. Помню огонь и то, как меня подбросило. Все остальное мне рассказывали ребята. Взрывом меня откинуло далеко в сторону. В живых остался только я и механик-водитель, который остался без ног. Остальные семеро ребят, находившихся внутри нашего БтРД, погибли, разорванные на куски. Меня нашли спустя два часа, пришел в себя уже в «вертушке». Диагноз – контузия, госпиталь в Ташкенте.

Вечером 8 марта, возле дырки в заборе меня подкараулил патруль (возвращался из самоволки с цветами, чтобы

поздравить женщин) и доставил к начальнику госпиталя. В результате долгого и серьезного разговора «по душам» мы пришли к обоюдному решению о моем возвращении в Афганистан. По-возвращении я, первым делом, сходил на кладбище подорванной техники, чтобы помянуть погибших товарищей. В ходе службы были еще царапины и осколочные ранения, из-за которых приходилось не раз лежать в бригадной медсанчасти. Но мне повезло больше других, я остался жив с руками и ногами!

В августе 1982 года, в районе населенного пункта Лашкаргах, я и двое моих товарищей уничтожили шестерых душманов, засевших в «сушилке» на краю виноградного поля. После этого боя я был представлен к медали «За отвагу». Но в тот раз я почему-то получил медаль «За боевые заслуги». Видимо, «За отвагу» досталась шустрому писарю из штаба.

За время службы было много событий, после которых меня и моих товарищей неоднократно представляли к государственным наградам. Но по неизвестным причинам получить их мне так и не удалось.

Медаль «За отвагу» мне вручили уже на гражданке, спустя три месяца после возвращения на Родину, в марте 1984 года.

Жизнь прекрасна, когда в ней нет войны. Это стало моим девизом на всю мою последующую жизнь. Годы, проведенные на войне, научили любить и ценить жизнь и все, что в ней происходит. Один в поле не воин, поэтому я благодарен всем своим друзьям за наши боевые и личные победы на той войне. Двадцать пять лет назад для меня закончилась та война, но по-прежнему она живет в моем сердце и в моих песнях.

ВДВ

Помнит каждый, кто призвался в ВДВ,
Как скрипя зубами, шел на офп.
Как бежал шесть километров в озк,
Матерясь, что он чудак - наш старшина.
Но бежало время, близился тот срок,
Когда можешь ощутить надежность строп,
Когда вечером, все тот же старшина,
Нам сказал: «Завтра прыжки - держись шпана».
Гул турбин и парашют за спиной,
Плечо друга, карабин над головой.

На гражданке это было все мечтой -
Жизнь мужская между небом и землей.

Парашют уложен и запаска есть.
В ВДВ служить - оказана нам честь.
Три прыжка, что на гражданке в ДОСААФ,
Как у книги предисловие для глав.
И на взлетке ждет уже не «АН» - второй,
А огромный «ИЛ» - красавец мировой,
Голубых беретов стройные ряды
Унесет с собой в просторы синевы.

Вой сирены и движенье рампы вниз
И мурашки по спине - судьбы каприз.
Руки сжали парашютное кольцо,
Только ветер в искаженное лицо.
Как всегда, словами все не передать,
Кто служил в десанте сможет лишь понять
Красоту и ощущенье высоты
И пинок под зад на счастье, старшины.

Гул турбин и самолет надо мной,
Слава Богу, что раскрылся основной.
Пусть подвеска поприжала кое-что.
Это – мелочи. Все будет хорошо.

Прямо с неба мы в атаку и вперёд,
Кто-то верит и подмоги нашей ждёт.
С нами вера и маргеловский наказ -
Честь и родина превыше всех для нас.
Тяжело в учении, но легко в бою.
Помнит каждый, кто шагал в одном строю.
Неспроста в десанте знают, без прикрас,
Лишь победа и никто, брат, кроме нас!

Дай Бог счастья мужики вам на года.
ВДВ не забывайте никогда.
Годы жизни, что подарены судьбой -
Лучшей жизни между небом и землей!

Декабрь 2008 года.

Оргкомитет по изданию 11-го тома мемуаров
в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Вураки Андрея Фёдоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
членов Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Наливалкина Дмитрия Алексеевича, Абламонова Петра Фёдоровича
члена Оргкомитета от Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы **- Попова Дмитрия Игоревича**

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

преподавателям Московского авиационного института (государственного технического университета) – заведующему кафедрой истории Порохне Виктору Сидоровичу и доценту Юрченко Ивану Юрьевичу

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:

редакторам Каревой Валентине Павловне, Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне;

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

Руководителю внутригородского Муниципального образования «Басманное» в городе Москве, Председателю муниципального собрания Мороз Ивисталине Васильевне

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 11

Редакторы: Карева В.П., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.

ИБ№424

Подписано в печать 12.01.2009. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 28,75. Тираж 1300 экз. Заказ № 7443.
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 978-5-903076-13-0 ISSN 1818-6688